ДЕЛО №...

Николай ПЛАТОШКИН

УБИЙСТВО президента Кеннеди

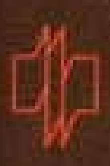
РУССКАЯ ВЕРСИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬД –
УБИЙЦА
ИЛИ ЖЕРТВА
ЗАГОВОРА?

ДЕЛО №...

УБИЙСТВО президента Кеннеди

Николай ПЛАТОШКИН

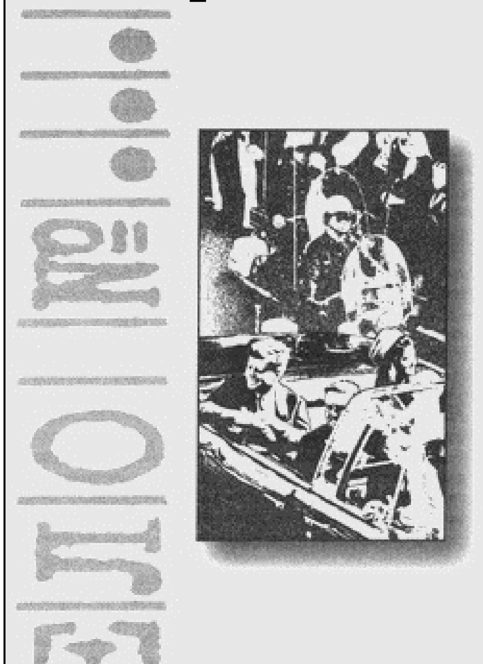
Annotation

22 ноября 1963 года в техасском городе Даллас был убит президент США Джон Кеннеди. Две комиссии, занимавшиеся расследованием этого дела, пришли к выводу, что убийство совершил «марксист» Ли Харви Освальд. Однако ни комиссия Уоррена, ни комитет конгресса не смогли ответить на ключевой вопрос следствия: зачем вообще Освальду понадобилось убивать либерально настроенного президента? Автор по материалам событий тех лет провел собственное расследование данного дела и предлагает читателю свою версию убийства президента Кеннеди.

Н.Н. Платошкин

УБИЙСТВО ПРЕЗИДЕНТА КЕННЕДИ.

Ли Харви Освальд — убийца или жертва заговора?

Предисловие

22 ноября 1963 года в техасском городе Даллас в 12.30 по местному времени был убит президент США Джон Кеннеди. Примерно через полчаса в нескольких милях от места преступления был застрелен сотрудник далласской полиции Типпит. Полиция, получив сведения, что подозреваемый скрылся в ближайшем кинотеатре, вскоре арестовала его. Обвинения в убийстве президента и полицейского были предъявлены 24-летнему Ли Харви Освальду, марксисту, стороннику Кастро, который почти три года жил в Советском Союзе.

24 ноября Освальда прямо в здании полицейского управления застрелил владелец ночного клуба Джек Руби.

Первоначально далласская прокуратура активно разрабатывала версию коммунистического заговора. Но после убийства Освальда расследование было передано федеральной полиции ФБР, которая быстро сформулировала версию об убийце-одиночке.

В конце ноября 1963 года новый президент США Линдон Джонсон сформировал комиссию из политиков, ставшую известной как комиссия Уоррена, по имени ее председателя Эрла Уоррена — главы Верховного суда США. В своей деятельности комиссия опиралась на ФБР и через год в своем докладе подтвердила, что Освальд в одиночку убил Кеннеди (а заодно и Типпита), а Руби тоже в одиночку застрелил Освальда. Комиссия и ФБР допросили сотни свидетелей, но только тех, чьи показания не противоречили главной версии.

Ни тогда, ни сейчас в эту версию не верило и не верит подавляющее большинство американцев.

В 1967 году независимое расследование начал окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон, пришедший к выводу, что Кеннеди стал жертвой заговора ультраправых сил, мафии и кубинской эмиграции при поддержке американских спецслужб. На Гаррисона обрушился такой шквал критики в прессе, что расследование распалось, а сам прокурор, по его словам, осознал, в какой же стране он живет.

В 1977 году конгресс решил заново расследовать события в Далласе и образовал Специальный комитет по покушениям. За два года работы комитет пришел к несколько другим выводам, чем комиссия Уоррена. Освальд, по данным комитета, действовал не один, а, скорее всего, был частью заговора. В качестве возможных заговорщиков комитет назвал

кубинских эмигрантов и мафию, но только не представителей американских спецслужб.

Таким образом, два официальных расследования подтвердили вину Ли Харви Освальда и разошлись только в деталях. Однако детали эти были более чем существенными. Каким образом «марксист» Освальд оказался в компании антикоммунистически настроенных кубинских эмигрантов и мафиози, которые тоже никогда коммунистами не являлись? Ни комиссия Уоррена, ни комитет конгресса не смогли ответить на ключевой вопрос любого следствия: зачем вообще Освальду понадобилось убивать либерально настроенного президента, который как раз приступил к улучшению отношений с Советским Союзом?

Данная книга постарается дать ответ на эти вопросы. Конечно, учитывая то, что многие материалы по событиям в Далласе остаются засекреченными, о некоторых аспектах этого преступления века нам придется только догадываться. Но эти догадки строятся на фактах и логике. А постараемся мы подойти к истинной картине преступления через жизнь человека, по официальной версии, застрелившего президента. Короткая жизнь Ли Харви Освальда вместила в себя много необычных для того времени обстоятельств. Именно поэтому она заслу живает беспристрастного анализа, который до сих пор вряд ли представляется нам возможным на родине этого человека.

И конечно же, читатель найдет в этой книге версию убийства президента. А судить о ее верности он уже должен сам.

Глава первая.
Мечтатель из Нового Орлеана

Ли Харви Освальд родился в одном из самых неамериканских городов Америки Новом Орлеане 18 октября 1939 года.

Город был основан французами в 1718 году и назван в честь герцога Орлеанского, мечтавшего, но так никогда и не ставшего королем Франции. На первый взгляд французы не ошиблись с выбором стратегического положения города. Он контролировал дельту крупнейшей реки Северной Америки — Миссисипи и клином врезался между испанскими владениями и английскими колониями. Однако город окружали малярийные болота, кишевшие аллигаторами, и вплоть до конца XIX века от болезней ежегодно умирали тысячи горожан. Новому Орлеану, который расположен ниже уровня моря, постоянно угрожали и угрожают наводнения.

Французам было трудно удержать новое владение и уже в 1763 году оно перешло к испанцам. Правда, в 1800 году Наполеон вновь вернул Новый Орлеан под власть Парижа, но почти сразу же продал город с огромной территорией в несколько миллионов квадратных километров молодым Соединенным Штатам Америки. Покупка Луизианы стала первым экспансионистским шагом Вашингтона.

В 1814 году англичане попытались захватить город с моря, но были разбиты молодым энергичным генералом Эндрю Джексоном. Эта эффектная победа впоследствии сделала генерала президентом — одним из самых великих в истории США.

Когда в 1861 году началась гражданская война между Севером и Югом, Новый Орлеан был крупнейшим горо дом рабовладельческой Конфедерации. На этот раз его все же захватили, и довольно быстро — флот северян под командованием знаменитого адмирала Фаррагута принял капитуляцию гарнизона 25 апреля 1862 года. Несмотря на победу Севера в войне, Новый Орлеан, как и весь Юг США, вплоть до середины XX века подчеркивал свою самобытность. Активно действовал ку-клукс-клан и другие тайные общества бывших рабовладельцев. В ресторанах и барах гордо развевались флаги «унесенной ветром» Конфедерации. Детей называли в честь генералов армии южан. Республиканская партия Линкольна вплоть до эпохи Джона Кеннеди не имела в южных штатах никаких шансов на выборах. Доминировали демократы — идейные

наследники рабовладельческого Юга.

Однако французское наследие наложило на Новый Орлеан свой неповторимый отпечаток. Город называли «великой легкостью бытия». Новый Орлеан стал родиной джаза и неповторимой креольской кухни. На консервативном Юге США он выделялся относительным либерализмом, к чему располагала невообразимая этническая и религиозная пестрота. Даже внешне город походил на какой-нибудь небольшой французский средиземноморский курорт с кафе-шантанами, стрип-барами и уличными музыкантами.

Среди 300 тысяч новых орлеанцев в конце XIX века ничем не выделялся кондуктор трамвая Джон Клавери, недавно переучившийся с кучера конки. Предки его были французского происхождения, и Джон говорил по-французски. 8 июля 1897 кондуктор-католик сочетался законным браком с протестанткой немецкого происхождения Дорой Штюке, которая настояла на том, чтобы все их дети стали лютеранами.

Так и произошло. Однако бог не был особенно благосклонным к сыновьям Чарльзу и Джону. Оба понюхали пороху во время Первой мировой войны и с разрывом в пять месяцев умерли от туберкулеза — типичной болезни бедных, плохо питающихся людей. В семье родились еще четыре сестры — Лилиан (1900), Пирл, Маргарита (1907) и Аминта.

Семья Джона Клавери жила бедно, но дружно. Работал один отец и его скромного жалованья едва хватало на еду и оплату жилья. В 1911 году в возрасте 33 лет скончалась Дора — обычная судьба бедной многодетной женщины того времени. Джон, горячо любивший свою супругу, так никогда больше и не женился. Присматривать за детьми ему помогали сердобольные родственники и соседки. Отец не пил и всю зарплату тратил на семью. Его дочери вспоминали потом то непростое время с ностальгией.

Маргарита росла веселой, «заводной» девочкой. Она обладала неплохим голосом и любила петь. Выкроив 5 долларов, отец купил ей пианино. В то же время Маргарита любила поспорить и сердилась, если кто-то не принимал ее точку зрения. В ее характере прослеживалась такая черта, как злопамятность. Она прощала неохотно и долго дулась на настоящих и мнимых обидчиков. Еще одна черта характера разделяла Маргариту и ее сестру Лилиан (до своего замужества Маргарита жила вместе с отцом, сестрой и ее мужем). Будущая мать героя этой книги быстро, импульсивно принимала самые далеко идущие решения в своей жизни, не задумываясь об их последствиях. Лилиан, напротив, была рассудительной и предпочитала поговорку «утро вечера мудренее».

Симпатичная Маргарита пользовалась популярностью среди

поклонников в школе. Однако закончить образование ей было не суждено (хотя она ходила в школу дольше, чем ее братья и сестры). Нужны были деньги и, не дождавшись своего 17-летия, Маргарита уходит «в люди». Девушка устраивается секретаршей в довольно престижную юридическую фирму «Дефур, Розен, Вольф энд Каммер». Работа Маргарите нравилась, каждый день она видела много новых людей и даже была шапочно знакома с мэром Нового Орлеана, который шутя называл юную секретаршу «боссом».

Как-то в офис зашел молодой клерк одной из портовых компаний Эдвард Джон Пик, ровесник Маргариты. Парень ничем не выделялся среди своих сверстников. Как и все американцы, он занимался спортом, но повредил баскетбольным мячом глаз и охладел ко всем играм.

Пика вспоминают как спокойного, неразговорчивого и расчетливого молодого человека. Видимо, сначала его темперамент дополнял веселый нрав Маргариты. Они стали встречаться и поженились 8 августа 1929 года в городе Галфпорт, штат Миссисипи.

Брак не задался с самого начала. Выяснилось, что в супруге Маргариту интересовали главным образом деньги. Конечно, это можно понять: после бедной, если не сказать нищей, юности девушке хотелось хотя бы какого-нибудь, пусть и скромного, достатака. Однако молодая жена узнала, что муж зарабатывает не так много, как он говорил до замужества. Когда молодожены сняли небольшой дом, Маргарите вновь пришлось устраиваться на работу: денег не хватало, чтобы вести жизнь домохозяйки.

Когда жена сообщила мужу, что беременна, тот заявил, что денег на ребенка у него нет. Начались ссоры и скандалы. Впоследствии Пик говорил, что брак фактически развалился еще до беременности, так как «мы просто не могли ужиться друг с другом». Сын, названный Маргаритой в честь отца Джоном Эдвардом Пиком, родился в 1931 году уже после того, как супруги расстались. Мать запрещала отцу видеться с ребенком. Только однажды, когда мальчик заболел, она позвонила бывшему мужу и попросила его посидеть с плачущим Джоном ночью, так как она наконец-то хочет поспать.

Вплоть до 1950 года Эдвард Пик посылал бывшей жене алименты. По его данным, 40 долларов в месяц (довольно большая по тем временам сумма). Правда, Маргарита утверждала, что денег было в два раза меньше. В 1950 году налоговая служба сообщила работавшему все в той же компании Эдварду, что его сын служит в береговой охране США и содержит на иждивении мать. После этого Эдвард, женившийся в 1939

году на вдове и имевший в новом браке дочь, прекратил посылать алименты.

Маргарита недолго переживала расставание с Эдвардом и уже в июле 1933 года вновь вышла замуж. На этот раз ее выбор пал на страхового агента Роберта Эдварда Ли Освальда. Имя Ли, которое впоследствии смущало многих в СССР как «китайское», на самом деле является фамилией самого известного и успешного из генералов армии южан Роберта Ли. На Юге давать такие имена тогда было модно.

Роберт очень любил Маргариту и ее сына, которого он даже хотел усыновить. Однако расчетливая Маргарита рассудила, что тогда она потеряет право на алименты, и уговорила супруга оставить все как есть.

Позднее Маргарита вспоминала свою жизнь с Робертом как единственный счастливый период в своей жизни. В 1934 году она родила сына, названного в честь отца Робертом. В 1938 году семья наконец-то купила свой собственный дом в одном из хороших районов Нового Орлеана. Казалось, «американская мечта» Маргариты Освальд сбылась.

В начале 1939 года счастливая домохозяйка Маргарита сообщила своему мужу, что он скоро опять станет отцом. И тут ее настиг удар судьбы, коренным образом изменивший не только ее собственную жизнь, но и жизнь ее еще не родившегося ребенка. 19 мая 1939 года у Роберта был свободный день и он решил скосить траву перед домом. Неожиданно он почувствовал сильную боль в левой руке. Маргарита дала ему аспирин и посоветовала отложить дела в сторону и отдохнуть. Она срочно вызвала врача, но тот опоздал. Роберт Освальд умер от сердечного приступа, оставив жене только небольшую сумму в виде страхового полиса. Новоприобретенное счастье окончилось, и впереди опять отчетливо маячила безрадостная нищета.

Характерно, что в день смерти мужа Маргарита напрочь рассорилась с его родителями. Она хотела без особых церемоний похоронить его в тот же день, что вызвало понятное возмущение родственников покойного. Те говорили, что еще никогда не сталкивались с такой душевной черствостью. Позднее Маргарита утверждала, что руководствовалась интересами своего не родившегося ребенка.

Через два месяца после кончины мужа Маргарита Освальд родила сына, зарегистрированного как Ли Харви Освальд. Имя Ли Харви мальчик получил от отца и своей бабушки по отцовской линии.

Молодая женщина осталась одна с тремя детьми на руках. Никакой системы социальной поддержки многодетных матерей, как и детских садов, в Америке не существовало, какого-либо «хлебного» специального

образования у Маргариты Освальд не было. Впрочем, в США того времени женщины профессиональное образование получали редко. Их участью было сидеть дома и воспитывать детей. Но для этого были нужны деньги. А их-то как раз у Маргариты практически не было.

Пришлось продать дом и переехать снова в бедный район. Потом в еще более бедный. Но кого интересовала судьба одинокой вдовы? Тем более что на планете все ярче разгорался пожар мировой войны.

Сначала Маргарита Освальд пыталась сдавать дом, чтобы оставаться с детьми. Затем двух старших мальчиков пришлось сдать в школу-пансионат иезуитов. Но это решение не устраивало ни детей, ни мать, и менее чем через год они вернулись в обычную школу. Маргарита к тому времени купила небольшой дом за 1300 долларов, и семья даже завела собаку. Вдова Освальд решила попробовать себя в бизнесе и открыла в том же доме, где жила, небольшой магазин по продаже мелкой галантереи и продуктов. Однако счастье явно не желало возвращаться к ней: магазин практически не давал никакой прибыли.

Перед Маргаритой опять встал нелегкий выбор: чтобы кормить детей, надо было выходить на работу, а для этого надо было куда-то пристроить сыновей. Соседи того времени вспоминали Маргариту Освальд как человека несколько нелюдимого, однако хорошую мать, заботившуюся о своем потомстве.

В декабре 1941 года, когда США вступили во Вторую мировую войну, Маргарита Освальд отдала своих старших сыновей в детский дом, содержавшийся евангелической церковью. Вспоследствие многие исследователи трактовали этот шаг как отсутствие у матери будущего убийцы президента какой-либо любви к своим детям. Детский дом описывался чуть ли не как сиротский приют. На самом деле Маргарита обязалась ежемесячно переводить на содержание обоих сыновей 20 долларов и предоставлять им одежду и обувь. Условия содержания были хорошие (сами сыновья потом говорили, что им нравилось в доме), а мать навещала их каждый выходной. В целом можно сказать, что дом представлял собой нечто вроде советского детского сада продленного дня. Младшего сына Ли в дом не взяли, так как в январе 1942 года ему еще не было положенных трех лет.

Маргарита немедленно вышла на работу в качестве телефонистки. Ли она отдала на попечение своей сестры Лилиан, у которой было пятеро собственных детей. Лилиан описывала Ли как добродушного спокойного мальчика, однако она не могла уделять ему много внимания: было достаточно собственных забот. Поражало Лилиан и то, что маленький Ли

мог ночью незаметно выскользнуть из дома и его находили на кухне у соседей. В общем, она не испытывала особого восторга от племянника и постоянно говорила Маргарите, чтобы она забрала его.

Маргарите пришлось временно оставлять сына под присмотром соседей, причем она оплачивала их услуги. Те потом говорили, что Ли был капризным, чуть ли не злобным ребенком. Однако Маргарита утверждала, что супруги Роуч били мальчика, и, заметив следы такого «воспитания», она немедленно забрала его от них. Пришлось вновь сменить квартиру, переехав поближе к Лилиан, которая снова стала присматривать за маленьким Ли. Однако сестра опять постоянно просила Маргариту забрать ребенка, и в декабре 1942 года Ли Харви Освальда приняли в тот же детский дом, где жили его братья. Мать обязалась вносить за него 10 долларов ежемесячно. Как только у Маргариты появлялось свободное время, она на несколько дней забирала детей к себе.

Летом 1943 года жизнь Маргариты Освальд стала налаживаться. Она поступила на работу в магазин менеджером, и хозяин поначалу был очень доволен новой сотрудницей. Она была опрятной, привлекательной и умела убедить покупателя приобрести товар. Однако у Маргариты были нелады с математикой, и карьеры не получилось. Правда, просвет появился на личном фронте. Маргарита стала встречаться с инженером Эдвином Экдалом, который был старше ее и представлялся солидной партией. Экдал познакомился с детьми, и, похоже, они понравились друг другу.

В январе 1944 года Маргарита и Эдвин решили пожениться. Маргарита сразу забрала детей из детского дома и переехала с ними в техасский город Даллас, куда вскоре должны были перевести по работе ее будущего мужа. Характерно, что «плохая мать», как характеризовали Маргариту многие исследователи, настояла на отсрочке бракосочетания, чтобы дать ребятам возможность окончить школьный год в детском доме. Но и в это время ей хватало забот. У Экдала, по роковому совпадению, тоже обнаружились проблемы с сердцем. Маргарита стала всерьез сомневаться, стоит ли ей рисковать, вступая в новый брак. На оставшиеся от продажи своего первого дома деньги она купила в Далласе дом, часть которого сдавала.

Сыновья вернулись летом из Нового Орлеана и в сентябре пошли в нормальную далласскую школу. Экдал навещал семью по выходным, продолжая лелеять надежду на брак. Наконец, в 1945 году Маргарита преодолела свои сомнения и вышла замуж в третий и последний раз. Похоже, что большой любви на этот раз не было. Маргариту скорее прельщал доход будущего супруга. В феврале 1945 года она безуспешно

попыталась вернуть детей в детский дом, мотивируя свою просьбу тем, что ей придется много путешествовать с мужем. В мае 1945 года Маргарита Освальд стала Маргаритой Экдал. Как выяснилось, ненадолго.

Экдал ладил с детьми, и маленький Ли признавал в нем отца. Однако инженеру действительно пришлось много ездить в командировки, и старших сыновей отдали в военную школу (отдаленно напоминавшую советское суворовское училище). Причем Маргарита внесла сумму за их обучение из своих собственных сбережений. Она же настояла, чтобы Ли остался в семье. Возможно, по этой причине и начал разваливаться ее последний брак. Экдал чувствовал, что младшего сына его жена любит гораздо больше мужа. Маргарита всячески баловала ребенка. Однако это вряд ли может вызвать удивление, если учесть, что Ли никогда не видел отца, а мать долгое время не могла уделить сыну достаточно внимания.

Осенью 1945 года Ли пошел в школу (в Америке учебу начинают с 6 лет), причем мать дала ложные сведения о его дате рождения (9 июля 1939), чтобы удовлетворить формальным критериям. Заметим, что потом Ли Харви Освальд не раз будет вольно обращаться с фактами своей биографии, видимо, навсегда запомнив материнский урок.

А Маргарита, не прожив с новым мужем и года, уже снова оказалась на грани развода. Памятуя свою нелегкую жизнь, она требовала у мужа, чтобы они распоряжались деньгами совместно. Тот отказывался. Ли тяжело переживал ссоры родитилей и очень радовался, когда они мирились. Но Маргарита стала подозревать мужа еще и в неверности, а этого она, считавшая себя умной и эффектной женщиной, не простила бы никому.

Летом 1946 года, забрав старших сыновей из военной школы, Маргарита переехала в город Ковингтон, штат Луизиана. На соседей неполная семья производила впечатление счастливой. Ли не любил играть со сверстниками и предпочитал одиночество. Собственно, до этого при частых переездах у него никогда и не было времени научиться дружить. В то же время своих братьев он очень любил, стремился им во всем подражать и старался проводить с ними как можно больше времени. Однако те были гораздо старше и у них были свои, еще непонятные маленькому Ли интересы. К тому же старших сыновей Маргарита опять отдала в школу-интернат. А вот Ли учился в обычной школе и успевал хорошо: у него были одни «пятерки» и «четверки». Однако первый класс он закончить не успел, так как в январе 1947 года его родители помирились и опять переехали в Техас, в город Форт-Уорт, неподалеку от Далласа (сейчас эти два города фактически слились в единый мегаполис).

Там Ли закончил первый класс, причем оценки уже были похуже: в основном одни «четверки», только по физкультуре мальчик получил «отлично». Второй класс он толком не успел и начать, так как родители снова поссорились.

«Добрые» соседи сообщили Маргарите Экдал, что ее супруг жил с другой женщиной, пока она была в Луизиане. Подсказали и адрес. Дальше события развивались как в анекдоте. Однажды, когда муж по идее должен был находиться в командировке за пределами города, Маргарита вместе со старшим сыном Джоном и его друзьями пришла к дому своей соперницы. Один из мальчиков представился почтальоном, и им открыли дверь. Ворвавшись в дом, Маргарита обнаружила своего мужа (правда, одетого, хотя и в рубашке с закатанными рукавами) и даму в пеньюаре.

Однако, как ни странно, Маргарита продолжала жить с Экдал ом до января 1948 года, когда она наконец выставила его из дома, попросив больше не возвращаться. Экдал, похоже, и не горел желанием, так как сам подал на развод в марте того же года. Причем инженер сам пошел в наступление, обвинив Маргариту в стремлении присвоить его деньги, а также в том, что постоянные скандалы с ее стороны (в ходе которых она якобы швыряла в него разными предметами) окончательно подорвали его и без того не блестящее здоровье. Ли вызвали в качестве свидетеля в суд, но потом все же решили освободить мальчика от показаний ввиду его слишком юного возраста. В конце концов суд полностью встал на сторону истца, и Маргарите (опять принявшей фамилию Освальд) пришлось довольствоваться мировым соглашением со своим бывшим мужем. По нему она получила 1500 долларов, часть из которых ушла на уплату судебных издержек. Таким образом, в 41 год Маргарита снова оказалась в одиночестве и без всяких осязаемых перспектив в жизни. (Экдал умер вскоре после развода — остановилось больное сердце.)

Миссис Освальд пришлось снова сменить жилье и переехать в более «пролетарский» район. Правда, теперь Маргарите было легче, так как старшие сыновья продолжали учиться в военной школе. Перейдя в очередную школу, Ли наконец-то закончил второй класс. Несмотря на невыносимую атмосферу в семье, он продолжал быть «хорошистом». Учителям он запомнился спокойным ребенком, не доставлявшим им заметных проблем. Будучи физически развитым, Ли являлся лидером нескольких обычных для школы группировок. Однако он не был выскочкой и не пытался силой подчинить себе сверстников. Похоже, что уже тогда одноклассники были ему просто неинтересны и он не пытался заводить постоянных друзей. Привыкнув к одиночеству, Ли начинает

много читать.

Между тем братья окончили военную школу, и семья Освальдов воссоединилась снова. Жили в довольно стесненных условиях, и Ли приходилось спать в одной кровати с матерью. Потом из этого факта настроили много замысловатых конструкций с сексуальным подтекстом. На самом деле виновата была все та же бедность. Как только один из старших братьев пошел в армию, Ли тут же занял его постель.

Маргарита постоянно работала, в основном продавцом-консультантом в различных магазинах. Дети оставались целый день одни. Ли такое положение явно нравилось, ведь он был сам себе хозяин. С тех пор у мальчика выработалось стойкое отвращение к дисциплине, стремление поступать как заблагорассудится. Один из соседей вспоминал потом, что как-то видел Ли гонявшимся с ножом за Джоном. Причем Ли якобы даже бросил нож в брата. Правда, все показания такого рода давались сразу же после покушения на Кеннеди, когда многие свидетели пытались найти в Ли Харви Освальде какую-то особую склонность к насилию с раннего детства.

Тот же сосед, который дал комиссии Уоррена упомянутые выше показания, купил у Маргариты Освальд дом. Причем якобы изрядно за него переплатив (сосед выложил 2750 долларов). Семья переехала из Далласа в Форт-Уорт, где Маргарита и 16-летний Джон стали работать в одном магазине. Джон потом говорил, что его мать придавала слишком много значения деньгам и не дала ему возможности получить нормальное образование. При этом стоит вспомнить, что и сама Маргарита, как и миллионы других столь же небогатых американцев, просто не могла позволить себе учиться: нужно было постоянно заботиться о хлебе насущном. Из своей недельной зарплаты в 25 долларов Джон отдавал матери 15. Это позволяло его младшим братьям продолжать учебу в школе.

Ли наконец-то удалось проучиться в одной и той же школе целый год. И это не замедлило сказаться на оценках. Мальчик отлично успевал по гуманитарным предметам. Некоторые исследователи полагают, что уже тогда у него проявилась болезнь, мучившая его всю жизнь. Ли якобы страдал дислексией — неспособностью правильно переводить звуковую речь в письменную. Хотя он много читал, его работы кишели чудовищными ошибками, тем более что особенностью английского языка, как известно, как раз и является почти полное несоответствие произношения и написания слов. Многие видят в этом доказательство некой психической ненормальности Освальда, проявившейся-де уже в детском возрасте.

Однако, как представляется, все было гораздо проще. Действительно,

всю свою недолгую жизнь Ли Харви Освальд писал с ошибками, причем как на английском, так и на русском языках. В то же время его устная речь была правильной и богатой. Даже если предположить, что дело в неких отклонениях, то речь может идти не о дислексии, а о дисграфии. То есть, немного упрощая, это состояние, когда даже начитанный и образованный человек делает на письме ошибки. Такой человек, как правило, вовсе не является умственно отсталым. Скорее наоборот. Например, очень много ошибок делал в своих письмах Альберт Эйнштейн. А когда Ганс Христиан Андерсен приносил в издательство рукописи, в них было столько ошибок, что раздраженные издатели обвиняли его в сознательном глумлении над датским языком.

Обычно так пишут талантливые самоучки, которые просто презирают грамматику как ненужную, отвлекающую их от основных мыслей вещь. Именно так, как представляется, дело обстояло в случае с героем этой книги. Как показали последующие наблюдения психологов (о них речь еще впереди), Освальд презирал любую дисциплину, навязанную ему против его воли. К тому же он так и не получил законченного школьного образования. Наконец, в США пишут с ошибками миллионы людей, так как до сих пор американская система школьного образования считается одной из самых отсталых в развитых странах.

В сентябре Ли перевели в очередную школу (переезды были связаны со сменой Маргаритой своих рабочих мест), где он проучился три года. Оценки его ухудшались с каждым годом, но оставались в переделах среднего уровня. Как и матери, Освальду плохо давалась математика. Нелады с английской грамматикой приняли хронический характер. Иностранный язык (испанский) также находился у Ли далеко не в фаворитах. В то же время в ходе тестов по чтению Ли признавался в классе лучшим учеником, а по диктанту — худшим.

В школе Ли считали спокойным, замкнутым ребенком. Он не искал контакта с другими учениками и не любил играть с ними, хотя и не отказывался, если ему это предлагали. Но сам инициативы никогда не проявлял. Такое поведение от начала до конца является продуктом воспитания матери. Маргарите никто, как она считала, не помогал бороться с жизненными трудностями, и она всегда рассчитывала только на свои силы. У нее тоже никогда не было близких подруг. Зачем? Ведь в этой жизни каждый несет свой крест сам. Поэтому и сына она настраивала соответствующим образом. Любые долгосрочные и близкие отношения в конце концов создают только проблемы. Конечно, необходимо соблюдать базовые правила поведения в обществе, в котором тебе приходится

существовать, но внутрь своего собственного мира пускать никого не надо.

Исходя из такой жизненной позиции, Маргарита постоянно говорила сыну, чтобы тот шел после школы домой и избегал уличных компаний. Ли слушался. Поэтому в отличие от многих сверстников не курил, не пил и не употреблял наркотики. Он не доставлял проблем никому, кроме, пожалуй, себя самого. Ведь когда он вступил в самый трудный для любого подростка переходный возраст, оказалось, что у него напрочь отсутствует желание и способность находить контакт с любыми людьми за пределами его узкого семейного круга.

Тем не менее те из учеников, кто все же находил с Ли общий язык, описывали его как доброго, застенчивого мальчика, с которым было интересно проводить время. Его учительница в четвертом классе вспоминала, что Ли подарил ей на Рождество 1949 года щенка и потом навещал ее, чтобы поинтересоваться жизнью своего бывшего подопечного.

С братьями у мальчика были хорошие отношения. Но те не брали его с собой — обычная история любой семьи, где у детей существенная разница в возрасте. Поэтому большую часть времени Ли был абсолютно один. Правда, у него была собака, коллекция марок, книги и шахматы. Мальчик любил слушать радио, позднее (когда появилось телевидение) смотреть телевизор. Он жил в своем мире, почти никак не связанном с реальным, существовавшим вокруг него. В то время соседи стали замечать, что у него вспыльчивый нрав. Похоже, он проявлялся тогда, когда кто-то пытался отвлечь его от любимых занятий, сделать его таким, как остальные ребята. В свою очередь, такие попытки вызывали в нем реакцию стойкого и упорного сопротивления. Позднее, в беседе с психологом, 13-летний Ли заметил, что любит говорить окружающим «нет».

В 1950 году старший из братьев Джон пошел в армию, точнее, в береговую охрану ВМС США. Роберту пришлось, как раньше Джону, бросить школу и идти работать, чтобы помогать содержать семью. В 1952 году настал черед самого Роберта — он завербовался в Корпус морской пехоты ВМС США. Семейный круг Ли сузился до его матери. Та как могла старалась обеспечить материальное благополучие своего сына. Ли всегда хорошо питался, и мать, несмотря на усталость после работы, часто готовила ему любимые блюда. Правда, когда на это не оставалось сил, Ли нередко вскипал, ругаясь на мать. Потом он, похоже, стал даже распускать руки. Маргарита ничего не могла и не хотела с этим поделать: она всю жизнь чувствовала свою вину перед Ли, так никогда и не имевшим настоящего любящего отца.

Несмотря на работу, Маргарита содержала дом в полном порядке.

Единственное, что она не могла дать сыну, — общение. Им просто не о чем было говорить. Маргарита никогда не увлекалась книгами, ее целью в жизни было любой ценой не допустить сползания семьи в нищету. Она не могла проникнуть в мечты своего замкнутого ребенка. А тот не делал никаких попыток понять сложность положения своей матери. Ведь она сама всегда учила его полагаться только на собственные силы, не ожидая ни от кого моральной поддержки. Сама же Маргарита и стала первой жертвой своего собственного мировоззрения. Хотя надо сказать, что так же думали миллионы других американцев. Просто они были готовы приспосабливаться, ломать себя, чтобы добиться успеха в жизни. А вот ни Маргарита, ни Ли этого не хотели.

До сих пор жизнь Маргариты Освальд была сплошной чередой переездов. Но дома, квартиры и рабочие места все же были на Юге США в одном и том же регионе (точнее, в пределах двух штатов — Техаса и Луизианы), с одними и теми же социальными стандартами жизни. Летом 1952 года Маргарита решила поменять свою судьбу коренным образом. Ее старший сын Джон женился и получил назначение в береговую охрану в Нью-Йорке. Он пригласил мать приехать к нему (по крайней мере, именно так Маргарита впоследствии объясняла свое решение перебраться в Нью-Йорк). В августе 1952 года, захватив с собой лучшего друга Ли — телевизор, Маргарита и ее младший сын появились в квартире Джона. Последний вроде бы был рад. Он водил Ли по музеям большого города (приехать из Техаса в Нью-Йорк в то время было сравнимо с приездом, например, из Якутии в Москву), показывал достопримечательности.

Однако не заладились отношения Маргариты и 17-летней жены Джона, матери которой принадлежала пятикомнатная квартира. Сноха сразу дала понять, что техасским, родственникам надо как можно быстрее подыскать себе отдельное жилье. Ли возмущало то, что при обилии комнат ему приходилось спать в гостиной. Тем самым ему намекали на нежелательность их с матерью присутствия в квартире. Однажды Ли стал свидетелем очередной ссоры матери и снохи. Он вытащил перочинный нож (который в некоторых книгах позднее вырос до большого кухонного ножа) и стал приближаться к жене брата. Мать пыталась остановить сына. Тот повернулся и несильно, скорее демонстративно, ударил невестку ножом. Джон встал на защиту жены, и Ли с тех пор никогда не имел со старшим братом никаких отношений.

Маргарите пришлось срочно съехать и снять квартиру в полуподвальном^ помещении в довольно неблагополучном районе Нью-Йорка — Бронксе. Южанам, привыкшим к строгой расовой сегрегации (в

то время в том же Техасе негры ездили в отдельных трамваях, учились в отдельных школах и ели в отдельных ресторанах), было непривычно жить и сталкиваться в общественных местах с чернокожими и пуэрториканскими соотечественниками. К тому же Ли постоянно дразнили в школе за южный акцент и джинсы (джинсы в Нью-Йорке в то время воспринимались как деревенская одежда; ходить в них в школу было примерно то же самое, что прийти в московскую школу того времени в лаптях).

Ли стал прогуливать школу. Сначала он делал вид, что ходит туда, чтобы не расстраивать мать. Уходя утром из дому, мальчик целыми днями катался в нью-йоркском сабвее, ходил в зоопарк. Маргарита работала страховым агентом и иногда брала Ли с собой. Тот сидел в машине, ожидая, пока мать закончит дела с очередным клиентом. Потом Маргарита устроилась на работу в магазин женской одежды. Сама она всегда элегантно одевалась и обладала хорошим вкусом.

У семьи Освальдов в Нью-Йорке впервые не было ни собственного дома, ни небольшого участка вокруг него. Если раньше Ли мог играть с собакой возле дома, где, по крайней мере, его знали соседи, то в большом городе он был абсолютно чужой. Маргарита поняла, что сделала ошибку, перебравшись в Нью-Йорк. Чувствуя себя виноватой перед Ли, она баловала его еще больше. Например, на Рождество 1952 года она купила ему модель органа, выложив за нее всю свою недельную зарплату. Скоро Маргарита узнала, что сын прогуливает школу. Но дальше уговоров вернуться туда дело не пошло. И тут впервые Ли столкнулся с законом, и столкновение это было далеко не из приятных.

В США вопросы образования находятся в компетенции штатов, и стандарты этого самого образования существенно разнятся. Техас, откуда приехали Маргарита и Ли, был одним из самых отсталых в социальном отношении штатов Америки. Тамошние власти считали, что получение образования является личным дело каждого. Нью-Йорк в этом смысле был более прогрессивным, «европейским» штатом. Здесь школьное образование было обязательным, и родители должны были обеспечивать посещение школы своими детьми. Систематические прогулы считались соответственно нарушением закона.

В январе 1953 года специальный сотрудник департамента образования Нью-Йорка, выявлявший на улицах города прогуливающих детей, «засек» Ли в зоопарке Бронкса. Мальчик был опрятно одет и, судя по внешнему виду, неплохо питался. Сотрудника Ли назвал «проклятым янки». После установления факта прогула завертелся бюрократический механизм

дознания причин подобного поведения. К удивлению Ли и Маргариты, их стали бомбардировать повестками в специальный суд по делам несовершеннолетних. Мать и сын эти повестки игнорировали, считая, что посещение школы их личное дело.

В марте 1953 года Маргарита все же появилась в суде и обещала, что мальчик станет регулярно посещать школу. Она говорила, что Ли никак не может приспособиться к новым условиям жизни. Как, впрочем, и она сама. Все эти аргументы не возымели никакого действия. Установив, что Ли в школу так и не вернулся, 16 апреля 1953 года суд принудительно направил его в специальный «молодежный дом» (что-то вроде колонии для «трудных» подростков) с целью психологического и психиатрического освидетельствования.

Для Ли это был настоящий шок. Ведь он никогда не делал окружающим ничего плохого. И вдруг его поместили в настоящую тюрьму, где сидели дети, обвинявшиеся, например, в убийстве. У мальчика впервые в жизни не оказалось столь важного для него собственного жизненного пространства. Он жаловался, что ему приходится раздеваться перед другими детьми и принимать вместе с ними душ.

Ли умолял мать скорее забрать его домой, и Маргарита предпринимала для этого все усилия. Но все было не так просто. 1 мая 1953 года Ли освидельствовал психиатр доктор Ренатус Хартог. Он не нашел никаких психических отклонений у ребенка. Наоборот, в своем отчете доктор отметил, что Ли обладает хорошими способностями, развитым абстрактным мышлением и богатым словарным запасом. Несмотря на многомесячные прогулы, мальчик не отстал по школьным предметам. Интересно, что сам Ли оценивал свою успеваемость очень низко. Психиатр абсолютно правильно рассудил, что, не обладая способностью адаптироваться к окружающему его миру, мальчик сам убедил себя, что претендовать в жизни на что-то серьезное он не может. Хартог сделал вывод, что Ли является продуктом сломанной семьи. Его нежелание вступать в контакт с окружающими вызвано тем, что никто не интересовался его внутренним миром. А он, по оценкам доктора, был полон мечтами и фантазиями, в которых Ли вел совсем другую жизнь.

Хартог не нашел каких-либо психических отклонений или явной склонности к насилию (хотя Ли открыто признался, что иногда бил мать, если она не готовила ему ужин). Психиатр рекомендовал выпустить Ли из «молодежного дома», продолжить за ним наблюдение и подключить к его воспитанию какую-нибудь общественную организацию.

Социальному работнику дома Эвелин Зигел удалось разговорить

скрытного подростка. Причем сама Зигел в отчете отмечала, что Ли «растет», когда с ним говорят, деликатно интересуясь его проблемами. Мальчик прямо сказал, что не помнит, чтобы о нем вообще кто-нибудь заботился. С матерью ему говорить не о чем, у братьев своя взрослая жизнь. Свою будущее он представлял в армии, как его старшие братья. Зигел это показалось странным, ведь Ли терпеть не мог находиться постоянно с другими людьми. Мальчик ответил, что армия — это возможность закалить характер. На самом деле Ли просто не видел перед собой другой возможности вырваться из-под материнской опеки. Профессиональное образование, жилье и питание таким, как он, подросткам из неблагополучных семей могла тогда в США предоставить только армия. Именно поэтому туда и пошли оба его старших брата.

В беседе Ли признался в ответ на вопрос, что в своих мечтах он иногда мучает и даже убивает других людей. В общем, это было неудивительно, если учесть, что в школе над ним откровенно издевались. Причину своих прогулов Ли объяснил просто: есть дела поважнее, чем школа. Какие именно, он уточнить отказался. Тем не менее, когда ему обрисовали альтернативу «молодежный дом» или школа, он сразу же выбрал последнюю, хотя и без всякого энтузиазма.

Сотрудники дома провели беседу и с матерью, которая в целом встала на защиту своего ребенка. Она считала, что помещение ее сына фактически в тюрьму за прогул занятий явно излишняя мера. Маргариту в доме запомнили как хорошо одетую, увереннную в себе женщину, за внешней любезностью которой скрывался железный характер. Интересно, что и Ли, и Маргарита подчеркивали в беседах, что похожи друг на друга характерами. Как говорил Ли, он не любит разговаривать с другими людьми, и его мать тоже не испытывает в этом потребности.

В общем, Ли выпустили из дома «условно», но поместили под постоянное наблюдение. Интересно, что общественная организация, которой суд порекомендовал заняться воспитанием ребенка, отказалась от этого, сославшись на перегруженность своих сотрудников. Выходило, что Маргарита Освальд была права: они с Ли никому не нужны в этом мире, а все сотрудники «молодежного дома» лишь только отрабатывали свою зарплату.

И действительно, что произошло? Мальчика задержали в зоопарке. Он не ходил в школу, потому что там над ним издевались, как над чужаком и нищим. Мать работала каждый день до 8 вечера, чтобы содержать семью, и у нее физически не было времени заниматься сыном. Какую же реальную помощь предложили власти этой семье? Может быть, работу матери на

неполный рабочий день? Или группу продленного дня в школе? Отнюдь. Затаскав ребенка по судам и подвергнув его тестам как подопытного кролика, семье Освальдов предложили обратиться за помощью в частную организацию, Армию спасения, которая немедленно отказалась.

Невольно напрашивается сравнение с Советским Союзом, куда Освальд попадет уже через 6 лет. Там тоже, как, впрочем, к сожалению, в любой стране мира, хватало матерей-одиночек. И там тоже боролись с прогулами школы, хотя и гораздо более гуманными методами (в суд за посещение зоопарка не вызывали). Однако в СССР работающие матери могли рассчитывать на реальное, а не показное внимание государства. К их услугам были почти бесплатные продленные группы в школах, многочисленные секции для детей. Не говоря уже о пионерских лагерях летом и различных льготах на работе. Никаких даже отдаленно подобных льгот не было в США. Зато сотрудников «молодежного дома» интересовало, почему Маргарита и ее сын регулярно не посещают церковь. Ясно, как воспринимали подобные ханжеские вопросы замученная работой продавщица и ее никому не нужный сын.

Из всей этой истории Освальд сделал для себя один вывод: надо внешне подчиняться правилам окружающей жизни, одновременно презирая и издеваясь над ними, как только представится малейшая возможность.

Но главное, чего добились сотрудники тюрьмы для малолетних, это то, что подросток заинтересовался политикой. И раньше Ли много читал и смотрел телевизор, но это были нормальные увлечения для его возраста. Его интересовали детективные и приключенческие книжки (например, про Джеймса Бонда), комиксы и шпионские сериалы. Но теперь Ли задумался над тем, что жизнь не справедлива к ним с матерью, потому что она неправильно устроена. Обладавший острым умом подросток понял, что за все его страдания и отсутствие внимания со стороны общества это общество его же и покарало.

Вырвашись из «дома», Ли прилежно ходил в школу (это был май 1953 года, и до конца учебного года оставалось всего несколько недель) и, несмотря на то, что прогулял почти весь год, закончил седьмой класс с низкими, но достаточными для перевода в восьмой класс оценками. Причем молодежная тюрьма, похоже, все же научила Ли приспосабливаться. Он начал принимать участие в общественной жизни класса, занялся авиамоделизмом и стал проявлять интерес к верховой езде. «Белый ворон» стремительно чернел.

Летом в отпуск в Нью-Йорк приехал морской пехотинец Роберт

Освальд, и Ли показал ему город. Благодаря почти году свободного времени Ли прекрасно ориентировался в нью-йоркском метро. Ведь иногда раньше он проводил в нем целые дни.

Как-то раз на одной из улиц Нью-Йорка пожилая женщина протянула мальчику памфлет коммунистической партии США с протестом против жестокой казни на электрическом стуле супругов Этель и Юлиуса Розенберг, обвиненных в продаже СССР секретов атомной бомбы. Многие в США да и в мире в целом прекрасно понимали надуманность обвинений и несоразмерную жестокость наказания. По стране прокатились многочисленные демонстрации протеста, в которых участвовали не только коммунисты. Белый дом был завален петициями со всего мира с просьбой о помиловании. Ничего не помогло. 19 июня 1953 года Розенберги были казнены.

Освальд не мог не ощущать аналогии со своей пусть и не такой большой трагедией. Жестокое общество не давало ему никаких шансов на будущее и одновременно мстило тем, кто отказывался существовать по его надуманным правилам.

14 сентября 1953 года находившийся под наблюдением. Ли пошел в восьмой класс. Через десять дней он не явился в суд, который должен был решить, оставить его в покое или нет. Вместо сына пришла Маргарита, просившая больше не травмировать ребенка, который ходит в школу и нормально учится. Это было чистой правдой. Освальда даже избрали президентом его класса. Но у бюрократии свои законы. За неявку в суд Ли решили оставить под наблюдением до 29 октября. Мальчик продолжал чувствовать себя малолетним преступником, без вины виноватым. Он опять прекратил приспосабливаться, и на этот раз его протест впервые приобрел политические формы. Когда в октябре суд запросил из школы характеристику подростка, оказалось, что учителя им недовольны.

Еще бы, ведь Освальд отказывался салютовать флагу США! А это была обязательная процедура перед началом занятий. К тому же «преступник» пускал в классе бумажные самолетики. 29 октября Ли вновь не явился в суд, и наблюдение за ним продлили еще раз, до 19 ноября. Было понятно, что терпение юстиции истекает и впереди опять явственно маячит «молодежный дом».

Маргарита пришла в школу, и после ее визита поведение Ли, по отзывам учителей, существенно улучшилось. Оценки его были вполне нормальными. Правда, учителя отмечали, что Ли стал вспыльчивым и быстро терял контроль над собой. Это напоминает поведение человека, которого просто «достали» явно недружественным и пристальным

вниманием к его персоне. Тем не менее 19 ноября Ли вместе с матерью все-таки появился в суде. Маргарита просила наконец-то снять с ее сына наблюдение, однако судья продлил его до 28 января 1954 года. Соответствующему сотруднику, курировавшему «дело Освальда», опять посоветовали обратиться за помощью в частную организацию под названием «Большие братья».

На этот раз сотрудник «братьев» посетил семью Освальд. Его вежливо приняли, но твердо сказали, что в советах не нуждаются. Мать убеждала, что сын теперь участвует в общественной жизни школы и надо просто оставить его в покое. Но, похоже, и она, и сын отчаялись и уже не надеялись выпасть из поля зрения судебной системы Нью-Йорка. Маргарита заявила, что намерена вернуться в Новый Орлеан, но выяснилось, что и этого нельзя сделать без санкции суда. Всерьез опасаясь повторного ареста Ли, мать и сын уже через несколько дней вернулись в свой родной город. Судья, похоже, обрадовавшись, что одним трудным подростком в его округе стало меньше, закрыл «дело» в марте того же 1954 года.

В Новом Орлеане «преступник» быстро пришел в себя. Маргарита писала Джону, что «Ли снова стал самим собой после мучений в Нью-Йорке. Это почти обернулось трагедией, но немного любви и терпения сотворили чудо». Следует признать, что Маргарита Освальд гораздо больше разбиралась в воспитании, чем нью-йоркская юстиция со своими «Большими братьями». Просто удивительно, что в миллионном городе с громадной малолетней уличной преступностью различные государственные органы с упорством, достойным лучшего применения, преследовали подростка, все свое свободное время проводившего за чтением.

Сначала Маргарита остановилась у сестры Лилиан, и Ли поступил в хорошую школу, где, оказавшись снова в знакомой среде, начал вести довольно активную общественную жизнь. Причем, попав в новый класс в середине учебного года, Ли окончил его без видимых усилий. Тесты опять показали отличные успехи в чтении и богатый словарный запас. По-прежнему плохо обстояло дело с математикой. В одном из вопросников, которыми постоянно потчуют учеников американские школы, Ли отметил, что увлекается футболом (американским, естественно), любит биологию и черчение.

Однако новичку вновь пришлось несладко. На этот раз Ли дразнили за приобретенный в Нью-Йорке северный акцент. К тому же Ли держался обособленно, и его решили проучить. Во время одного из футбольных

матчей его нарочно сильно ударили в голову и выбили зуб. Потом подстерегли в туалете и попытались избить. Ли сам драк никогда не начинал, но от вызова не уходил и тем запомнился некоторым его одноклассникам.

Правда, один из одноклассников Эдвард Вебель, который помог Ли после драки обработать раны, выяснил, что дружить с новичком вполне можно. Надо лишь только с уважением относиться к его взглядам. А они у него, похоже, уже сформировались. Уже тогда Ли стал называть себя марксистом и брать в городской библиотеке книги соответствующего содержания. В частности, он прочел «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса. Впоследствии он вспоминал, что читал и «Капитал». Но это утверждение сомнительно. Для американского школьника, пусть и начитанного, это была все же неподъемная книга. Гораздо позднее, в Минске, Освальд говорил, что стал изучать «Капитал», только приехав в СССР.

Политические взгляды Ли в Новом Орлеане сформировались уже настолько, что и из-за них ему приходилось драться с одноклассниками. В частности, его попытались избить за то, что он демонстративно сел в автобусе на сиденье, предназначенное для негров. На американском Юге 50-х годов в условиях жесткой сегрегации и засилья ку-клукс-клана для подобного шага надо было иметь незаурядное гражданское мужество. Тем более что мать Ли была в этом смысле типичным продуктом своей среды. Она с удивлением и возмущением рассказывала своему сыну Роберту в Нью-Йорке, что судья, к которому вызвали Ли, был негром. Представить себе подобное в Новом Орлеане было невозможно.

С одноклассником Вебелем Ли роднило не только пристрастие к книгам и классической музыке (приехав в Новый Орлеан, Ли перестал смотреть телевизор и увлекся музыкальной классикой — вещь для тогдашних и современных тинейджеров просто непостижимая), но и увлечение… оружием. У Ли был пластмассовый пистолет, но он хотел настоящий и даже предлагал Вебелю ограбить оружейный магазин. Как-то раз Ли показал другу стеклорез и предложил ночью вырезать витрину. Вебель сначала согласился, но потом отговорил Ли, показав, что витрина находится на сигнализации.

Весьма странно, что «книжный червь» Освальд вдруг увлекся оружием. Видимо, дело в том, что ему надоели постоянные драки (причем, как правило, он был один против нескольких противников) и он хотел иметь пистолет для отпугивания потенциальных задир. Вебель в целом отмечал, что Ли с сарказмом и горечью смотрел на жизнь и ненавидел

любые авторитеты.

К тому же на Юге США, как тогда, так и сейчас, интерес к оружию является непременным атрибутом уважающего себя белого мужчины. Роберт Освальд, тогда уже служивший в морской пехоте, отмечал в показаниях комиссии Уоррена, что интерес юного Ли к оружию не выходил за пределы нормальных инстинктов. Играют же все мальчики в войну или солдатиков. Кстати, Маргарита оружие очень не любила и не допускала его появления в доме. Позднее Ли и Роберт вместе охотились на белок и кроликов — явление абсолютно нормальное для Техаса и сегодня.

Вебель в выступлении перед комиссией Уоррена сам же практически дезавуировал историю с несостоявшимся грабежом оружейного магазина, заявив, что ни он сам, ни Ли с самого начала не воспринимали это всерьез.

Президент школьного клуба астрономии Вульф заметил, что Освальд, как и он сам, увлекается историей (кстати, Ли увлекался и астрономией). Они сблизились. Ли стал брать у Вульфа книги и был приглашен домой к новому товарищу. Там он неожиданно в самых восторженных тонах заговорил о коммунизме. Только коммунизм, утверждал Ли, может дать трудящемуся человеку достойную жизнь, свободную от эксплуатации. Якобы Освальд резко критиковал тогдашнего президента страны Эйзенхауэра и даже говорил, что готов убить его, если окажется рядом.

Вульфа поразило то, что человек в таком юном возрасте имеет твердые и сформировавшиеся политические взгляды (еще бы. В американских школах того времени упор делали на спорт). К тому же Освальд заявил, что ищет в городе единомышленников. Ребята начали спорить, пришел отец Вульфа (он эмигрировал из Германии и был ярым антикоммунистом) и немедленно выставил Ли из дома. Вульф абсолютно правильно определил причину коммунистических настроений Освальда: Ли просто хотел принадлежать к какому-нибудь своему кругу единомышленников. А после Нью-Йорка он видел этот круг там, где отрицали существующий порядок вещей. К тому же Ли наверняка действовал в своих умозаключениях от противного: кого больше всего ненавидят власти? Коммунистов. Значит, надо идти к ним.

Следует отметить, что есть и другая версия неожиданного увлечения Освальда марксизмом. Некоторые исследователи полагают, что уже тогда Ли начал работать на американские спецслужбы в качестве агента-провокатора. Стоит остановиться на этом подробнее. Конечно, Ли, как и все мальчишки его возраста, мечтал о приключениях и подвигах. Есть свидетельства, что в Нью-Йорке и позднее он, не отрываясь, смотрел телесериал под названием «У меня было три жизни». Главным героем этой

типичной для того времени кинопродукции был агент ФБР, засланный в коммунистическую организацию для подрыва ее изнутри. Об увлечении Ли Джеймсом Бондом уже говорилось выше. Но эти факты сами по себе пока ничего не доказывают.

Переехав в Новый Орлеан, начинающий марксист вдруг вступает в полувоенную организацию «Гражданский воздушный патруль». Эта организация была основана в 1941 году и официально являлась вспомогательным подразделением ВВС США. Ее можно сравнить с аэроклубом ДОСААФ, с той только разницей, что, как и все связанные с армией структуры, «патруль» был жестко идеологической организацией. Там учили не только летать, но и прививали патриотизм, который в те годы ассоциировался в Америке с антикоммунизмом. Так как коммунисты (как внутренние, так и внешние) были основным врагом родины, то все члены «патруля» были обязаны проявлять в их отношении бдительность (другими словами, сообщать куда следует).

Иструкторами «патруля» были, как правило, отставные летчики ВВС, связанные с американскими спецслужбами. Об одном из таких «патриотов» следует рассказать подробнее, так как вполне возможно, что этот человек сыграл в судьбе Освальда роковую роль.

После покушения на Кеннеди появились сведения о частых контактах Освальда в Новом Орлеане летом — осенью 1963 года с неким Дэвидом Феррье. Говорили, что эти два человека познакомились еще в 1954 году, когда Феррье был командиром подразделения Освальда в «Гражданском военном патруле». Феррье все отрицал. Однако спустя много лет после его смерти, в 1993 году, была найдена и опубликована фотография, на которой Освальд и Феррье изображены в одной группе «патруля». Значит, Феррье сознательно лгал. Зачем?

Дэвид Феррье родился в Огайо в 1918 году. Сначала католик Феррье хотел стать священником, но в 1944 году выучился на пилота. Переехав в Новый Орлеан, он работал летчиком в одной из местных авиакомпаний до августа 1961 года. Одновременно Феррье был инструктором «патруля». «Нормальный американец» Феррье был ярым антикоммунистом и позднее активно помогал кубинским эмигрантам в борьбе против Кастро. Он летал на самолетах без опознавательных знаков, доставляя антикастровским силам на острове оружие. Подтверждены его контакты с ЦРУ и ФБР.

Возможно, как утверждают некоторые исследователи, Освальд был завербован Феррье для внедрения в левые организации Юга США. Именно поэтому Ли, дескать, постоянно искал единомышленников.

Есть и еще более экзотическая версия связи Освальда и Феррье.

Последний был гомосексуалистом (что, кстати, типично для многих борцов за «моральную и политическую чистоту» США). Об Освальде же, по крайней мере позднее, во время его службы в морской пехоте ходили слухи, что он тоже придерживается нетрадиционной сексуальной ориентации. Возможно, что, совратив юношу, Ферье приобрел над ним особое влияние. Сторонники такой версии приводят в качестве подтверждения подобного сценария и то обстоятельство, что Освальд в свои 15 — 16 лет абсолютно не интересовался девушками.

По мнению автора, дело скорее всего обстояло следующим образом. Освальд в Новом Орлеане вообще производит впечатление человека, способного и решительно настроенного постоять за себя. К тому же он готовит себя к службе в Корпусе морской пехоты, причем как раз в военно-воздушных силах корпуса. Именно там в то время служил брат Роберт, который был для Ли примером для подражания во всем. Скорее всего, Освальд поступил в «патруль» просто для того, чтобы подготовить себя к военной службе и приобрести настоящие «мужские» качества. К тому же сам факт нахождения в «патруле» благоприятно влиял на рассмотрение ходатайства о зачислении в Корпус морской пехоты, куда брали далеко не каждого.

Левые убеждения Освальда были не фикцией. Однако вполне возможно, что Освальд сознательно решил работать на Ферье, чтобы водить того за нос. Уже тогда Ли владел политической мимикрией и не мог отказать себе в удовольствии дурить местных антикоммунистов, используя в то же время их потенциал и связи.

Что касается невнимания Ли к противоположному полу, то и здесь, похоже, дело обстояло значительно проще. В то время на Юге США, чтобы ухаживать за девушкой, надо было, по крайней мере, неплохо одеваться и иметь карманные деньги для того, чтобы сводить предмет своей страсти в кино. Именно так и развивались романтические отношения в школе, где учился Ли. Но у молодого Освальда с одеждой дело обстояло плохо. Не было и денег. Ли даже не мог быть членом школьной футбольной команды, так как ему не на что было приобрести форму и кожаную перчатку. Просить же денег у матери или тети Лилиан он не хотел. К тому же девушки из школы побаивались каких-либо дружеских отношений с парнем, так разительно отличавшимся от других одноклассников. Оценить же ум и начитанность Ли девушки того времени были явно не в состоянии. Их воспитывали таким образом, чтобы они обращали внимание на социальный статус и кошелек родителей возможного кандидата в женихи. Ни того ни другого у Ли Харви Освальда не было.

Все вышеизложенное, естественно, не исключает, что Освальд заменил для себя прекрасный пол на своих товарищей по «патрулю». Ферье устраивал у себя дома оргии с мальчиками и спиртным. К тому же он часто приглашал ночевать к себе тех подростков, у которых были нелады в семье.

Некоторые свидетели того времени замечали дальнейшее ухудшение отношения Ли к матери. Она опять чувствовала свою вину за то, что сын в Нью-Йорке почти попал в настоящую тюрьму. А Ли якобы беззастенчиво это чувство вины эксплуатировал. Он постоянно повышал на мать голос в присутствии чужих людей, особенно если она вовремя не успевала подать ему ужин. Однако такие показания дала комиссии Уоррена некая Миртл Эванс, давнишняя подруга Маргариты, которая сдала ей квартиру в одном из своих домов. Однако когда подвернулся более выгодный квартиросъемщик, Эванс уговорила Маргариту переехать. Чтобы оправдать такой поступок в глазах членов комиссии Уоррена, Эванс и сказала, что Ли был очень шумным и она хотела от него избавиться. Однако в том же выступлении перед комиссий, только чуть ранее, Эванс утверждала, что Ли был тихим подростком, и если и можно было назвать его «трудным», то только в той же степени, что и любого другого в его возрасте.

«Шумный» Ли проводил свободное время за книгой, катался на велосипеде или посещал музей. Друзей к себе в дом он не приводил. Похоже, что это как раз портрет идеального квартиросъемщика, тем более в таком возрасте. Единственным недостатком семьи Освальдов было отсутствие денег.

Характерно, что и другое свидетельство жестокости Ли исходит от мужа Эванс. Как-то он пригласил юношу с другими детьми на рыбалку. Ли отказался рыбачить вместе со всеми и отошел в сторону. Другие рыбаки, как обычно, бросали мелкий улов обратно в пруд, а больших рыб оставляли на еду. Ли же просто складывал все в кучу и, уходя, так и оставил рыб умирать на берегу. У его спутников сложилось впечатление, что он демонстративно показывает им: мне наплевать на ваши устои и обычаи. Хотя человек, может быть, просто не любил рыбачить или не хотел проводить время именно в этой компании.

В Новом Орлеане Маргарита Освальд продолжала работать продавцом в обувном магазине. Сослуживцы вспоминали ее только с хорошей стороны, как прилежного работника и обходительного человека. Но денег все равно не хватало. Ведь ни Роберт, ни Джон ничего не посылали матери, хотя оба уже имели свои источники доходов. Кстати, Ли в отличие от

братьев, находясь на службе в морской пехоте и получая не очень большое жалованье, тем не менее регулярно посылал Маргарите деньги. Помогал он матери и тогда, в Новом Орлеане, работая по выходным в том же обувном магазине (он расставлял по полкам полученный товар). Его пытались выучить на продавца, но безуспешно: Ли такая карьера не привлекала.

В 1955 году Роберт Освальд уволился из морской пехоты и обосновался в Форт-Уорте (в этом городе в отличие от Нового Орлеана у него были друзья). На сэкономленные за время службы деньги он купил машину и приехал навестить мать и брата. Каких-то проблем между ними он не заметил. Роберт подарил Ли «Руководство для морского пехотинца», и эта книга стала для младшего Освальда настольной.

Осенью 1955 года Ли пошел в десятый класс. Это была его уже одиннадцатая школа. Проучился он в ней всего месяц. 7 октября 1955 года Ли предъявил в школе «справку» от матери, подделав ее подпись. Там говорилось, что семья уезжает в Сан-Диего, Калифорния, и поэтому Ли уходит из школы. Маргарита была в курсе этого письма, которое впоследствии использовалось для доказательства развитого у Ли с детства стремления лгать по поводу или без оного.

На самом деле за исключением подделки подписи письмо отражало реальные планы Ли. Мать, как и в случае с Робертом, сделала ложное заявление, что Ли уже 17 лет и мальчик подал заявление с просьбой зачислить его в Корпус морской пехоты, рассчитывая на успех. Причем лагерь новобранцев корпуса находился именно в Калифорнии. Другое дело, что в отличие от Роберта Ли не поверили, так как он был очень щуплым на вид.

Будучи отвергнутым, Ли сильно переживал и в школу уже не вернулся. Он говорил тете Лилиан, что ему незачем учиться, так как учителя уже не могут сообщить ему ничего нового. Принимая во внимание начитанность молодого Освальда и низкий уровень американского школьного образования, этому вполне можно поверить. Ли замкнулся еще больше и целыми днями сидел дома за книгами, особенно тщательно изучая справочник морского пехотинца. В конце концов он выучил его практически наизусть, и Маргарита говорила сыну, что с таким усердием в корпусе ему обеспечен чин никак не ниже генерала.

Однако мать все же настояла, чтобы Ли пошел работать. Даже не из-за денег (хотя они, конечно, были нужны), а для того, чтобы мальчик окончательно не переселился в свой придуманный мир и не утратил последние навыки общения с окружающими. Ли служил курьером в нескольких компаниях, получая в одной из них 130 долларов в месяц. Его

помнят как спокойного, несколько замкнутого паренька. Сдружившись с таким же, как он, молодым курьером Палмером Макбрайдом на почве увлечения классической музыкой, Освальд горячо отстаивал в разговорах идеи коммунизма. Именно тогда он говорил о том, что готов убить Эйзенхауэра. Характерно, что Макбрайд не воспринял это всерьез, так как считал, что Ли просто не способен на что-либо подобное. Ли хвалил Хрущева и вообще считал, что в США создают нарочито искаженный образ Советского Союза (что было чистой правдой).

Интересно, что общие знакомые советовали Макбрайду прекратить контакты с Освальдом, если он, Макбрайд, намерен работать в сфере ракетных технологий (тогда большинство мальчишек было увлечено ракетами). Этот факт ясно показывает настроения американского общества того времени: чтение таких книг, как «Капитал» Маркса, представляло собой в глазах обывателей угрозу национальным интересам США. А Ли Харви Освальд позднее говорил, что «Капитал» был для него тем же, чем Библия для верующего.

Летом 1956 года Ли вместе с матерью в двадцать первый раз с момента своего рождения сменил место жительства. Маргарита, ожидая скорого отъезда Ли на военную службу, переехала в Форт-Уорт, поближе к Роберту. С сентября 1956 года Ли пошел в десятый класс (в Америке среднее образование двенадцатилетнее) своей двенадцатой по счету и последней школы. Но уже 28 сентября он окончательно расстался со школьной партой, с нетерпением ожидая своего семнадцатилетия.

В сентябре же, явно под влиянием встречи с Робертом предыдущим летом Ли приобрел свое первое настоящее оружие — винтовку 22-го калибра (позднее он продал ее брату).

Спустя несколько дней Ли написал письмо руководству социалистической партии Америки. Так как это первый сохранившийся документ, свидетельствующий о политических взглядах Ли Харви Освальда, стоит привести его полностью.

«Уважаемые господа!

Мне 16 лет и я хотел бы получить больше информации о вашей Молодежной лиге. Мне бы хотелось знать, есть ли ее отделение в моем районе, как туда вступить и т. д. Я марксист и изучаю социалистические принципы уже больше 15 месяцев. У меня есть большой интерес к вашей Молодежной лиге.

С уважением Ли Освальд».

К письму был приложен вырезанный из журнала купон социалистической партии, где Освальд сделал пометку в разделе «пришлите мне информацию о социалистической партии».

Самое примечательное в этом письме — это адресат. Освальд, в самых хвалебных тонах говоривший о СССР и Хрущеве, написал не в коммунистическую партию США, а в партию, резко критиковавшую советскую систему. Соцпартия была основана в 1901 году и одно время претендовала на роль третьей партии Америки. У нее были свои депутаты в конгрессе, десятки мэров. На президентских выборах 1912 года кандидат соцпартии Юджин Дебс набрал 6 процентов голосов, что являлось лучшим результатом любой третьей партии США за полвека. Но в 1919 году большинство соцпартии образовало коммунистическую партию США, а руководство социалистов, оставшееся в меньшинстве, с помощью полиции сохранило свою власть. С тех пор влияние социалистов падало, и в 50-е годы о партии мало кто знал. Но в отличие от коммунистов у нее никогда не было репутации «агентов Москвы», и власти относились к ней благосклонно. Соцпартия занимала по отношению к СССР открыто враждебную позицию. Молодежная лига партии вообще придерживалась троцкистских взглядов.

Почему же «коммунист» Освальд написал в антисоветскую партию? Во-первых, похоже, он прекрасно понимал, что компартия находится под пристальным наблюдением ФБР (есть информация, что в те далекие 50-годы до трети членов компартии США являлись осведомителями ФБР). Возможно, на такую мысль его натолкнули контакты с Феррье. Наверное, перед поступлением в морпехи Ли не хотел излишних вопросов. Во-вторых, уже в то время марксист Освальд читал критическую по отношению к СССР литературу. Ему, в частности, нравился роман «1984» Оруэлла, имевший репутацию одного из самых сильных антисоветских произведений.

Поэтому письмо именно в соцпартию можно трактовать двояко: либо Освальд действительно играл роль подсадной утки (вроде и марксист, но не опасный для национальных интересов США), либо он действительно, как и многие интеллектуалы в мире, был недоволен и капитализмом, и советской формой социализма. Но второй сценарий плохо вяжется с последующей поездкой Освальда в СССР. Если знал, что там так плохо, то чего ехал?

Хотя есть и третий вариант. Самый простой. Освальду под руку попался журнал именно с рекламой социалистов, поэтому и письмо было написано им. Хотя отметим, что впоследствии в разговорах с людьми,

которых он недостаточно знал, или в публичных выступлениях Освальд всегда подчеркивал, что он не коммунист, а социалист или марксист.

В любом случае, потом письмо Освальда было задействовано комиссией Уоррена для доказательства ранних коммунистических убеждений будущего убийцы президента.

Между тем марксист Освальд, едва дождавшись своего 17-летия, немедленно подал еще одно заявление в Корпус морской пехоты, и на этот раз был принят. Он не знал тогда, конечно, что прожил почти две трети своей недолгой жизни.

Как же можно охарактеризовать 17-летнего молодого человека на пороге его взрослой жизни? Пожалуй, это отлично известный во всех странах и во все времена случай, когда, начитавшись книг (причем хороших), человек сознает, что действительность гораздо хуже, чем та, с которой он сроднился на книжных страницах. Его окружают люди, которым нет никакого дела до благородных идеалов служения человечеству. Над ним смеются, его боятся и третируют. Тем более что юноша беден, а в условиях Америки, где главным достоинством личности считается успех, это тоже серьезный минус. Короче, Освальд приобрел прочное амплуа неудачника, мечтателя и чудака с опасными «красными» взглядами. У него почти не было друзей, потому что почти не было единомышленников. А Ли не мог общаться со сверстниками только на почве футбола и разговоров о победах над девушками. Ему было нужно гораздо больше. И кстати, если родственные души находились (например Вебель), они даже после покушения на Кеннеди говорили о Ли Харви Освальде только хорошее.

Мать, конечно, баловала ребенка, который рос без отца. Но непохоже, чтобы юноша был испорчен. Он рос без родительской опеки, был предоставлен сам себе и тем не менее не стал малолетним преступником. Ли не пил, не курил и даже не играл в азартные игры, считая это аморальным. Он читал, слушал классическую музыку и ходил по музеям. Комиссия Уоррена, пытавшаяся сформировать облик нелюдимого желчного человека, лишенного нормального воспитания, была вынуждена признать, что Маргарита Освальд была лучшей матерью, о которой члены комиссии когда-либо слышали.

Глава вторая.
Морпех «Освальдскович»

10 ноября 1775 года конгресс еще даже не образованных как следует Соединенных Штатов принял резолюцию о создании в помощь флоту двух батальонов морской пехоты. С этого дня начинается родословная самых элитных войск США, сравнимых по престижу с ВДВ в советское время. Боевая история этого вида войск, организационно входившего в ВМС, состоит главным образом из интервенций в странах Латинской Америки. Свергались неугодные правительства и насаждались проамериканские. Естественно, соотношение сил в таких операциях всегда было в пользу морпехов. Для многих американцев морская пехота и во время Освальда была единственной возможностью увидеть дальние страны. Конечно, подчас это было сопряжено с риском для жизни.

Во время Второй мировой войны морская пехота США вынесла на своих плечах основное бремя войны против Японии. Водружение морскими пехотинцами звездно-полосатого флага на отбитом у японцев острове Иводзима заняло в американских учебниках истории такое же место, как водружение советского флага над рейхстагом — в учебниках истории СССР. К 1945 году морская пехота представляла целую армию из 6 дивизий (485 тысяч человек) с собственной авиацией. В войне против Японии корпус потерял убитыми и ранеными более 87 тысяч человек. Уже через пять лет морская пехота США сражалась в Корее (1950 — 1953), где сложили свои головы 25 тысяч морпехов.

К тому времени, когда в морскую пехоту собрался марксист Ли Харви Освальд, этот вид войск считался не только элитным с чисто военной точки зрения. Обыгранная СМИ США война в Корее (едва не закончившаяся всемирной ядерной катастрофой) преподносилась американским обывателям как эпохальное противоборство с коммунизмом. И противоборство это выиграла смелой высадкой у Инчхона в сентябре 1950 года морская пехота США. Поэтому Корпус морской пехоты был самым острым оружием, которым США пытались остановить победное в то время шествие идей социализма в мире. Это были войска, где не было места разным подрывным, «красным» элементам.

И вот именно туда-то всеми правдами и неправдами стремился попасть марксист Освальд. Почему? Во-первых, основным фактором был

пример брата Роберта, которого Ли боготворил (Роберт, правда, определял свои политические взгляды как стопроцентно консервативные). Во-вторых, мечтательный Освальд пытался вырваться из мелкой провинциальной действительности Юга США и посмотреть другие страны, о которых он так много читал. Совершить поездку по миру за счет богатых родителей, как это сделал в тридцатые годы другой американский юноша — Джон Фицджералд Кеннеди, — Ли Харви Освальд, естественно, не мог по соображениям материального характера. В-третьих, Освальд надеялся стать настоящим мужчиной, чтобы не так выделяться из среды сверстников. Наконец, Корпус морской пехоты США давал обычно гражданскую специальность, и после службы в нем, как правило, охотно брали на работу (ведь трудно было отказать патриоту, защищавшему Америку от мирового коммунизма).

Правда, старший брат Ли Джон утверждал потом, что Ли просто хотел избавиться от опеки матери. Но сам Освальд никогда ничего такого не говорил. И вообще, похоже, что ссора в Нью-Йорке окончательно развела Джона с его матерью, в то время как с Робертом и Ли Маргарита поддерживала нормальные семейные отношения.

26 октября 1956 года Ли попал наконец в тренировочный лагерь морской пехоты в Сан-Диего, где был зачислен во второй учебный батальон. С физической точки зрения Ли, конечно, мало походил на морпеха: невысок ростом, хрупкого телосложения, он весил всего 60 килограммов. Зато тесты показали, что новобранец имеет навыки гораздо лучше среднего уровня в чтении и владении словарным запасом. Ниже среднего были показатели по математике и анализу ситуации. В целом по суммарному результату тестов Ли набрал 105 баллов, что было ниже среднего уровня на два балла.

Очень плохо Ли сдал тест на распознавание радиосигналов. Но для военной специальности, которую он выбрал — ремонт и обслуживание авиационной техники, это не имело особого значения, и Освальда рекомендовали для обучения этой специальности. Важно подчеркнуть, что очень скрупулезные тесты не обнаружили у рекрута никаких отклонений психологического характера.

Начался курс молодого бойца, который многие, кто его прошел, описывали как ад. Новобранцев будили по тревоге среди ночи и заставляли совершать маршброски с полной выкладкой. Хватало и обычной для многих армий тупой бессмысленной муштры. Например, у инструкторов бытовало выражение, что все можно сделать правильно, неправильно и как положено в морской пехоте. На практике такая «теория» выглядела

следующим образом. Новобранца заставляли пробежать определенную дистанцию и говорили, что он это сделал неправильно. Тот пробегал еще раз и слышал от командира, что на этот раз все было сделано правильно и теперь надо пробежать еще один раз, чтобы было как положено в морской пехоте. Естественно, все, кто имел мало-мальское образование, были возмущены таким «воспитанием», и Освальд здесь не был исключением.

Ли поначалу не мог одолеть основы боевой подготовки — владение личным стрелковым оружием морского пехотинца, винтовкой М-1. Над ним снова издевались сослуживцы и он даже получил кличку «мазила» (на самом деле еще более грубую, которую автор просто не хочет включать в эту книгу). Но без владения винтовкой новобранца могли отчислить, и Ли быстро исправился. 21 декабря 1957 года во время зачетных стрельб рекрут Ли Харви Освальд набрал 212 баллов, что на два балла было выше минимального количества очков, необходимого для получения категории «снайпер» (всего в корпусе было три категории: низшая — «хороший стрелок», средняя — «снайпер» и высшая — «эксперт»). Экспертом Ли не стал, потому что стрелял довольно нестабильно, явно не имея выдержки и меткого глаза. Перед самым увольнением с военной службы он стрелял уже гораздо хуже, набрав 191 балл. Практиковался Ли и из пистолета 45-го калибра, но данных о его результатах не сохранилось.

По итогам курса молодого бойца щуплый Ли Освальд получил оценку 4,4 балла как за поведение, так и за военные навыки. Если учесть, что высшей и довольно редкой оценкой было 5,0, а средним уровнем, необходимым для почетного увольнения из корпуса, являлось 4,0, то достижения маменькиного сынка Освальда впечатляют. Практически все сослуживцы Освальда потом отмечали, что он быстро схватывал и усваивал военные навыки.

В январе 1957 года тоже в Калифорнии Ли прошел обязательную для любого морского пехотинца тренировку по высадке с моря, рукопашному бою и тактике действий взвода. За пять недель не менее суровых испытаний, чем курс молодого бойца, его показатели практически не изменились: 4,2 за поведение и 4,0 за военные навыки. Но и там над Освальдом подтрунивали. Его считали мягким, так как он не вписывался в образ широкоплечего амбала с белозубой американской улыбкой, что было стандартом корпуса. Освальд получил кличку «Оззи» или «Оззи-кролик» «в честь» персонажа одного из популярных тогда мультфильмов.

Интересно, что в качестве защитной реакции Ли опять обратился к марксизму. Он критиковал президента Эйзенхауэра за войну в Корее, где «зря» погиб миллион человек (на самом деле больше), и называл себя

защитником интересов рабочего класса. Невольно приходит мысль, что Освальд, говоря нарочитыми книжными лозунгами, просто издевался над своими обидчиками. Тем более что образованием и эрудицией средние морпехи в невыгодную сторону отличались даже от бывших одноклассников Ли.

Те, однако, кто имел законченное школьное образование, нисколько не сомневались, что Освальд как минимум закончил школу (хотя он не доучился до полного среднего образования два года). Ли был очень эрудирован, особенно в вопросах мировой политики. Он знал имена не только лидеров многих государств, но и 4 — 5 человек из их ближайшего окружения. Позднее рядовой Освальд любил «подкалывать» молодых офицеров, кичившихся перед солдатами своими знаниями. Он очень вежливо спрашивал офицера о его мнении в отношении того или иного события и потом невинными вопросами показывал участникам дискуссии, что на самом-то деле офицер многого не знает.

Но в целом в первый период своей службы Освальд не выказывал какого-то недовольства начальством за пределами типичного для всех новобранцев брюзжания по поводу тягот военных будней. Несмотря на то что комиссия Уоррена позднее задавала его бывшим сослуживцам целенаправленные вопросы на сей счет, никто из них не отметил в поведении Освальда чего-то необычного. Правда, во время увольнений Освальд не проводил свободное время с сослуживцами и некоторые считали, что он задирает нос. На самом деле Освальд просто не пил, не играл в карты и не клеился к проституткам в барах, что и было основным времяпрепровождением морпехов за пределами базы.

Как только новобранец получил свой первый длительный отпуск (после окончания десантной тренировки

27 февраля 1957 года), он поехал не куда-нибудь, а к своей матери в Форт-Уорт, что также не подтверждает версию, что Ли ушел в армию, чтобы избавиться от опеки Маргариты. Проведя дома пару недель, Освальд отбыл на базу ВМС Джексонвилл (Флорида), чтобы получить там базовые представления о своей будущей военной специальности оператора радара ВВС корпуса. Следует подчеркнуть, что для службы в этих частях по тестам отбирали наиболее умных рекрутов.

Здесь уже решала не сила, а мозги, и настроение Ли сильно улучшилось. Он с удовольствием учился, и никто не помнит, чтобы он заводил речь о марксизме. Учеба состояла в приобретении базовых знаний об устройстве радара и состоявшей на вооружении своей и чужой авиатехнике. Проблем, подобных трудностям с овладением стрелковым

оружием, у Ли не было. Он, как и остальные солдаты его группы, получил звание рядового первого класса и допуск к работе с закрытой информацией категории «конфиденциально». Это была самая низкая степень, но и для ее получения компетентные органы проверили данные об Освальде по месту жительства. Никакой компрометирующей информации обнаружено не было.

Курс в Джексонвилле Освальд окончил 46-м из 54 участников. Далеко не блестящий результат. При этом, однако, он получил самые высокие оценки за все время своей военной службы: соответственно 4,7 за поведение (то есть оно было практически образцовым) и 4,5 за военные навыки.

Освальд продолжал обучение и в мае 1957 года был переброшен на базу ВВС Кизелер в Билокси, штат Миссисипи. Курс состоял из 30 тщательно отобранных морпехов. Теперь они уже до тонкостей осваивали радар, систему опознавания самолетов «свой — чужой», тактику преодоления системы подавления радаров самолетами вероятного противника (то есть СССР). Вся эта материя была, естественно, секретной, и преподаватели предупреждали курсантов, что для борьбы с возможным шпионажем в их среду могут быть внедрены сотрудники контрразведки. Но к Освальду никто претензий не имел.

Его довольно высоко оценивал капрал Пауэрс, который, что характерно, имел за плечами один курс колледжа (по-нашему вуза). И здесь Ли не особо тесно сходился с сослуживцами, но Пауэрс подчеркивал, что Освальд не избегал контакта, наооборот, стремился к нему. Однако опять всему мешала разница в повседневных интересах.

Правда, Пауэрс отмечал и еще один немаловажный момент. У него, Пауэрса, было неподкрепленное фактами чувство, что Освальд предрасположен к гомосексуализму. Дескать, по своему опыту наблюдения за подобными людьми Пауэрс сделал вывод, что Освальд женственно двигался, держал себя и т. д. Да и по курсу ходили слухи, что Освальд придерживается нетрадиционной ориентации. Возможно, дело было просто в том, что, как уже отмечалось выше, Ли не походил внешне на хрестоматийный образ широкоплечего морпеха. Да и изъяснялся он без ругани и сленга. Но если принять во внимание другое показание Пауэрса, то дело может представиться другим и более таинственным образом.

Ли на каждые выходные ездил в Новый Орлеан. Пауэрс думал, что он навещает мать. Но Маргарита тогда жила в Форт-Уорте. А родственники в Новом Орлеане вспомнили только, что Ли один раз им звонил, но не приезжал лично. К кому же мотался по выходным за 120 километров

молодой морпех?

Если предположить, что он поддерживал тесный контакт с Феррье, то кое-что становится на свои места. Последний, как известно, как раз и был гомосексуалистом. Возможно, что он учил Освальда и как себя вести. Если, как уже упоминалось, во время базовой тренировки в Калифорнии Освальд изредка вспоминал о своем марксизме, то в Кизелере, где за ним внимательно наблюдала контрразведка, он вел себя очень смирно. Вероятно, что такую модель поведения ему подсказал Феррье. Если последний готовил Ли к увлекательной карьере агента-провокатора, то лишние неприятности с властями на этой стадии были ни к чему. Сначала Освальд должен был стать привлекательным для коммунистов с точки зрения возможного получения от него информации. Отсюда и желание Ли заниматься такой сложной для него, плохого математика, материей, как радары. Ничего более секретного для рядового корпуса морской пехоты США не существовало.

И наконец, Пауэрс, как неглупый человек, отмечал очень странную на первый взгляд черту характера Освальда. Тот был легко внушаем. Надо было только подобрать ключик к характеру парня, что для талантливого психолога не составляло особого труда. Освальд просто расцветал, когда уважительно отзывались о его способностях и смотрели как на равного. Например, если старшие по званию просто приказывали Ли что-либо сделать, тот начинал канючить: «А почему именно я?» Но если ему говорили: «А не сделать ли нам то-то и то-то?» — Освальд с радостью и усердием брался за дело.

Феррье был, видимо, единственным человеком мужского пола старше Освальда, но относившийся к нему, по крайней мере, с нарочитым уважением. А Ли, конечно, не могло не льстить внимание (возможно, и сексуальное) столь опытного пилота и человека из таинственного мира секретных и околосекретных служб.

Во время курсов в Кизелере Ли вдруг стал очень сильно интересоваться своей будущей военной специальностью и закончил курсы, к удивлению сослуживцев, седьмым из тридцати участников. 25 июня 1957 года ему была присвоена военно-учетная (как сказали бы в СССР) специальность 6741 — оператор авиационной электроники. Когда он отправился в отпуск, его показатели были весьма неплохими: 4,2 за поведение и 4,5 за военные навыки.

Усердие себя оправдало: Ли Харви Освальд за успехи был направлен на службу за границу, на одну из крупнейших военно-морских баз США за рубежом — Ацуги в Японии. 22 августа 1957 года Освальд, Пауэрс и еще

десятки морпехов отплыли из Сан-Диего к берегам Страны восходящего солнца на борту военного транспорта «Бексар».

На корабле Освальд обучил Пауэрса играть в шахматы (эти два образованных человека не ощущали сложностей в общении друг с другом). Пауэрс вспоминал потом, что делать на корабле было особо нечего и Освальд много читал. Корпус морской пехоты распространял среди солдат массу в основном развлекательной литературы. Но Освальд, по словам Пауэрса, читал только «хорошую литературу», типа произведений Уолта Уитмена или серьезных книг по истории. У него никогда в руках не было никаких низкопробных вестернов.

Через три недели «Бексар» причалил в порту Йокосука и морпехи был перевезены на базу Ацуги, расположенную в 20 милях юго-западнее Токио. База была основана японцами в 1938 году как пункт базирования стратегической авиации, предназначенной для нанесения массированных и неожиданных ударов по врагу. Здесь служили, как правило, лучшие пилоты. В конце войны из-за непрерывных бомбежек американской авиации часть самолетов была переведена в искусственные пещеры. Когда после вступления в войну на Тихом океане СССР японский император Хирохито объявил о готовности к безоговорочной капитуляции, летчики базы взбунтовались и отказались выполнить приказ. Неделю они владели базой и даже разбрасывали над Токио листовки с призывами биться до последней капли крови.

Но уже 30 августа 1945 года на аэродроме Ацуги приземлился главком сил США на Тихом океане генерал Дуглас Макартур, чтобы принять капитуляцию Японии. Потом лет пять база пустовала, пока не началась война в Корее. Тогда на базе концентрировалось до 250 американских самолетов. Привыкшие к комфорту американцы построили бассейн, клуб и, естественно, вокруг базы как грибы после дождя выросли увеселительные заведения сомнительного характера.

К моменту прибытия в Ацуги Ли Харви Освальда на аэродроме размещалось Первое авиакрыло корпуса морской пехоты. Часть его истребителей Ф-86 (основной противник наших МиГ-15 во время войны в Корее) находилась в состоянии повышенной боевой готовности.

На базе был еще и необычно длинный ангар, из которого иногда выкатывали странный, почти крестообразный самолет — новейший американский высотный самолет-разведчик У-2. С потолком полета в 27 ООО метров он считался неуязвимым для советской и китайской систем ПВО. В восточной части базы на расстоянии около 400 ярдов от бараков морских пехотинцев находился комплекс из 20 зданий. Там располагалась

основная оперативная база ЦРУ США на Дальнем Востоке. Естественно, что при такой начинке на Ацуги был повышенный режим безопасности.

Подразделение, куда попал Освальд, называлось Эскадроном воздушного контроля морской пехоты № 1 (английская аббревиатура MACS 1). Там служило 117 человек. В обязанности эскадрона входило отслеживание с помощью радара практически всего побережья КНР и обеих Корей. Если неопознанный самолет приближался к японскому воздушному пространству и не отвечал на запрос «свой — чужой», дежурные операторы эскадрона должны были обеспечить немедленное информирование перехватчиков, стремительно после этого поднимавшихся в воздух. Кроме того, эскадрон содействовал с помощью радиосвязи посадке своих самолетов на базу и контролировал все воздушное движение (включая гражданские авиарейсы) над японской столицей.

Конечно, к 1957 году полномасштабная война в Корее уже как 4 года была достоянием истории. Но «холодная война» на Дальнем Востоке только набирала силу. И обе стороны вели ее в основном с помощью авиации. Задирались только американцы. Самолеты-разведчики, бомбардировщики и истребители регулярно вторгались в советское воздушное пространство, чтобы вскрыть расположение системы ПВО и вызвать советских перехватчиков на опрометчивые действия (в сентябре 1983 года американцы подставили пассажирский южнокорейсий самолет, отправив на верную смерть сотни ни в чем не повинных людей). По сути, США сознательно балансировали на грани «горячей войны».

Иногда это кончалось для них трагически. Так, 7 ноября 1954 года самолет-разведчик В-29 был сбит в районе Курильских островов. 11 декабря 1956 года три американских бомбардировщика вторглись в воздушное пространство СССР в районе Владивостока. Правительство Советского Союза заявило протест. 27 июня 1958 года наши перехватчики посадили на советском аэродроме непрошеного гостя — американский самолет С-118. Сейчас на основании рассекреченных документов и мемуаров бывших летчиков окончательно ясно, что самолеты залетали к нам не по ошибке. За такие миссии пилоты ВВС США получали государственные награды, если, конечно, возвращались.

Особо безнаказанно летали над нашей территорией самолеты У-2. Протесты игнорировались, так как советские «миги» достать У-2 просто не могли. 4 июля 1956 года У-2 спокойно пролетел над Москвой и Ленинградом, на следующий день — над Литвой и Белоруссией. Всего с 1956 по 1960 год У-2 появлялись над советской территорией около 30 раз.

Таким образом, внешне спокойный Дальний Восток 1957 года тлел постоянными кризисами, вот-вот готовыми превратиться в настоящую войну. Освальд в составе дежурной смены операторов радаров проводил службу в так называемом «пузыре», как на военном жаргоне именовалось помещение оперативного слежения за воздушным пространством. Ли не только часами смотрел на экран, но и рисовал специальным карандашом для офицеров на прозрачном табло траектории движения самолетов. Для этого нужен был определенный навык, так как рисовать надо было «задом наперед». Вообще первое время офицеры не могли нахвалиться Освальдом. Тот был очень толковым, вежливым и спокойным солдатом. Отмечалось, что он подходил к делу основательно и старался, чтобы его работой были довольны.

Дежурная смена длилась как правило 4 часа, после чего Освальд возвращался в деревянный барак, где он делил комнату с сослуживцем. Как всегда, Освальд много читал. Он по-прежнему не играл в карты и не ходил по барам. Естественно, у него тут же начались проблемы с другими морпехами. Ли обзывали «мисс Освальд», заталкивали в одежде под душ, пытались спровоцировать на драку. Старослужащих бесило еще и то, что Освальд отказывался выполнять всякие унизительные ритуалы, через которые должен был проходить новобранец. К слову, такие ритуалы в США приняты не только в армии, но и в элитных университетах, причем не только с ведома, но и при поощрении начальства. Видимо, с точки зрения американского образа жизни для лидеров и защитников страны это необходимо. Над Освальдом смеялись, узнав, что парень еще и девственник. Причем сам в этом добровольно признался! У большинства морпехов сексуальный опыт был только с проститутками, которые делили с ними постель не из-за их выдающихся качеств, а просто за деньги.

Как обычно, об Освальде хорошо отзывались люди образованные, имевшие хоть какие-то другие интересы кроме вина и женщин.

Освальд на первом этапе своей службы старался уходить от конфликтов как в прямом, так и в переносном смысле. Когда к нему приставали, он криво улыбался и просто отходил в сторону. Вместо баров он сидел в комнате отдыха и смотрел телевизор (записи старых футбольных матчей). Кстати, сослуживцы тогда даже не догадывались о его марксистских взглядах, так как Ли их просто не высказывал.

Зэк Стаут, один из сослуживцев Освальда (за последним опять закрепилась кличка «кролик Оззи») относился к притесняемому парню с уважением. Почему? Например, потому, что Ли был честным и открытым. А еще потому, что с ним можно было вести «умную» беседу. К тому же

парень читал «глубокие» книги, типа «Майн кампф» и многотомной «Истории упадка и гибели Римской империи» Гиббона. Стаут уже после покушения на Кеннеди говорил, что Освальд был человеком, которому можно было довериться во всем. И вообще, Освальд относился к окружающим так, как те относились к нему.

Интересно, что с уважением к Освальду относился еще один морпех, явно не блиставший особой начитанностью и образованием. Гэйтор Даниэле до поступления на службу помогал своему отцу в болотах Флориды ловить аллигаторов. Ему в Освальде нравилось то, что тот был тоже из «простых людей» и «просто хороший человек». Даниэлса уважали и побаивались за его физическую силу, и Гэйтор часто брал Освальда под защиту. Тот, в свою очередь, старался тоже чем-то отблагодарить друга (например, давал ему деньги в долг).

Кстати, о деньгах. Освальд получал 85 долларов в месяц и старался почти все из них откладывать. Некоторые исследователи потом утверждали, что Ли уже тогда копил на билет до Москвы. Никакой почвы под такими утверждениями нет. Просто Ли понимал, что после увольнения со службы рассчитывать в материальном смысле ему особо не на кого. Маргарита продолжала работать, так как сыновья ей почти не помогали (за исключением Ли). Кстати, Освальд выходил из себя, если кто-то позволял себе в его присутствии оскорбительные замечания о его матери.

Видимо, поняв, что постоянные унижения рано или поздно подорвут его психику, Освальд сделал две вещи. Во-первых, он заказал себе по почте из США пистолет 22-го калибра «дерринджер», хотя иметь незарегистрированное личное оружие морским пехотинцам было запрещено. Причем Освальд не скрывал от сослуживцев, что у него есть пистолет. Однако это не отпугивало обидчиков. Тогда в один из вечеров Ли вроде бы случайно, играя с оружием, выстрелил из пистолета в стену прямо над головой одного из солдат.

Но Ли хотел «влиться» в коллектив и другим, мирным путем. Он стал тоже ходить по барам, чтобы прослыть за своего. Сослуживцы с воодушевлением видели Освальда, напившегося в первый раз в жизни. Свели его и с японской проституткой и потом, как водится, отметили всей компанией «превращение мальчика в мужа». Ли, у которого, похоже, не было чувства юмора (или, может, его юмор просто был выше восприятия его сослуживцев), стал довольно неуклюже пытаться шутить в обычном для американской армии грубовато-простецком стиле. Так, например, он будил солдат криком: «Берегите деньги Конфедерации! Юг восстанет снова!» Как раз для уроженца Юга США такого рода шутки были вполне

естественными. Освальд даже вроде смирился со своей кличкой и иногда шевелил ушами и выставлял над нижней губой зубы, имитируя кролика.

Однако сослуживцы не верили в новую маску «книжного червя». Над ним привыкли издеваться и не собирались отказываться от этого. И тут вдруг морпехи стали замечать Ли в сопровождении прекрасной японки, которая с их завистливой точки зрения была явно «выше классом», чем Ли. Тем более Освальд как-то сказал, что она работает в баре «Квин би». Бар этот был явно не по карману рядовым, так как один вечер там обходился примерно в сто долларов, что было больше месячной зарплаты Освальда. Поэтому в баре обычно торчали офицеры и сержанты.

История с «Квин би» до сих пор воспринимается многими как доказательство работы Освальда на американские спецслужбы. При этом используется следующая логика. Многие сотрудницы бара, находящегося неподалеку от секретной военной базы, наверняка были иностранными шпионами. Освальд достаточно много знал, чтобы представлять для них интерес. Он видел секретный самолет У-2 и даже, вероятно, мог рассказать о маршруте его полетов. Поэтому какие-либо разведслужбы (прежде всего ЦРУ или разведка ВМС) давали бедному Освальду деньги для «работы» с хорошенькой японкой.

Есть и другая версия, основанная опять же на словах только самого Освальда. Потом он говорил, что в Японии тесно общался с японскими коммунистами и те убедили его съездить в Советский Союз, чтобы посмотреть, как выглядит социализм на практике.

Что здесь можно сказать? Стоит только подключить логику и факты. Освальд был человеком сообразительным, с богатым воображением и желанием вести таинственную двойную жизнь. Весьма вероятно, что ЦРУ или военно-морская разведка действительно использовали его как «живца» для иностранных спецслужб, интересовавшихся базой Ацуги. Тем более что именно там базировался неуловимый для русских У-2.

Правда, американская разведка не знала, что в СССР об У-2 уже было известно многое. Что нового Освальд мог рассказать русским агентам об У-2? Начиная с самого первого полета советские радары засекли этот объект. Так же было дело и при всех последующих полетах, каждый из которых сопровождался дипломатическими протестами СССР. Проблема была только в том, что перехватчики советских ВВС пока не могли достать У-2. Но уже в 1958 году была принята на вооружение первая ракетная система ПВО С-75. И первый У-2 русские сбили 1 мая 1960 года, а не раньше, только потому, что это был второй полет самолета-шпиона после долгого перерыва.

Освальд, конечно, мог сдать «красным» коды обозначения самолетов «свой — чужой». Но ценной эта информация была бы только в том случае, если бы СССР или КНР готовились к массированному и неожиданному авиаудару по Японии. Но третьей мировой войны в Москве никто не планировал. Запасать такие коды на будущее смысла не было, так как они периодически и довольно часто менялись. К тому же смысл военно-воздушных игр того времени состоял не в скрытности проникновения в воздушное пространство вероятного противника, а скорее в обратном. Самолетам-нарушителям надо было вести себя «пошумнее», чтобы вызвать ответную реакцию ПВО и тем самым вскрыть авиационные и ракетные базы. А вот их в отличие от кодов поменять за день было просто невозможно.

Деятельность Освальда скорее была для ЦРУ разочарованием, так как он, формально выполняя задания, как и в случае с Феррье вел свою игру. Успехов не было, потому что Освальд к ним просто не стремился. Он вел себя так, что советская разведка им не заинтересовалась. Поэтому, когда в октябре 1959 года Освальд попал в СССР и захотел остаться, КГБ не имел о нем вообще никакой информации ни из Японии, ни откуда бы то ни было еще. Причем не знали в Москве и о его якобы тесных связях с японскими коммунистами. Комиссия Уоррена «логически» заключила, что раз в Японии действовала «активная и неподавленная компартия» (вот именно: в США в то время многие коммунисты сидели по тюрьмам по надуманным обвинениям), то марксист Освальд просто не мог не выйти с ней на связь.

На самом деле японская компартия переживала в то время очень непростой период в своей истории. До войны в Корее это была действительно влиятельная политическая сила, насчитывавшая в своих рядах более 200 тысяч человек. За ней шло 3 миллиона избирателей. Но во время корейской войны партию стали преследовать, а она, подставившись, взяла курс на вооруженную борьбу против правительства (хотя этот курс остался на словах). Коммунистов стали давить еще больше, и к середине 50-х годов их осталось не более 30 тысяч. Только в июле 1958 года после своего VII съезда партия снова медленно стала наращивать влияние.

Так что вряд ли окрестности базы Ацуги кишели коммунистами во время службы там Освальда. Хотя, конечно, Освальд ездил в увольнительную в Токио и там действительно мог познакомиться с коммунистами. Но в любом случае ни на базе, ни позднее в СССР шпионских следов этого сотрудничества не было найдено.

А как же с симпатичной официанткой из «Квин би»? Во-первых, Освальд мог просто наврать своим завистливым сослуживцам по поводу

места работы официантки. Но скорее всего, он ее любил, и она отвечала взаимностью. Морпехам это было, конечно, трудно представить, так как с женщиной им говорить было не о чем, даже если японки владели английским языком. А вот «девственник» Освальд имел гораздо более интересный внутренний мир и мог нравиться без денег. В поддержку последней версии говорят не только позднейшие свидетельства сослуживцев о том, что Ли был «без ума от красивой японки», но и случай, произошедший с Освальдом 27 октября 1957 года и поломавший всю его военную карьеру.

В этот день примерно в половине девятого вечера Освальд копался в своем личном шкафчике. Вдруг раздался выстрел, и подбежавшие морпехи увидели сидящего рядом со шкафчиком Освальда, держащего в правой руке личный незарегистрированый пистолет 22-го калибра. Ли спокойно сказал: «Кажется, я подстрелил себя». На левой руке Освальда виднелись следы крови, но рана была не опасная. В госпитале хирург быстро обработал рану и по просьбе Освальда записал, что она была нанесена случайно и из служебного оружия 45-го калибра. Но затем «разобрались», и инцидент приобрел для Освальда перспективу военно-полевого суда за незаконное хранение оружия.

Зачем Освальд пошел на такой риск? Дело в том, что к тому времени было известно, что его часть вот-вот отправится в район Филиппин «на маневры». «Маневры» эти были на самом деле, и это хорошо знали даже рядовые, готовящейся военной интервенцией США против Индонезии. То есть Освальда там могли не только убить, но и грозящая война рисковала затянуться на неопределенное время. Еще бы: американская интервенция в Корею начиналась вроде тоже с небольшой высадки войск, а закончилась цинковыми гробами для 50 тысяч американцев. Поэтому довольно ясно, что Освальд хотел остаться в Японии и избежать «маневров». Скорее всего, из-за своей пассии. Позднее Освальд вообще говорил, что не хочет возвращаться из этой страны на родину.

Кстати, сторонники теории связи Освальда с американскими спецслужбами утверждают, что сам инцидент был подстроен, чтобы оставить ценного дезинформатора русских в Японии. Но в этом случае зачем было городить огород с самострелом и военным трибуналом? Оба эти факта скрыть от посторонних было невозможно. Если бы Освальда хотели оставить, его бы просто оставили. Никто бы из сослуживцев переводом его, например, в другую часть интересоваться особо не стал бы. Это не было принято, а потом такие вещи случались в корпусе сплошь и рядом. Хотя, конечно, трибунал создавал Освальду в случае последующей

заброски в Советский Союз репутацию диссидента, которого преследовали за неугодные политические взгляды.

Но продержав «самострела» в госпитале три недели, его выписали аккурат вовремя, чтобы он смог-таки со своей частью отбыть на «маневры». Дело на Освальда завели, но оно было отложено до возвращения части с этих самых «маневров». Заметим для себя один немаловажный момент. Врач написал в отчете, что инцидент произошел не по вине Освальда, а «в рамках несения службы». Таким образом, судить незадачливого морпеха должны были только за владение незарегистрированным оружием.

А «маневры» эти были первой военной операцией ЦРУ (создано в 1947 году) по свержению неугодного США правительства — президента Индонезии Сукарно. Вина его состояла в том, что он отказывался вступить в организованные Америкой антисоветские военно-политические союзы, а напротив, был одним из лидеров движения неприсоединения вместе с индийским премьером Неру. Мало того, Сукарно имел наглость посетить с визитом Советский Союз и Китай (правда, и в США он тоже ездил, но в глазах ЦРУ это вины не умаляло). Чаша терпения ЦРУ переполнилась после того, как на свободных парламентских выборах компартия Индонезии получила около четверти всех голосов и Сукарно решил, что коммунистам по справедливости должно быть предоставлено 25 процентов мест в правительстве.

ЦРУ наняло несколько индонезийских армейских полковников во главе с бывшим военным атташе Индонезии в Вашингтоне и те под знаменем исламского фундаментализма начали мятеж на индонезийском острове Суматра. Народ, по прогнозу ЦРУ, должен был, естественно, поддержать путчистов, а те попросить о прямой военной интервенции США. Именно для этого в район Филиппин (которые тогда, несмотря на формальную независимость, по сути, были американской колонией) стягивались крупные силы морской пехоты и ВМС США, в том числе и часть Освальда.

Но не понимавший своего истинного счастья народ был на стороне Сукарно. Американские самолеты стали бомбить церкви, рынки и другие «военные» объекты, убив сотни мирных жителей. Мятеж тем не менее захлебывался. Тогда ЦРУ, зная о любви Сукарно к прекрасному полу, сфабриковало порнофильм, в котором «президент» занимался сексом с «русской красавицей». Красавица была, естественно, агентом Кремля, через которую этот самый Кремль диктовал свою волю Сукарно. Актеров для фильма нашли в полиции Лос-Анджелеса (женщину, правда, пришлось

заменить, она была, по оценке ЦРУ, «потрепанной» и страшноватой для «русской красавицы»).

Фильм, запущенный ЦРУ во все мировые СМИ, оказал Сукарно большую помощь. В Индонезии люди прониклись гордостью за своего президента, перед чарами которого не устояла даже русская!

Мы остановились на индонезийском кризисе подробнее, так как уже через три года ЦРУ повторит такой же вариант в отношении Кубы. А это уже, по нашему мнению, имело прямое отношение к убийству президента США Джона Кеннеди. А значит, и к герою этой книги.

20 ноября 1957 года часть, где служил Освальд, погрузилась на десантный корабль времен Второй мировой войны и отплыла к Филиппинам в рамках маневров под кодовым названием «Стронгбэк» (то есть сильная поддержка). Была осуществлена имитирующая боевую высадка на Филиппинах, после которой, продвинувшись в глубь «занятой территории» на 20 миль, морпехи развернули временный палаточный боевой пункт управления воздушным движением.

На Филиппинах американцам тоже были не особенно рады. В стране действовали коммунистические повстанцы и, хотя США разгромили их основные силы пятью годами ранее, на архипелаге постреливали. У морпехов было впечатление, что простые люди как раз больше сочувствуют коммунистам, чем собственному марионеточному проамериканскому правительству.

Часть Освальда столкнулась с «дружеским» отношением сразу же. Причем сама же его и спровоцировала. «Наступавшие» морпехи увидели местных жителей, поглощавших свинину и собачатину вместе с самогоном. Мимо такой добычи доблестные морские пехотинцы, естественно, пройти не могли и обменяли самогон на ножи. Подвыпив, представители цивилизованного мира стали приставать к филиппинкам. Завязалась драка, и морпехам пришлось отступить ближе к берегу. Характерно, что один из сослуживцев филиппинского периода Освальда вспоминал: Ли был спокойным, «непохожим на остальных парней-животных».

Через неделю палаточный радарный пункт опять свернули. Морпехи вновь погрузились на корабль. Целый месяц корабль в составе армады американского флота болтался в море, ожидая дальнейших указаний. А их все не было, так как мятежники в Индонезии терпели поражение. В конце концов часть опять сошла на берег в районе крупнейшей военной базы США на Филиппинах Субик-Бэй. На этот раз ничего развертывать не стали. Задача состояла в том, чтобы ждать и охранять собственное

оборудование. Пожалуй, впервые операторам радаров дали в руки боевое оружие, и находились они не совсем в спокойной стране.

Новый 1958 год морпехи ознаменовали пьяной дракой в духе своих боевых традиций. Несколько человек лишились сознания, а одного госпитализировали с сотрясением мозга. Освальд в таких культмассовых мероприятиях не участвовал. Делать тем, кто не любил читать, было нечего. Морские пехотинцы занимались главным образом изготовлением горячительного напитка по собственной рецептуре. Похищенный из санчасти спирт настаивался на картофельной кожуре и апельсиновых корках. Для этого емкость на неделю закапывали в землю. Перебродившую смесь фильтровали через армейские майки. Пить такую гадость можно было лишь заткнув нос.

15 января 1958 года вдруг стало не до скуки. Во время несения ночью караульной службы (причем он охранял ангар, предназначенный для У-2) погиб рядовой Мартин Шранд, который вместе с Освальдом (и упоминавшимся выше Пауэрсом) участвовал в курсах для радарных операторов на базе Кизелер. Рана, которую нанес себе Шранд, была на первый взгляд странной: он выстрелил себе в правую подмышку. Потом комиссия Уоррена пыталась как-то связать с этим инцидентом Освальда, но каких-либо фактов не обнаружила.

Скорее всего, Шранд оперся на винтовку и она случайно выстрелила. А Ли Харви Освальд в этот же день сдал экзамен на звание капрала.

Между тем военная служба и «маневры» продолжались. Почти сразу же после инцидента со Шрандом часть опять погрузилась на корабль и отплыла на остров Коррехидор. Там все повторилось снова: морпехи развернули палаточный радарный пункт и стали ждать неизвестно чего.

Освальд все десять недель пребывания на острове находился в наряде на кухне. Это было своего рода предварительным наказанием за инцидент с незарегистрированным пистолетом. Ли переживал, что его наказали еще до суда, но прятал свои эмоции под маской клоуна. Например, Освальд демонстрировал коллегам на бис трюк по разбиванию одним махом десятков яиц для утреннего омлета. К тому же на Коррехидоре Освальду нравилось. Во время Второй мировой войны там шли жестокие бои, и интересовавшийся историей Освальд проводил многие часы, исследуя разрушенные бункеры и укрепления. Причем сослуживцы отмечали, что Освальд хорошо разбирался в истории войны и служил им своего рода гидом по местам былых сражений. Правда, доблестные морпехи временно прекратили прогулки, когда узнали, что на днях в этой местности убили пятиметрового питона. В свободное время, как всегда, Освальд много

читал, тогда как остальные морпехи в основном купались и загорали.

Служебный рейтинг Освальда во время пребывания на Филиппинах оказался самым низким за всю историю его военной карьеры: за поведение он получил 4,0, а за военные навыки — 3,9. (Интересно, а как Освальд мог эти самые навыки продемонстрировать, если все время находился в кухонном наряде?) Пожалуй, это можно объяснить только одним: Ли стал терять веру в возможность чего-то добиться от Корпуса морской пехоты в плане своей будущей карьеры. Но у него еще оставалась надежда, что предстоявший ему военно-полевой суд примет мягкое решение, учитывая постоянное пребывание в наряде.

7 марта 1958 года, когда командованию стало окончательно ясно, что «спонтанная, народная революция» в Индонезии провалилась, часть отправилась в Японию к месту постоянной дислокации. Морпехам повезло, что индонезийский народ не дал вовлечь себя в задуманную ЦРУ широкомасштабную гражданскую войну. Иначе многие из них вернулись бы с «маневров» в США в грузовом отделении трюмов. Кстати, Освальд, читая газеты, видимо, подозревал, в чем на самом деле был смысл «маневров». Позднее он писал Роберту, что прекрасно «помнит те дни, когда мы находились на кораблях вблизи Индонезии, чтобы подавить очередную революцию. Я до сих пор ясно вижу Японию и Филиппины с их марионеточными правительствами».

Прибыв на базу Ацуги, Освальд был подвергнут суду военного трибунала и был жестоко разочарован приговором. 11 апреля 1958 года Ли Харви Освальд был приговорен к 20 дням тяжелых работ, удержанию из жалованья 50 долларов и понижению в звании до рядового (он, как мы помним, был рядовым первого класса и сдал экзамен на капрала; экзамен этот теперь считался аннулированным). Исполнение приговора, правда, отсрочили на 6 месяцев, и если бы Освальд за это время не допустил новых дисциплинарных проступков, то решение суда потеряло бы свою силу.

Тем не менее Освальд был не просто разочарован, он был вне себя от негодования., так как полагал, что несколькими неделями беспрерывных кухонных нарядов вполне и с лихвой искупил содеянное. Даже некоторые офицеры считали такое решение суда излишне строгим. Тем более что Освальда унизили еще больше, запретив ему несение службы по специальности и опять направили фактически в бессрочный кухонный наряд.

Потом Освальд признавался, что именно после решения суда он начал всерьез задумываться о переселении в СССР. Ведь он изо всех сил пытался хотя бы внешне стать таким же, как все. Но слишком уж много серьезных

книг прочитал к тому времени Ли Харви Освальд, чтобы справиться с ролью необремененного мозгами доблестного морского пехотинца. Теперь его терпение лопнуло, и Ли подал заявление на отчисление из корпуса «в связи со срочной необходимостью». Но ему надо было представить какую-нибудь уважительную причину, так как контракт он в свое время подписал на три года. Особых причин не было, и Освальду отказали, чем, естественно, озлобили его еще больше. Ли чувствовал себя в том же положении, что и пять лет тому назад в Нью-Йорке: его преследовали непонятно за что. Он открыто говорил сослуживцам, что начальство сделало из него козла отпущения, и никакого будущего для себя на военной службе он не видит.

Теперь «кролик Оз» уже больше не притворялся простачком и решил за себя постоять. Во время одной из вечеринок части в баре он подошел к сержанту Родригесу, который направил его в наряд по кухне, и вылил на него спиртное. После этого Освальд в грубой форме предложил сержанту «выйти и разобраться». Вообще это все было как раз в рамках обычного пьяного кутежа, привычного, как мы уже видели, для американских элитных частей. Родригес «выйти» не решился, так как младших командиров как раз незадолго до этого инцидента предупредили об особой ответственности за участие в драках. К тому же Родригес думал, что Освальд прицепился к нему из расистских побуждений (Родригес был по происхождению мексиканцем, а значит, человеком «второго сорта» в американской армии). На самом деле начитанность и убеждения Освальда делали его абсолютно непохожим в этом смысле на своих сослуживцев. Позднее один из морпехов-пуэрториканцев даже говорил, что сдружился с Освальдом потому, что тот единственный относился к нему как равному.

Как бы то ни было, Родригес драться побоялся, а написал на рядового Освальда рапорт. 27 июня 1958 года Освальд опять предстал перед военным судом. Ли сам выступал на суде своим защитником и путем перекрестного допроса Родригеса и свидетелей пытался доказать, что опрокинул на сержанта напиток случайно, так как был навеселе. Судья ему поверил и тем не менее осудил Освальда за «использование провоцирующих слов» в адрес младшего командира. Новый приговор наложился на старый и в результате дополнительно Освальд лишился 55 долларов и был отправлен на 28 дней в военную тюрьму, по сравнению с которой советская гауптвахта была домом отдыха.

Во время пребывания в камере (Освальд сидел в одиночной) осужденный должен был все время стоять по стойке смирно за исключением приема пищи и сна. Когда ему надо было в уборную, он

должен был громко и неоднократно командным голосом выкрикивать свою просьбу, пока часовой не сочтет нужным открыть дверь. Позднее один из тех морпехов, кто тоже испытал судьбу Освальда, описывал тюрьму как «ад» даже в сравнении с тюрьмой «на гражданке».

Некоторые исследователи, сторонники конспиративных связей героя нашей книги с американскими спецслужбами, утверждают, что на самом деле Освальд вообще не сидел ни в какой тюрьме, а проходил спецобучение перед заброской в Советский Союз. Но фактов в поддержку этой версии нет (возможно, пока нет), хотя в целом она выглядит очень правдоподобной. Освальда в тюрьме видели (но далеко не каждый день), и покинул он ее 13 августа 1958 года.

На свободу бывший «кролик» вышел совсем другим человеком. Он перестал шутить и вообще вел себя с окружающими отстраненно и холодно (хотя пить стал больше, видимо, чтобы залить свою обиду). Тем более что ему было отказано в просьбе о продлении службы за границей, а новые служебные оценки (1,9 за поведение и 3,4 за военные навыки) уже не позволяли ему рассчитывать на увольнение из корпуса «с почетом». Освальд стал резко критиковать американский империализм и обращаться к сослуживцам «вы, американцы», показывая тем самым, что себя он таковым не считает. В тюрьме, говорил Освальд, я окончательно убедился в прелестях вашей демократии и теперь хочу увидеть другую жизнь. Если предположить, что вместо тюрьмы Освальда готовили к предстоящей заброске в СССР, то показательная ненависть к американскому образу жизни неплохо вписывается в этот сценарий.

Вот именно в этот период службы Освальд близко сошелся с японцами, так как от своих сослуживцев его чуть ли не тошнило. «Туземцы» же, по крайней мере, относились к нему с уважением. У Ли даже появилась «японская жена» (то есть женщина, которая за деньги вела его домашнее хозяйство, выполняя и все другие обязанности законной супруги). В американской армии такую походно-полевую жену называли «ранчо».

А американской армии и морской пехоте на Дальнем Востоке между тем предстояли очередные «веселые гастроли». Неожиданно в сентябре 1958 года обострились отношения между КНР и Тайванем. Китайская армия стала обстреливать расположенные между континентом и Тайванем мелкие острова, а воинственная риторика из Пекина могла говорить о предстоящем захвате Тайваня. На самом деле Мао Цзэдун был готов действительно пойти на мировую войну против США при условии, что СССР даст ядерные гарантии КНР. Но Хрущев отказался поддержать Мао,

и с того времени отношения между Москвой и Пекином стали ухудшаться.

США, естественно, встали на защиту гоминьдановского Китая и начали перебрасывать к острову войска. Американский флот прикрыл Тайвань с моря, а с воздуха такую же роль должна была взять на себя часть, где служил Освальд. Ведь МиГи КНР барражировали в непосредственной близости от Тайваня (кстати, а с самого острова проводил свои шпионские полеты против КНР уже знакомый нам У-2).

14 сентября 1958 года эскадрон Освальда покинул Японию и через две недели высадился на севере Тайваня. Был развернут пункт радиолокационного контроля за воздушным пространством. Кстати, один из офицеров потом вспоминал: у него сложилось впечатление, что самолеты КНР знали все позывные и могли незамеченными проникать в воздушное пространство Тайваня. Так как эти показания давались после покушения на Кеннеди, намек на Освальда, конечно, был явным. Но кроме этого офицера никто другой почему-то подобного мнения не придерживался и никакого служебного расследования начато не было.

После пребывания в тюрьме Ли Харви Освальд не горел никаким желанием умирать за американский империализм в очередной несправедливой войне. Одно дело, рассуждал он, говорить о коммунизме абстрактно, другое — самому строить артиллерийские позиции в предвкушении неминуемого вторжения китайских коммунистов (морпехи помогали гоминьдановцам готовиться к войне). Но Освальд уже решил для себя, что эта война пройдет без него.

Как-то ночью, когда рядовой Освальд был на посту, раздались четыре выстрела. Офицер Родс (тот самый, который обратил внимание на осведомленность китайских истребителей), выхватив свой пистолет 45-го калибра, немедленно побежал на пост и увидел Освальда сидевшим прислонившись к дереву. Свою винтовку М-1 он держал на коленях. Освальда трясло, он рыдал. Потом, немного придя в себя, он рассказал, что увидел за деревьями группу неизвестных людей. Они не отозвались на приказ часового назвать пароль, и он начал стрелять. Родс, относившийся к Освальду с симпатией, обнял его и отвел в казарму. Последний всю дорогу повторял, что просто не может выносить караульную службу.

Родс, естественно, доложил о случае по команде, и Освальда практически на следующий день самолетом отправили назад в Японию. Официально, по крайней мере, так потом вспоминали, Ли улетел для медицинского обследования (в Японии он, как и большинство его сослуживцев, подцепил легкую форму гонореи). На самом деле, как, скорее всего, абсолютно правильно сразу же предположил Родс, Освальд просто

симулировал очередной инцидент, чтобы избежать участия в возможной войне. С таким послужным списком терять ему было уже нечего.

Есть опять же предположения, что все организовали американские спецслужбы, чтобы вернуть своего агента в Японию. В поддержку этой версии долго приводили один на первый взгляд действительно странный документ. Когда Освальд подцепил упомянутую выше нехорошую болезнь, то врач в госпитале записал, что она была получена не по вине солдата, а «в результате выполнения им служебных обязанностей». Казалось, вот оно, доказательство! Освальд спал с японками по заданию ЦРУ или во-енно-морской разведки.

Но здесь все, увы, гораздо проще. Если помните, то при предыдущем инциденте с оружием в деле Освальда была точно такая же формулировка. Она просто отражала существовавшее тогда в армии США законодательство. А оно гласило, что при любом инциденте или болезни военнослужащего «собственная вина» была налицо только в одном случае: когда солдат нанес себе ранение или подцепил болезнь умышленно. Если же он сделал это по неосторожности, то использовалась стандартная формулировка «при выполнении служебных обязанностей». На первый взгляд странно. На самом деле, учитывая любвеобильность американских морпехов, начальство боялось, что при другом подходе придется регулярно наказывать 90 процентов военнослужащих. Может быть, Освальд и продолжал контакты с ЦРУ или военно-морской разведкой, но теперь они концентрировались вокруг предстоявшей заброски марксиста Освальда в Советский Союз.

Освальд, прибыв с Тайваня, попросился в госпиталь, утверждая, что надорвался при строительстве артиллерийских позиций (морпехам приходилось затаскивать орудия на вершину холма). Однако врач не смог обнаружить никакой болезни за исключением остаточных признаков гонореи. В любом случае, на базу Ацуги Ли Харви Освальд уже не вернулся. Было принято решение об отправке его в США. Поджидая свой корабль, Освальд временно проходил службу на военно-воздушной базе Ивакуни. Причем интересно, что это уже была не такая секретная база и располагалась она в 430 милях от Токио. Если бы американская разведка хотела, чтобы Освальд продолжал свои полезные контакты с коммунистическими шпионами, то зачем было переводить его на абсолютно новое место? Теперь уже Освальда хотели перебросить на родину, где он должен был подготовиться к путешествию в СССР. Видимо, от пребывания Освальда в Японии американская разведка особых результатов не имела.

База Ивакуни входила в единую систему ПВО американских и японских ВВС. В случае советской или китайской военно-воздушной атаки ее операторы должны были обеспечить вылет истребителей наперехват с разных аэродромов. На новом месте Освальд встретил старого знакомого по курсам радиолокационных операторов в Кизелере Овена Деяновича. Тот был поражен переменой, произошедшей с одним из лучших некогда курсантов. Освальд, вспоминал Деянович, стал смотреть на мир с горечью. Ли на чем свет стоит костерил американский империализм, используя марксистскую фразеологию. Деянович абсолютно правильно рассудил, что Освальд просто хотел шокировать своих сослуживцев. То есть практически повторялась ситуация, произошедшая в Новом Орлеане тремя годами раньше. Деянович, кстати, рассказывал комиссии Уоррена немного странную историю о том, что у Освальда появилась подруга «евразийского вида» (по терминологии Деяновича, видимо, русская, по крайней мере, не с японским разрезом глаз). Деянович тоже считал, что она слишком хороша для «кролика». Другой морской пехотинец вспоминал смутно, что эта «евразийка», наверное, учила Освальда русскому языку.

Между тем подошло время отправляться на родину. Итоговые оценки Освальда за все время службы за границей несколько выправились, составив 4.0 как за поведение, так и за военные навыки. Это был нижний предел, достаточный для беспроблемного увольнения из Корпуса морской пехоты. 2 ноября 1958 года Освальд отплыл из порта Йокосука и через 13 дней прибыл в Сан-Франциско. 19 ноября ему был предоставлен 30-суточный отпуск, который он провел с матерью и братом Робертом в Форт-Уорте. 21 декабря по-прежнему рядовой Ли Харви Освальд отбыл к новому месту службы — на авиабазу Эль-Торо в Калифорнию.

На этот раз Освальд попал на службу в MACS-9, эскадрон, который контролировал воздушное пространство США на южном участке Тихоокеанского побережья (город Санта-Ана, штат Калифорния). Дежурная смена операторов радиолокационного контроля состояла из семи рядовых и трех офицеров. Делать было по сравнению с Японией явно нечего. Ни один вражеский самолет до Калифорнии не долетал. Морские пехотинцы вели приятную жизнь. Даже туземцы в виде недалеко расположенной мексиканской границы с дешевыми девушками были под рукой.

Освальда опять начали усиленно привлекать к разным работам на кухне и по уборке территории. За ним уже прочным шлейфом тянулась репутация плохого солдата. Некоторые сослуживцы даже подумали, что Освальда после суда лишили допуска к секретной информации. Но это не

соответствовало действительности.

Ли Харви Освальд стал активно и методично изучать русский язык. Он подписался на советскую газету, купил словарь и самоучитель. Якобы активно Освальд слушал и Московское радио, но в этом есть большие сомнения. Уже тогда родился миф, который естественно расцвел буйным цветом после покушения на Кеннеди: Освальд прекрасно знал русский язык и выучил его на специальных ускоренных курсах в языковой школе министерства обороны США в Монтеррее перед заброской в СССР. Факты этой версии не подтверждают. Да, школа в Монтеррее действительно была рядом с базой, где служил Освальд. Но каких-либо документов, подтверждающих, что он там учился, не нашли. Но главное в другом: Освальд русский язык знал очень плохо. Он явно учил его наспех. И учили его не в официальной школе, а на каких-то специальных ускоренных курсах разведки.

26 февраля 1959 года Освальд сдал экзамен по русскому языку по стандартной программе армии США. Общий результат был признан «слабым». По чтению Освальд получил оценку «четыре плюс». Это означало, что он ответил правильно на четыре вопроса больше, чем неправильно. По письменному русскому он получил «три плюс». А вот устного русского судя по результату теста («минус пять») Освальд почти не понимал. Как же, интересно, он слушал Московское радио?

Позднее, уже летом 1959 года, один из сослуживцев Освальда познакомил его со своей очень симпатичной те-тей-стюардессой. Она уже год изучала русский язык с преподавателем, чтобы сдать экзамен в государственном департаменте. И тетя эта, поговорив с Освальдом в кафе пару часов, вспоминала, что была поражена высоким уровнем знания русского языка обычного морского пехотинца. Освальд даже «мог самостоятельно строить предложения». Хотя эта фраза говорит скорее о низком уровне владения русским языком самой стюардессы. Ведь она, судя по всему, даже не могла изъясняться связными предложениями. Освальд потом встречался с симпатичной женщиной еще раз и даже водил ее в кино. Стюардессе Освальд запомнился непривычной для людей его круга галантностью, хотя в целом она определила его как человека «не от мира сего». Еще бы! Освальд не рисовался перед красивой женщиной, а с готовностью признавался, что в тех или иных вопросах он еще недостаточно разбирается.

На базе Эль-Торо Освальд уже открыто слыл русофилом и «красным». Его называли «товарищ Освальдскович», и Ли это очень нравилось. Один морпех частенько слушал пластинки с русской классической музыкой.

Освальд немедленно прибегал к нему и шутливо спрашивал: «Вы звали, товарищ?» Когда он играл в шахматы, то всегда выбирал фигуры красного цвета в честь «непобедимой Красной Армии». Сослуживцев своих Освальд именовал «товарищи». На вопросы часто отвечал по-русски — «да» и «нет». Даже фамилию свою на гимнастерке Ли написал по-русски.

Возникает вопрос, почему командование гордящегося своим антикоммунизмом Корпуса морской пехоты спокойно взирало на все эти нарочито провокационные выходки своего военнослужащего. По-видимому, оно считало Освальда безопасным клоуном (частично Ли, конечно, целенаправленно работал на этот имидж). Только один раз капитан Роберт Блок, получив «сигнал» из почтовой службы, что Освальд выписывает коммунистическую газету, вызвал его к себе, чтобы разобраться. Ли, не моргнув глазом, ответил, что в соответствии с «линией» Корпуса морской пехоты он пытается постичь идеологию вероятного противника. Блок был вынужден прекратить свои расспросы. Можно только догадываться, с какой радостью рядовой Ли Харви Освальд поиздевался над капитаном.

Но это официальная версия. На самом деле высокое начальство было в курсе того, что Освальд нарабатывает себе «красный» имидж для предстоявшего ему особого задания. Поэтому его и не трогали.

Были люди, относившиеся к «клоуну» Освальду серьезно. Как всегда, они были из числа образованных и думающих людей, причем вне зависимости от политических взглядов. Морской пехотинец Торнли, считавший себя убежденным антикоммунистом, сошелся с Освальдом на том, что оба были атеистами. Ли сказал Торнли, что, по его мнению, лучшая религия — коммунизм, потому что она дает людям научный подход к жизни. Впечатлительный Торнли, хотя и был решительно не согласен с коммунизмом, вспоминал, что еще никогда не встречал человека, который так бы болел за судьбы человечества как Освальд. Причем никакой иронии у Торнли не просматривалось: еще до покушения на Кеннеди, когда о Ли Харви Освальде узнал весь мир, Торнли написал роман, главный герой которого списан с Освальда (роман этот впервые был опубликован в 1991 году).

Торнли, кстати, и доказал на собственном примере, что за клоунадой Освальда стояли четкие убеждения. Как-то раз Освальд пожаловался ему на бессмысленный с его точки зрения парад, который начальство устроило в выходной. Ничего, пошутил Торнли, придет революция и ты все это отменишь. В ответ Освальд дрогнувшим от обиды голосом произнес фразу Юлия Цезаря: «И ты, Торнли?» Больше эти два человека не сказали друг

другу ни слова.

Торнли сделал еще одно очень ценное наблюдение, которое помогает многое прояснить в характере Освальда. Освальд не был фанатиком «со стеклянными глазами», поэтому его трудно представить, например, партийным работником коммунистической партии. Эпатируя всех своими радикальными убеждениями, Освальд тем не менее любил физический комфорт (отдохнуть, вкусно поесть, побеседовать с красивой женщиной). Понять такого человека важно для нашего повествования. Обычно индивидуумы подобного склада крайне непостоянны в своих взглядах. Их внутренний мир живет в постоянной борьбе между желанием подвига и славы и стремлением не потерять земные прелести жизни.

Итак, всю первую половину 1959 года «Освальдскович» зубрил русский язык, так как еще в Японии принял решение посмотреть на жизнь в СССР своими глазами. Но изменчивый Освальд при этом едва не уехал совсем в другую страну. А это говорит о том, что пункт назначения для своей зарубежной поездки он выбирал не сам.

1 января 1959 года в ликующую Гавану вошли отряды революционеров-«бородачей» Фиделя Кастро, свергнувшие диктатуру бывшего армейского сержанта и американского ставленника Фульхенсио Батисты. Первоначально американское общественное мнение и даже некоторые представители правительственных структур США относились к Кастро с симпатией. Во-первых, Батиста был крайне одиозной личностью даже по меркам Латинской Америки. С помощью американской мафии он превратил Кубу в огромный публичный и игорный дом и наркопритон, где на фоне нищеты миллионов отрывались богатеи-янки. Кастро прикрыл игорный бизнес, чем лишил североамериканскую организованную преступность годового дохода ориентировочно в 100 млн. долларов.

Во-вторых, Кастро был, по американским меркам, из хорошей семьи. Его родители, богатые плантаторы, не имели с идеями социализма ничего общего. Фидель имел в Америке амплуа этакого Робин Гуда без марксистской подоплеки.

Исходя из вышеизложенного, неудивительно, что многие молодые американцы рвались на Кубу помогать повстанцам. На впечатлительного Освальда, озабоченного своим местом в истории, произвел неизгладимое впечатление пример бывшего американского десантника Уильяма Моргана, который воевал в отрядах Кастро с 1957 года. Когда Кастро пришел к власти, он назначил молодого американца майором и сделал его военным комендантом крупного кубинского города Сьенфуэгос. Вот это судьба, сочетавшая революционные идеалы и стремительный прыжок к

власти! Особенно поразило Освальда то, что в 1959 году Морган успешно выступил как двойной агент. Он, представившись контрреволюционером, вошел в контакт с агентурой диктатора соседней с Кубой Доминиканской Республики Трухильо и убедил последнего прислать «антикастровским силам» оружие и людей. Диктатор клюнул на живца, и присланный им самолет угодил в засаду. Морган стал чуть ли не национальным героем Кубы.

Освальд как любой творчески настроенный человек чувствовал в себе страсть к перевоплощениям. Если карьера Моргана удалась, то что мешает попробывать повторить этот блестящий пример? Ли сошелся со своим сослуживцем из Пуэрто-Рико Нельсоном Дельгадо именно на почве симпатий к Кастро. Они мечтали поехать на Кубу, а оттуда освободить от диктаторских режимов другие острова Карибского моря. Освальд даже купил англо-испанский словарь и практиковался с Дельгадо в испанском языке. Два молодых человека рассчитывали на то, что Кастро сделает их если не министрами, то офицерами. Освальд втолковывал Дельгадо, что знает, как должно функционировать правительство, а кубинцам такой опыт нужен позарез.

Правда, ближе к лету энтузиазм Дельгадо начал угасать. Кастро национализировал крупную собственность (причем, не пожалел и собственных родителей), и американская пресса мигом начала костить его как коммуниста. Дельгадо, державший нос по ветру, уже на Кубу не рвался. А вот Освальд, к его удивлению, нисколько не остыл и все спрашивал, как ему попасть на Кубу. Дельгадо, чтобы отвязаться, порекомендовал Освальду связаться с кубинским посольством в Вашингтоне. Освальд, видимо, так и сделал, так как, по словам Дельгадо, он стал получать оттуда письма. Наверное, кубинцы порекомендовали настырному морскому пехотинцу обратиться в свое консульство в Лос-Анджелесе. Тот так и сделал, и тут началась какая-то полудетективная история.

Дельгадо утверждает, что как-то вечером прямо на военную базу пришел какой-то человек, спросивший Освальда. Тот вышел на проходную и вернулся явно после разгоряченного спора. Дельгадо почему-то решил, что таинственный посетитель как-то связан с кубинскими планами Освальда.

На самом деле все было гораздо сложнее. С самого начала кубинской революции ЦРУ стремилось держать руку на пульсе, засылая в отряды Кастро своих людей или просто допрашивая американцев, которые попадали на остров по собственной инициативе. В октябре 1958 года из

подразделения морской пехоты США в Калифорнии уволился некто Патрик Джерри Хеммингс, который через кубинское генеральное консульство в Лос-Анджелесе попал на Кубу в феврале 1959 года. Хеммингс впоследствии утверждал, что работал на ЦРУ. Интересно, что Хеммингс ранее тоже служил в Японии.

Хеммингс вскоре вернулся с Кубы, якобы разочаровавшись в Кастро, и несколько раз давал подробные показания сотрудникам ЦРУ. Комиссия Уоррена не придала никакого значения рассказу Дельгадо о таинственном посетителе. А ведь это странно. Учитывая стойкую неприязнь американцев к Кастро, «кубинский гость» мог бы дать прекрасную возможность связать Освальда с революционной Кубой еще в 1959 году. Тем более что Дельгадо рассказывал, что Освальд делал на базе фотографии военных объектов и потом попросил его, Дельгадо, отвести в Лос-Анджелес в камеру хранения чемодан. Причем обычно прижимистый Освальд даже дал Дельгадо за работу два доллара.

Только в 70-е годы Хеммингс рассказал, что таинственным посетителем у ворот базы Освальда был он сам. Друзья в кубинском консульстве (а Хеммингс как раз собирался лететь на Кубу) попросили его высказать свое мнение о морском пехотинце, который рвался на Кубу. Хеммингс встретился с Освальдом и узнал, что тот является оператором РЛС и готов дезертировать, чтобы помочь кубинцам. Однако Хеммингс не поверил бывшему коллеге. У него сложилось впечатление, что Освальд подослан какой-то разведслужбой. Возможно, кубинцы пытались прощупать искренность Освальда, попросив его передать им какие-либо материалы (может, это объясняет рассказ Дельгадо про чемодан?).

Хеммингс перед отлетом на Кубу был убежден, что Освальд с явно схожей биографией был подставлен для слежки за ним. Поэтому он решил прийти прямо на место службы странного морпеха, чтобы расставить все точки над i. Видимо, произошло горячее объяснение. Ясно только одно: Освальд на Кубу не попал. Заметим для себя, что Хеммингс в 1960 году подробно рассказал ЦРУ о своей встрече с Освальдом в кубинском консульстве в Лос-Анджелесе. Явного интереса эта информация не вызвала, хотя к тому времени было известно, что Ли Харви Освальд с октября 1959 года находится в СССР.

Почему же этот эпизод не сыграл никакой роли в следствии комиссии Уоррена? Может быть, дело в том, что Освальд в феврале 1959 года действительно использовался в качестве агента-провокатора американской разведки в отношении Кубы? Может быть, он по своей инициативе и с санкции ЦРУ (или, скорее всего, разведслужбы ВМС) сам предложил

кубинцам чемодан с «секретными» документами, чтобы потом их «подставить». А комиссия Уоррена не ворошила этот эпизод, чтобы не давать и намека на ранние связи Ли Харви Освальда с разведсообществом США.

В любом случае Освальд абсолютно доказанно играл роль агента-провокатора по отношению к кубинцам летом 1963 года в Новом Орлеане. Причем делал это весьма умело. Но об этом, пожалуй, ключевом эпизоде в жизни нашего героя чуть позже.

Почувствовав, что с Кубой ничего не выходит, кураторы Освальда окончательно сконцентрировались на планах его «побега» в Советский Союз. Именно побега, потому что морской пехотинец в течение двух лет после выхода в отставку числился в активном резерве и не мог ездить за границу без уважительной причины. Освальд эту причину быстро сконструировал. И вообще, все планирование поездки в СССР наводит на мысль, что морпеху в этом явно кто-то помогал.

Во-первых, Освальд сдал необходимые тесты, чтобы получить эквивалент диплома о среднем образовании. Во-вторых, в марте 1959 года Ли пишет официальное письмо в гуманитарный коллеж Альберта Швейцера в Швейцарии с просьбой зачислить его на дневное отделение. Коллеж только что открылся. Там было менее 50 студентов, и подноготную своих будущих учеников тщательно не проверяли. Освальд написал в своем резюме, что владеет русским языком (и немного немецким!), интересуется идеологией, психологией и философией и хочет пожить в здоровом климате и хорошей моральной атмосфере. Ничего о своих левых убеждениях «Освальдскович» не написал. Среди любимых писателей он назвал Хемингуэя. В заявлении также указывалось, что Ли намерен поучаствовать в летних курсах университета в финском городе Турку.

Коллеж довольно быстро ответил Освальду согласием, и у морпеха появилась уважительная причина для поездки за границу. Стоит обратить внимание, что упоминанием Турку Освальд создал себе алиби для поездки в Финляндию. А ведь именно оттуда он приехал в СССР. Давайте подумаем, откуда мог морской пехотинец без особого образования знать, что именно в Финляндии было проще всего получить советскую туристическую визу (советское посольство там не было так загружено консульской работой, как дипломатические учреждения, например, во Франции или Великобритании)? То, что Освальд выбрал именно швейцарский коллеж, тоже говорит о многом. Страна была хотя и капиталистическая, но нейтральная, в НАТО не входящая. Оттуда, например, американского гражданина в США могли и не выдать, не то что

из Франции или той же Англии.

Во-вторых, Освальд не избрал для того, чтобы сбежать в СССР, классический путь через Германию, о котором, кстати, можно было прочесть в газетах. В конце 50-х годов именно через Берлин, где тогда еще не было никакой стены, сбежали в социалистические страны несколько бывших и действующих военнослужащих США. Казалось бы, чего проще? Купил билет до ФРГ, оттуда без всякой визы перелетел в Западный Берлин, а там просто перешел с одной стороны улицы на другую — и ты уже в ГДР. А в Финляндии ведь был риск, что визу американцу могли и не дать.

Давайте предположим, что Освальда в СССР забросили. Бывший сотрудник ЦРУ Виктор Марчетти еще в 60-е годы, уйдя из агентства, писал о программе военно-морской разведки США по заброске в социалистические страны псевдоперебежчиков для сбора секретной информации о повседневной жизни, прежде всего, в Советском Союзе. Якобы военно-морская разведка отобрала 35 — 40 молодых военнослужащих, которые должны были легально приехать, например, в СССР, под видом разочаровавшихся в капитализме людей левых убеждений. Вся операция, говорил Марчетги, осуществлялась с одной из баз ВМС США в Северной Каролине. Если Марчетги не врет, то это прямо-таки идеальный сценарий для нашего героя.

Возникает вопрос: а зачем нужны были такие довольно рискованные и затратные методы, если у американцев был У-2? Самолет-шпион при всех своих достижениях не мог дать базовой информации о жизни в Советском Союзе. Какие документы обязан носить с собой советский человек? Какой он должен вести образ жизни, чтобы не отличаться от окружающих? Какие города и районы требовали для поездки туда специальных пропусков и как их можно было легально получить? Интересовала американские спецслужбы и топография советских городов, где не было американских консульств. Например, планировка улиц, схема движения общественного транспорта, наличие мест массового скопления людей, ориентиры, заметные с воздуха, и так далее. Всю подобную информацию могли дать вернувшиеся «перебежчики».

К тому же бывших военнослужащих отбирали с расчетом на то, что КГБ попытается их завербовать. А это открывало возможность проникнуть в методы работы советских секретных служб. К тому же через вернувшегося «перебежчика-агента» можно было потчевать русских дезинформацией.

В отношении миссии Освальда есть и отдельная версия, которую нельзя сбрасывать со счетов. В 1958 году основной агент ЦРУ в Москве

полковник (позднее генерал-майор) ГРУ Попов сообщил, что советской разведке неожиданно стали известны подробности проекта У-2. В Вашингтоне стали лихорадочно искать советского «крота» практически во всех государственных учреждениях, и особенно в ЦРУ, которое непосредственно курировало проект. Возможно, Освальда решили направить в СССР с тем расчетом, что советская разведка заинтересуется его сведениями по У-2 и таким образом (по тактике допроса) можно будет определить источник информации русских.

Именно период конца 50-х — начала 60-х годов ознаменовал собой просто всплеск активности американских перебежчиков: на сторону социализма перешло 12 человек, в основном бывших или действующих военнослужащих. Большинство из них в 1962 — 1963 годах вернулись в США и дали развернутые показания спецслужбам. В 1960 году тема перебежчиков даже заинтересовала тогдашнего президента США Дуайта Эйзенхауэра, который дал указание государственному департаменту разобраться с причинами столь неожиданного и массового явления.

В любом случае, планирование Освальдом своей поездки в СССР показывает детальные знания им тонкостей и специфики подобного рода рискованных в те годы предприятий.

Обеспечив себе алиби для поездки за границу (швейцарский коллеж напрасно ждал американского студента вплоть до середины 1960 года), Освальд пошел на хитрость, чтобы добиться досрочного увольнения из корпуса морской пехоты. Он попросил мать, чтобы она представила какие-нибудь медицинские документы о своей нетрудоспособности, тем самым дав Освальду основание для досрочного прекращения контракта. Маргарита повиновалась, тем более что как раз тогда ей во время работы в магазине упала на нос банка с джемом.

Ничего смертельного, но Маргарите удалось получить свидетельство знакомого врача о временной нетрудоспособности, и 17 августа 1959 года, вооружившись этой бумагой, Освальд подал рапорт о досрочном прекращении службы. Не очень понятно, зачем он торопился и шел на риск? Ведь в октябре 1959 года его контракт и так истекал, а репутация Освальда как солдата была отнюдь не блестящей. Вряд ли корпус морской пехоты стал бы умолять его остаться. Но Освальд зачем-то торопился.

Командование Корпуса морской пехоты не стало проверять подноготную просьбы, и уже 3 сентября к удивлению сослуживцев ходатайство Ли Харви Освальда было удовлетворено. Тот времени не терял и на следующий же день подал документы на получение заграничного паспорта. В ходатайстве Освальд приводил в качестве

основного мотива свою предстоящую учебу в Швейцарии и Финляндии. Указывал он и в качестве стран, которые хотел посетить, Францию, Англию, Германию, Россию, Кубу и Доминиканскую Республику. Анализ такой географии ясно показывает, что у Освальда уже был детально отработанный основной и запасной маршруты поездки в Советский Союз. Первый: через Францию, Великобританию и Финляндию (им, как мы увидим, Освальд и воспользовался). Второй: через Германию, на случай, если бы русские не дали Освальду визу в Финляндии.

А вот с Кубой и Доминиканской Республикой чуть интереснее. На первый взгляд непонятно, зачем Освальду надо было «дразнить гусей», указывая в качестве цели путешествия Кубу? Тем более если он собрался в Европу? У американских властей могли бы возникнуть нежелательные вопросы. Но если предположить, что Освальд выполнял некую миссию спецслужб, то ситуация несколько проясняется. Если бы русские все же не пустили Ли в страну, то можно было бы вернуться к плану начала 1959 года о проникновении на Кубу. Доминиканская Республика в то время была основной оперативной базой ЦРУ по заброске на Кубу оружия и диверсантов. В любом случае, зачем было марксисту Освальду ехать в страну, где царствовал диктатор-мракобес Трухильо?

Как бы то ни было, проблем с получением паспорта у бывшего морского пехотинца и оператора секретной РЛС не возникло: Ли получил документ в установленные законом шесть дней. 11 сентября Освальд подписал специальное обязательство о неразглашении информации, полученной им за время военной службы. Тем самым служба эта официально завершилась и Освальд покинул Калифорнию, направляясь на автобусе в Форт-Уорт к матери.

Маргарита обрадовалась приезду любимого сына, так как всерьез предполагала, что тот уволился из армии, чтобы содержать ее. Но уже в день своего приезда 14 сентября Ли сообщил, что должен срочно отплыть на корабле в Европу по делам импорта — экспорта. Освальд действовал по-прежнему очень быстро. Он закрыл свой единственный банковский счет, сняв с него все 203 доллара (100 из них Ли отдал матери). День 15 сентября Освальд провел с братом Робертом. Сфотографировался с его маленькой дочкой Кэти. 16 сентября, показав матери новенький паспорт, Ли уехал в Новый Орлеан. Интересно, что среди вещей, которые он оставил на хранение Роберту, был и фотоаппарат (Освальд приобрел его еще в Японии) «Империал рефлекс». Странно, что человек, уезжая за границу, не взял с собой фотоаппарат. Но если предположить, что в его вещах не должно было быть ничего, что могло бы дать повод к

подозрениям советским спецслужбам, то этот шаг Освальда выглядит как раз вполне логичным.

17 сентября в Новом Орлеане Освальд за 220 долларов купил билет на пароход «Мэрион Лайке», который должен был отправиться на следующий день во французский порт Гавр. В отеле Ли написал прощальное письмо матери: «Я заказал билет на пароход в Европу. Мне пришлось бы это сделать рано или поздно, и я думаю, что лучше, если я поеду сейчас (согласитесь, какая-то странная фраза — почему Освальду пришлось бы ехать в СССР рано или поздно? — *Авт.).* Прежде всего помни о том, что мои моральные ценности отличаются от твоих или Роберта. Трудно сказать, что я чувствую. Только помни, что это то, что я должен сделать (опять должен. — *Авт.). Я* не сказал тебе ничего о своих планах, потому что ты вряд ли бы их поняла».

Пароход задержался с отплытием и покинул Новый Орлеан 20 сентября. Помимо груза на корабле было всего четверо пассажиров: отставной подполковник американской армии с женой, студент, намеревавшийся учиться во Франции, и Освальд (тоже, естественно, студент). Ли держался от попутчиков обособленно. Жена подполковника обратила внимание, что он избегал попадания в объектив их фотоаппарата. Когда она стала интересоваться, где живет попутчик, тот настрожился и спросил, какое ей, собственно, до этого дело. Потом в конце концов он назвал ей адрес матери в Форт-Уорте, специально исказив фамилию («Освальт»). О себе он сказал только, что едет учиться философии и психологии то ли в Швецию, то ли в Швейцарию. Кстати, Ли говорил и о социальной несправедливости в США, из-за которой его мать никак не может выбиться из нищеты.

Во время совместных ужинов в кают-компании Ли был молчалив, но однажды по просьбе подполковника дал глубокий политический анализ причин Великой депрессии 30-х годов. Освальд видел в кризисе очевидный провал капитализма (и строго говоря, в этом он был абсолютно прав).

Со своим соседом по каюте, настоящим студентом Билли Лордом, Ли довольно быстро разругался на фоне различного отношения к религии. Освальд заявил, что не понимает, как в век бурного развития науки можно верить в бога. 17-летний Лорд вспоминал потом, что Освальд был умелым полемистом, но в целом смотрел на окружающий мир с неприкрытым цинизмом.

8 октября Освальд сошел на французский берег в Гавре и на следующий день был в Англии. Английским таможенникам Ли заявил, что имеет с собой 700 долларов и намерен провести неделю в Великобритании

перед отъездом в Швейцарию. Здесь самое время разобраться с тем, на какие, собственно, средства небогатый Освальд предпринял своей отнюдь не дешевый вояж. Комиссия Уоррена потратила много времени, чтобы задокументировать все возможные доходы и расходы в недолгой жизни Ли Харви Освальда. С декабря 1958 года (после возвращения из Японии) и до увольнения со службы жалованье Освальда составило 1076 долларов 92 цента. Тратил он очень мало и вполне мог скопить больше 900 долларов. Если добавить к ним 203 долларов с банковского счета (полагают, что это все, что он смог скопить в Японии), вычесть 100 долларов, подаренных матери, и 220 долларов за билет, то получим как раз примерно 700 долларов к моменту приезда в Англию. Версия некоторых исследований, что у Освальда просто не могло быть собственных средств на поездку в Европу, пока не выдерживает критики. Именно пока.

Даже если предположить, что Освальда забросили в СССР с разведмиссией, то было бы глупо и безответственно снабжать его большой суммой денег. Ведь любая вменяемая разведка (а КГБ относился явно к этой категории) первым делом проверила бы именно источник неожиданного богатства совсем еще молодого человека, никогда и нигде не работавшего.

9 октября Освальд покинул Лондон и в этот же день приземлился в Хельсинки. ЦРУ позднее не смогло найти прямого рейса между этими городами в тот день, скорее всего, Освальд летел транзитом через Голландию. В Хельсинки Ли сначала остановился в отеле «Торни». А потом переселился в более дешевый (хотя и все равно явно не для студентов) отель «Клаус Курки». Но Освальд, видимо, «жировал», предполагая, что доллары ему скоро все равно будут ни к чему. В понедельник 12 октября Ли пришел в советское посольство и попросил туристическую визу. Для обоснования просьбы он купил ваучер «Интуриста» категории «люкс» на 300 долларов (до этого его расходы по перелету в Финляндию и размещение там не могли превысить 200 — 220 долларов).

После покушения на Кеннеди было много рассуждений, что русские выдали визу неизвестному американцу как-то очень быстро, уже 14 октября. Это, мол, свидетельствует о том, что Освальда в Москве ждали. На самом деле, как уже отмечалось выше, советское консульство в Хельсинки не было перегружено работой. Ничего подозрительного в стремлении путешествующего молодого американца посмотреть Москву не было (только недавно в советской столице с успехом прошел Всемирный фестиваль молодежи и студентов), тем более что визу

Освальду выдали всего на шесть дней: нормальное время, чтобы доехать до Москвы на поезде, посмотреть город и вернуться обратно. И вообще, это было время оттепели в международных отношениях. Хрущев искренне стремился создать на Западе привлекательный образ СССР, и действительно именно в то время в нашу страну начался массовый иностранный туризм, который советские власти всячески поощряли.

Вечером 15 октября 1959 года Освальд сел в Хельсинки на поезд до Москвы и ночью пересек границу первого в мире социалистического государства.

Глава третья.
Алик, строитель коммунизма

Молодой гид «Интуриста» Римма Широкова с нетерпением ожидала увидеть американца, заказавшего в Хельсинки индивидуальный тур по очень дорогой программе «делюкс». Такой тур предусматривал отдельного водителя и экскурсовода, а также проживание в лучших гостиницах Москвы. Работы у «Интуриста» в этот год с американцами было много. Только что закончилась первая в истории двусторонних отношений торгово-промышленная выставка США в Москве. Тогда многим это событие запомнилось известными дебатами вице-президента США Ричарда Никсона и Председателя Совета Министров СССР Никиты Хрущева. Идеологический спор происходил на типичной кухне типичного американского дома, смонтированного в Москве, чтобы показать высокий жизненный уровень американцев.

Римма работала на выставке с губернаторами южных штатов США, которые тоже жили по программе «делюкс». Каково же было удивление гида, когда 16 октября вместо солидного бизнесмена она увидела в отеле «Берлин» совсем молодого и достаточно бедно одетого парня (темное короткое пальто и армейские ботинки на толстой подошве). После экскурсии по Москве на интуристовской «вольве» Римма была поражена еще больше: турист совсем не интересовался достопримечательностями, был холоден и напряжен.

На вторую половину дня Римма запланировала хит программы — посещение Кремля. Но молодой турист отказался от экскурсии. Он хотел поговорить. Ли сообщил, что он бывший морской пехотинец из Техаса, много читал Ленина и Сталина. Считает, что советский народ хочет мира, не то что США, постоянно развязывающие агрессивные войны. Он, Освальд, не желает принимать в них участие (у Риммы сложилось впечатление, что Освальду пришлось уже где-то повоевать). Поэтому турист желает остаться в СССР и принять советское гражданство. Римма, опешив, тем не менее прониклась к американцу симпатией (ведь он так хорошо, хотя и несколько поверхностно, рассуждал о Советском Союзе).

Поэтому на свой страх и риск Римма помогла Освальду составить прошение в Президиум Верховного Совета СССР о получении советского гражданства. Начальство инициативу не одобрило, но передало

ходатайство Освальда «наверх». Тогда это, прежде всего, означало — в Комитет государственной безопасности СССР. КГБ никакого энтузиазма в отношении Освальда не проявил, хотя тот говорил Римме, что разбирается в военных самолетах и служил оператором РЛС. Во-первых, в то время почти всех американцев, просивших советское гражданство, считали ненормальными (и таковые действительно попадались). Во-вторых, только недавно перед Освальдом советское гражданство просил другой американец, отказавшийся в посольстве США от гражданства американского. Советского гражданства тот так и не получил, и его еле выдворили из страны, так как посольство США тоже не желало иметь с ним ничего общего.

В общем, КГБ высказал рекомендацию, что оставлять Освальда в СССР нецелесообразно. Освальда между тем пригласили в ОВИР, где он произвел самое благоприятное впечатление (вежливый, спокойный, опрятно одетый). Нет, на сумасшедшего парень явно похож не был. Ему посоветовали ждать ответа. Важно отметить, что разговоры с Освальдом велись по-английски, так как русского языка тот почти не знал (сам Освальд признавал, что в то время он едва ли мог объясниться в ресторане).

18 октября Освальду исполнилось 20 лет, и Римма подарила ему роман Достоевского «Идиот». Ли сидел в гостинице и не отходил от телефона, ожидая решения своей судьбы. Оно оказалось совсем не таким, как он ожидал: в последний день действия визы Освальда ему сказали, что ходатайство отклонено и предложили покинуть СССР в этот же вечер. Но после обеда Освальд на свою последнюю экскурсию не вышел. Римма вызвала служащих отеля. Открыв номер запасным ключом, они нашли Ли в ванной без сознания и с вскрытой веной на запястье. «Скорая помощь» доставила самоубийцу в одну из лучших больниц Москвы — Боткинскую, где лечили в том числе дипломатов и иностранцев.

Осмотр врачей показал, что до вены Освальд не добрался. Рана была неглубокая и никакой угрозы для жизни не представляла. Американца поместили в палату для пациентов с возможными душевными отклонениями, но таковых врачи тоже не обнаружили, хотя доктор Тартаковский прямо записал, что Освальд обладает очень крепкой силой воли и вполне способен повторить попытку самоубийства, если ему откажут в просьбе остаться в СССР. Освальда по просьбе «Интуриста» перевели обратно в нормальную палату (как писал Освальд в своем дневнике: «хорошая еда, много воздуха»). Там настроение Ли улучшилось и он пытался со всеми общаться, но было тяжело: русского языка он почти

не знал.

Документы КГБ показывают, что вместе с Освальдом в Боткинской больнице лежал некий пожилой бизнесмен-американец. Тот, видимо, лежал не просто так, потому что уже 24 октября в больницу позвонили из посольства США и поинтересовались, когда выпишут Освальда.

Дневник Освальда свидетельствует, что попытка самоубийства была рассчитана именно на сочувствие. Попадание оказалось в десятку. В тот период в советско-американских отношениях назревало что-то вроде оттепели. Хрущев только что вернулся из США, где открыл для себя кукурузу и познакомился с Мэрилин Монро. Скандала со смертью американского молодого туриста в Москве советским властям было абсолютно не нужно. А кто мог дать гарантию, что Освальд не повторит суицида?

28 октября Освальд, которого Римма окрестила Алик (Ли звучало очень уж по-китайски, и Освальд замучился отвечать на вопросы о происхождении столь странного для американца имени), покинул Боткинскую больницу и переселился из «Берлина» в «Метрополь», уже, конечно, не в двухкомнатный «люкс», но в неплохой номер. 29 октября Ли пригласили в ОВИР и, расспросив его о мотивах, побудивших остаться в СССР, разрешили ему ждать решения своей участи в Москве, хотя виза его давно истекла. Это был первый успех, но Освальд решил не ждать, а активно направлять свою судьбу.

31 октября 1959 года Ли заказал такси и прибыл в посольство США, где его проводили к заведующему консульской секцией Снайдеру. Потом Снайдер говорил, что это был якобы первый раз, когда посольство узнало об Освальде. Как мы уже знаем, либо он сказал неправду, либо в посольстве Освальда «вел» кто-то другой.

Снайдер опешил, когда молодой человек четким холодным голосом попросил лишить его гражданства США, бросив на стол свой американский паспорт. Освальд заявил, что решил навсегда остаться в СССР и просит не тратить время на уговоры переменить свое решение. Снайдера поразило, что Освальд прямо сказал о своей готовности передать русским все сведения, которые он получил, находясь на военной службе.

Снайдер был опытным дипломатом и, как утверждают, сотрудником ЦРУ (разведка подтвердила только, что Снайдер работал на ЦРУ в 1949 году). Он стал тянуть время, спросив у Освальда адрес его ближайших родственников в США. Ли явно не хотел впутывать во все мать, однако Снайдер стоял на своем, и адрес в Форт-Уорте пришлось дать. Получив всю необходимую информацию, Снайдер сказал Освальду зайти в другой

день. Потом американский дипломат объяснял комиссии Уоррена, что просто дал время молодому человеку одуматься. Запомнилась Снайдеру и странная спонтанная фраза Освальда: «Меня предупреждали, что вы будете меня отговаривать!» Насчет тоже странной угрозы молодого человека передать русским секретную информацию Снайдер подумал, что Освальд сказал эту фразу специально для КГБ, которое наверняка прослушивало все посольство.

Зачем же Освальд ходил в посольство, не поставив об этом в известность советские власти (в КГБ узнали о его спонтанном визите только 5 ноября через Римму Широкову)? Возможно, что после попытки самоубийства он просто хотел дать знать, что остался жив-здоров и выписался из больницы. Вероятно, он специально оставил свой американский паспорт в посольстве, чтобы его не могли изъять советские компетентные органы.

3 ноября Освальд в посольство не пришел (то есть почему-то не стал доводить до конца дело об отказе от американского гражданства), и Снайдер написал депешу в госдепартамент. Он рекомендовал отсрочить решение по гражданству Освальда и выждать развития событий. Стоит отметить, что по американскому законодательству для отказа от гражданства достаточно было заявления под присягой в присутствии консула. Снайдер отметил, что Освальд намерен передать русским военные секреты.

Депеша Снайдера дополнялась отдельным донесением военно-морского атташе о том, что Освальд бывший морской пехотинец и угрожает передать Советам информацию по радарам. Все эти документы попали в ФБР, ЦРУ и военно-морскую разведку, но отнеслись к ним по-разному. Быстрее всего среагировала военно-морская разведка. Явно опасаясь, что Освальд действительно сдаст русским секретную информацию, сводного брата Ли, Джона Пика, который проходил в то время службу в Японии, заставили написать Освальду телеграмму с просьбой поменять свои намерения. Вице-консул Маквикар (заместитель Снайдера, считавший, что шеф излишне грубо разговаривал с Освальдом) лично отвез телеграмму в «Метрополь», но Освальд двери не открыл, хотя уборщица утверждала, что он никуда из номера не выходил.

Прислал телеграмму и Роберт, просивший Ли не делать ошибки. Текст телеграммы сотрудники посольства зачитали Ли по телефону, но он отказался прийти в посольство, чтобы забрать ее. Роберту Освальд все же написал письмо, к котором утверждал, что тот все равно не поймет мотивов, побудивших Ли остаться в СССР. «Я получил твою телеграмму и

был рад услышать от тебя весточку. Только одно слово меня неприятно поразило, слово “ошибка”. Я предполагаю, что ты считаешь, что ошибку сделал я. Не тебе говорить мне об этом. Ты не можешь понять причин этого очень серьезного поступка. Я не буду разговаривать по телефону ни с кем из США, так как меня могут записать американцы».

А что же делали в это время американцы? Получив 4 ноября донесение военно-морского атташе о том, что Освальд хочет передать русским информацию по радарам, военно-морская разведка срочно разослала эту депешу в ФБР и ЦРУ. ФБР отреагировало немедленно, поместив отпечатки пальцев Освальда в специальную систему контроля на случай, если кто-то под его именем попытается вернуться в США. Было заведено два стабильных досье на Освальда в Далласе (по месту его постоянного жительства) и в Вашингтоне. Военно-морская разведка между тем уведомила коллег, что каких-либо действий по делу Освальда предпринимать не планирует. На самом деле действия все же предприняты были. Некие люди в штатском допросили сослуживцев Освальда на базе в Эль-Торо. Были изменены все коды в системе контроля за воздушным движением, к которым Освальд в свое время имел доступ.

В ЦРУ же поступили очень и очень странно. Там тоже получили депеши Снайдера и военно-морского атташе, и кто-то даже подчеркнул в них пассаж о радарных секретах. И все! Никакого дела на Освальда не завели (это произошло только в декабре 1960 года!). Когда в 70-е годы тогдашнего директора ЦРУ Хелмса спросили, в чем причина такого странного поведения разведки, тот прямо ответил, что сам удивлен. Сразу же после покушения на Кеннеди ЦРУ пыталось использовать собственное странное поведение для доказательства того, что оно Освальдом никогда не интересовалось. Потом, уже в 70-е годы, агентство обманывало специальный Комитет конгресса по покушениям, что уничтожило свои материалы по Освальду, как не представлявшие интереса для хранения.

На самом деле документы никто не уничтожал. Некоторые из них всплыли уже в 90-е годы. Мало того, обе первые депеши из Москвы по Освальду получили в ЦРУ самый высокий гриф секретности, то есть кроме нескольких человек из руководства их никто не видел. И стабильное досье на их основе никто не завел. Все это свидетельствует только об одном: ЦРУ в 1959 году не хотело, чтобы у дела Освальда появились какие-нибудь осязаемые бумажные следы. А такой подход в свою очередь прямо указывает на особый характер «дела Освальда» для Центрального разведывательного управления.

Кстати, забегая вперед, скажем, что ФБР уничтожило некоторые свои

первые досье на Освальда сразу после покушения на Кеннеди. Причин такого странного поведения бюро не раскрыло до сих пор.

У самого Освальда между тем настроение было хорошее. Он показал бюрократам в посольстве «кузькину мать», а его друзья из «Интуриста» подарили ему хорошую шапку (в Москве становилось по-зимнему холодно). Освальд почти никуда не выходил, ожидая срочного телефонного звонка, но один раз добрел до «Детского мира» и купил себе мороженое. 3 ноября он написал в посольство США письмо, в котором выражал решительный протест против того, что консул не лишил его гражданства США. Освальд угрожал, что как только получит советское гражданство, то попросит правительство СССР заняться его защитой. Снайдер ответил, что по-прежнему настаивает на личном появлении Освальда в посольстве.

Американское посольство между тем попыталось достать Освальда через прессу. Сразу же после разговора с Освальдом Снайдер «натравил» на него американских журналистов, но Освальд от интервью отказывался. 13 ноября 1959 года в его номер постучал шеф московского бюро информационного американского агентства ЮПИ Коренгольд, получивший «наводку» от Снайдера. Но Освальд, узнав, что здесь замешано посольство, давать интервью отказался. А Снайдер как раз рассчитывал на то, что опытный журналист разговорит Освальда и убедит его еще раз хорошенько подумать. Коренгольд решил испробовать на Освальде чары своей симпатичной сотрудницы Элин Мосби, и той действительно в тот же день удалось договориться об интервью. Элин вела в Москве вольный образ жизни, и один раз сотрудники консульского отдела посольства США даже забирали ее из вытрезвителя.

Проговорив с Освальдом два часа, Мосби осталась недовольна. Молодой человек не обратил на нее как на женщину никакого внимания, а она рассчитывала быть приглашенной на ужин. Освальд долго и языком газеты «Правда» пересказывал журналистке свои политические взгляды. Он смешался только тогда, когда речь зашла о его матери. Было видно, что он жалел Маргариту и не хотел впутывать ее в свою историю. У Мосби создалось впечатление, что Освальд повторял заученные фразы, какого-то искреннего энтузиазма в отношении коммунизма она не почувствовала. Тем не менее материал об Освальде пошел на ленту ЮПИ, и на следующий день о «побеге» Освальда узнала вся Америка (собственно, ЮПИ дало первый краткий материал со слов посольства еще 31 октября, и ФБР использовало его для начала «разработки» родных Освальда в США).

Через два дня к Освальду на прием запросилась еще одна довольно

странная журналистка. Присцилла Джонсон ранее работала в офисе сенатора Джона Кеннеди и пыталась устроиться на работу в ЦРУ как специалист по СССР (Джонсон знала русский язык). Посольство считало ее своим человеком (так как она одно время работала там переводчиком), настолько своим, что после нескольких командировок в Москву в качестве журналистки в советской визе ей было отказано. Но во время визита в США Хрущеву пожаловались, и он с барского плеча дал «добро». Джонсон прилетела в Москву 16 ноября, ее знакомый Маквикар предложил ей немедленно сходить к Освальду, чтобы уговорить его вернуться в Америку.

Освальд на интервью сразу согласился, они проговорили в номере Джонсон (она жила в том же отеле) до двух часов ночи. На этот раз Освальд держался более уверенно, так как ему только что сообщили представители ОВИР, что он пока может оставаться в СССР. Он, Оствальд, пошел на контакт с прессой только потому, что американское посольство сообщило всему миру о его «побеге» и он чувствует себя вправе дать свою версию событий. Освальд сказал также, что его опыт оператора РЛС делает его для русских более интересным. Интересно, что Освальд подчеркивал отсутствие каких-либо своих контактов с компартией США («это спящая организация»): «Я никогда в жизни еще не видел ни одного коммуниста».

Взял интервью у Освальда и корреспондент Московского радио Лев Сетяев, кстати, женатый на американке, которая осталась в СССР еще в 30-е годы. Сетяев обычно расспрашивал для радио американских туристов и бизнесменов об их впечатлениях о Москве. Об Освальде ему рассказали в «Метрополе», и Сетяев просто остолбенел, когда молодой американский парень с порога заявил ему, что является коммунистом. Интервью никуда не пошло, так как там была одна политика, а о достопримечательностях Освальд говорить не хотел. Ли просил корреспондента помочь ему в переписке с Верховным Советом, но тот отказался, оставив, правда, на всякий случай свой рабочий телефон.

Между тем делом Освальда занимался отнюдь не Верховный Совет. Начальник Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР (разведка) Сахаровский доложил председателю КГБ Шелепину, что Освальд оперативного интереса не представляет. Проведенные с ним беседы (сотрудники КГБ выступали как служащие ОВИР) показали, что его военные знания не выходят за пределы учебников. КГБ не заинтересовался громогласными заявлениями Освальда о том, что он владеет важными секретами.

Поэтому 27 ноября 1959 года главы КГБ и МИД Шелепин и Громыко

обратились с докладной запиской по делу «студента выпускного курса электротехнического училища Ли Гарвей Освальда» в ЦК КПСС. Там кратко излагалась суть дела, причем упоминалось, что Освальд заявил об отказе от американского гражданства 31 октября. Говорилось в записке и о попытке самоубийства. Учитывая аналогичные случаи, когда через некоторое время американцы выражали желание вернуться в США, а также то, что Освальд «недостаточно изучен», МИД и КГБ предлагали гражданства СССР пока не давать, но разрешить Освальду остаться в Советском Союзе на год, обеспечив работой и жильем. ЦК КПСС с предложением согласился, и участь Освальда была решена. В поддержку просьбы молодого американца высказался влиятельный член Президиума ЦК КПСС Анастас Микоян.

Странная фраза о том, что Освальд является «студентом электротехнического училища», возможно, решила судьбу будущего президента США Джона Кеннеди. Вероятно, сам Освальд решил немного прихвастнуть, чтобы не говорить, что у него вообще нет нормальной специальности. А возможно, такую «легенду» ему подсказали перед отъездом в СССР, чтобы русские устроили его на работу именно в этой сфере. Так и произошло. А недовольство этой работой послужило одним из главных факторов, побудивших Ли Харви Освальда вернуться в США. Ведь Освальд работать не желал вообще, он хотел учиться в институте, причем на гуманитарном факультете.

В целом можно сделать вывод, что советские власти обошлись с Освальдом очень гуманно, дав ему шанс осмотреться и уже потом определиться с гражданством и постоянным местом жительства. В СССР ему для проживания подобрали наиболее похожие по климату на Европу западные районы. Рассматривался вопрос о поселении Освальда где-нибудь в Прибалтике, но в конце концов остановились на Минске, красивом чистом городе, практически заново отстроенном после войны.

У КГБ не было в отношении Освальда никаких подозрений, но, как и полагается, с целью его изучения Второе главное управление КГБ (контрразведка) 21 декабря 1959 года завело на Освальда дело. Сам Освальд между тем безвылазно сидел в своем номере, попросив приносить ему туда даже пищу. Деньги его подходили к концу, хотя за отель он не платил (30 рублей в сутки). Римма Широкова из «Интуриста» сказала в «Метрополе», что он ждет денежный перевод из Америки. Это было правдой. Маргарита Освальд прислала сыну чек на небольшую сумму в 20 долларов (примерно 200 рублей по официальному курсу). Но в СССР чек был бесполезен, и Освальд попросил мать переслать ему по почте

наличные.

26 ноября Освальд написал брату Роберту резкое письмо. В нем он предлагал брату вспомнить собственную судьбу (например, как его уволили с работы без объяснения причин). Вспоминал он и чудом не состоявшуюся войну в Индонезии. «Я хочу, чтобы ты понял: то, что я говорю сейчас, я говорю не легкомысленно или по незнанию. Я ведь, как ты знаешь, служил в армии и знаю, что такое война… В случае войны я убью любого американца, который наденет военную форму для защиты американского правительства, — любого американца». Это письмо также попало в ЦРУ, в управление контрразведки. Но и после этого ЦРУ не посчитало нужным завести на Освальда какое-либо дело.

В конце декабря Освальда вызвали в ОВИР и сообщили, что решено поселить его в Минске. Освальд явно рассчитывал на Москву и спросил: «А где это, в Сибири?». Ли был очень расстроен и даже расплакался. Но в целом он успокоился, когда его гиды из «Интуриста» заверили, что город очень хороший. Новый 1960 год Ли встречал в отеле в компании сотрудницы «Интуриста» Розы Агафоновой, которая подарила ему куклу Буратино.

Получив огромную по советским меркам субсидию Красного Креста в 5000 рублей (почти половина, правда, ушла на оплату отеля), Освальд отбыл в Минск без всякого сопровождения на поезде 7 января 1960 года. На вокзале его встретили две представительницы Красного Креста, которые отвезли Освальда в лучшую гостиницу города — «Минск». Естественно, с самого начала американца «вел» белорусский КГБ. Инструкции из Москвы предписывали осуществлять только наружное наблюдение. Прямой контакт сотрудников КГБ с Освальдом не разрешался, ни о какой вербовке речь не шла вообще. Американца следовало внимательно изучать, но так, чтобы это не мешало его повседневной жизни.

Освальд между тем впервые в жизни чувствовал себя «большим человеком». На следующий день после приезда его принял председатель Минского горисполкома и пообещал отдельную квартиру со всеми удобствами да еще и бесплатно! Он заранее извинился перед Освальдом за поведение отдельных «некультурных» людей, позволяющих себе недостойное поведение в отношении иностранцев.

9 января служба наружного наблюдения КГБ зафиксировала разговор Освальда в гостинице с переводчицей «Интуриста». Затем в районе обеда американец отправился изучать город. Зашел в мясной магазин, потом посмотрел фотовыставку, побывал в продовольственном и книжном

магазинах, а также в ресторане. Уже через 45 минут Освальд вернулся в отель и больше никуда не выходил. Изучал магазины Освальд и на следующий день (он записал в своем дневнике первые впечатления от Минска: «очень красиво»).

13 января Ли Харви Освальда устроили на работу слесарем-регулировщиком первого разряда на Минском радиозаводе «Горизонт». Почти сразу же Освальд познакомился с инженером Зигером, белорусским евреем, приехавшим с семьей из Аргентины в 1955 году. Зигер говорил по-английски и, как мы увидим, ему предстояло сыграть в судьбе Освальда немаловажную роль. Освальд получал на заводе 700 («старых») рублей в месяц и еще столько же ему доплачивал Красный Крест. По советским меркам это была большая сумма, и Освальд мог жить в свое удовольствие, что он и делал. В своем дневнике Ли писал, что почти каждый день ходит с приглянувшейся ему сотрудницей «Интуриста» в кино или оперный театр: «Я живу на широкую ногу!»

Завод «Горизонт» вовсе не был секретным, как утверждали потом некоторые американские исследователи. Это был огромный комплекс зданий, где работало более 5000 человек. Освальду сначала работа регулировщика нравилась, так как была несложной. Сотрудники встретили его очень радушно. Посыпались расспросы о жизни в Америке, и Освальд явно наслаждался, что впервые в жизни оказался в центре положительного внимания. Здесь никто кроликом его не дразнил и в душ одетым не запихивал. Освальду даже предложили выступить с рассказом об Америке на митинге, но он вежливо отказался.

Языка русского, что бы там позднее не писали, Освальд первое время почти не знал. Для занятий с ним в виде партийного поручения отрядили проходившего практику на заводе молодого инженера Станислава Шушкевича, который печально прославился потом участием в беловежском сговоре. Освальд дисциплинированно приходил на уроки, но толку от них было немного, так как сам Шушкевич английским владел пассивно (то есть мог только читать).

Освальд работал в небольшом экспериментальном цехе, где собирали пробные партии телевизоров перед запуском в серию. Многие коллеги в один голос заявляют, что особого желания трудиться у Ли никогда не было. Вел он себя довольно самоуверенно, не проявлял готовности приспосабливаться к советскому образу жизни даже в мелочах. Так, например, курить в специально отведенной комнате он не хотел и предпочитал делать это прямо на рабочем месте, положив ноги на стол. Когда сотрудники помогали Ли переезжать в отдельную квартиру, тот

возмущался скудостью ее обстановки (кровать, тумбочка шкаф, стол и табуретка). Рабочие в свою очередь были возмущены разборчивостью американца: они об отдельной квартире в его возрасте могли только мечтать.

А квартира эта, пусть и однокомнатная, располагалась практически в центре города в хорошем доме с прекрасным видом на реку Свислочь, на улице с характерным названием Коммунистическая. Мебель, пусть и нехитрую, Освальду купил завод. Кухня была небольшой, жилая комната тоже (15 квадратных метров). Зато с середины марта 1960 года Освальд мог позволить себе вести богатую личную жизнь.

Американец был фигурой для минских девушек весьма приметной. И рядом с домом, и на заводе ему часто кричали вслед: «Алик! Алик!». Алику такое внимание, естественно, льстило, но он никак не мог привыкнуть к тому, что за русскими девушками надо долго ухаживать. Они были отнюдь не такими легкодоступными, как японские. Алик же после знакомства часто приглашал прямо к себе домой («послушать музыку»), а потом лез целоваться. Отказы переносил плохо. Одной знакомой даже сказал в сердцах: «Дура! Счастья своего не понимаешь!»

В апреле 1960 года Алик стал ухаживать за девушкой со своего завода Эллой Герман. Элла не поступила в институт (срезалась на белорусском языке) и работала на заводе, чтобы скоротать время до новой попытки. Освальду она понравилась из-за лилейно-белой кожи и изящества форм (Ли не любил крупных девушек). Единственным недостатком Эллы, как отметил Освальд в своем дневнике, было то, что в свои 24 года она еще была девственницей.

Элла вспоминала потом, что Алик очень нервничал, когда 1 мая 1960 года советской ракетой был сбит хваленый У-2, а летчик Фрэнсис Гарри Пауэрс попал в плен. Освальд волновался, не скажутся ли эти события плохо на нем как на американце. Еще Алик рассказывал о том, что в Америку ему возвращаться уже нельзя, так как его там убьют. И вообще, когда он жил в Москве до приезда в Минск, то его соотечественники за ним там охотились. Элле казалось, что парень приукрашивает факты, чтобы заинтересовать ее, тем более что в повседневной жизни Алик был трусоват. Однажды, когда они с Эллой прогуливались, им навстречу попалась заплаканная женщина, у которой только что вырвали сумку. Элла ожидала, что Алик бросится вдогонку за преступником, но тот даже предложил пойти другой дорогой, чтобы не попасть на ту же улицу. Естественно, можно предположить, что Освальд боялся провокаций.

1 мая 1960 года, посетив парад, Освальд, пошел на вечеринку в семью

Зигеров. У дона Алехандро, как называл себя иммигрант, было две дочери, но одна из них была с точки зрения Освальда страшненькой, а вторая — слишком старой (26 лет). Зигер прямо посоветовал Ли возвращаться в Америку. Освальд стал задумываться, так как Зигер имел на него большое влияние («он видел мир»). Затем, когда летом Зигеры брали Освальда на загородные прогулки на своем «москвиче», подобные разговоры продолжались.

Но Освальд, плохо переносивший русские морозы, весной и летом об отъезде думать не собирался. У него появились друзья. В основном из круга так называемых «стиляг», обожавших все иностранное. Самым близким приятелем стал Павел Головачев, немного говоривший по-английски. Головачев был сыном генерала ВВС и жил тоже в отдельной квартире. Он занимался «фарцовкой» и за это вылетел из комсомола. На завод его отдали «перевоспитываться». Паша был человек компанейский, он обеспечивал Освальда девушками не столь строгих правил.

Сразу же после знакомства к Головачеву подошел сотрудник КГБ и предупредил его, чтобы тот не оказывал на американца дурного влияния. Вообще, белорусские чекисты были Освальду чем-то вроде незримой няньки. Однажды, когда Освальд чуть не подрался с работником на заводе, работника этого по наводке КГБ «пропесочили» на собрании и заставили извиниться, хотя виноват был Алик. Освальд не пил, и, когда его напоили друзья в ресторане, их тоже проработали по полной программе. Ли такое внимание к собственной персоне, естественно, льстило. Поэтому он стал вести себя более самоуверенно. Один раз, когда на заводе один из коллег включил радио (а Освальд в это время занимался английским с Эллой Герман), Ли назвал его при всех «русской свиньей».

Другим близким другом Освальда был Эрнст Титовец (или Эрих, как он называл тогда себя в честь суперпопулярного в те годы писателя Эриха Марии Ремарка), студент-медик, хорошо говоривший по-английски. Головачев, Титовец и девушки были неизменными участниками всякого рода вечеринок дома у Освальда или в популярном кафе рядом с оперным театром. Донжуан Освальд, несмотря на хороший доход, был отменным скупердяем. Наружное наблюдение КГБ отметило, что Освальд быстро научился ездить на троллейбусе без билета. Встречаясь с девушками, Освальд не водил их в ресторан, а ел там сам, когда свидание заканчивалось.

К разговорам на политические темы Освальд подходил очень осторожно, и первое время всячески расхваливал жизнь в СССР. Один раз, когда обсуждалась статья в «Правде» о выступлении президента США

Эйзенхауэра, Ли выступил с критикой американского президента. Неправда, говорил он, что СССР, по мнению Эйзенхауэра, отстал от Америки по техническому развитию. Запомнился еще и странный взгляд Освальда на роль личности в истории. В Советском Союзе в то время был пик критики культа личности Сталина. А Освальд подчеркивал важность героя в истории и говорил, что метод иногда важнее результата.

По оценкам КГБ, Освальд особо не желал учиться и вообще не занимался развитием своих марксистских взглядов. Он по-прежнему говорил дежурными лозунгами, и КГБ сделал вывод, что Освальда нельзя использовать и в пропагандистских целях, так как эффект мог бы оказаться обратным. Наблюдение выявило, что Ли Харви Освальд вряд ли являлся шпионом. Сотрудники КГБ даже обижались: за кого их держит ЦРУ, если присылает в качестве шпионов такой «мусор». Ли целыми днями ходил по магазинам и кафе, а вечера проводил в кино, театре или на вечеринках. Было решено ослабить режим наблюдения за американцем.

Начиная с лета 1960 года в разговорах Освальда явно под влиянием Зигеров стали проскальзывать ностальгические нотки. Как-то Ли сказал, что хочет вернуться в Америку, чтобы написать книгу о своих похождениях в СССР (кстати, когда Освальд намеревался «поступать» в швейцарский коллеж, он указывал в анкете, что хочет писать короткие рассказы о современной американской жизни).

В августе 1960 года «Налим» (такую кличку имел Освальд в КГБ; позднее он стал «Лихим») вступил в заводское общество охотников и приобрел охотничье ружье. Интерес КГБ к американцу снова несколько вырос, так как охота обычно используется как прикрытие для посещения всяких закрытых для иностранцев мест. Но Освальд охотился только вместе с заводчанами. Никуда от группы не отходил. Стрелял он плохо, и охотники даже шутили, что вместо зайца он может подстрелить их самих. К охоте Освальд быстро охладел и потом продал ружье за 18 рублей. Теперь его больше тянуло к рыбалке.

Октябрь — ноябрь 1960 года прошел в первых любовных победах над девушками, с которыми Освальда знакомили его новые друзья. Но вот Элла не сдавалась. Освальд пробовал разные подходы. Один раз он с гордостью сообщил, что знает точно — Элла еврейка, но это не помешает ему жениться на ней. Результата не было, и Освальд зашел с другого фланга. Скоро истекает год его пребывания в СССР и ему предстоит ответить на вопрос: желает ли он по-прежнему получить советское гражданство. А это-де полностью зависит только от Эллы. Если она выйдет за него замуж, то он станет советским гражданином и навсегда останется в

СССР. А то можно переселиться, например, в какую-нибудь европейскую страну, скажем Чехословакию.

Но Элла оставалась неприступной, хотя и не лишала Освальда надежды. А тот в разговоре с коллегами по работе шутил, что проведет свой первый отпуск (он предстоял в декабре) в Америке.

А на родине бывшего морского пехотинца не забывали. После первого всплеска активности в ноябре 1959 года американские спецслужбы успокоились. Посольство США в Москве сообщало, что контакт с Освальдом прервался. Но и инициативно искать его никто не собирался. Случайно новый всплеск интереса вызвала Маргарита Освальд. Как и просил сын, она выслала ему почтовый перевод в Москву на 25 долларов. ФБР отслеживало все почтовые отправления в СССР, а имя Освальд было с осени 1959 года в специальном контрольном списке (кстати, нелегальным вскрытием почты занималось и ЦРУ, хотя закон строжайше запрещал этому ведомству шпионить внутри США).

27 апреля 1960 года специальный агент далласского офиса ФБР Файн посетил Роберта Освальда и подробно расспрашивал его о Ли. 28 апреля Файн поговорил с Маргаритой Освальд. Оба ничего не знали о судьбе Ли, но Маргарита упомянула, что сын хотел учиться в Швейцарии (она получила письмо из коллежа: там по-прежнему ждали американского студента) и взял с собой свидетельство о рождении. Результаты бесед Файна были доложены лично директору ФБР Гуверу. Тот опасался, что свидетельством о рождении Освальда может воспользоваться «двойник», тем более что агент ФБР во Франции сообщил, что в швейцарском коллеже Ли Харви Освальд так и не появлялся.

ФБР запросило госдепартамент, но там об Освальде тоже ничего не знали. Госдеп пообещал, что предпримет специальные меры, чтобы никто не смог получить по свидетельству о рождении Освальда американский паспорт в любом посольстве или консульстве США за границей. Интересно, что посольство США в Москве предложило государственному департаменту, чтобы мать Освальда написала письмо сыну, а посольство передало бы его в МИД СССР и тем самым выяснило бы адрес перебежчика. Однако госдеп запретил посольству предпринимать какие-либо меры по поиску Освальда, и Маргарита так ничего и не узнала о предложении посольства.

Между тем ожило командование Корпуса морской пехоты США: оно прислало Ли Харви Освальду на адрес Маргариты требование бывшему морпеху явиться для решения вопроса об изменении формулировки его увольнения. Мать пыталась отсрочить решение вопроса, но корпус 13

сентября 1960 года постановил уволить Ли Харви Освальда из активного резерва с формулировкой «нежелательное увольнение». В качестве обоснования такого решения указывалось на желание Освальда получить советское гражданство. В США того времени это был «волчий билет»: с такой формулировкой Освальду было бы очень трудно найти в Америке достойную работу.

Маргарита тем временем обратилась к своему конгрессмену и в ФБР с требованием разыскать сына. А между тем 9 декабря 1960 года ЦРУ наконец решило завести на Освальда дело — № 201. По номенклатуре агентства такие дела заводились на всех, кто представлял для ЦРУ какой-либо оперативный интерес. Как уже отмечалось выше, разведка так толком и не объяснила, почему припозднилась с этим шагом ровно на год. Официальная версия такова: ЦРУ получило записку госдепа со списком известных американскому внешнеполитическому ведомству перебежчиков — граждан США. В записке содержалась просьба дополнить список и высказать свои комментарии. В ЦРУ якобы решили завести дела на всех упомянутых в списке госдепа лиц. В том числе и на Ли Харви Освальда.

Есть, правда, и другая версия событий. Бывший сотрудник ЦРУ сообщил, что дело завели, когда стало известно о намерениях Освальда вернуться в США. Но первое письмо от Освальда Посольство США в Москве получило только в феврале 1961 года. Хотя в этом письме Освальд возмущался тем, что нет ответа на его письмо, которое он послал в декабре. Письмо это действительно существовало и было перехвачено КГБ. Откуда же о нем могло узнать ЦРУ? Был ли у агентства какой-то канал связи или наблюдения за Освальдом? С заграницей в Минске переписывались Зигеры. Были у Освальда там знакомые и из числа кубинских студентов. Причем, по крайней мере, некоторые из этих студентов плохо отзывались о жизни в СССР и говорили, что если Кастро хочет создать на Кубе такое же общество, то такой революции кубинскому народу не нужно.

КГБ перехватил письмо Освальда потому, что хотел проверить, что скажет «марксист», когда придет время решать вопрос о продлении его вида на жительство в СССР (истекал 4 января 1961 года). Освальд же хотел получить от американских властей ответ, может ли он вернуться в США, чтобы знать, какой выбор у него будет 4 января.

Маргарита Освальд, не добившись никакого ответа, купила билет на поезд до Вашингтона и 26 января 1961 года приехала в столицу США. Вот уже почти неделю Америкой правил первый президент, рожденный в XX веке, — Джон Фицджералд Кеннеди. Маргарита обратилась в приемную,

попросив о личной встрече, но ее переадресовали в госдеп. Там она хотела поговорить с госсекретарем Дином Раском. Тот тоже был занят, но с Маргаритой встретились три сотрудника отдела, занимавшегося советско-американскими отношениями, а также консульской и паспортной служб. 1 февраля 1961 года по просьбе Маргариты Освальд госдеп направил в посольство в Москве стандартный запрос: посольству поручалось выяснить судьбу Ли Харви Освальда в советском МИДе.

А Освальд в Минске между тем готовился к решительному объяснению с Эллой Герман. 31 декабря 1960 года он пришел к ней домой с коробкой шоколадных конфет, и девушка пригласила его встречать Новый год вместе с ее семьей. Освальд очень обрадовался, пожаловавшись на одиночество. Праздник удался, и Ли против своего обыкновения изрядно подвыпил. 2 января он пригласил Эллу в кино и после фильма официально попросил ее стать его женой. Элла отказалась, сказав, что не любит Ли. К тому же он американец, а мама еще хорошо помнит те времена, когда за связь с иностранцем могли посадить в тюрьму.

Мужское достоинство Освальда, судя по его дневнику, было оскорблено. Он понял, что Элла никогда серьезно не относилась к нему, а позволяла ему ухаживать за собой, чтобы вызвать зависть у подруг. Провал на личном фронте и побудил Ли окончательно сделать выбор в пользу возвращения в США. Конечно, к тому времени под влиянием Зигера и личных наблюдений Освальд открыл для себя неприятные ему стороны советской действительности (обязательные собрания, разница в материальном положении между партийными работниками и простыми рабочими, отсутствие баров и боулинга и так далее). Страшно не нравилась Ли и суровая русская зима. Появились записи в дневнике, что работа «скучная», а деньги девать некуда.

А ведь еще недавно Ли купил себе шляпу и ботинки и с гордостью сказал знакомой, что любит все русское и не хочет ничем даже внешне отличаться от советских людей. На самом деле, похоже, Освальд из-за особенностей своих детства и юности просто не мог усидеть долго на одном месте. Родного дома у него не было, и как-то раз он даже сказал, что ему все равно где жить, так как он человек одинокий.

В начале 1961 года Освальд стал уже открыто критиковать советский образ жизни. Он говорил, что не уверен в преимуществах социализма перед капитализмом. Трудно, дескать, судить объективно, так как на мнение любого человека накладывает свой отпечаток его происхождение и воспитание. В советской системе ему не нравилось то, что гражданам запрещалось свободно выезжать из страны. В Америке его возмущала

расовая сегрегация.

На заводе в начале 1961 года тоже отмечали, что Освальд относится к работе спустя рукава и заинтересован только в приятном времяпрепровождении. На вопрос, нравится ли ему работа, он уклончиво отвечал, что работа как работа. В собраниях и политинформациях он не участвовал, а «на картошку» его как иностранца не посылали, жалели. Отношение коллег к Освальду испортилось: его стали называть «Лихаря» или просто «Харя». Со своей стороны Освальд обиделся на то, что его не включили в состав группы заводчан, которая поехала на экскурсию в Москву. Здесь сработал белорусский КГБ: а вдруг Освальд в Москве уйдет из-под наблюдения и установит оперативный контакт со своими американскими хозяевами?

4 января 1961 года Освальда вызвали в минский ОВИР и спросили: хочет ли он по-прежнему получить советское гражданство? Освальд позднее записал в своем дневнике, что отказался. На самом деле конфликтовать с советскими властями он пока не решался. Он сам спросил, не пришел ли уже на его имя советский паспорт, так как Освальд еще в октябре 1959 года в Москве подал прошение о приеме в советское гражданство. На вопрос хочет ли он получит постоянный вид на жительство в СССР, Освальд ответил, что сначала хотел бы прояснить вопрос со своим ходатайством по гражданству. В результате ОВИР продлил разрешение на пребывание Освальда в СССР еще на год и отправил в МВД в Москву запрос относительно советского гражданства Освальда.

Между тем белорусский КГБ направил в Москву свое мнение на сей счет. В документе подчеркивалось, что Освальд плохо работает, не является на самом деле сторонником социализма, поэтому советское гражданство ему предоставлять не следует, тем более что уже четко вырисовывается желание Освальда вернуться в США. Таким образом, в Белоруссии от Освальда хотели избавиться как можно скорей и не стали препятствовать его контактам с посольством США.

13 февраля 1961 года тот же самый Снайдер, от которого Освальд требовал лишить его американского гражданства в октябре 1959 года, получил письмо из Минска, отправленное 5 февраля. В письме Освальд заявлял о своем намерении вернуться в США, если там он не будет подвергнут судебному преследованию. Перебежчик просил вернуть его американский паспорт, так как в этом случае, по его мнению, русские дадут ему выездную визу. Освальд подчеркивал в письме, что никогда не просил дать ему советское гражданство, а советские власти в свою очередь

тоже на этом не настаивали. Совпадение по времени между письмом Освальда и запросом госдепа о его судьбе было странным. Похоже, что КГБ каким-то образом узнал об интересе к Освальду в США и перестал перехватывать корреспонденцию Освальда в посольство.

Снайдер запросил госдеп, можно ли отправить Освальду паспорт по почте и какая судьба ждет перебежчика после возвращения в США. Освальду же Снайдер ответил, что тому необходимо лично явиться в посольство. Освальд в Минске тем временем продолжал свою сложную игру, представляясь разным людям в разном обличье. В марте 1961 года в Минск приехал на гастроли оркестр Мичиганского университета. После одного из концертов флейтистку оркестра Кэтрин Мэллори окружила публика, засыпавшая ее вопросами. Но Мэллори ни слова не понимала по-русски и была поражена, когда ей предложил помочь с переводом молодой парень в стильном пальто. Тот сказал, что сам из Техаса, бывший морской пехотинец, ненавидит США и намерен провести остаток жизни в Минске.

Ненавидящий США Освальд буквально на следующий день после контакта с Мэллори ответил Снайдеру, что не может явиться в посольство лично, так как ему для этого нужно разрешение советских властей. Освальд просил прислать ему вопросник со всеми интересующими посольство вопросами. Но тем временем посольство получило из Вашингтона указание выдать паспорт Освальду только лично в руки (американцы не исключали, что от имени Освальда с ними переписывается КГБ). Снайдер предложил Освальду показать его письмо советским властям, чтобы получить необходимое разрешение на поездку в Москву.

А у Освальда тем временем наметились перемены в личной жизни. 17 марта 1961 года на танцах он познакомился с красивой девушкой: прическа «на французский манер», импортные белые туфли и платье из темно-красного китайского бархата. Освальд записал в своем дневнике, что они сразу же понравились друг другу. Это было абсолютно не так.

Девушка с французской прической Марина Николаевна Прусакова родилась 15 июля 1941 года в Молотовске (ныне Северодвинск). Отца своего она не знала, и воспитывал ее отчим. Семья жила в Ленинграде, и Марина вела там довольно вольный образ жизни (после смерти Освальда она бросилась в загул по ночным клубам и называла тот период своей жизни «вторым Ленинградом»). Отчим считал ее проституткой и не пускал домой, если она заявлялась за полночь. Марина встречалась с женатым мужчиной, а потом в гостинице ее застукали с иностранцем (Марина утверждала, что афганец ее изнасиловал). Работать ей особо не хотелось, и она уволилась из аптеки, куда ее устроили после окончания школы.

В 1959 году отношения с отчимом испортились настолько, что Марина переехала к своему дяде Илье Прусакову, подполковнику МВД, в Минск. Подполковник жил вдвоем с женой и принял к себе родственницу без особых возражений. Марина стала работать в аптеке. Она одевалась лучше коллег, так как не тратила денег ни на еду, ни на жилье. Готовить она не умела и не стремилась научиться. По хозяйству тоже не помогала. Она даже говорила жене Ильи, тете Вале, что раз у них нет детей, то ей надо завести себе любовника. А она, Марина, в этом всегда поможет.

Основным интересом девушки были парни и красивые вещи. Марина стремилась удачно выйти замуж, причем или за еврея, или за иностранца, но никак не за «русского Ваньку». В женихах (а она встречалась одновременно с несколькими «перспективными вариантами») ее интересовало, прежде всего, наличие отдельной жилплощади. Встретив на танцах Освальда, Марина сначала решила по акценту, что тот из Прибалтики. Узнав, что Алик американец, Марина сразу же дала ему своей телефон, хотя парень на нее особого впечатления не произвел.

Как-то вернувшись с очередного свидания, Марина узнала от тети Вали, что звонил ее знакомый американец, попавший в больницу с воспалением уха. Тетя уговорила Марину навестить иностранца, показав ему широкую русскую душу. Марина без особой охоты сходила в больницу, принесла Освальду тетиных пирожков и абрикосового варенья, а заодно разрешила себя поцеловать.

Освальд очень хотел переспать с Мариной, но та целомудренно говорила, что это возможно только после свадьбы. Тогда 15 апреля (менее чем через месяц после знакомства) Алик предложил Марине руку и сердце. Та сразу согласилась. Не возражали и дядя с тетей, так как надеялись, что Марина остепенится. Сам Освальд писал потом в дневнике, что женился на Марине, чтобы досадить Элле.

30 апреля молодых расписали. Тетя Валя накрыла шикарный стол с красной и черной икрой. Алик, Титовец и Головачев спели «Чаттанугу чучу» — гимн всех стиляг Советского Союза. Один из родственников, как водится, затеял драку. В общем, все как у людей.

Марина не зря работала в аптеке: после первой брачной ночи Освальд решил, что она досталась ему девственницей. Трудовой коллектив подарил молодоженам детскую коляску. Освальд с самого начала хотел детей и, к ужасу Марины, подробно интересовался ее интимным календарем. Удивляло молодую жену и то, что муж любил ходить по квартире голым, не закрывать за собой дверь в туалет и, совершенно не стесняясь, громко портить воздух.

Весь май 1961 года Освальд, судя по записям в дневнике, еще отходил от Эллы, а в июне он, к своей радости, узнал, что Марина беременна. Ли очень хотел сына, уже придумал для него имя Дэвид и любил повторять, что его сын обязательно станет президентом США.

В мае Освальд сообщил супруге, что хочет вернуться в США. Позднее Марина утверждала, что если бы знала об этом заранее, то никогда бы за Освальда замуж не вышла. Она боялась, что Освальд не найдет в Америке приличной работы, а нянчиться с ним, как в СССР, там никто не будет. Однако в целом Марина была явно не против.

16 мая 1961 года Освальд опять написал письмо в посольство, требуя гарантий, что его не будут преследовать в США. Он добавил, что женился на гражданке СССР и его жена намерена выехать вместе с ним в одно и то же время. Посольство продолжало настаивать на личном присутствии Освальда. В госдепе и ЦРУ решили проверить серьезность намерений советской стороны в отношении Освальда: если русские готовы выпустить его из страны, то они разрешат ему поехать в Москву.

Но Освальд, как всегда, решил взять игру в свои руки и, использовав свой двухнедельный отпуск, вылетел 8 июля 1961 года в Москву без всякого разрешения. КГБ, естественно, был в курсе и имел полное право задержать Освальда за нарушение режима пребывания в СССР, но делать этого не стал: чекистам самим хотелось избавиться от головной боли в лице назойливого американца как можно скорее.

Освальд страшно боялся возможного ареста, но в посольство его пропустили беспрепятственно (в Минске после возвращения из Москвы Освальд говорил, что ездил в советскую столицу на кинофестиваль). Была суббота, но Снайдера нашли, и он кратко переговорил с Освальдом, предложив прийти в понедельник. На этот раз «марксист» спорить не стал. Он сказал, что извлек тяжелый урок и теперь ценит демократическую систему США. Освальд поклялся, что не передавал русским никакой секретной информации, и они сами его об этом никогда не просили. На основании предъявленного Освальдом советского паспорта лица без гражданства Снайдер сделал вывод, что Освальд действительно не является советским гражданином. Следовательно, формальных причин не возвращать ему американский паспорт не было. Единственно, что в соответствии с указанием госдепа туда был поставлен штамп «действителен только для поездки в США». Снайдер отказался дать Освальду какие бы то ни было гарантии от уголовного преследования, но сказал, что судя по информации самого же Освальда бояться ему нечего, так как американских законов он не нарушал.

Освальд позвонил Марине и попросил ее срочно вылететь в Москву, чтобы сдать в посольстве документы для получения американской визы. Марина в Минске отнюдь не скучала, изменив мужу с одним из своих бывших ухажеров. Перед визитом в посольство Освальд настаивал, чтобы Марина скрыла свою принадлежность к советским профсоюзам и комсомолу (сам он солгал, что членом профсоюза не является).

И КГБ и американские спецслужбы начали искать в женитьбе Освальда некую подоплеку. Но КГБ, быстро проверив биографию Марины, заключил, что препятствовать ее отъезду формально не следует, так как интереса для разведслужб США она не представляет. В Америке подозревали, что жену Освальду подсунул КГБ, и долго колебались, стоит ли пускать ее в страну. Посольство даже предложило Освальду выехать в Америку одному и там дожидаться жену. Но Освальд твердо стоял на своем. Похоже, он видел в Марине гарантию от уголовного преследования: ведь она как советская гражданка могла рассчитывать на покровительство СССР. А это в свою очередь помогло бы и ему в случае неприятностей.

КГБ, правда, попытался через коллег по работе и родственников отговорить Марину от поездки в США. Марину «пропесочили» на собрании и исключили из комсомола, но это лишь только озлобило ее. Теперь она хотела уехать в Америку «назло». Сразу же после возвращения из Москвы 14 июля Ли и Марина подали документы в ОВИР на выезд из СССР. «Марксист» Освальд не преминул пожаловаться в посольство на кампанию в стиле «врагов народа», развернутую против его супруги. На заводе Освальд после возвращения из Москвы вообще прекратил работать. Когда его пытались вразумить, что надо хотя бы отрабатывать свою зарплату, тот сразу же начинал на повышенных тонах рассуждать о свободе и демократии. В результате Освальду прекратили выплачивать помощь Красного Креста. А КГБ установил в его квартире подслушивающее устройство и врезал в стену мощную линзу для визуального наблюдения.

Но в основном чекисты были свидетелями и слушателями постоянных супружеских скандалов. Освальд ругался с Мариной, что она ничего не умеет готовить, не убирается в квартире и не стирает. Та возмущалась, что Освальду не нравится каша, и он, видите ли, требует котлет! Жена посылала мужа к черту и угрожала остаться в СССР. Тот говорил, что в США гораздо более высокий жизненный уровень, хотя Марина, похоже, сомневалась, что Освальд сможет найти себе достойную работу. Пришло время, когда Ли ударил Марину в первый раз. Ирония судьбы! Марина не хотела выходить замуж за «русского Ваньку», потому что думала:

иностранцы в отличие от русских своих жен никогда не бьют. Тетя Валя пыталась как-то помогать молодым и один раз даже три часа отдраивала их квартиру. Каково же было ее возмущение, когда, придя с работы, Марина и Ли спокойно уселись ужинать, даже не пригласив ее за стол!

КГБ пытался провоцировать Освальда, подставляя ему источники «секретной» информации. Например, «друг» Павел Головачев по наводке КГБ сообщил Освальду, что его отец занимает большой пост в ВВС. Освальд никак не прореагировал. Но когда с Ли завели разговор о его военной службе, он с готовностью рассказал, что занимался радарами, показал документы об окончании соответствующих курсов, карту японского города, где он служил, и даже пропуск в бар, где он проводил свободное время.

Последний момент представляется важным: видимо, Ли до самого последнего дня пребывания в СССР пытался втюхнуть КГБ какую-то заранее подготовленную дезу. Иначе зачем брать в Россию пропуск в какой-то японский бар. Смысл здесь появляется, только если предположить, что Ли действительно ходил в «Квин би» с санкции американской разведки, а та подозревала, что бар нашпигован агентами КГБ. Если же это так, то русские обязательно должны были клюнуть на эту информацию Освальда. Но они не клюнули.

Женившись, Освальд до минимума свел свои контакты с минскими друзьями, за исключением Титовца, Головачева и Зигеров. Марину он ко всем ревновал и не позволял ей курить. Освальд теперь все чаще слушал «Голос Америки» (англоязычные передачи не глушили) и постоянно что-то писал. Именно в то время, похоже, он и создает свой «исторический дневник», в котором, путаясь в датах, начинает описывать свои впечатления от жизни в СССР.

КГБ после визита Освальда в посольство США усилило за ним наружное наблюдение, чтобы выяснить, с каким информационным «багажом» он собирается возвращаться на родину. А американец по-прежнему поставлял чекистам странные загадки: еще в феврале он вдруг стал активно изучать немецкий язык, а в июле интересовался ценами на турпоездку в Лондон. Ли возобновил активную переписку с матерью и братом Робертом, и те присылали ему американские красочные журналы, комиксы и фантастику. Теперь «марксист» Освальд с гордостью показывал знакомым журналы и говорил, что они из Америки. Если раньше Ли резко критиковал расовую дискриминацию в США, то теперь он хвалился: «Я южанин и ненавижу негров».

Осенью 1961 года Освальд не переставал жаловаться в своих письмах

посольству и родным, что русские задерживают его против воли. В декабре он даже написал письмо сенатору от штата Техас Тауэру, требуя, чтобы тот надавил на советские власти.

А те просто выжидали, как поведет себя Марина. Судя по информации системы прослушивания, она колебалась. В октябре молодая жена поехала к тетке в Харьков и та тоже уговаривала ее переменить свое решение. Марина, наверное, была бы и не прочь, так как Освальда она явно не любила и их семейная жизнь превратилась в сплошной скандал. Но в то же время она не хотела оставаться в СССР с ребенком от иностранца.

В конце ноября 1961 года белорусский КГБ дал зеленый свет на выезд. Московские коллеги тоже никаких возражений не имели. Минская милиция тем временем тоже не хотела продлевать Освальду вид на жительство на целый год: характеристика с работы у него была никудышная. 25 декабря 1961 года Марине и Ли официально сообщили, что им дано разрешение на выезд в США. Освальд отреагировал на новогодний подарок, начав мастерить какое-то взрывное устройство. Сотрудники КГБ с ужасом наблюдали за этим новым хобби американца, так как в Минск вот-вот должен был приехать Хрущев. Наверное, Ли мастерил что-то вроде петарды к Новому году, но не нашел взрывчатого вещества и выкинул «бомбу» в мусорное ведро.

3 января 1962 года КГБ опять пришлось изрядно поволноваться. «Лихой» вышел из дома с охотничьим ружьем, сел с ним в автобус, выставив оружие напоказ к удивлению пассажиров. Но Освальд всего лишь доехал до спортивного магазина, где и продал ружье за 18 «новых» рублей. На следующий день в ОВИР Освальду выдали уже не паспорт лица без гражданства, а паспорт иностранного гражданина, действительный до 5 июля 1962 года.

Освальд был полон оптимизма и рассчитывал, что вернется в Америку к марту. Но теперь он столкнулся с американской бюрократией, которая оказалась похлеще советской. Ранее конгресс принял закон, запрещавший прямую иммиграцию из социалистических стран в США, если только Служба иммиграции и натурализации США не делала специального исключения. Государственный департамент настаивал на исключении для Марины, так как иначе Освальд с его нестабильным характером мог вообще отказаться вернуться в США, а советское правительство получило бы в свои руки прекрасный пропагандистский материал: власти США разбили русско-американскую семью. Госдепартамент прямо указывал в своих письмах иммиграционным властям, что возвращение Освальда отвечает «национальным интересам США».

Причем интерес этот был не только пропагандистский: Освальдом опять заинтересовалось ЦРУ, его хотели подробно расспросить о жизни в Советском Союзе.

А Освальд словно чувствовал эту поддержку. Он обращается в посольство США с просьбой ссудить ему 800 долларов для возвращения домой. Одновременно он поручает Маргарите выбить такую же сумму через Красный Крест или другие благотворительные организации. Причем Освальд настолько уверен в успехе, что строго запрещает Маргарите брать кредит самой или тратить собственные деньги. Красный Крест Маргариту «отфутболил»: ей дали понять, что помогать перебежчикам-коммунистам не намерены. А вот госдеп согласился выделить 500 долларов. На авиабилет до США этих денег было явно недостаточно, но на пароход и поезд вполне хватало.

Не было только разрешения на въезд для Марины. А у четы Освальдов 15 февраля 1962 года родилась дочь Джун. Несмотря на то что Ли ждал сына, он очень обрадовался дочке. Завод «Горизонт» выделил молодым подарков на 27 рублей (одеяла, пеленки, игрушки). Освальд даже на время забросил переписку с посольством.

КГБ тем временем попросил Марининого дядю провести с молодыми профилактическую беседу, с тем чтобы в Америке они не допускали в адрес СССР провокационных высказываний. И Ли, и Марина твердо обещали этого не делать. Освальд буквально дрожал над дочерью. Когда Ли увидел, что Марина гладит пеленки и смачивает их водой изо рта, он страшно разволновался: «Ты что! У тебя же во рту микробы!» Ли принес тарелочку с водой и велел брызгать только оттуда.

Освальд добрался из Минска и до Корпуса морской пехоты, требуя отменить решение о увольнении его с недостойной формулировкой. В письме Освальд подчеркивал, что не выходил из гражданства США, что может подтвердить посольство в Москве. Роберта он просил еще раз навести справки, не ожидает ли его в Америке тюремное заключение. В марте 1962 года Освальд внимательно читал материалы в советских газетах о допросах сбитого пилота У-2 Пауэрса. Он намекал, что ему известно кое-что о самолете-шпионе. В письме Роберту присутствует странная фраза о том, что Освальд якобы видел Пауэрса в Москве. Пауэрс после возвращения в США (его обменяли на советского разведчика Рудольфа Абеля) утверждал, что его сбили в результате предательства Освальда.

Тем временем госдеп наконец-то добил Службу иммиграции и натурализации, которая 9 мая 1962 года согласилась впустить Марину Освальд в страну. 18 мая Освальд уволился с завода «Горизонт». Как

оказалось, нигде больше он не работал так долго. До самого отъезда Освальдов в Москву КГБ отмечал скандалы в семье. Марина посылала мужа к черту, желала ему, чтобы он катился в свою Америку один и «сдох по дороге».

20 мая состоялась прощальная беседа Ли и Марины с родственниками. Освальд еще раз обещал дяде Илье, что в Штатах не будет говорить о Советском Союзе ничего плохого. Слово он сдержал, да и в самом деле, так хорошо, как в СССР, к Освальду не относились никогда в его недолгой жизни. В последнем письме из СССР Ли просил Роберта ничего не говорить о нем журналистам, так как осенью 1959 года он, Роберт, наговорил много лишнего. При отъезде Освальд оставил записку соседке: «Стройте коммунизм сами. Вы даже не умеете улыбаться, как человеческие существа».

24 мая 1962 года чета Освальдов прибыла в Москву. Сотрудник консульской службы посольства США Джек Мэтлок (будущий посол США в Москве) снял с Марины отпечатки пальцев и выдал ей долгожданную визу. Марина прошла медицинский осмотр. Другой сотрудник посольства допрашивал Освальда («Вы коммунист?»). Паспорт того истек и его надо было продлить. Освальд держался хладнокровно, но без всякого подобострастия, иногда даже враждебно. Однако формальных причин, мешавших продлению паспорта, не нашли. Освальд подписал гарантийное обязательство о возврате кредита госдепартаменту (пока он не был выплачен, Освальд не мог получить заграничный паспорт, и был обязан сообщать свой постоянный адрес).

Освальды жили в уже знакомом нам отеле «Берлин» и занимались улаживанием всяких дорожных формальностей. В гостинице «Ленинград» за ужином они столкнулись с американской супружеской парой из Коннектикута. Причем Освальд выдавал себя за русского, а когда американец сказал, что его выдает американская этикетка на одежде, Ли резко ответил: «Вы не знаете, я могу оказаться шпионом». 30 мая Освальду вручили в посольстве три билета на корабль из Роттердама, отходивший 4 июня. Посольство выбрало самый дешевый маршрут (поездом до Голландии), который практически лишал возвращенцев возможности остановиться где-либо по дороге. В эту же ночь на поезде Москва — Берлин Ли Харви Освальд проехал Минск в последний раз.

Освальд переживал, что таможенные власти могут обнаружить и отобрать его дневник, который в общем-то служил лишь одной цели: обосновать причины его возвращения в США. Но путешествие прошло без приключений, и через 50 часов после отъезда из Москвы Ли, Марина и

Джун прибыли в Роттердам. Там они остановились на частной квартире, рекомендованной посольством.

4 июня точно по расписанию корабль «Маасдам» отбыл к берегам Нового Света. Советский период жизни Ли Харви Освальда завершился, и настало время подвести итоги. КГБ сделал это 10 августа 1962 года, сдав дело «Налима» (он же «Лихой») в архив.

Трудно отделаться от мысли, что поездку молодого, пусть и сообразительного парня в Россию кто-то тщательно спланировал. Все детали путешествия были отработаны до мелочей, включая запасной вариант въезда (через Германию) и прикрытие на случай полного срыва (коллеж в Швейцарии). Консул Посольства США в Москве Маквикар прямо говорил, что людям посвященным было известно: в советском посольстве в Хельсинки можно получить въездную визу в СССР в кратчайшие сроки. Но в газетах такой информации не публиковали.

Если поверить утверждениям самого Освальда, что еще в Японии он ходил в бар «Квин би» по заданию разведки, а потом в Калифорнии поддерживал контакты с тем же человеком из спецслужб, что и в Японии, то выстраивается следующая логическая цепочка.

После возвращения в США в 1958 году Освальда пытались заслать на Кубу, но либо отказались от этого варианта (туда уже летел тоже бывший морпех Хеммингс), либо кубинцы просто не заглотнули наживку.

Освальд лихорадочно начинает учить русский язык и всячески выпячивает свои марксистские убеждения. Командование его коммунистические настроения терпит. В кратчайшие сроки и без осложнений Освальд увольняется из морской пехоты и получает загранпаспорт.

Зачем Освальда направляли в СССР? Его явно хотели подставить советской разведке для продвижения дезинформации по проекту У-2. Проверить успех этой операции можно было довольно легко: провести полет У-2 по заранее обговоренному маршруту и выяснить степень готовности русских. Кстати, У-2 не летали над СССР с момента появления Освальда в Москве и вплоть до апреля 1960 года.

Затем в случае вербовки КГБ Освальд должен был вернуться в США, и ЦРУ получало двойного агента для игры с КГБ. Освальд, кстати, еще в Калифорнии говорил одному из сослуживцев, что скоро уедет за границу и вернется в Америку в 1961 году как герой. 1961 год, учитывая стандартные бюрократические процедуры СССР и США того времени, действительно представляется наиболее ранним сроком возвращения перебежчика на родину.

В качестве запасного варианта своей миссии Освальду надлежало просто вжиться и доставить информацию о повседневной жизни СССР (забегая вперед, скажем: он это сделал). В то время уже несколько американских граждан «сбежали» и успешно вернулись, так что миссия представлялась вовсе не опасной.

Наконец, в то время ЦРУ было озабочено ростом числа советских женщин, въезжавших в США в качестве жен американцев. Возможно, настойчивое стремление Освальда жениться объяснялось и тем, что ЦРУ хотело проверить, не подставит ли КГБ ему в виде спутницы жизни своего агента.

По сути, Освальд доказал ЦРУ, что агентов в СССР больше не надо забрасывать нелегально. Это можно было сделать вполне законным путем.

Возникает только один вопрос: поехал ли Освальд в СССР добровольно или его шантажировали? Может быть, использовали историю со странным случаем гибели часового на посту на Филиппинах? Тогда ведь ходили слухи, что это могло быть делом рук Освальда. В свою очередь, сам Освальд, привыкший постоянно менять маски (все отмечали, что Ли мгновенно чувствовал собеседника и соответственно выстраивал тональность и тему разговора), возможно, хотел в случае успеха своей заброски в СССР уйти от своих хозяев. Но прохладная реакция советской стороны вынудила его продолжать игру, оставляя поле для маневра открытым. Если ему не давали гражданство СССР и отказывали в ответственной работе, то зачем было рвать связи с Америкой?

В любом случае роль «марксиста» Освальд с самого начала играл очень неубедительно, а после начала процесса возвращения в США вообще прекратил даже делать вид на сей счет.

В целом версия, что Освальд приехал в СССР не добровольно, имеет право на существование. Тогда находит свое объяснение и странная реакция ЦРУ на его побег и отсутствие какого-либо уголовного дела против Ли, хотя было известно, что он обещал передать русским военные секреты. Наверное, Освальд ехал в Америку в надежде, что теперь от него отстанут и он сможет жить нормальной жизнью без острых шпионских приключений.

Глава четвертая.
Странник между мирами

Пока корабль «Маасдам» в течение 9 дней пересекал Атлантику, Освальд занимался важным делом. Он готовил ответы на вопросы корреспондентов, которые, как он ожидал, будут встречать его на американской земле. Причем Ли заготовил два варианта ответов: один вариант искренний, а второй, рассчитанный на благоприятное восприятие прессы. Некоторые эксперты позднее утверждали, что второй вариант был написан Освальдом под диктовку, и почерк выдавал его нежелание писать.

Приведем полностью этот любопытный документ.

Вопрос. Зачем вы поехали в СССР?

Ответ *(Вариант 1).* Я поехал из-за протеста против американской политики в других странах, это было мое личное выражение недовольства и возмущения неправильной линией поведения правительства и народа США.

Вариант 2. Я поехал как гражданин США (как турист) и жил в другой стране, на что имею полное право. Я поехал туда посмотреть страну, людей и как работает их система.

Вопрос. А что скажете об этих письмах? (Видимо, имеется в виду, прежде всего, письмо, в котором Освальд отказывался от гражданства США. — *Авт.).*

Вариант 1. Я написал несколько писем в американское посольство в октябре 1959 года, в которых выражал упомянутые выше чувства. Я пошел в посольство, чтобы легально ликвидировать мое американское гражданство, и мне отказали в этом законном праве.

Вариант 2. Я не писал писем, порочащих США! В переписке с посольством США я не делал антиамериканских заявлений. Любая критика, которую я мог выражать, была направлена против политики, а не против правительства.

Вопрос. Делали ли вы антиамериканские заявления там (то есть в СССР. — *Авт.)?*

Вариант 1. *Да.*

Вариант 2. *Нет.*

Вопрос. Нарушили ли вы какие-либо законы, живя и работая в СССР?

Вариант 1. Да. Я принес присягу на верность СССР.

Вариант 2. По американским законам, лицо теряет покровительство США, голосуя или проходя службу в вооруженных силах иностранного государства, а также принося присягу на верность этому государству. Я ничего подобного не делал.

Вопрос. Не является ли любая работа в СССР работой на государство?

Вариант 1. Конечно, и в этом смысле я нарушил законы США, согласившись работать на иностранное государство.

Вариант 2. Нет, технически только заводы, прямо работающие на государство, обычно оборонные заводы, считаются государственными. Другие заводы принадлежат работающим там трудящимся.

Вопрос. Почему вы оставались в СССР так долго, если вы только хотели посмотреть на их жизнь?

Вариант 1. Я жил в СССР с 16 октября 1959 до весны 1962 года, в течение двух с половиной лет. Я делал это, потому что жил довольно комфортабельно. У меня было много денег, бесплатная квартира, полно девушек и так далее. Почему я должен был бросить все это?

Вариант 2. Я спокойно жил в СССР до февраля 1961 года, когда я написал письмо в посольство с просьбой вернуться домой, и паспорт был на хранении в посольстве. Они пригласили меня для этого в Москву, где посольство немедленно вернуло мне паспорт и проконсультировало меня, как мне получить у русских выездную визу для себя и для моей русской жены. Этот долгий и мучительный процесс занял многие месяцы, с июля 1961 по май 1962 года. Вот почему я был там так долго, отнюдь не по желанию.

Вопрос. Вы коммунист?

Вариант 1. В принципе да. Хотя я ненавижу СССР и социалистическую систему, я по-прежнему думаю, что марксизм может работать в других условиях.

Вариант 2. Нет, конечно нет.

Вопрос. Знали ли вы когда-либо хотя бы одного коммуниста?

Вариант 1. Не в США.

Вариант 2. Я никогда не знал ни одного коммуниста помимо тех, кто был в СССР, но тут уж ничего не поделать.

Вопрос. Какие самые яркие различия между СССР и США?

Вариант 1. Никаких, за исключением того, что в США выше жизненный уровень; уровень свободы практически одинаковый; медицинская помощь и система образования лучше в СССР, чем в США.

Вариант 2. Свобода слова, путешествий. Выраженная оппозиция по отношению к непопулярной политике, свобода верить в Бога.

Корреспонденты. Спасибо большое, сэр, Вы настоящий патриот!

Поражает та тщательность, с которой Освальд готовил свои ответы. Либо он действительно был крайне искушенным человеком, знающим, например, тонкости законодательства США о гражданстве, либо его действительно кто-то хорошо подготовил.

13 июня 1962 года, пройдя мимо статуи Свободы, «Маасдам» пришвартовался в гавани Нью-Йорка. Марина думала, что пребывание в Америке будет счастливым. На это указывали приметы: шел дождь, а тринадцатое число было для Марины всегда счастливым днем. Напротив, ее супруг нервничал, он постоянно озирался по сторонам, ожидая прихода полиции и ареста. Государственный департамент предупредил о приезде Освальдов Общество помощи путешественникам, и его русскоговорящий представитель некий Спас Райкин уже разыскивал Освальдов с помощью громкоговорителя. Освальд хотел было проскользнуть незамеченным, ему явно не хотелось лишних контактов. Но Райкин все же разыскал иммигрантов и повез их в офис своей организации в Нью-Йорк. Райкин был болгарским иммигрантом и ярым антикоммунистом. Его организация Всемирная антикоммунистическая лига находилась на содержании ЦРУ. Райкин активно расспрашивал Освальда, но тот был настороже. По дороге в офис Освальд сказал сопровождающему, что служил морским пехотинцем и охранял посольство США в Москве.

Характерно, что когда государственный департамент обратился в нью-йоркский департамент по социальным вопросам с просьбой помочь Освальду, то было заявлено, что тот был в СССР с ведома госдепа. Прибыв в офис, Освальд узнал, что за авиабилет до Далласа ему следует заплатить самому. Сначала он устроил скандал, крича: «Пусть они за все платят!» У него оставалось всего 63 доллара, и сотрудники офиса сами позвонили брату Роберту. Тот, заложив машину, немедленно перевел в Нью-Йорк 200 долларов. Ли было очень неприятно попадать сразу же в финансовую зависимость от брата, но выбора не было.

Ночь семья Освальдов провела в гостинице, хотя некотрые исследователи со ссылкой на бывших сотрудников ЦРУ утверждают, что Освальд успел за ночь доехать до Вашингтона и там ЦРУ его допросило. В пользу этого говорит и один из пассажей в письме Освальда матери еще из Минска, в котором он утверждал, что прежде всего заедет в Вашингтон. Но Марина заявляет, что никуда он не ездил.

14 июня семья Освальдов, заплатив за билет 183 доллара, вылетела в Техас. На Марину в самолете косились, потому что она держала на руках

крепко спеленатого ребенка. В США пеленать детей было не принято. В том же самом аэропорту, где через год с небольшим приземлится президент США Джон Кеннеди, Ли, Джун и Марину встречал Роберт Освальд с женой Вадой, дочерью Кэти и сыном Робертом Ли. Роберта поразили внешние перемены в брате. Его некогда густые волнистые волосы стали редкими и ломкими, появились проплешины, да и сам Ли сильно похудел. Роберт даже поинтересовался, не пытали ли его русские электрошоком. Ли только улыбнулся: нет, виновата суровая русская зима.

Младший Освальд, похоже, удивился, что его опять не встречают репортеры. Роберт сообщил, что материал о возвращении брата появился 8 июня в местной газете, а всех желавших взять интервью он, Роберт, «отшил» в полном соответствии с просьбой Ли из Минска. Воссоединенная семья отправилась в дом Роберта, поразивший Марину. Роберт в свои 28 лет был менеджером по продажам одной местной компании, но Ли с гордостью за Америку говорил Марине, что вот так в США живут простые трудящиеся. Марина спросила, будут ли они жить так же.

«Конечно, чуть позже», — ответил Ли.

Марине Америка понравилась сразу же. Красивые неоновые витрины, богатый выбор товаров в магазинах. Ее в отличие от мужа отвлеченные политические темы типа счастья всего человечества не интересовали. Она имела взгляд на мир, который принято называть потребительским.

«Делай что хочешь, — сказала Марина Ли, — но я никогда не вернусь обратно в Россию».

У Ли, как мы увидим, несмотря на презрение к советскому образу жизни, совсем скоро сформируются совсем другие взгляды.

Через пару дней к Роберту приехала Маргарита, работавшая нянькой-медсестрой и находившаяся с семьей Роберта в очень прохладных отношениях. Любимый младший сын от встречи с матерью тоже был не в восторге. Они спорили, кто из них сделал больше для возвращения Ли на родину. Маргарита также огорошила Ли, заявив, что намерена написать книгу о его жизни. Ли строго запретил ей даже думать об этом, так как тогда «они» убьют Марину и ее родственников.

Сама Марина между тем с помощью жены Роберта Вады (профессионального визажиста) сделала себе короткую «американскую» стрижку и первую в жизни «химию», надела слишком короткие (с точки зрения Маргариты) шорты. Маргарита, стараясь сделать Ли комплимент, сказала, что его жена не похожа на русскую: она просто вылитая американка.

«Поэтому я и женился на ней», — ответил сын.

Ли сразу же начал искать работу, сначала интеллектуальную. Он получил в техасской комиссии по занятости (аналог биржи труда) адрес эмигранта из России Питера Грегори, работавшего в Далласе нефтяным инженером и преподававшего в местной библиотеке по совместительству русский язык. Грегори согласился проверить уровень владения русским языком нового знакомого. Он дал почитать и перевести Ли абзац из советского учебника по истории, и Освальд с этим заданием легко справился. Грегори выдал ему справку, что он вполне может работать устным и письменным переводчиком с русского языка. За ланчем Грегори подробно расспрашивал Ли о жизни в СССР. Парень ему понравился настолько, что он решил познакомиться с семьей Освальда поближе.

Но пока у Освальда, похоже, было более срочное дело. Уже в понедельник 18 июня он решил заняться тем же, чем строго запретил заниматься матери. По справочнику «желтые страницы» Ли нашел адрес машинистки Полины Бейтс и предложил ей печатать его заметки о России. Бейтс заинтересовалась, особенно когда Освальд сказал, что с большим трудом вывез эти заметки из СССР под одеждой. Бейтс запомнила, что Освальд хотел издать книгу под названием «Моя жизнь в России». Работа шла в течение трех дней и заняла в общей сложности восемь часов. Освальд помогал машинистке разбирать свои каракули (только часть текста была отпечатана, остальное написано ужасным почерком Освальда на русском и английском языках. Он говорил машинистке, что готовил манускрипт под постоянным наблюдением КГБ). В конце каждого дня Освальд забирал все материалы (включая копирку) с собой. Бейтс потом вспоминала, что у него были самые безжизненные глаза, которые она когда-либо видела.

Интересно, что, по данным Бейтс, в заметках Освальда описывался не только Минск, но и некий советский город, название которого начиналось на букву «К» (некоторые исследователи полагают, что это был Киев, в котором Освальд вроде бы никогда не был). В среду 20 июня труд над книгой неожиданно оборвался. Освальд сказал, что у него есть только 10 долларов (деньги сыну дала Маргарита) и он не может заставлять машинистку работать дальше бесплатно (к среде Бейтс напечатала как раз 10 страниц исходя из заранее согласованной платы в

1 доллар за страницу). Но Бейтс заметки очень нравились и она была готова работать бесплатно, однако Освальд сказал, что это против его принципов, и больше никогда не появлялся. Машинистка вспоминала, что Освальд крайне неохотно говорил о своей поездке в СССР. Но утверждал, что она была предпринята с санкции госдепартамента. Хотя госдеп,

дескать, предупредил, что если с Освальдом что-нибудь случится, то помогать ему не станут.

Сохранившиеся заметки Освальда о жизни в Минске являются достаточно критическими по отношению к советской действительности, и непонятно, как он собирался публиковать книгу, если боялся за родственников Марины, тем более что рвать связи с СССР он вовсе не хотел. Сразу же по приезде в Даллас Освальд заставил Марину написать в советское посольство в Вашингтоне письмо с указанием ее адреса в США (так было положено по советским законам). Сам же Освальд попросил посольство помочь ему подписаться на советские газеты и журналы и вскоре, несмотря на трудное материальное положение своей семьи, выписал журналы «Крокодил», «Огонек» и «Агитатор», а также газету «Советская Белоруссия».

Явно, что отношение Освальда к СССР потеплело после того, как он поближе столкнулся с американской действительностью. Работу переводчика (не говоря уже о подъемных деньгах, как в Москве) ему никто предоставлять не собирался. Трудно было и с работой попроще. Как только работодатели узнавали, что он отчислен из морской пехоты с плохой формулировкой, разговор сразу прекращался. Роберт считал, что с такой бумагой Ли не сможет получить в Техасе даже водительские права. Освальд 18 июня послал протест в Корпус морской пехоты (подготовленный еще в Минске), но там менять свое решение не спешили.

Ко всему прочему Ли стал понимать, что жене Роберта постоянное пребывание родственников в ее доме нравится все меньше и меньше. Начались скандалы. Освальд переживал свое положение приживалы и опять стал бить Марину (в Минске он ударил ее три-четыре раза, в Техасе это вскоре превратилось почти в норму их семейной жизни).

Между тем Ли Харви Освальда в Америке все же кое-кто ждал. Осенью 1961 года штаб-квартира ФБР сообщила в далласский офис, что Ли Харви Освальд вскоре вернется в США. Агент Файн, работавший в отделении далласского офиса ФБР в Форт-Уорте, получил задание по приезде допросить перебежчика. Файн встретился с Робертом и тот обещал сразу же поставить ФБР в известность, как только брат вернется домой. 31 мая 1962 года штаб-квартира ФБР уведомила далласский офис о предстоящем прибытии Освальда. Далласскому офису предписывалось немедленно установить местонахождение Освальда и провести с ним беседу, чтобы выяснить, не был ли он завербован в СССР советскими спецслужбами и не пошел ли он с русскими на сделку, чтобы вернуться в США. Особое внимание следовало обратить на характер сведений, которые

Освальд мог передать советской стороне. В инструкции говорилось, что если в отношении искренности «объекта» возникнут сомнения, надо предложить ему пройти тест на детекторе лжи.

14 июня штаб-квартира ФБР со ссылкой на военно-морскую разведку сообщила в свой далласский офис, что «объект» прибыл и что военно-морская разведка ничего в его отношении предпринимать не собирается. Но Роберт, как было условлено, Файну так и не позвонил. Последнему пришлось выйти на Роберта самому. Роберт был вынужден подтвердить, что Ли почти уже две недели живет у него, но боится выходить из дому, так как тогда его замучает пресса.

26 июня в час дня агент далласского офиса ФБР Файн (тот самый, который допрашивал Маргариту в начале 1960 года) разговаривал с Освальдом в своем офисе. (В этот день Освальд при очередной попытке устроиться на работу опять рассказывал, что был в Москве по заданию госдепартамента.) Разговор шел в присутствии еще одного сотрудника ФБР, чтобы в случае чего иметь свидетеля для возможного судебного разбирательства.

Освальд Файну не понравился, так как держался напряженно, говорил резко и не желал «сотрудничать со следствием». Он отказался сообщить причину своего переселения в СССР, сказав, что «не хочет заново переживать прошлое». Сообщения газет о своих антиамериканских заявлениях он назвал лживыми. Отрицал он и факт своего отказа от гражданства США. Правдивым было его утвеждение, что советские органы никогда не пытались его завербовать и не просили предоставить какую-либо секретную информацию. О своей жизни в Минске Ли сообщил только, что работал на фабрике металлистом. Назвать имена и адреса родственников Марины он отказался. Никаких сделок с советскими властями для возвращения в США он тоже не совершал. Русский язык выучил самостоятельно, будучи в морской пехоте, в комунистической партии США никогда не состоял. Да, он читал в Новом Орлеане произведения Карла Маркса, но только потому, что интересовался его экономическими взглядами. На вопрос Файна, что он имел в виду, когда писал матери и Роберту о разных идейных ценностях, Освальд отвечать отказался. Освальд показал советский паспорт Марины и признался, что намерен сообщить ее адрес в посольство СССР, как это и положено по советским законам. В целом «перебежчик» заявил, что не питает к русским никаких симпатий и в случае, если советские агенты выйдут на него, обязательно поставит ФБР в известность.

Несмотря на то что почти все сведения Освальда были правдивыми (за

исключением его попытки отказа от гражданства США), в ФБР ему не поверили и предложили пройти тест на полиграфе. Освальд напрочь отказался. Здесь надо отметить, что такие люди, как Файн, просто ненавидели коммунистов и лиц левых взглядов, практически ничего об этих взглядах не зная. В показаниях комиссии Уоррена Файн говорил, что не любит коммунистов за их атеистическое и материалистическое мировоззрение. Поэтому Файн в отчете о беседе с Освальдом предложил провести его повторный допрос. Начальство согласилось. Сам Освальд из беседы заключил, что спокойно в Америке ему жить не дадут, хотя Роберту сказал, что обращались с ним в ФБР нормально. Ли также сказал брату, что ФБР интересовалось, работает ли он на американские спецслужбы. «А вы сами не знаете?» — ответил Освальд.

Странно, но отчет о беседе Файна с Освальдом не был разослан в ЦРУ (или, может быть, ЦРУ этот документ позднее уничтожило?).

В июле Маргарита Освальд решила помочь любимому младшему сыну. Она уволилась с работы и сняла двухкомнатную квартиру, где намеревалась жить вместе с Ли и его семьей. Особого энтузиазма сын на сей счет не испытывал, но у него не было ни денег, ни работы. Маргарита вела домашнее хозяйство и готовила Ли (который был очень привередлив в еде) его любимые блюда. Жизнь вроде налаживалась. 17 июля 1962 года Ли Харви Освальд наконец-то нашел работу. Его взяли простым рабочим за мизерные 1,25 доллара в час в компанию, которая занималась изготовлением металлических дверей и жалюзи. Работа была гораздо тяжелее и грязнее, чем в Минске. На фирме Ли ценили как хорошего работника (советская квалификация, видимо, давала себя знать), хотя и отмечали, что держался он замкнуто. Живя полностью за счет Маргариты, Ли копил деньги для того, чтобы как можно раньше выплатить долги Роберту и госдепартаменту. В августе 1962 года доход Освальда, по оценке комиссии Уоррена, составлял 207 долларов 31 цент. Из них 10 долларов Освальд потратил на возврат госдеповского кредита и примерно 50 долларов вернул Роберту. Если принять во внимание, что чуть более 70 долларов Освальд заплатил за только что снятую им отдельную квартиру, то на жизнь его семье оставались сущие гроши.

Как только Освальд накопил 60 долларов, он немедленно снял отдельное жилье и даже не сообщил матери новый адрес. Маргарита плакала, когда Роберт и Ли грузили в машину нехитрые пожитки иммигрантов из СССР. Маргарита бежала за машиной, пока не отстала. Марина была потрясена таким отношением детей к матери, но Ли только сказал, что это не ее дело. Ли снял полубунгало. Многие потом описывали

это жилье как трущобу, но впервые в США у семьи Освальдов была отдельная квартира с небольшим собственным двориком. Через несколько дней Маргарита, неведомо как узнавшая новый адрес сына, пришла навестить молодых и принесла Марине посуду и детские вещи. Когда Ли вернулся с работы и узнал, что в их доме была мать, он запретил Марине в следующий раз открывать ей дверь. Марина начала спорить, и Ли ударил ее.

Но в целом семейный быт вроде стал налаживаться. Когда Ли возвращался с работы, Марина с дочерью встречали его на улице. Любящий отец брал Джун на руки и, обняв жену, гордо вступал в собственный дом. Марина любила ходить в расположенный напротив супермаркет, рассматривая изобилие товаров. Ли с удовольствием посещал оружейный отдел. Чтобы побаловать жену, Ли покупал ей «русские» продукты (соленые огурцы, селедку, квашеную капусту). Даже красную икру! Хотя и сам Ли ее очень любил (хотя в целом русскую пищу он ненавидел), он отказывался к ней притронуться и с умилением наблюдал, как Марина ест этот «дефицит». Но, в общем, на еде, как и на всем другом, приходилось экономить. Почти треть зарплаты Ли, как уже отмечалось, отдавал на погашение долгов.

Не собирался Освальд отказываться и от своего увлечения политикой. Его публично известные взгляды после возвращения из СССР можно схематично описать как левые, но в то же время антисоветские. Он по-прежнему плохо отзывался о капитализме, а советский социализм считал грубым искажением марксистских принципов. По его мнению, будущее человечества состояло в некой свободной федерации городов без жесткого централизованного государства (Освальд называл этот строй «афинской демократией»). При этом жители этого нового общества имели право на частную собственность и свободное ношение оружия. Сверхприбыль подлежала изъятию и направлению на общественные нужды.

5 августа 1962 года Освальд подписался на газету компартии США «Уоркер», а 12 августа направил запрос в социалистическую партию трудящихся (троцкистская организация), желая стать ее членом. Троцкисты ответили, что в районе Далласа у них первичных оганизаций нет. Тогда Освальд послал 25 центов, чтобы получить материал о Троцком. Такого «безобразия» ФБР потерпеть не могло. Здесь надо сказать, что в «свободных» США того времени почта сообщала ФБР о людях, получавших левые публикации. Освальда даже заставили заполнить специальную карточку, где он подтверждал, что получает всю эту «подрывную» литературу добровольно. Освальд выразил протест, в общем,

справедливо назвав эту процедуру запугиванием.

Узнав, что бывший житель Минска Ли Харви Освальд выписал коммунистическую газету, ФБР восприняло это как предлог для проведения с ним очередной «профилактической» беседы. 16 августа 1962 года Марина как раз разогревала вернувшемуся с работы Ли ужин, когда к ним в квартиру постучал человек в штатском. Уже знакомый нам агент Файн пригласил Ли для беседы в припаркованную неподалеку машину (хотя Освальд предлагал Файну пройти в дом, тот отказался, чтобы не травмировать жену), где их поджидал еще один агент ФБР. Потом Файн говорил, что специально не пошел к Ли на работу, чтобы не создавать тому проблем.

Ничего нового Освальд не сказал. Ему задавали те же самые вопросы, а он опять давал на них те же самые ответы; снова сказал, что причины его поездки в СССР являются сугубо личным делом: «Я поехал, я вернулся». Советская разведка вербовать его не пыталась, так как Освальд признал не без горечи, что не был для русских важной птицей. Правда, Освальд сообщил, что лет через пять намерен посетить с женой СССР, чтобы повидаться с ее родственниками. Важным для ФБР было заявление Освальда, что он не брал с собой в СССР свидетельство о рождении (то есть двойников можно было не опасаться). Между тем у ФБР имелась информация, что в 1961 году некто, используя свидетельство о рождении Освальда, пытался купить в США грузовики от имени кубинской эмигрантской организации.

Хотя Освальд вел себя во время второй беседы более вежливо (он опять обещал поставить ФБР в известность, если на него выйдут русские агенты), все равно на некоторые важные вопросы он не ответил. Прежде всего, на самый основной вопрос: зачем он вообще ездил в СССР? Тем не менее Файн резюмировал, что угрозы для безопасности США Освальд не представляет. Такой вывод базировался на двух умозаключениях ФБР: Освальд не состоял в компартии США (об этом ФБР сообщили информаторы в самой компартии) и начал работать (то есть «остепенился»). Поэтому было решено перевести дело Освальда в так называемый «неактивный статус». По сути, дело было закрыто в октябре 1962 года. На этот раз отчет о беседе с Освальдом был направлен в ЦРУ.

Освальд вернулся с беседы очень расстроенным.

«Начинается! — в сердцах бросил он Марине. — Так как я был там, они меня в покое не оставят! Они думают, что все, кто там был, русские шпионы». Еще он сказал жене, что ФБР попыталось его завербовать как информатора, но он наотрез отказался. Приходится признать, что КГБ вел

себя по отношению к Освальду гораздо более уважительно и тонко. Да, за Освальдом наблюдали, но никаких неудобств для его повседневной жизни не создавали. Скорее, наоборот, КГБ оберегал Освальда, получая необходимую информацию через знакомых странного американца.

Точно так же решило поступить и ЦРУ. После отчета о допросе Освальда ФБР в разведке сделали вывод, что получать информацию от этого индивидуума следует более аккуратными методами. Как мы увидим, именно это и произошло.

25 августа 1962 года Питер Грегори решил собрать у себя представителей русской эмиграции Далласа, чтобы показать им любопытную молодую семью, только что вернувшуюся из Советского Союза. Что же представляла собой далласская русская эмиграция образца 1962 года? До Второй мировой войны в Далласе жило всего лишь несколько человек, выходцев из бывшей Российской империи. Неформальным лидером эмигрантов был некий Джордж (Георгий) Буэ, сбежавший из Петрограда в Финляндию в 1923 году. Буэ оказывал помощь вновь прибывавшим эмигрантам и организовал в Далласе приход Русской зарубежной православной церкви. В 1962 году Буэ работал личным бухгалтером одного из крупных далласских бизнесменов.

После Второй мировой войны в Даллас приехало еще около 50 человек, в основном из числа так называемых «перемещенных лиц», то есть советских граждан, работавших на немцев и отказавшихся после войны вернуться в СССР. Эмигранты обоих поколений имели одну общую черту: они были ярыми антикоммунистами и люто ненавидели СССР.

Когда Грегори сообщил Буэ об Освальдах, тот, будучи человеком осторожным, проконсультировался с одним своим знакомым, который, как считалось, имел хорошие контакты с ФБР. Но у ФБР никаких противопоказаний насчет Освальда не имелось. Поэтому Буэ и некая Анна Меллер (или Миллер) согласились прийти в дом Грегори 25 августа. К тому времени сын Питера Грегори Пол брал у Марины уроки русского языка, заплатив ей 35 долларов (Марина купила Ли рабочие брюки и рубашку).

Встреча у Грегори 25 августа поразила эмигрантов, так как и Ли, и его жена не оправдали их ожиданий, правда, по-разному. Ли оказался нетипичным американцем: его абсолютно не интересовали проблемы материального благополучия. Он любил рассуждать о политике. Марина же, наоборот, оказалась не советской комсомолкой, которую ожидали увидеть эмигранты, а девушкой, боготворившей Америку и старавшейся понравиться антисоветским эмигрантам. Как бывшая ленинградка Марина

рассказывала Буэ, что изменилось в городе с 1923 года.

Чтобы потрафить новому знакомому, она намекала, что ее воспитывала бабушка — выпускница Смольного института благородных девиц.

В общем, Марина эмигрантам сразу понравилась. Хотя потом они отмечали, что мать она была никудышная и больше всего любила поспать до обеда. У многих эмигрантов сложилось впечатление, что Марина вышла замуж за Ли только для того, чтобы уехать в Америку. Но с точки зрения многих эмигрантов это было нормально: среди них тоже хватало подобных женщин.

А вот с Ли у эмигрантов отношения не сложились. Они не могли понять, как это вернувшийся из Совдепии американец доброжелательно отзывается о многих сторонах жизни в СССР. Их бесило то, что Освальд читал в их присутствии произведения Маркса и Ленина (Буэ даже подсмотрел тайком, что книги были из библиотеки Форт-Уорта). Освальд также ненавидел эмигрантов, считая их предателями, которых ничего в жизни, кроме материального благополучия, не интересовало. Он полагал, что они рабски преклоняются перед всем американским и ненавидят его за то, что он, коренной американец, критически относится г собственной стране.

Эмигранты решили взять Марину под свое крыло, оказывая семье Освальдов мелкую материальную помощь. Они приносили Марине вещи (в основном поношенные), покупали продукты. Увидев, что у Марины проблемы с зубами, они отвезли ее в госпиталь, где студенты-практиканты дешево вырвали ей 6 зубов и вставили новые (Буэ оплатил счет в 70 долларов). Марина с готовностью принимала помощь, за что ее ругал муж. Он, в общем не без оснований, говорил, что подачками они просто покупают ее и пытаются унизить его как мужа, который не в состоянии обеспечить семью.

Но Марина была в восторге от новых друзей. Дело дошло до того, что она в присутствии эмигрантов и мужа нелестно отзывалась о сексуальной потенции последнего. Эмигранты же пооощряли намечавшийся разрыв, так как «коммунист» Освальд им не нравился. Они говорили Марине, что если она уйдет от мужа, то они помогут ей самостоятельно встать на ноги. Буэ начал по почте учить ее английскому языку (Освальд запрещал Марине учить английский язык, так как боялся забыть русский).

В семье начались скандалы. Ли ревновал жену к новым знакомым. Он также считал, что она предает его за мелкие подачки. Сам Ли от помощи отказывался и прослыл среди эмигрантов «неблагодарным». Буэ потом с

возмущением вспоминал, что Ли отказался принять от него в подарок две поношенные рубашки. Но они были в таком состоянии, что даже сам Буэ сказал Ли, чтобы тот походил в них на работу пару дней и выбросил. Марина постоянно «пилила» мужа за то, что он не может обеспечить ее и ребенка (хотя даже эмигранты отмечали, что Освальд был заботливым, любящим отцом; к тому же Освальд как можно скорее хотел вернуть долги Роберту и госдепу). Освальд в ответ опять начал бить жену. Как-то раз эмигранты заметили Марину с подбитым глазом, и она призналась, что это следы мужниных побоев. Через месяц после знакомства с эмигрантами семья Освальдов была на грани распада.

И здесь в поле зрения Освальдов неожиданно появляется очень странная личность, которой суждено было сыграть роковую роль в судьбе героя нашей книги. В сентябре 1962 года Освальд познакомился с бароном Георгием (Джорджем) де Мореншильдом и его четвертой женой Жанной.

Отец барона происходил из знатного дворянского рода шведского происхождения, слыл либералом и к моменту рождения Георгия в Мозыре (Белоруссия) в 1911 году был уездным предводителем минского дворянства. С большевиками старший Мореншильд не сошелся на почве отношения к религии и бежал в Польшу в 1921 году. Георгий закончил там школу, потом кавалерийское училище. Затем он появляется в Бельгии, где получает диплом коммерсанта. Перед самой войной Георгий переезжает в Америку к старшему брату Дмитрию. С работой у него не ладится. Единственным талантом русского дворянина является умение сходиться с людьми и очаровывать женщин (Мореншильд был высоким, импозантным мужчиной).

В годы войны Георгий работает вроде бы на французскую и английскую разведки (вербуя агентов и не давая подставным немецким фирмам скупать нефть в США). Одновременно ФБР подозревает его в прогерманских настроениях и на этом основании ему отказывают в 1942 году в приеме на службу в американскую разведку. Часть военных лет Мореншильд (сменивший тогда свое немецкое «фон» на французское «де») проводит в Мексике, откуда его депортируют (он утверждал, что из-за женщины, но говорили, что за все те же прогерманские настроения). В 1944 году Мореншильд получает диплом геолога-нефтяника в Техасском университете в Остине, где ФБР отмечает уже его прокоммунистические настроения. Легко сходящийся с людьми светский дворянин-бонвиван имеет много знакомых среди сливок американского общества. Так, он знает семью Бувье, где подрастает очаровательная дочка Жаклин. В записной книжке Мореншильда был телефон техасского бизнесмена

Герберта Уокера Буша (причем с его прозвищем, известным только друзьям), который позднее станет директором ЦРУ и президентом США.

После войны Мореншильд много путешествует якобы по делам бизнеса, причем в те страны, которые представляли интерес для американской разведки. В частности, он ездил на Кубу и в Венесуэлу. В 1957 году на деньги правительства США он направляется искать нефть в Югославию. Там его два раза задерживают при попытке приблизиться к острову, где находилась резиденция Тито. После возвращения из Югославии его подробно допрашивает глава далласского подразделения ЦРУ Уолтер Мур. Позднее ЦРУ признало, что на основании бесед с бароном было подготовлено по меньшей мере 10 отчетов разведки. Контакты с Муром Мореншильд продолжает вплоть до своей встречи с Освальдом: они дружат семьями.

Летом 1962 года Мореншильд с женой только что вернулся из путешествия по Центральной и Южной Америке (Георгий якобы хотел развеяться после смерти сына). Правда, в Южной Америке Мореншильд не был. Зато долго находился в Гватемале, как раз в то время, когда ЦРУ готовило там вторжение на Кубу. После возвращения Мореншильд обратился в госдеп, предложив написать отчет о своей поездке для правительства США. Он также собирался писать книгу о своем путешествии (причем намеревался издать ее в том числе и в СССР) и рассчитывал, что предисловие к ней напишет Джон Кеннеди.

Мореншильд был идеальной фигурой для «мягкой обработки» Освальда. Как и Ли, барон слыл нонконформистом и любил эпатировать публику. Он мог прийти на светский раут босиком. Вместе со своей четвертой женой Жанной Фоменко (ее отец служил на КВЖД; после переезда в США бывшая танцовщица стала довольно успешным модельером женской одежды) он разъезжал по Далласу в кабриолете в одних плавках. В далласской русской эмиграции он числился левым, потому что был атеистом и полагал, что для некоторых стран коммунизм вовсе не так и плох.

Видимо, ЦРУ, получив отчет ФБР о допросах Освальда, попыталось обработать его через русскую эмиграцию. Но люди типа Буэ для этой цели не подошли. А вот Мореншильд был как раз тем, кто мог подобрать к «марксисту» Освальду ключик. Перед своим загадочным самоубийством в 1977 году (Мореншильду как раз намеревались вручить повестку для дачи показаний перед комитетом конгресса по покушениям) барон признался, что Мур лично попросил его присмотреться к Освальду. Ослушаться барон не мог, так как ему предстояла командировка в Гаити по линии одного из

правительственных агентств США. Без санкции американских спецслужб она была невозможна.

До сих пор непонятно, как Мореншильд познакомился с Ли. Версия барона состоит в том, что он просто приехал к Освальдам со своим знакомым полковником Орловым, узнав их адрес от Буэ в сентябре 1962 года. Орлов, правда, утверждал, что Освальд и Мореншильд уже были знакомы. Во всяком случае, в кратчайшие сроки барон приобрел подавляющее влияние на Освальда. Он просто по-настоящему интересовался жизнью и политическими взглядами техасского парня и тот, как вспоминал Мореншильд, «расцветал». К тому же Мореншильд в семейных спорах часто становился на сторону Ли (он сам, кстати, тоже поколачивал одну из своих предыдущих жен). Марина вспоминала, что Мореншильд был единственным человеком, советов которого Ли беспрекословно слушался.

Георгий и Ли часами говорили о политике. Оба симпатизировали Кубе и лично Кастро. Оба критиковали американских правых и поддерживали движение за гражданские права негров. Оба восхищались Хрущевым за его прямоту и крестьянский юмор. Однако в отличие от бесед с другими эмигрантами Ли не стремился огульно защищать Советский Союз. Наоборот, сравнивая материалы американской и советской печати об одних и тех же событиях, Освальд часто становился на американскую сторону.

Особенно много о политике барон и бывший морпех говорили, естественно, в октябре 1962 года, когда мир стоял на грани ядерной войны из-за Карибского кризиса. Показательно, что если раньше Ли отзывался о президенте Кеннеди положительно (молодой, динамичный лидер, сочувствующий требованиям темнокожего населения и стремившийся наладить контакты с СССР), то теперь он резко критиковал американского президента за антикубинский курс.

В короткое время Мореншильд стал единственным близким другом Ли, и тот, естественно, отдал посмотреть ему свои заметки о России. В свою очередь записки эти стали достоянием ЦРУ. Причем Мореншильд подстраховался. Якобы как-то раз, когда он вернулся домой, он обнаружил, что в его столе рылись и кто-то делал пометки карандашом на его бумагах. Барон даже написал своему другу в ЦРУ письмо на сей счет, но тот, естественно, был ни при чем. Барон вернул Ли его записки и порекомендовал опубликовать их (правда, после покушения на Кеннеди Мореншильд говорил, что взглянул на произведение Освальда мельком и ничего интересного там не обнаружил).

После знакомства с Мореншильдом в жизни Освальда происходят странные перемены. Появляется какая-то секретная сторона его вроде бы обычной жизни. Все началось со встречи у Освальдов в воскресенье 7 октября 1962 года. Помимо Буэ, Меллер, еще одной эмигрантки Елены (Лели) Холл и Маргариты Освальд (это был последний раз, когда она видела Ли до покушения на Кеннеди) там были и супруги Тэйлор (Александра Тэйлор была дочерью Мореншильда). Неожиданно Освальд сказал, что его уволили с работы, так как работа эта с самого начала была временной. На самом деле Освальдом были довольны и никто его увольнять не собирался. Тем не менее было принято решение, что Ли надо искать работу в Далласе (примерно 30 миль от Форт-Уорта), так как в этом более крупном городе больше перспектив. Эмигранты посоветовали Освальду ехать в Даллас одному, а Марина с ребенком пока поживет в разных эмигрантских семьях. Когда же Ли найдет работу и жилье, он заберет ее.

Освальд не возражал. На следующий день он как ни в чем не бывало пришел на работу, отработал полный день и вечером уехал на автобусе в Даллас. На фирме очень удивились, когда обычно дисциплинированный сотрудник не появился во вторник. Но потом пришло короткое письмо Освальда с просьбой перевести причитающуюся ему зарплату на почтовый ящик в Далласе. Почтовый ящик № 2915 был открыт Освальдом 8 октября на главном почтамте Далласа и использовался им под разными фамилиями до 14 мая 1963 года. Здесь Освальд впервые использует псевдоним «Алек Хиделл». «Алек» бесспорно отражает неформальное имя Освальда в СССР. Насчет фамилии «Хиделл» есть разные версии. Возможно, она происходит от глагола to hide (Hidell), то есть «прятаться». Примерно похоже (Heindell) звали одного из сослуживцев Освальда по Корпусу морской пехоты. А может быть, псевдоним связан с именем Фиделя Кастро.

Зять Мореншильда Тэйлор утверждал потом, что барон организовал переезд Освальда в Даллас, помог ему найти работу и, возможно, даже дал денег. Во всяком случае, в течение октября 1962 года ни Марина, ни Роберт, ни эмигранты практически не знали, где живет Ли. Они даже шутили, что он спит на скамейках в парке. Сам Освальд потом называл этот период своей жизни подпольем. По крайней мере, свои адреса, которые Освальд называл знакомым эмигрантам, были ложными.

В чем же причина странного ухода Освальда в подполье? Некоторые исследователи, в основном сторонники версии об убийце-одиночке, пишут о всегда присущей Освальду черте: стремлению к секретности, тяге к приключениям и так далее. Но если мы вспомним поведение молодого

парня в Минске, то КГБ так и не смог обнаружить в нем ничего тайного или подозрительного. Освальд, например, никогда даже не просил установить в его квартире телефон. Да и до октября 1962 года в Форт-Уорте ничего странного в поведении Освальда не было. Псевдонимами он не пользовался, почтовых ящиков не заводил, а если и лгал насчет своего прошлого, то только ради того, чтобы найти работу.

Почтовый ящик, тем более на другую фамилию, обычно заводят для получения какой-либо конфиденциальной информации. Похоже, что с октября 1962 года Освальд опять начинает играть роль некоего агента-провокатора американских спецслужб под контролем Мореншильда и его хозяев. Эту версию подтверждает и необычная работа, которую получил Освальд в Далласе.

9 октября 1962 года он появился в далласском отделении техасской комиссии по занятости и произвел там очень хорошее впечатление: вежлив, опрятно одет, может четко выражать свои мысли. Освальд сказал, что во время военной службы занимался фотографией (он солгал) и хочет получить работу именно по этой специальности. Сначала его послали в одну архитектурную фирму, но там его не взяли курьером, потому что Ли был заинтересован в перспективе карьерного роста. 11 октября Освальда для собеседования пригласили в компанию «Джаггарс-Чайльз-Стоуэлл» (Jaggars-Chiles-Stovall). После 15-минутной беседы, в которой Освальд соврал, что его уволили из корпуса морской пехоты с почетом, его взяли учеником фотографа-печатника за 1,35 доллара в час.

Фирма, куда попал Ли, занималась в основном изготовлением и печатанием рекламных объявлений, различного рода графиков и сложных фотографических композиций. Но не только. Компания имела официальный контракт с министерством обороны США, и часть работы считалась секретной. На фирме печатались пояснения к военным картам и фотоснимкам, в частности тем, которые были получены с помощью У-2. Хотя у Освальда формально и не было допуска для работы с такими материалами, на фирме ввиду тесноты помещений каждый работник мог быть в курсе секретных заказов Пентагона. Интересно, что Освальда никто не проверял, хотя достаточно было одного звонка в далласский офис ФБР. К тому же уже после покушения на Кеннеди выяснилось, что в офисе армейской разведки в Сан-Антонио (Техас) было досье на некого Алека Хиделла (то есть Освальда). Но досье это, естественно, было уничтожено как раз тогда, когда им заинтересовалась общественность.

Освальд сошелся на фирме с неким Офштейном, который работал раньше в армейской разведке и немного знал русский язык. Офштейн был

поражен, когда Освальд стал спокойно читать и переводить написанные на кириллице пояснения к снимкам советских объектов. В конце концов Освальд попросил Офштейна помочь ему увеличить фотографию, на которой было изображено странное неамериканское здание. Освальд сказал, что это секретный объект в Минске, который охраняется круглосуточно. Офштейн, несмотря на расспросы, так и не понял, чем Освальд занимался в России, хотя заключил для себя, что тот был там либо в интересах США, либо наоборот (последнее мало вероятно, ибо тогда непонятно, почему Офштейн, бывший сотрудник разведки, не доложил «кому следует»).

Освальд со знанием дела рассказывал Офштейну об особенностях дислокации военных частей в СССР (там якобы танковые, пехотные и авиационные части располагаются отдельно, а не в комбинированных соединениях, как в США). Как-то раз Освальд спросил Офштейна, что такое микродот. Тот не знал. Ли объяснил, что так называется специальный вид передачи большого количества информации в шпионаже. С помощью фотографического процесса целые документы можно уменьшить до размеров точки и спрятать, например, под почтовой маркой обычного письма.

После покушения на Кеннеди в записной книжке Освальда слово «микродот» было обнаружено рядом с записью названия фирмы «Джагтарс Чайльз Стоуэлл». ФБР так и не смогло объяснить, что бы это значило.

Попробуем выстроить логическую цепь рассуждений. Освальд начал работать на фирме 12 октября. 14 октября на стол президента Кеннеди легли снимки У-2, ясно доказывавшие, что советские специалисты строят на Кубе пусковые установки для размещения ракет среднего радиуса действия. Освальд под руководством Мореншильда и ЦРУ мог быть специально внедрен на секретный объект (на фирме тоже работали со снимками У-2, полученными с Кубы). Если бы Карибский кризис затянулся, то Освальд мог бы быть разоблачен как советский шпион. И доказательств против него было бы предостаточно: был в России, использует почтовый ящик на вымышленную фамилию, неизвестно где живет, чтобы уйти из-под наблюдения ФБР. Наконец, подбросить тому же Освальду микродот с информацией не составляло никакого труда. Не будем забывать, что проект У-2, с которым Освальд столкнулся еще в Японии, был детищем ЦРУ, которое через Мореншильда «пасло» Освальда осенью 1962 года. Адрес Освальд не сообщал родным и друзьям по простой причине: он не хотел, чтобы его могло отследить ФБР. ЦРУ рассматривало свои связи с Освальдом как совершенно секретные. А

следовательно, даже дружественные правительственные агентства США ничего не должны были о них знать. Именно поэтому, как нам кажется, ФБР окончательно закрыло дело на Освальда именно в октябре 1962 года (как мы увидим позже, ненадолго). В этот отрезок времени Освальд с точки зрения официального внимания американских спецслужб был «бесхозен». Если бы его разоблачили как советского шпиона, никто бы не нашел формальных документов о работе этого человека на ЦРУ или ФБР. Мореншильд же был частным лицом, и его контакты с ЦРУ могли бы быть расценены просто как давняя дружба с одним из офицеров разведки.

Однако Карибский кризис к большому неудовольствию ЦРУ закончился очень быстро да еще и компромиссом, за который американские правые всех мастей нещадно ругали Кеннеди. Еще бы: американский президент обещал советскому правительству не нападать на Кубу. Секретная война США против Кастро становилась более трудоемким и опасным делом.

В период своего подполья Освальд обычно навещал Марину, кочевавшую по эмигрантским семьям, по выходным. Как только Карибский кризис закончился, Освальд сразу же вышел из «подполья», нашел квартиру, и 4 ноября 1962 года семья Освальдов переехала в Даллас. Марина к тому времени привыкла к приятному безделью (где бы она ни жила, она спала до обеда, ничего не готовила и даже не всегда мыла за собой посуду). Новую квартиру, хотя она была трехкомнатной, Марина сразу же окрестила свинарником, стоившим к тому же 68 долларов в месяц. Интересно, что Освальд в первый день на новом месте дома не ночевал, сказав, что он заплатил за ночь в другом месте и хочет это использовать.

На следующий день Освальду, по воспоминаниям хозяйки дома, позвонил некго Джордж, говоривший с иностранным акцентом. Освальд немедленно связался с Мореншильдом, и дальше события стали развиваться очень быстро. Марина с бензоколонки позвонила Анне Меллер и попросила разрешения приехать к ней, так как уже не может больше оставаться с Ли, который ее бьет. Анна нехотя разрешила, и на следующий день решать судьбу Марины собрались «лучшие люди» русской эмигрантской колонии в Далласе. Буэ прямо сказал, что, если Марина уйдет от Освальда, эмигранты ей помогут. Но если она помирится с ним, то они от нее отвернутся. Марина клятвенно обещала больше никогда не возвращаться к Ли.

Забрать ее вещи к Освальду послали Мореншильда. Освальд сначала угрожал порвать все платья жены и разбить все игрушки дочери, но потом вроде бы смирился и даже помогал грузить Маринины пожитки. Но уже

через неделю Освальд нашел новый адрес Марины и уговорил ее вернуться к нему, говоря, что в противном случае у него нет смысла жить. Марина потом вздыхала, что женское сердце не камень, но, скорее всего, она просто не могла устроиться на работу с ребенком и без английского языка и решила, что бросать Ли пока не стоит. Эмигранты, конечно, люди добрые, но они к тому времени начали тяготиться Мариной, и жить в их семьях длительное время она не могла.

Освальд же помимо очевидного факта, что он очень любил свою дочь, видимо, тоже стал подозревать, что его используют. Не зря же «друг» Мореншильд говорил всем и каждому, что разрыв Освальдов является окончательным. С семьей Ли чувствовал себя увереннее. Как бы то ни было, Марина переселилась обратно к мужу 18 ноября. А 22 ноября Роберт Освальд пригласил обоих своих братьев (но не мать) к себе на День благодарения. Ли не видел Джона Пика и его жену с того времени в Нью-Йорке, когда он угрожал им ножом. Джон гадал, забыл ли его младший брат этот инцидент. Поначалу семейное торжество шло вроде нормально. Но Марина скучала (разговоры велись на непонятном ей английском языке), и она позвонила Полу Грегори, который вскоре приехал. И здесь Джон понял, что Ли ничего не забыл и не простил: он представил своего старшего брата как «сводного», хотя раньше всегда называл его просто братом. Перед отъездом к Грегори (где День благодарения завершился беседой за сэндвичами с индейкой), три брата сфотографировались. Больше они никогда уже не встретятся в полном составе, а Роберт увидит Ли в следующий раз в далласском полицейском управлении после убийства Кеннеди.

В декабре 1962 года Освальд вдруг начинает активно выплачивать долг государственному департаменту (долг Роберту он вернул в октябре). Если раньше он переводил в госдеп по 10 долларов в месяц, то в декабре, заработав 243 доллара, он переводит 190 в Вашингтон. После «подпольного» периода, по оценкам комиссии Уоррена, на руках у Освальда была сумма в 122 доллара. На 1 декабря он смог накопить 295 долларов. Почему же Освальд, ненавидевший американскую бюрократию и не любивший оплачивать счета, вдруг резко вспомнил про свой гражданский долг? Если предположить, что он стал тяготиться зависимостью от своих тайных хозяев, то Освальд хотел иметь возможность быстро покинуть США. Для этого ему был нужен заграничный паспорт, а его нельзя было получить, не выплатив долг госдепу.

Как бы то ни было, в январе 1963 года Освальд перевел в

государственный департамент последние 206 долларов. И именно в декабре 1962 года Ли стал всерьез думать о возвращении в СССР, хотя еще месяц назад отзывался о Советском Союзе крайне негативно. На Новый год советское посольство в Вашингтоне получило поздравительную открытку от Ли и Марины Освальд с пожеланиями здоровья и успехов. Видимо, если Мореншильд и те, кто за ним стоял, пытались оторвать жену и ребенка от Ли, чтобы сделать его более податливым, то Освальд стал думать о переправке Марины и Джун в Советский Союз, где ни ЦРУ, ни ФБР достать их не могли.

Русская эмиграция не контактировала с Освальдами уже целый месяц (за исключением Мореншильда), когда барон неожиданно и без приглашения привез Марину и Ли на новогоднюю вечеринку в дом к эмигрантке Кате Форд 28 декабря 1962 года (впервые они пришли без Джун, для которой Мореншильды нашли бэби-ситгера на вечер). Марина была рада старым знакомым, поцеловала в щечку Буэ и стала активно поглощать еду на столе (эмигранты подумали, что бедняжка недоедает). Ли с эмигрантами особо не общался, не очень пытаясь скрыть свое презрение в их адрес. Все его внимание в этот вечер было обращено на симпатичную японку Яэко Окуй, которую привел на вечер виолончелист и эмигрант из Латвии Лев Аронсон. Окуй потом говорила, что они с Освальдом беседовали о пустяках. Особенно об икебане (Окуй имела лицензию на преподавание этого японского ремесла в США). Сама Окуй приехала в США в 1959 году как гувернантка, а позднее в Далласе стала вести дела по связям с общественностью южных штатов для сети японских магазинов «Ниппон сервисес».

Некоторые гости вспоминали, что якобы Окуй говорила с Освальдом не только по-английски, но и по-русски. Марина, улучив минуту, даже сказала мужу, чтобы тот был осторожнее в выражении своих политических взглядов. Мореншильд якобы тоже решил, что Окуй работает на какое-то правительство. Перед расставанием Окуй дала Освальду свой телефон.

В новогоднюю ночь Освальд демонстративно лег спать в 10 часов вечера. Марина, давясь слезами, написала письмо в Белоруссию своему бывшему другу Анатолию Шпанко. В письме она жаловалась, что Освальд ее не любит и что она сделала ошибку, не выйдя за Анатолия замуж (в Минске Марине не нравилось, что Анатолий плохо одевался, к тому же он был всего лишь студент без собственной жилплощади). Письмо было отослано тайком, но Марина наклеила недостаточно марок, и оно вернулось назад. Когда муж прочитал его, Марина ожидала побоев, но Освальд решил, что жена просто хочет вызвать в нем ревность. Однако

самостоятельно письма писать он ей запретил: отныне Марина должна была показывать всю свою корреспонденцию мужу перед отправкой.

И в Далласе, и в Форт-Уорте Ли, как и прежде, много читал, пользуясь книгами из публичных библиотек. Тематика варьировалась от Маркса и Ленина до Гитлера («Майн кампф») и любимого Оруэлла. Освальд интересовался также детективами и фантастикой.

На работе Ли использовал приобретенные навыки для изготовления визитных карточек для себя и Мореншильда. Но сработал Освальд и пару поддельных документов, в частности удостоверение об увольнении из Корпуса морской пехоты, которое давало ему определенные льготы. Документ был на имя Алека Хиделла. Работа на фирме ему нравилась, в компании новым сотрудником тоже были довольны. Освальд написал письмо в компартию и троцкистскую социалистическую партию трудящихся с предложением помочь в производстве пропагандистских материалов. Те ответили, что в случае необходимости обратятся к нему.

Непонятно, зачем Освальд писал коммунистам. Ведь до этого он все время подчеркивал, что никогда не видел ни одного американского коммуниста, а о компартии США отзывался презрительно, тем более что компартия была просоветской организацией, а Освальд в советской системе разочаровался. Возможно, что Освальд, выполняя чье-то задание, просто компрометировал коммунистов своими письмами. В пользу такой версии говорят и контакты Освальда с Комитетом за справедливую политику по отношению к Кубе. Но об этом позже.

14 января 1963 года Освальд устроился на вечерние курсы машинописи. Он явно стремился приобрести дополнительные навыки.

А 28 января 1963 года, только-только переведя последний взнос в государственный департамент, Освальд выписал по почте из Лос-Анджелеса на имя Алека Хиделла револьвер смит-вессон 38-го калибра с укороченным стволом за 22 доллара. Из этого оружия 22 ноября 1963 года он якобы убьет полицейского Типпита. Зачем Освальду понадобился револьвер? Некоторые исследователи считают, что Освальд тогда уже работал на ФБР и специально заказал оружие по почте из другого штата, потому что как раз в то время специальный сенатский комитет расследовал злоупотребления при анонимных заказах оружия по почте. Причем среди объектов дознания была и фирма, где заказал свой пистолет Ли. Но если Освальд опять играл роль подсадной утки, то почему после успешного заказа оружие не использовали при прямой даче показаний для компрометации проштрафившейся компании?

Скорее всего, Освальда попросили приобрести пистолет, чтобы потом

его «подставить» (как, собственно, и произошло 22 ноября 1963 года в Далласе). Для оправдания, может быть, и использовали предлог участия в сенатском расследовании недобросовестных фирм. Освальд, однако (к своим хозяевам он всегда относился с опаской), решил приобрести пистолет на чужое имя и для собственной самообороны. Те, кто считает, что уже тогда Освальд замышлял кого-то убить, не учитывают того обстоятельства, что Освальд был человеком очень скрупулезным и обстоятельным. Он не стал бы стрелять из оружия ближнего боя, что фактически гарантировало его задержание полицией. К тому же если Освальд и стрелял в Кеннеди 22 ноября 1963 года, то ведь не из пистолета!

Между тем для Освальда, похоже, искали применение его способностям. Мореншильд отмечал, что Ли был не только теоретиком, но и человеком действия. Еще бы, кто еще в двадцать лет рискнет переселиться за «железный занавес»?

13 февраля 1963 года Мореншильд организовал у себя дома встречу Освальда со странным человеком, немцем Фолькмаром Шмидтом. Тот работал геологом в компании «Магнолия». Учась в Гейдельберге, Шмидт жил в одной комнате с профессором Вильгельмом Кютемайером. Тот занимался прикладной психологией и проводил медицинские эксперименты по влиянию на сознание пациентов. В 1944 году профессор оказался замешанным в заговор против Гитлера и до конца войны находился в подполье.

Шмидт, по отзывам Мореншильда, был не только хорошим профессионалом, но и талантливым психологом. При этом он придерживался крайне правых взглядов. «Марксист» Освальд, как ни странно, с ним сразу поладил. Как раз тогда Ли читал о Гитлере. А немец тонко подводил его к мысли о том, сколько жизней было бы спасено, если бы какой-нибудь смелый человек убил будущего фюрера на заре его политической деятельности. Освальд и Шмидт проговорили больше трех часов. По воспоминаниям Шмидта, Освальд обрушился с резкой критикой на президента Кеннеди за его империалистическую политику в отношении Кубы. А Шмидт якобы сразу сменил тему, так как Освальд-де вышел из себя и был очень разгоряченным.

Талантливый психолог Шмидт (изучавший, кстати, русский язык) подвел Освальда к другому объекту, заговорив о генерале Эдвине Уокере, человеке весьма известном не только в Техасе, но и в США. В годы Второй мировой войны Уокер прославился как командир диверсионной группы коммандос. После войны в Корее он стал почти национальным героем. Но президент Кеннеди в 1961 году снял его с должности командующего 24-й

дивизией армии США в Германии за распространение среди военнослужащих правоэкстремистской литературы. Генерал быстро стал знаменем расистов и правых экстремистов США. Обосновавшись в Далласе, в 1962 году он пытался баллотироваться на пост губернатора Техаса, набрав 138 тысяч голосов.

Когда братья Кеннеди стали предпринимать конкретные меры по ликвидации расовой сегрегации на Юге США, Уокер чуть не довел дело до гражданской войны. Подстрекаемые генералом экстремисты попытались воспрепятствовать посланным президентом Кеннеди войскам, которые охраняли темнокожего студента, стремившегося пройти в «белый» университет штата Миссисипи. Начались массовые беспорядки, в ходе которых погибли 2 человека и десятки людей были ранены. Министр юстиции Роберт Кеннеди засадил генерала сначала в тюрьму, а потом в психушку, но богатые друзья быстро внесли за «узника совести» залог в 50 тысяч долларов. В январе 1963 года министерство юстиции временно сняло свои обвинения (Уокер обвинялся кроме всего прочего в мятеже против федерального правительства), оставив за собой право вернуться к ним позднее.

Шмидт умело перевел разговор с Кеннеди на Уокера, назвав его американским Гитлером, которого необходимо остановить. Мореншильд даже окрестил генерала «фоккер» Уокер. Он, Уокер, продолжал Шмидт, должен рассматриваться как преступник в бегах. Освальд живо подхватил тему (Мореншильд в этом не сомневался: он знал, что Ли является активным сторонником прав темнокожего населения), выразив точку зрения, что Америка движется к фашизму, а Уокер является лидером американских фашистов. Шмидт, определив Освальда как личность с тягой к саморазрушению и «логическому самоубийству», наставил его на «правильный путь». А Мореншильд тоже не забывал подливать масло в огонь, и по воспоминаниям Марины, говорил Ли, что любой, кто «нейтрализует Уокера», сделает благо для общества.

Интересно, зачем человек крайне правых взглядов Шмидт (Мореншильд потом сам назвал его фашистом) подначивал Освальда разобраться с Уокером? Уокер был одним из идейных лидеров крайне правой американской организации — Общества Джона Берча (названо в честь американского летчика, убитого китайскими коммунистами в августе 1945 года). Освальд, как и любой здравомыслящий американец, ненавидел «берчистов». Те были олицетворением американского мракобесия и боролись не только против мирового коммунизма, но негров, евреев, либералов и Организации Объединенных Наций. Общество Джона Берча

устраивало демонстрации против Кеннеди, когда тот ездил по стране, обвиняя его в пособничестве мировому коммунизму. Для Освальда слово «берчист» было самым презрительным ругательством.

Те, кто «вел» Освальда, уже скомпрометировали его как коммуниста и советского агента. Теперь осталось выяснить, способен ли коммунист Освальд на решительные действия. Генерала Уокера подставили потому, что он был в принципе для врагов Кеннеди фигурой очень удобной. Ведь если бы коммунист, только что вернувшийся из СССР, убил боевого генерала, которого президент Кеннеди выгнал из армии, то связь мирового коммунизма с американским президентом была бы продемонстрирована всему американскому народу.

В январе 1963 года Уокер уделял повышенное внимание Кубе, дежурно обвиняя Кеннеди в слабости по отношению к Кастро. Президенту перед лицом нараставшего давления крайне правых пришлось заигрывать с кубинскими эмигрантами. К декабрю 1962 года правительство США выкупило у Кубы незадачливых «борцов за свободу», которые с помощью ЦРУ пытались высадиться на острове в апреле 1961 года и попали в плен. 29 декабря 1962 года Кеннеди выступил перед 40 тысячами кубинских эмигрантов и их сторонников в Майами, принял в подарок флаг «кубинской бригады» и обещал вернуть его в «свободной Гаване».

Газета троцкистов «Милитэнт», которую как раз начал выписывать Освальд, назвала это выступление Кеннеди «открытым проявлением аморальности» президента. В своем выпуске от 21 января 1963 года «Милитэнт» опубликовала ответ Кастро Кеннеди. Кубинский лидер заявил, что Кеннеди ведет себя как пират: «Господин Кеннеди, между нами протекло уже слишком много крови».

14 февраля, на другой день после встречи «марксиста» Освальда и фашиста Шмидта, далласские газеты сообщили, что генерал Уокер направляется 27 февраля в поездку по стране с циклом лекций против мирового коммунизма. Возвращение генерала в Даллас ожидалось 3 апреля. По воспоминаниям Марины, после беседы со Шмидтом Освальд плохо спал и что-то говорил во сне на русском и английском языках. Он каждый день ходил на почту, ожидая прибытия револьвера. 17 февраля далласские газеты опять хвалили Уокера, подчеркивая его непримиримость по отношению к Фиделю Кастро. В этот же день Освальд заставил Марину написать письмо в советское посольство с просьбой разрешить ей вернуться в СССР, чтобы опять почувствовать себя полноправной гражданкой. Она просила материальную помощь на приобретение билета в Советский Союз. Очевидно, что Освальд решил разобраться с Уокером и

рассчитывал, что если его схватят или убьют, то о Марине побеспокоится ее родина. Ли сказал Марине, что любит ее и не хочет распада семьи, но пока ей лучше пожить в СССР.

А между тем кукловоды «марксиста» по-прежнему стремились оторвать его от жены, чтобы дать Ли полную свободу действий. После первой встречи с Освальдом Шмидт решил, что Ли следует познакомить с некой Рут Пэйн. Именно эта женщина заменит для Освальдов Мореншильда с апреля 1963 года. Рут была квакером и изучала русский язык. В 50-е годы она активно участвовала в программе госдепартамента по молодежному обмену между СССР и США. По линии еврейских организаций Пэйн также работала с эмигрантами из России и СССР. Есть данные, что Рут интересовалась Освальдом еще в 1957 году. Муж Рут, Майкл, был человеком тоже весьма интересным. Его отец был одним из основателей троцкистского движения США, а сам Майкл работал в компании по производству вертолетов и имел секретный допуск. К моменту встречи с Освальдом Рут и Майкл жили отдельно, но сохраняли между собой хорошие отношения.

Встреча Рут Пэйн с Освальдами состоялась 22 февраля 1963 года в доме Шмидта. Собралась довольно большая компания, которая расспрашивала Ли о СССР и его политических взглядах. Мореншильд сразу же откланялся, его роль уже была выполнена. Рут мгновенно взялась за Марину, записала ее адрес и на ломаном русском кое-как объяснила, что хочет поддерживать с ней постоянный контакт, чтобы практиковаться в русском языке.

23 февраля в день отъезда Уокера из Далласа Ли отпросился с работы. Чем он занимался целый день, неизвестно. Похоже, он был в отчаянии оттого, что заказанный им пистолет до сих пор не пришел. Вернувшись домой, он попросил Марину приготовить его любимое блюдо из риса и бобов. Марина не догадалась, что бобы и рис надо варить отдельно. Разыгрался скандал. Слово за слово. После того как Марина выбросила ужин в помойное ведро, Ли бросил ее на кровать и стал душить. Но тут закричала дочка и он сразу же разжал пальцы. Однако и Марина так жить уже больше не могла. Она попыталась повеситься в ванной на бельевой веревке. Ли предотвратил самоубийство: «Так поступают только дураки!» Марине было невдомек, что муж сильно переживал свою неудачу: он не смог «разобраться» с лидером американского фашизма. Ли попросил прощения, но не преминул заметить, что и Марина тоже виновата: «Ты же видела, в каком настроении я пришел! Не обращай сегодня на меня никакого внимания». Супруги занялись любовью, и Ли не уставал

повторять в эту ночь, что его жена — лучшая женщина в мире.

Между тем скандалы в семье Освальдов вызвали неудовольствие соседей, и хозяйка дома предупредила Ли, что если это не прекратится, ему придется подыскать себе другое жилье. Ли так и сделал. 2 марта Освальды погрузили свои небогатые пожитки в детскую коляску и пешком перешли на новую квартиру, благо та была недалеко. Они переезжали в одиннадцатый раз за последние пять месяцев.

Новое жилье было на втором этаже, с балконом. «Как у нас в Минске», — говорил Ли. Стоила квартира даже дешевле — 60 долларов в месяц (прежняя — 68). Освальду особенно нравилось здесь то, что у него была хотя и маленькая, но отдельная комната. К тому же в доме было меньше соседей, и он мог покидать квартиру практически незамеченным. Освальд четко исходил из того, что за ним следят. И самое интересное, что именно тогда, в марте 1963 года, он был абсолютно прав.

Как мы помним, ФБР закрыло дело, заведенное на Освальда в октябре 1962 года, а курировавший его агент Файн в этом же месяце уволился из ФБР. Но его преемник агент Хости в том же октябре получил задание заняться Мариной Освальд. Инструкция агенту гласила: провести беседу с Мариной примерно через полгода. Хости появился на прежней квартире Освальдов через неделю после того, как они съехали. Квартирная хозяйка дала агенту новый адрес и сообщила, что Освальд сильно пьет (тот вообще практически не употреблял спиртного) и бьет свою жену. Хости, с которым мы еще встретимся на страницах этой книги, беседовать с Мариной не стал (чтобы не усугублять напряженное положение в семье), но высказал рекомендацию снова открыть дело на Освальда, что и произошло 26 марта 1963 года.

В качестве обоснования Хости привел тот факт, что Освальд выписывает газету компартии США «Уоркер». При этом ФБР знало об этом «преступлении» еще в октябре 1962 года, тогда данное обстоятельство не помешало закрыть дело на Освальда. Хости предложил начальству зайти к Освальдам через 45 — 60 дней. Начальство не возражало. Таким образом, ФБР узнало новый адрес Освальда, вновь завело на него дело, но не стало его допрашивать. По всей видимости, кураторы бывшего морского пехотинца из ЦРУ не хотели мешать ему «разобраться» с Уокером. Встреча Освальда с ФБР могла бы спутать все карты.

Освальда подталкивали к решительным действиям и через вдруг возникшие у него на работе трудности. Работа Освальду нравилась, но вот работодатель вдруг стал высказывать недовольство. Освальд-де, закончив

ученичество, плохо справлялся со своими обязанностями. Он толкался с другими сотрудниками в тесной темной комнате, где проявляли негативы и вообще «как-то не тянул». Тем более его засекли за чтением русской газеты. Освальд чувствовал, что его вот-вот уволят, и это еще больше укрепляло в нем решимость совершить героический поступок. Терять ему было явно нечего, а о Марине позаботится СССР.

Советское посольство ответило Марине 8 марта, сообщив, какие документы ей нужно заполнить для возвращения домой. Весь этот бюрократический процесс по информации посольства мог занять 5 — 6 месяцев. Освальд заставил Марину подготовить ответ, и 17 марта она отослала в посольство свою биографию. Сам Освальд в это время тратил все свое свободное время для исследования окрестностей дома генерала Уокера. Он делал снимки с разных углов и изучал автобусные расписания, чтобы точно рассчитать время покушения и маршрут отхода. Выяснив, что рядом с домом генерала находится баптистская церковь, Освальд запланировал свой героический поступок на время церковной службы, чтобы смешаться с толпой прихожан.

Все снимки и маршруты Ли заботливо подшивал в специальное досье, которое хранил в своем «кабинете». Он строго-настрого запретил Марине входить туда даже для того, чтобы вытереть пыль. Такое впечатление, что Освальд собственными руками создавал улики на случай своего ареста. Эта явная глупость как-то не вяжется с тщательной проработкой Освальдом деталей будущего покушения. 12 марта, проведя рекогносцировку жилища Уокера, Освальд решает, что револьвером тут не обойтись. Он вырезает купон из февральского выпуска журнала «Америкэн райфлмен» и заказывает в Чикаго (то есть тоже в другом штате) на фамилию Хиделл винтовку итальянского производства «Маннлихер-Каркано» калибра 6,5 мм с оптическим прицелом (четырехкратного увеличения) за 21 доллар 45 центов. Именно из этого оружия, по данным ФБР, был убит президент Кеннеди.

Винтовка была разработана в Италии на базе стандартного оружия австро-венгерской армии в 1891 году и находилась на вооружении итальянской армии в обеих мировых войнах. К 1963 году она уже устарела и была снята с вооружения. У экспертов были полярные точки зрения относительно эффективности этого оружия. В Италии многие называли винтовку «гуманитарной», так как из нее якобы трудно убить человека. Оружие было неавтоматическим и требовало досылки пули из шестизарядного магазина в патронник после каждого выстрела. Начальная скорость полета пули была высокой, и при попадании летальный исход

был весьма вероятен. Винтовку даже использовали для охоты на слонов.

Начиная с 18 марта Освальд, который раньше охотно работал сверхурочно, стал рано уходить с работы, чтобы успевать проверять свой почтовый ящик до закрытия почтамта. В это время Марина, все-таки зайдя в кабинет мужа, обнаружила там какие-то снимки, но Ли не стал ничего разъяснять. А Марина особо и не интересовалась — ведь муж работал почти фотографом.

По стечению обстоятельств (или по чьему-то замыслу?) и револьвер, и винтовха были отправлены Алеку Хиделлу в один и тот же день — 20 марта. 25 марта Освальд забрал их на почте. Винтовку он показал на работе одному из сотрудников. Марина увидела ее позже, она не удивилась — ведь охотничье ружье было у Ли и в Минске.

Обдумывая свой героический поступок, Освальд написал свое политическое завещание. В нем он критиковал и СССР, и США. Одна система (социалистическая) искажена до неузнаваемости, другая (капиталистическая) находится при смерти. Ли, назвавший себя «радикальным футуристом», ждал гибели капитализма в США в самое ближайшее время. На смену ему должно было прийти «децентрализованное, демократическое, чисто коммунистическое общество». Фашизм в этом обществе будет законодательно запрещен. Интересно, что Ли выступал за запрет продажи пистолетов, винтовки должны были продаваться лишь с разрешения полиции и только охотничьи ружья — свободно.

Готовясь к покушению на Уокера, Ли перестал бить Марину. Вместе с женой и дочерью он гулял по выходным в парке и покупал «своим девочкам» мороженое. Освальд ходил на рыбалку, а когда Марина готовила в кухне уху из его улова, он отказывался заглядывать туда, чтобы не видеть страданий рыб. Марина полагала, что мужа успокаивает тот факт, что у него впервые в жизни появилась отдельная комната, где никто не действовал ему на нервы. В этот период Ли часто сидел на балконе, держа на коленях Джун, и часами смотрел в никуда. Появление Марины в такие минуты его явно не радовало.

Марина между тем активно развивала свою дружбу с Рут Пэйн. В частности, она сообщила Рут, что Ли хочет отправить ее назад в СССР против ее воли. Рут немедленно предложила Марине перехать к ней. Пэйн, не доверяя своему плохому устному русскому языку, даже написала Марине письмо на сей счет, но почему-то не отослала его (якобы чтобы не вмешиваться в отношения между женой и мужем).

31 марта 1963 года Ли, к удивлению Марины, попросил ее

сфотографировать его. Марина отнекивалась, говоря, что не умеет пользоваться фотоаппаратом. В конце концов она согласилась сделать снимок. Когда Ли появился во всем черном с пистолетом и винтовкой, Марина не смогла сдержать смех: «Откуда у тебя оружие, из “Интуриста”?» Освальд объяснил жене, что хочет отослать фотографию в троцкистскую газету «Милитэнт», чтобы показать: он готов на все. Ли проявил снимки на работе на следующий день. Одну фотографию он подписал: «Джуни от папы». А вот другую, датированную 5 апреля, с надписью «Джорджу от Ли Харви Освальда», получил «друг» Мореншильд. Марина приписала на обороте по-русски: «Охотник за фашистами. Ха-ха-ха». Мореншильд якобы обнаружил эту фотографию только в 1967 году среди своих неразобранных вещей.

Это явная ложь, так же как и другая, с которой Жанна Мореншильд выступила перед комиссией Уоррена. Марина ранее заявила, что еще до покушения на Уокера она показала Жанне винтовку, когда Ли был на работе: «У нас нет самого необходимого, а этот ненормальный покупает оружие». Жанна же настаивала на том, что увидела винтовку дома у Освальдов уже после покушения, хотя в то время, когда она ее видела, винтовка лежала закопанной где-то поблизости от места преступления. Не вызывает сомнений, что Мореншильд знал или догадывался о планах своего друга, которые он же и тонко навязал Освальду с помощью Шмидта. Наверняка Марина рассказала о винтовке и странной фотографии Руг Пэйн, с которой она встречалась 2 апреля. Но ни один из «друзей» не заявил в ФБР, хотя та же Пэйн потом говорила, что Ли сразу после знакомства 22 февраля ей очень не понравился.

В понедельник, 1 апреля, когда Ли проявил свои фотографии, ему сообщили, что он уволен с 6 апреля. Еще бы, читал на работе советский журнал с подозрительным названием «Крокодил». Ли не возмущался, все время смотрел в пол и, прощаясь, только сказал менеджеру: «Ну что же, спасибо». Марина в этот день ничего не узнала. Освальд сообщил о предстоящем увольнении своему приятелю Офштейну. На вопрос последнего, что же теперь Ли намерен делать, тот ответил, что если не найдет работы, то всегда может вернуться в Советский Союз. А ведь еще в марте Ли писал Роберту, что полностью овладел своим участком работы и ожидает повышения по службе. Увольнение с любимой работы сняло последние сомнения Освальда в отношении убийства Уокера: ему все равно не дадут спокойно жить в Америке и терять ему нечего.

2 апреля Освальды ужинали у Рут Пэйн. Ее бывший муж Майкл дискутировал с Ли о политике. Майкл был либералом и, так же как и

Освальд, презирал «берчистов». Освальд произвел на Майкла впечатление догматика: если ему не хватало аргументов, он просто повторял свою точку зрения. Говорили они и о генерале Уокере. Майкл потом вспоминал, что Ли был очень хорошо знаком с этой темой. По дороге домой Ли хвалил Рут и говорил, что наконец-то у Марины появилась хорошая подруга, которая поможет ей выучить английский язык. Странно, если вспомнить, что раньше Ли как раз не желал, чтобы жена учила английский.

3 апреля Ли тренировался, стреляя из винтовки на пустыре. Он, вероятно, налаживал оптический прицел. По оценкам экспертов, большого труда для бывшего морского пехотинца это не должно было составить. 5 апреля Ли вернулся с работы и предложил Марине прогуляться вместе с ней и ребенком. Но потом он, видимо, передумал и, к неудовольствию жены, взял винтовку и уехал на автобусе «попрактиковаться». Вернулся около 9 вечера.

4 или 5 апреля к Марине (по ее данным) заехала Жанна Моренщильд. Как упоминалось выше, Марина не только показала ей винтовку, но и сказала, что Ли регулярно стреляет из нее. Причем Жанна заметила, что винтовка была с оптическим прицелом, и рассказала об этом мужу. 6 апреля, в субботу Ли отработал свой последний день (Марине он об увольнении ничего не сказал), а 7 апреля, взяв винтовку, исчез из дому. Когда он появился к ужину, винтовки с ним уже не было. После ужина Ли опять ушел и вернулся поздно. Скорее всего, Освальд следил за домом генерала Уокера, отрабатывая последние детали покушения. Вот только был ли он один или ему помогали?

8 апреля Уокер вернулся в Даллас и в этот же день вечером помощник генерала Роберт Сюррей заметил двух подозрительных людей, наблюдавших за домом. Они сели в машину «форд-седан». Сюррей попытался проследить за странными незнакомцами, но потерял их на улицах Далласа. В этот же день Освальд якобы пошел на работу. Вечером он уехал на автобусе, сообщив жене, что будет на вечерних курсах по машинописи (на самом деле Освальд уже давно их не посещал). Потом Ли рассказывал Марине (она единственный свидетель), что хотел убить Уокера в этот же день, но передумал. В церкви по соседству с домом генерала в этот день не было службы, и, узнав, что она состоится в среду, Освальд решил отложить покушение.

Это объяснение вызывает ряд вопросов. Освальд и раньше довольно плотно наблюдал за домом генерала, и было бы странно, если бы он не знал расписания службы в церкви. Ведь это был ключевой элемент в плане его отхода с места преступления. Скорее всего, Освальду 8 апреля должны

были помочь: «форд» должен был увезти его. Но Освальд, видимо, не очень доверял своим помощникам: вместо дома они могли бы доставить его вместе с винтовкой прямиком в полицию или вообще застрелить на месте преступления. Ли, как и раньше, вроде бы давал себя использовать, но при этом сохранял полный контроль за происходившими событиями. Может быть, он отказался от машины, сказав, что всю операцию от начала до конца провернет сам. Но наиболее вероятно, что он все же назвал своим друзьям точный день покушения, намеренно сообщив другое время. Некоторые факты подтверждают именно эту версию.

9 апреля Ли заявил Марине, что у него выходной и ему надо забрать на работе зарплату. Его не было целый день. После ужина Ли сидел на балконе, предложив Марине присоединиться к нему. Он был как-то по-особенному мягок в тот день. Интересовался, что пишут из Белоруссии Маринины подруги и есть ли что-нибудь занимательное в «Крокодиле» или «Советской Белоруссии».

10 апреля в среду утром со слезами в глазах Ли наконец признался Марине, что его уволили. Он считал, что в этом виновато ФБР: «Когда же они наконец оставят меня в покое?» Освальд надел свой парадный серый советский костюм, чистую белую рубашку и ушел, как предполагала Марина, искать новую работу. Вернувшись на обед, Ли выглядел очень напряженно. Вечером он ушел из дому опять.

В 9 часов вечера в тот день генерал Уокер сидел за своим рабочим столом рядом с окном и трудился над налоговой декларацией. Комната была ярко освещена. Неожиданно раздался выстрел, и пуля, задев волосы Уокера, вошла в стену. Генерал не пострадал, так как неведомый стрелок попал в оконную раму (стреляли примерно с 30 метров) и пуля чуть изменила траекторию. Один из соседей генерала 15-летний Кирк Колеман видел, как примерно в это же время неизвестный мужчина укладывал какой-то предмет в багажник «форда-седана». Рядом другой незвестный садился еще в один автомобиль. Обе машины быстро уехали. Правда, потом Колеман говорил, что видел вроде только один отъезжающий автомобиль. Служба в мормонской церкви в тот день окончилась в 21.30.

Марина стала волноваться: Ли обычно никогда не задерживался так долго. Она зашла в комнату мужа и вдруг увидела на столе странную записку, придавленную сверху ключом. Когда Марина прочитала ее, она пришла в ужас. На ломаном русском языке Ли написал жене, что заплатил за квартиру, свет и воду. Ключ от почтового ящика, который тоже оплачен. Ли просил Марину отослать информацию о нем в посольство (имелось в виду советское), приложив вырезки из газет, если таковые будут.

Посольство ей поможет. Ли просил отдать кому-нибудь его одежду или просто выкинуть ее. Он подчеркнул в записке фразу: «не держи ее» (то есть одежду). С другой стороны, Марине надлежало сохранить личные бумаги мужа. Показательной была и другая фраза: «У нас есть друзья». Кого Освальд мог иметь в виду? Наверное, Мореншильда и Рут Пэйн. И только в конце записки Ли сообщал, что если он останется в живых и будет арестован, то его можно навестить в городской тюрьме.

Судя по тону записки, Освальд исходил из того, что живым не вернется. Почему? Ведь у него были все шансы уйти или, по крайней мере, быть захваченным полицией. Стрелял ведь он отнюдь не с близкого расстояния, а никакой охраны в доме генерала не было. Видимо, Ли опасался, что от него может избавиться кто-то другой. Наверное, именно поэтому он стрелял около 9 часов вечера, то есть за полчаса до окончания службы в мормонской церкви. Своим кураторам он, видимо, назвал время как раз в полдесятого вечера. Но когда те приехали за Ли, того уже и след простыл.

Домой, по воспоминаниям Марины, Освальд вернулся, весь запыхавшийся, примерно в 23.30. Винтовки с ним не было. Потом Ли признался, что закопал ее неподалеку от дома генерала рядом с железнодорожными путями. Он сказал жене, что совершил покушение на Уокера, но не знает, попал в генерала или нет. Освальд сразу включил радио, но там о происшествии ничего не сообщали. Ли быстро лег спать и в отличие от не сомкнувшей глаз Марины проспал всю ночь сном младенца.

Утром Освальд опять слушал радио и узнал, что промахнулся. Он показал Марине свое досье по Уокеру и та настояла на том, чтобы он уничтожил его. Муж повиновался. Марина в полицию не пошла, а у сыщиков, вызванных Уокером, не было никаких догадок. Пуля, извлеченная из стены, была так деформирована, что даже калибр оружия полицейские определили неправильно. Только в 70-е годы, когда появились более совершенные криминалистические технологии, было установлено, что стреляли из той же винтовки, которую нашли на шестом этаже склада школьных учебников 22 ноября 1963 года. Интересно, что после покушения на Кеннеди, когда Освальд был уже арестован, не кто иной, как Рут Пэйн предъявила полиции фотографию Освальда с винтовкой (она якобы нашла ее в поваренной книге Марины). И полиция сразу же инкриминировала Освальду покушение на Уокера. Это было весьма кстати, так как показывало общественности, что Освальд и до Кеннеди пытался убить известного политика.

Ли, купив утренние газеты, с удовольствием обнаружил, что полиция

идет по ложному следу, проверяя все машины, которые были замечены рядом с домом генерала: «Американцы настолько испорчены, что даже не могут предположить, что человек может использовать собственные ноги».

Есть в истории покушения на Уокера и до сих пор непроясненное обстоятельство. Когда полиция в ноябре 1963 года конфисковала в гараже Рут Пэйн вещи Освальда, то среди них обнаружили фотографию дома Уокера, на которой была видна машина «шевроле» 1957 года выпуска. Вот только на том месте, где был номерной знак машины, зияла дырка. Полиция утверждала, что ее сделал Освальд. Но Марина настаивала на том, что при обнаружении фотография была абсолютно целой. И она была права, так как позднее далласская полиция опубликовала несколько снимков, среди которых был и снимок с «шевроле». Дырки на фото не было, но фотография была сильно уменьшена и номер разобрать было невозможно. Как мы увидим, «шевроле» 1957 года фигурировала во многих показаниях очевидцев в ноябре 1963 года в Далласе.

На следующую ночь после покушения Ли очень плохо спал, Марина наблюдала его конвульсии во сне. Но уже в пятницу Ли оклемался настолько, что поехал в город, чтобы подать ходатайство на получение пособия по безработице. На следующий день в квартиру Освальдов громко постучали. Но это была не полиция, а всего лишь друг Мореншильд. Первая же его фраза повергла Марину Освальд в шок: «Ли, как же ты мог промазать!» Больше Ли уже никогда не встречался с Мореншильдом и его женой: они покинули Даллас через 5 дней.

14 апреля, на Пасху, Освальд решил, что полиция уже прекратила активно искать несостоявшегося убийцу Уокера. Он выкопал свою винтовку и принес ее домой. В тот же день по просьбе Марины Ли уничтожил все свои бумаги, связанные с покушением. Через три дня Освальд сообщил жене, что им надо переехать в Новый Орлеан, так как в Далласе ему невозможно найти работу. Выходные Марина и Ли провели на пикнике с Рут Пэйн. Но уже 21 апреля, прочитав утренние газеты, Ли взял пистолет и собрался из дома. В газетах писали, что бывший вице-президент Никсон (соперник Кеннеди на президентских выборах 1960 года) выступил с жесткими нападками на Кубу. Ли сказал Марине, что Никсон приезжает в Даллас, и он хочет «пойти и посмотреть». Марина якобы заперла мужа у туалете и не выпускала до тех пор, пока тот не разделся до трусов и не обещал весь день провести дома. Марина даже отобрала у него револьвер и спрятала под матрас.

В этом эпизоде странно только одно: Никсон в те дни в Даллас не приезжал и даже не собирался. В городе ждали действующего вице-

президента техасца Линдона Джонсона. Но Марина настаивала, что Освальд говорил именно о Никсоне. Уже после покушения на Кеннеди появились сведения, что Никсон все же собирался приехать в Даллас весной 1963 года, но в газетах об этом не писали.

24 апреля Рут Пэйн со своими двумя детьми заехала к Освальдам и была удивлена, застав их за сборами (трудно поверить, что Марина ранее не сказала ей о планах переселения в Новый Орлеан). Она немедленно предложила, чтобы Ли пока ехал в Новый Орлеан один. А она готова приютить Марину с девочкой у себя на любое время. Рут на своей машине отвезла Ли на автобусную станцию. А сама Рут с Мариной, Джун и вещами Освальдов поехала к себе домой.

29 апреля 1963 года ЦРУ сообщило, что не видит препятствий для поездки Джорджа Мореншильда в Гаити по линии правительства США. Мореншильд вместе со своим гаитянским партнером провел встречи в Вашингтоне с армейской разведкой. Скорее всего, миссия Мореншильда на Гаити была связана с продажей оружия тамошнему диктатору Дювалье. Одновременно с помощью своих партнеров в США и на Гаити Мореншильд должен был отработать возможность переворота на Гаити, если бы диктатор «папа Док» стал слишком одиозной фигурой. ЦРУ уже организовало в 1961 году убийство доминиканского диктатора Трухильо, который компрометировал США. Впоследствии главный гаитянский партнер Мореншильда вынужден будет эмигрировать из страны, так как его обвиняли в попытке переворота.

Пока же Мореншильд свое дело сделал и был награжден командировкой на Гаити. Но впрок ему это не пошло. В начале 70-х годов его здоровье резко ухудшилось (в этом обвиняли некоего странного врача, который пичкал барона непонятными препаратами). В 1977 году Специальный комитет конгресса США, заново расследовавший покушение на Кеннеди, послал к Мореншильду своего главного юриста с повесткой. Юрист опоздал на один день: Джордж де Мореншильд покончил жизнь самоубийством, выстрелив в голову из ружья. Вдова Мореншильда так никогда и не поверила в эту версию.

Глава пятая.
Вива Куба!

Когда Ли Харви Освальд вернулся в свой родной Новый Орлеан, где он не был с 1959 года, то город внешне почти не изменился. Та же жара и те же комары с болот. Европейский Французский квартал с бесчисленными барами, джазом и уличными торговцами. Трамваи, непривычные для Техаса, и все та же легкость бытия. Но в 1963 году в городе появилось много новых людей — эмигрантов с Кубы. Эти люди и курировавшие их американские специальные службы и сыграют, как мы увидим, основную роль в убийстве Джона Фицджералда Кеннеди и главного героя этой книги.

Для того чтобы понять все хитросплетения, в которые было суждено попасть Ли Харви Освальду на своей малой родине, просто необходимо описать политику США в отношении Кубы после прихода Фиделя Кастро к власти 1 января 1959 года.

Как уже было упомянуто в начале книги, до конца 1959 года администрация президента Эйзенхауэра еще не теряла надежды, что Кастро одумается и прекратит социальные реформы. Но после национализации американских игорных и публичных домов, банков и собственности гигантской компании «Юнайтед фрут» (Кастро предложил американцам за национализированную собственность компенсацию, но те отказались) в январе 1960 года руководство США решило взять курс на свержение Кастро.

Операцию было поручено провести ЦРУ, директор которого Аллен Даллес уже имел опыт организации «народного восстания» против правительства Хакобо Арбенса в Гватемале в 1954 году (Арбенс тоже осмелился национализировать собственность «Юнайтед фрут», с которой семья Даллесов имела прямые коммерческие связи). В рамках агентства Кубой занимался заместитель директора ЦРУ по планированию Ричард Биссел (он был в фаворе, так как успешно реализовал уже известный нам проект У-2). В марте 1960 года ЦРУ представило свой план. Он предусматривал военную подготовку кубинских эмигрантов, которые должны были высадиться на острове, закрепиться, образовать правительство, которое попросит США о военной помощи.

Одновременно или несколько раньше ЦРУ планировало убить Фиделя Кастро, его брата Рауля и Че Гевару. В то время когда КГБ после смерти

Сталина было запрещено проводить за границей операции по устранению противников СССР (последним убили лидера украинских националистов Бандеру в Мюнхене в 1959 году, приведя в исполнение приговор Верховного суда СССР), ЦРУ, наоборот, создало специальную секретную группу «Исполнительная акция». В ее функции входила разработка и осуществление покушений на лидеров иностранных государств. В 1960 году хотели «убрать» премьер-министра Конго Патриса Лумумбу и Кастро.

Технические службы ЦРУ разработали специальные отравленные сигары, которые агенты американской разведки должны были подсунуть кубинскому лидеру. Существовал и план по отравлению пищи в любимом ресторане Кастро.

В Белом доме кубинские дела курировал вице-президент США Ричард Никсон. Эйзенхауэр просил только об одном: чтобы в будущем вторжении напрямую не участвовала армия США. Между тем ЦРУ никак не могло найти исполнителей покушения на Кастро, и осенью 1960 года было решено подключить к этому делу мафию.

В сентябре 1960 года Даллес и Биссел одобрили операцию, и в том же месяце в одном из отелей некий Роберт Мэхью встретился с главарями преступного мира Америки Джоном Розелли (правая рука Аль Капоне, куратор игорного бизнеса в Лас-Вегасе) и Сэмом Джанканой (глава чикагской «семьи» «Козы ностры»), Очень важно понять, как ЦРУ работало с преступным миром, так как точно такая же схема использовалась в обработке Освальда и убийстве Кеннеди.

Формально на мафию вышел не штатный сотрудник ЦРУ, а бывший агент ФБР в Чикаго, который выполнял различные щекотливые поручения ЦРУ ранее. Именно Мэхью сфабриковал по заданию агентства порнографический фильм с участием президента Индонезии Сукарно (о чем мы уже писали, рассматривая службу Освальда в морской пехоте). Если бы переговоры Мэхью с главарями мафии стали достоянием гласности, но ЦРУ могло бы откреститься от него так же, например, как оно открещивалось от Мореншильда.

Мэхью предложил мафии за убийство Кастро 150 тысяч долларов, но Джанкана и Розелли отказались от денег: они заявили, что видят в устранении Кастро свой патриотический долг и сделают все бесплатно. Наоборот, они сами передали 500 тысяч доларов наличными на предвыборную кампанию кандидата республиканской партии на пост президента Ричарда Никсона (тот как раз боролся за место в Белом доме с Кеннеди). У мафии были точно такие счеты с Кастро, как и у бывшего юриста «Юнайтед фрут» Даллеса: Кастро ликвидировал бизнес

американской организованной преступности на острове.

В 1947 году в Гаване состоялась встреча в верхах американской и итальянской мафии. Было решено использовать Кубу как транзитный пункт нового неслыханно прибыльного бизнеса: поставок опиума и героина с Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии через Сицилию в США. Когда на Кубе стало неспокойно, мафия пыталась наладить контакт с Кастро, предложив ему оружие, если он сохранит наркобизнес.

Но Кастро оказался не очередным диктатором, а человеком принципиальным: он прикрыл наркотрафик и даже посадил в тюрьму «куратора» американской мафии на острове Сантоса Трафиканте. Трафиканте «курировал» еще и Флориду и был ближайшим сподручным самого опасного главы мафии в истории США Мейера Лански (Лански покинул любимую Гавану в тот же день, когда восторженные толпы приветствовали на улицах города бородачей Кастро; Лански назначил за голову Кастро «приз» в несколько миллионов долларов). Трафиканте все же удалось бежать с Кубы, и именно ему передали «заказ» ЦРУ Розелли и Джанкана.

Однако теневые схемы тайных операций ЦРУ помимо описанного выше преимущества формальной непричастности к криминальным делам имели и одну слабую сторону: боссы мафии не были уверены, что Мэхью действительно представляет агентство, и решили его проверить. Джанкана подозревал свою любовницу в неверности и попросил Мэхью установить в ее гостиничном номере подслушивающее устройство. Тот немедленно согласился, но в процессе установки был застигнут горничной, которая сообщила ФБР. ФБР допросило Мэхью, и тот признался, что работает с мафией по заданию ЦРУ. ФБР и особенно его бессменный директор Эдгар Гувер ревниво относились к попыткам «выскочек» из ЦРУ (ФБР было создано в 1908 году, а ЦРУ — только в 1947-м вопреки планам Гувера подмять под себя заграничную разведку) действовать внутри США — согласно американским законам это была исключительная прерогатива ФБР. Гувер устроил мини-скандал, и ЦРУ пришлось оправдываться.

Мафия решила подождать результатов президентских выборов, и к ужасу главарей преступного мира на них победил Джон Кеннеди. Собственно самого Джона особенно не опасались (через отца тот тоже получил деньги и политическую поддержку чикагской мафии). Но министром юстиции стал брат президента Роберт. Вся страна помнила, как молодой юрист сенатского Комитета по антиамериканской деятельности допрашивал Джанкану и тесно связанного с мафией лидера профсоюзов водителей грузовиков Джимми Хоффу (неудивительно, что Хоффа тоже

был одним из основных спонсоров предвыборной кампании Никсона). Роберт опубликовал книгу «Внутренний враг», где доказывал, что мафия гораздо опаснее мифической коммунистической угрозы. А в это самое время директор ФБР Гувер на полном серьезе утверждал, что сам термин «мафия» — выдумка либеральной прессы и никакой организованной преступности в США не существует.

И действительно, в год, когда братья Кеннеди пришли к власти, в судах США по делам, связанным с организованной преступностью, было осуждено только 35 человек (ФБР было некогда: оно охотилось за коммунистами). В 1963 году на скамье подсудимых оказалось уже 288 мафиози. Роберт Кеннеди нанес мафии и личное оскорбление.

Новый Орлеан и Техас в конце 50-х годов «курировал» Карлос Марчелло. Считалось, что подконтрольный ему бизнес давал больше доходов, чем весь бюджет штата Луизиана (в этом штате находился Новый Орлеан). Марчелло родился в Тунисе, но на всякий случай сделал себе фиктивное гватемальское свидетельство о рождении. «Гватемальский иммигрант» Марчелло время от времени ходил отмечаться в иммиграционную службу. 4 апреля 1961 года по личному указанию Роберта Кеннеди его арестовали и отдельным самолетом отправили на «родину» как нежелательного иностранца. За Марчелло просили все силовые структуры и конгрессмены Луизианы (они были куплены мафией), но Роберт Кеннеди был человеком упрямым. Марчелло все же удалось вернуться в Новый Орлеан, но он поклялся специальной клятвой мафии, что отомстит за обиду.

А между тем ЦРУ решило пока не задействовать мафию (тем более что бандиты не смогли купить никого из окружения Кастро) и сделало основную ставку на военное вторжение. Когда Кеннеди принес присягу в январе 1961 года, он узнал, что в лагерях ЦРУ на территории Гватемалы завершается подготовка кубинских эмигрантов (в общих чертах Кеннеди проинформировали осенью 1960 года). Даллес и Биссел фактически обманули нового президента, сообщив, что, по данным американской разведки, в случае вторжения начнется массовое народное восстание против Кастро. К тому же, убеждали президента, высаживаться нужно срочно, так как СССР уже начинает поставлять Кубе современное оружие. Кеннеди пришлось согласиться, но он резко сократил масштабы американской авиационной поддержки (планировалось, что за два дня до высадки бомбардировщики «без опознавательных знаков» уничтожат слабую кубинскую авиацию на аэродромах и потом будут прикрывать вторжение с воздуха).

По мнению ЦРУ, такое «предательство» Кеннеди и стало причиной провала операции «Сапата» в апреле 1961 года. Президент разрешил только один налет на Кубу, и часть авиации Кастро уцелела. Она и начала громить интервентов, которые тщетно просили своих хозяев из ЦРУ об «авиационном зонтике». После разгрома эмигрантов в бухте Свиней многие офицеры ЦРУ и их кубинские подопечные открыто грозились отомстить Кеннеди.

А сам Кеннеди, наоборот, считал, что ЦРУ подставило его. Ведь никакого народного восстания не случилось, а высадку осуществили в болоте, где эмигранты не смогли даже развернуться в боевые порядки. К тому же Кастро прекрасно знал ту местность, так как любил там охотиться.

Кеннеди публично взял на себя ответственность за провал операции, но в доверительной беседе пригрозил «разорвать ЦРУ на тысячу кусков и развеять их по ветру». Даллесу и Бисселу предложили уйти в отставку. Кеннеди просил Роберта стать директором ЦРУ, но тот отказался. Тем не менее именно Роберт возглавил специальную секретную группу по Кубе, которая стала пытаться сместить Кастро путем организации диверсионных рейдов против Кубы.

На смену операции «Сапата» пришла операция «Мангуст». Сотни агентов ЦРУ тренировали тысячи кубинских эмигрантов в лагерях на южном побережье США. Штаб-квартира располагалась во Флориде (на территории университета Майами). Для прикрытия операции ЦРУ создало сотни подставных фирм, используя в основном бывших сотрудников полиции, ФБР и самого же ЦРУ. Так как операция была секретной, опять были задействованы теневые схемы, когда организаторы диверсионных рейдов против Кубы формально не числились в штатах федеральных органов власти.

Роберт Кеннеди запретил использовать мафию в покушении на Кастро, но тем не менее планы по убийству кубинского лидера разрабатывлись ЦРУ чуть не каждый месяц. То хотели пропитать специальным ядовитым составом акваланг Кастро, то собирались подложить на дно моря, где он любил плавать, красивую ракушку, начиненную взрывчаткой. Была идея подсунуть Кастро специальный препарат, от которого выпала бы его известная на весь мир борода. Наиболее экстравагантным был план операции «Конец света»: в Гаване предполагалось осуществить несколько мощных взрывов, а в это время перед городом всплыла бы подводная лодка, которая осветила бы кубинскую столицу мощными прожекторами. Теоретики из ЦРУ рассчитывали запугать таким образом кубинских католиков, инсценировав

пришествие антихриста.

Кастро надоело терпеть каждодневные провокации, теракты и диверсионные рейды и он попросил Москву разместить на острове советские ракеты. В октябре 1962 года начался Карибский кризис. Роберт Кеннеди был неприятно поражен, когда узнал, что в самый разгар его секретных переговоров с советским руководством о мирной ликвидации конфликта агенты ЦРУ продолжали нападать на остров с территории США. Если бы жертвой операции «Мангуст» стали советские военные советники на Кубе, то могла бы разразиться последняя в истории человечества мировая война.

Карибский кризис закончился, как известно, обязательством США не нападать на Кубу. В среде кубинских эмигрантов и их кураторов из ЦРУ это было расценено как второе предательство Кеннеди в отношении свободной Кубы. В конце 1962 года операция «Мангуст» работала уже как бы сама по себе: огромная масса натренированных террористов вышла из-под контроля руководства ЦРУ. Различные кубинские эмигрантские организации чувствовали себя обязанными только своим личным кураторам из ЦРУ. А многие из последних не скрывали своей ненависти к Кеннеди. Например, главный куратор кубинской эмиграции от ЦРУ, зная о запрете Роберта Кеннеди использовать мафию, тем не менее продолжал контакты с организованной преступностью. Очень тесные отношения сложились и у кубинских эмигрантов с американской мафией, тем более что деловые связи «Козы ностры» и сторонников свергнутого режима Батисты сформировались еще в 40 — 50-е годы.

В начале 1963 года ФБР пришлось внедрять агентуру в таинственный мир созданного ЦРУ и частично вышедшего из-под контроля разведки антикастровского монстра. С другой стороны, ФБР пыталось скомпрометировать те организации в США, которые выступали за налаживание с Кубой нормальных отношений. Как для первой, так и для второй задачи просто идеально подходили такие люди, как Ли Харви Освальд.

Главной мишенью ЦРУ и ФБР начиная с 1961 года была организация Комитет за справедливую политику в отношении Кубы (английская аббревиатура FPCC). Комитет находился под сильным влиянием троцкистов и получал средства от кубинского правительства (законами США это не запрещалось). Организация выступала за право кубинцев жить по-своему и критиковала санкции США в отношении острова Свободы. И ЦРУ и ФБР использовали в борьбе против комитета незаконные методы: был осуществлен взлом штаб-квартиры, чтобы установить контакты

организации, офис комитета прослушивался, фабриковались и распространялись ложные слухи и документы о личной и моральной нечистоплотности руководителей организации. Была разработана операция, направленная на то, чтобы поссорить сторонников коммунистов и троцкистов среди членов организации.

В феврале 1963 года кубинские эмигранты совершили с территории США нападения на советские суда в кубинских портах. Последовал жесткий протест руководства СССР. Администрации Кеннеди пришлось дать указание береговой охране и ФБР препятствовать подобным провокационным акциям кубинской эмиграции. Были проведены рейды правоохранительных органов против некоторых эмигрантских организаций. Те, естественно, негодовали: опять американцы их предали! 19 апреля Кеннеди по своему обыкновению попытался немного отыграть назад и потрафить правым. В своей речи президент пообещал, что через 5 лет Кастро уже не будет. Речь была реакцией на недавние выступления Никсона, жестко обвинившего Кеннеди в пособничестве мировому коммунизму. У многих тогда создалось впечатление, что Кеннеди говорит об устранении кубинского премьера. 21 апреля 1963 года ведущая либеральная газета США «Нью-Йорк тайме» опубликовала реакцию Кастро на угрозы американского президента. Фидель недвусмысленно дал понять, что, по его мнению, США вместо прямого военного вторжения (ставшего невозможным благодаря Карибскому кризису) взяли курс на физическое устранение кубинского руководства. Материал из «Нью-Йорк тайме» был перепечатан ведущей далласской газетой «Таймс геральд».

И в этот же день, 21 апреля 1963 года Ли Харви Освальд пишет свое первое письмо президенту Комитета за справедливую политику в отношении Кубы Винсенту Ли. Впервые в жизни он, Освальд, стоял в центре Далласа с самодельным плакатом, на котором было написано: «Вива Фидель!». Ему как активному стороннику Кубы нужны материалы и советы комитета. Самое интересное, что полиция Далласа, внимательно следившая за всеми левыми организациями города (тем более что таковых в этом бастионе консерватизма почти и не было), не зарегистрировала ничего подобного. Потом, правда, двое полицейских вспомнили, что видели человека с самодельным плакатом на центральной улице города Мэйн-стрит, но якобы не смогли его догнать. Все это очень странно, особенно если принять во внимание подобные акции Освальда в Новом Орлеане (о них речь впереди): там он, наоборот, искал контакта с полицией и старался эпатировать прохожих, тем более, что Ли только что стрелял в Уокера и никак не был заинтересован в том, чтобы стать предметом

внимания далласской полиции и вообще местной крайне правой общественности.

Похоже, что кураторы Освальда решили с его помощью скомпрометировать комитет, отсюда и странное письмо Ли своему тезке. Однако спецслужбы не просчитали той возможности, что местная полиция может связать Освальда с покушением на Уокера (всем было ясно, что в генерала стрелял его политический противник). К тому же конкуренты ЦРУ из ФБР проверяли всю почту комитета (и, кстати, вычислили письмо Освальда) и могли натравить полицию на отправителя. Поэтому сразу же после странного контакта с комитетом Освальд и покинул Даллас. Его объяснения Марине, что в родном городе ему помогут найти работу, вряд ли правдоподобны: кроме тети Лилиан у него там из родных никого не было. А тетю Ли не видел четыре года. Напротив, в Далласе и его окрестностях жили брат Роберт и мать. Нет, Освальд явно боялся подставы своих кураторов (а версия для американской публики была бы блестящая: коммунист-перебежчик из СССР и сторонник Кастро стрелял в генерала Уокера, которого снял с должности президент Кеннеди!) и поэтому неожиданно покинул Даллас.

Тетя Лилиан была крайне удивлена, когда ей позвонил по телефону племянник и попросил разрешения временно пожить у нее, пока не найдет работу и жилье. Она полагала, что Ли так и остался в СССР. Тетя не возражала. Не возражал и ее муж Чарльз (по прозвищу «Датц»), бывший профессиональный боксер и букмекер, связанный общим бизнесом с одним из подручных главаря нью-орлеанской мафии Карлоса Марчелло. Ли сразу стал искать работу и дома почти не бывал. Правда, дня через три он вдруг спросил тетю Лилиан, знает ли она что-нибудь об их общих родственниках в Новом Орлеане. В России его якобы постоянно спрашивали о его предках. Но он ничего внятного ответить не мог. Не знала ничего о родне и Лилиан. Тогда Освальд посетил могилу своего отца и с помощью телефонной книги стал обзванивать всех нью-орлеанских Освальдов. Ему повезло только один раз. Он наткнулся на пожилую даму Хэйзел, вдову одного из братьев его отца. Та сразу же пригласила племянника в гости и подарила ему фотографию Роберта Ли Освальда в рамке.

Впервые в жизни Ли выяснил, что предки его отца, так же как и матери, были немецкого и французского происхождения. Хотя все братья отца уже умерли, в Новом Орлеане до сих пор жили три сестры Роберта Освальда, и у Ли было шесть двоюродных братьев и сестер. Однако после скандала с похоронами Роберта Освальда никто из его родственников не поддерживал контакта с Маргаритой. Только Хэйзел потом несколько раз

встречалась с ней, но никогда не видела Ли. Тот с гордостью показал новообретенной тете фотографию Марины, и Хэйзел (читавшая в газетах о побеге племянника в Советский Союз) удивленно спросила: «Она что, русская?» Хэйзел просила Ли заходить еще, но тот так никогда больше и не появился. Не стал он устанавливать контактов и с другими членами клана Освальдов. Ли узнал что хотел о своих корнях и впереди его ждали совсем иные дела.

Но прежде всего надо было что-то решать с работой. Ли внимательно читал объявления в газетах и написал множество резюме в разные компании. Как правило, он приводил о себе ложные сведения (например, о том, что уволен из Корпуса морской пехоты с почетом, или о том, что всю жизнь жил в Новом Орлеане). В качестве поручителей он указывал вымышленных сослуживцев или своего дядю «Датца» без согласия последнего. Приводились фиктивные адреса, а самого себя Освальд величал студентом колледжа. Успеха не было, и Ли жил на мизерное пособие по безработице, которое он не без труда исхлопотал себе из Техаса.

Наконец через две недели счастливый Ли бросился на шею тете, крича: «Я нашел работу!» Однако если учесть предыдущее место трудовой деятельности нашего героя, то на первый взгляд непонятно, чему он, собственно, радовался. Его приняли простым рабочим по смазке оборудования в компанию по производству и расфасовке кофе «Уильям Рейли компани». Это была грязная ручная работа, за которую платили всего 1,50 доллара в час. Даже тетя Лилиан не впечатлялась и посоветовала Ли срочно приобрести какую-нибудь профессию, чтобы наконец начать получать достойную зарплату. Но Ли не хотел учиться: «Я и так все знаю!» Выбор рабочего места представляется особенно странным, если учесть, что луизианское бюро по трудоустройству нашло для Освальда место, которое он просил: работу, связанную с фотографией. Но Ли так и не появился на собеседовании.

Почему? Возможно, что кураторам Ли место в кофейной компании было более чем удобно. Оно находилось рядом с гаражом по обслуживанию машин федеральных правоохранительных органов. А хозяин компании Уильям Рейли был одним из спонсоров кубинской эмиграции в Новом Орлеане. К тому же Освальду, видимо, сказали, что чернорабочим он будет недолго: Ли неоднократно говорил своим сослуживцам, что вскоре перейдет на хорошее место в федеральное космическое агентство НАСА. Нельзя и по сей день даже представить себе, чтобы в НАСА приняли человека с такой анкетой, как у Освальда, тем

более тогда, в самый разгар «холодной войны», если, конечно, за него не ходатайствовали либо ЦРУ либо ФБР. Кстати, некоторые работники компании Рейли вскоре действительно попали на работу в НАСА (это было очень престижно).

Пока же счастливый Ли искал жилье, в чем ему помогла бывшая подруга Маргариты Освальд Миртл Эванс. Сама она, правда, не рискнула сдать квартиру перебежчику из СССР, но порекомендовала место по соседству: 4907 Мэгэзин-стрит. Квартира была на первом этаже, имела большую жилую комнату и огороженный забором небольшой участок, где бы могли играть дети. Стоила квартира недешево — 65 долларов в месяц, но Ли сразу же внес депозит в пять долларов. Он пригласил миссис Эванс заходить к нему в любое время, и больше они уже никогда не встречались. Причем при расставании Ли наврал подруге матери насчет своего места работы, назвав реально существовавшую компанию, где он никогда не был.

Освальд сразу же позвонил жене, чтобы она перебиралась к нему. Марина была счастлива: она ходила по комнате с маленькой Джун на руках и говорила ей и Рут Пэйн: «Папа нас любит!» 10 мая 1963 года, в пятницу Ли пошел на работу. Забегая вперед, скажем, что относился он к своим обязанностям спустя рукава. Было видно, что за место он особо не держится. Он постоянно куда-то отлучался (мы скоро увидим, куда именно). А на вопрос начальства, где он пропадал, всегда отвечал, что был неподалеку. Одному из сослуживцев Ли задал странный вопрос: «Как вам здесь нравится?» Коллега подумал, что речь идет о компании, где он проработал уже 8 лет, и, естественно, отозвался о ней более чем положительно. «Да нет же, — с раздражением сказал Освальд, — я имею в виду эту проклятую страну!»

Ли с радостью ждал приезда жены, предвкушая, насколько той понравится новая квартира — холодильник и часть мебели были новыми. Увы, Маринина реакция оказалась прямо противоположной. Ей не понравилось абсолютно все. Ли, как вспоминала Рут Пэйн (именно она на своей машине привезла Марину в Новый Орлеан), всячески старался угодить жене и постоянно говорил, как он скучал без нее. Через открытую дверь Рут стала невольным свидетелем, как супруги занимались любовью.

Однако вскоре опять начались споры на пустом месте. Марина ругалась на мужа за то, что тот попытался сделать из купленной ими черной смородины вино, но это ему не удалось. В свою очередь Ли возмущался, когда Марина добавила в кастрюлю с крабами, которые как раз стремился приготовить муж, привычный ей по России лавровый лист. Марина постоянно пилила Ли за тараканов, как будто тот приносил их в

дом. Чтобы не быть постоянным свидетелем ссор, Рут даже решила уехать домой на день раньше.

Ли не сказал Марине, где он работал, намекая, что исполняет непыльные обязанности в офисе. Но она догадывалась, что это неправда. Ведь муж возвращался домой в промасленной одежде и от него пахло кофе. Потом Ли стал приносить и сам кофе, говоря, что это премии. Но Марина очень боялась, что супруг просто воровал продукцию своей фирмы.

Но первое время муж хотя бы не бил жену и по сравнению с Далласом очень любил заниматься с ней сексом. Для воспитанной в иных традициях Марины было шоком, когда Ли установил рядом с кроватью зеркало, чтобы любоваться собственным половым актом. Освальд гулял с женой и дочкой по родному городу, показывая любимые места и угощая супругу мороженым. Казалось, семейная жизнь налаживалась.

А между тем для Ли настала пора вернуться к своим баранам. 12 мая он закрыл свой почтовый ящик в Далласе и попросил почту направлять всю корреспонденцию на свой новоорлеанский адрес. Ли снова стал получать газеты компартии и троцкистов, а также «Советскую Белоруссию». Все эти издания широко освещали поездку Кастро по Советскому Союзу и критиковали президента Кеннеди за его упомянутое выше антикубинское выступление. Отдельно Освальд уведомил о смене адреса Комитет за справедливую политику в отношении Кубы, и его лидер ответил стороннику в далеком Новом Орлеане, что надеется на продолжение поддержки со стороны Освальда. Итак, переписка наконец-то завязалась, и 26 мая Винсент Ли получил от Ли Харви Освальда развернутое послание:

«*Я* официально прошу принять меня в члены вашей организации.

В прошлом я получал от вас памфлеты и т. д. либо бесплатно, либо приобретая их.

Теперь, когда я живу в Новом Орлеане, я думаю о том, чтобы за собственные средства снять небольшой офис с целью формирования отделения FPCC здесь, в Новом Орлеане.

Можете ли вы дать мне устав? (По законам США только головная структура общественной организации может разрешить формирование регионального отделения путем присвоения ему отдельного устава. — *Авт.)*

Кроме того, мне бы хотелось получить информацию насчет приобретения памфлетов и т. д. в больших количествах, а также бланков анкет для членства в FPCC и т. д.

Также была бы очень кстати фотография Фиделя, которую можно было бы поместить в рамку.

Офисы здесь стоят 30 долларов в месяц, и если у меня будет постоянный поток литературы, я с удовольствием возьму расходы на себя.

Конечно, я работаю и не могу следить за офисом все время, но я уверен, что смогу найти для этого добровольцев.

Можете ли вы дополнить все это каким-либо советом или рекомендациями?

Я не говорю, что проект будет пользоваться оглушительным успехом, но я готов попробовать.

Офис, литература и знакомство людей с вами являются базовыми предпосылками FPCC, как я полагаю. Поэтому надеюсь на ваш ответ».

Возникает вопрос. Почему вроде бы остепенившийся Освальд, наладивший свои семейные отношения, опять бросился в политику, да еще сопряженную с немалым риском и большими расходами?

Некоторые исследователи полагают, что, разочаровавшись в СССР, Ли решил переселиться на Кубу и создавал себе репутацию друга кубинской революции, чтобы без проблем получить кубинскую визу. Между тем Марина Освальд, признавая, что Ли всегда восхищался Кастро, четко заявляла позднее, что именно в Новом Орлеане ее муж всерьез заинтересовался Кубой. Правда, в мае 1963 года Ли отнюдь не твердил о переселении на остров Свободы. Да и интерес его к Кубе был в некотором отношении странным. Как и раньше, Ли много читал, и сохранились сведения о том, какие книги он брал в библиотеке Нового Орлеана. Среди них биографии Мао Цзэдуна и Кеннеди; книги о Джеймсе Бонде и научная фантастика; книги о Советском Союзе и Древнем Риме. Не было только ни одной книги о Кубе. Да и испанским языком Освальд тогда не занимался. А ведь готовясь к побегу (а скорее заброске) в СССР, Ли днями и ночами учил русский. Да и в 1959 году, когда он посещал кубинское консульство, он тоже занимался испанским.

Правда, один из деятелей кубинской эмиграции в Новом Орлеане некий Родригес после покушения на Кеннеди заявил, что Освальд брал у него уроки испанского языка и даже сохранились пленки с его голосом. Потом Родригес резко отказался от своих слов, хотя некоторые свидетели действительно видели его и Освальда вместе летом 1963 года. А Родригес, кстати, подумывал об открытии вечерних курсов испанского языка. Вот только все это было позднее, где-то в конце июля, но никак не в мае. Как мы убедимся, это имеет ключевое значение в судьбе Освальда. Скорее всего, кураторы Ли из американских спецслужб действительно не

исключали возможности легальной заброски Освальда на Кубу по примеру его миссии в Советский Союз. И об этом свидетельствует почти аналогичный случай с другим бывшим военным, ставший известным в тот же год.

В ноябре 1963 года перед комитетом конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности предстал некий Джон Гленн. В 1962 году он вступил в FPCC. А до этого неожиданно бросил университет и поступил на службу в ВВС США, где работал в разведке и учил русский язык. В качестве гида туристических делегаций он посещал СССР и социалистические страны Восточной Европы. Как и Освальд, Гленн пользовался почтовым ящиком и выписывал троцкистскую газету «Милитэнт». Летом 1963 года Гленн, вопреки запрету правительства США на поездки американских граждан, легально попал на Кубу и отказался возвращаться. Затем он якобы разочаровался в Кастро и поехал в Алжир (где только что победило очень похожее по программе на кубинцев национально-освободительное движение). Потом, как и Освальд, Гленн на деньги госдепартамента вернулся в США и в своем выступлении перед комитетом конгресса подверг резкой критике кубинский режим и особенно Комитет за справедливую политику в отношении Кубы.

Никакой разницы между Освальдом и Гленном нет. Вот только последнего сразу же после возвращения с Кубы использовали в чисто пропагандистских целях, тогда как вернувшегося из СССР Освальда продолжали «работать» как агента-двойника. Как представляется, именно поэтому Освальд вдруг отказался от публикации своих антисоветских записок об СССР летом 1962 года, хотя они имели неплохие шансы стать настоящим бестселлером. Конечно же, отъявленного эгоиста Ли не интересовала судьба Марининых родственников в СССР, тем более что и сама Марина не питала к ним уж очень глубоких чувств. А вот если предположить, что рассматривалась либо возможность возвращения Ли в СССР (отсюда и его контакты с советским посольством), либо его заброска на Кубу, то все становится на свои места. Вот только самому Ли об этом в мае 1963-го еще ничего не говорили, так как понимали, что тот отнюдь не горит желанием возвращаться в Россию.

Пока задача Освальда была много проще: скомпрометировать FPCC, за что ему обещали хорошую работу в НАСА. Эта задача приобретала актуальность, потому что источники ФБР в самом комитете докладывали как раз в это время, что национальный директор организации Винсент Ли предпринимает успешные попытки освободиться из-под влияния как коммунистов, так и троцкистов и сделать комитет по-настоящему

независимой общественной организацией. Соответственно ФБР хотело связать Винсента Ли с коммунистом и советским перебежчиком Освальдом, чтобы скомпрометировать комитет. К тому же Освальд должен был вычислить и засветить возможных сторонников Кастро и комитета в Новом Орлеане.

Между тем лидер FPCC ответил Освальду уже 29 мая. К письму был приложен членский билет на имя Ли Харви Освальда. Однако само письмо было для Освальда и тех, кто за ним стоял, горьким разочарованием. Винсент Ли явно сомневался, что Освальду удастся набрать в его региональное отделение необходимое по уставу минимальное количество членов (сам Винсент Ли создавал отделение комитета в Тампе, штат Флорида, и знал, насколько силен антикоммунизм на Юге США). Исходя из этого, лидер FPCC не рекомендовал Освальду открывать свой офис (чтобы не стать мишенью правых фанатиков), а пользоваться почтовым ящиком.

Итак, легально превратить Освальда в главу новоорлеанского отделения комитета не получалось. Но тот продолжал действовать так, как будто имел все полномочия от Винсента Ли. 29 мая 1963 года Ли Харви Освальд заказал 1000 листовок, используя при заказе псевдоним «Осборн». 3 июня он, представившись как «Ли Осборн», заказал 500 анкет для будущих членов своей «региональной организации». Оплачивал свои заказы почти нищий Освальд без задержек. В тот же день он открыл почтовый ящик № 30061, пользоваться которым могли помимо Ли Харви Освальда Марина Освальд и знакомый нам А. Хиделл (фиктивный персонаж, заказавший через почтовый ящик в Далласе винтовку с оптическим прицелом). Как и осенью 1962 года в Далласе у Освальда начинался второй и последний «подпольный» период жизни.

А что же ФБР, далласский офис которого официально вторично после октября 1962 года открыл дело Освальда в марте 1963 года? В показаниях комиссии Уоррена ФБР сообщило невероятные и явно лживые сведения. Оказывается, официально «курировавший» Освальда далласский офис ФБР ничего не знал о его местонахождении с 24 апреля (дата отъезда Освальда в Новый Орлеан) до 17 июля 1963 года! Официально-де только 26 июня информатор нью-йоркского офиса ФБР сообщил своему начальству, что некий Освальд из Нового Орлеана, почтовый ящик № 30061, прислал письмо в газету компартии «Уоркер». Данные для проверки были сообщены в новоорлеанский офис ФБР, который только 5 августа (запомним эту дату) смог установить точный адрес Освальда. Перед этим 17 июля ФБР Нового Орлеана проинформировало своих коллег в Далласе,

что у Освальда есть почтовый ящик в Новом Орлеане.

Все это странно, если учесть, что еще 14 мая почтовый офис Далласа получил от Освальда уведомление с его новым адресом в Новом Орлеане. Если раньше этот самый почтовый офис постоянно информировал местное отделение ФБР о корреспонденции Освальда, то почему же в этом случае произошел сбой? Тем более что знакомый нам агент далласского ФБР Хости еще 27 мая 1963 года послал своего сотрудника для «интервью» с Освальдами и тот обнаружил, что они уехали, не оставив нового адреса. В докладной записке руководителю далласского офиса ФБР Шанклину Хости писал 28 мая, что «проверка почтальона» выявила, что Освальд не оставил нового адреса. И обычно крайне дотошный Хости якобы даже не додумался задействовать контакты ФБР на центральной далласской почте, где уже две недели был адрес Освальда в Новом Орлеане.

При этом по всей вероятности путем банального взлома ФБР уже 21 апреля имело в своих руках фотокопию письма Освальда в FPCC от 19 апреля, в котором тот рассказывал о своей подозрительной акции в Далласе с самодельным плакатом «Вива Фидель!». И только 27 июня (!) нью-йоркский офис ФБР (следивший за штаб-квартирой комитета) направил копию этого письма коллегам в Даллас. А ведь Освальд сразу же после того, как он снял квартиру в Новом Орлеане, направил свой точный адрес Винсенту Ли. Получается, что и эту информацию ФБР оставило без внимания.

Есть и еще один момент, который делает версию ФБР о двухмесячном исчезновении Освальда из поля зрения контрразведки окончательно несостоятельной. В те годы ФБР вскрывало все без исключения письма, поступавшие или исходившие из советского посольства в Вашингтоне (это признал директор ФБР Гувер в докладной записке преемнику Кеннеди на посту президента Джонсону). А ведь 17 мая Освальд послал открытку в советское посольство, информировавшую консульский отдел о новом адресе советской гражданки Марины Николаевны Освальд. И уже 4 июня консульский отдел отправил Марине в Новый Орлеан письмо с просьбой сообщить причины, побудившие ее просить о возвращении в СССР. Получается, что ФБР ничего не знало и об этих письмах, что просто нереально.

Вывод напрашивается только один. Как и с октября 1962-го по март 1963 года Ли Харви Освальд «официально» исчез из поля зрения ФБР с 24 апреля по 5 августа 1963 года. Он должен был выполнить задание, при раскрытии которого нельзя было сказать, что ФБР «пасло» «марксиста»-отщепенца и проморгало, таким образом, его подрывную деятельность. С

другой стороны, как мы убедимся позднее, Освальд «всплывет» в файлах контрразведки точно в то время, когда он выйдет из «подполья» и займется публичной политической деятельностью.

На кого же работал Ли Харви Освальд в Новом Орлеане? Да на то же ФБР, только через посредников, формально в штатах бюро не числившихся. Попробуем обосновать эту версию.

Читатель, вероятно, еще помнит Дэвида Феррье, с которым молодой кадет «Гражданского воздушного патруля» Ли Харви Освальд познакомился в 1954 году. Феррье, как уже упоминалось, часто оставлял ночевать в своем доме ребят, у которых были проблемы в семье, и нередко устраивал в своем доме гомосексуальные оргии с официально запрещенным для подростков алкоголем. Феррье до самой смерти отрицал знакомство с Освальдом, которое, однако, было доказано (помимо свидетелей), и общей фотографией. Именно после знакомства с Феррье Освальд увлекся марксизмом и стал искать единомышленников в Новом Орлеане. При этом сам Феррье был махровым антикоммунистом и в письме министру ВВС США выражал готовность с удовольствием убить любого русского и разбомбить любой советский город «к чертовой матери». После кубинской революции уволенный из авиакомпании за гомосексуализм, Феррье обрел второе дыхание. Он занялся военным обучением кубинских эмигрантов и даже сам летал на самолетах без опознавательных знаков бомбить кубинские города. Все эти акции контролировались ЦРУ. В 1967 году, когда окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон, самостоятельно расследуя убийство Кеннеди, добрался до Феррье, тогдашний директор ЦРУ Хелмс сильно обеспокоился и просил своих подчиненных оказать Феррье всяческое содействие.

Провал авантюры в заливе Свиней сделал Феррье смертельным врагом «предателя» Кеннеди. Выступая на мероприятии правой ветеранской организации Военный орден мировых войн в Новом Орлеане, он так напустился на президента, что его согнали с трибуны. Многие слышали потом, как Феррье говорил, что «президента надо пристрелить».

В 1963 году Феррье служил агентом в частном детективном бюро «Гай Банистер и партнеры», офис которого располагался на втором этаже здания по 544 Кэмп-стрит. Феррье занимался тем же самым, чем и в 1954 году. Он отслеживал членов левых организаций и сторонников кубинской революции в молодежной среде Нового Орлеана. Очень вероятно, что именно Феррье привел своего старого знакомого Освальда в детективное агентство Гая Банистера.

Настало время поближе познакомиться и с этим персонажем,

странным образом умершим вскоре после убийства Джона Кеннеди. Банистер был бывшим сотрудником ФБР, удостоившимся специальной благодарности Гувера за участие в поимке самого знаменитого гангстера 30-х годов Диллинджера. В ФБР Банистер дослужился до главы офиса в Чикаго, который считался ведущим среди региональных отделений ФБР. Во время Второй мировой войны Банистер служил в уже знакомой нам воен-но-морской разведке. После войны он ушел из ФБР якобы из-за недовольства диктаторскими методами руководства бюро со стороны Гувера (в этом Банистер был абсолютно прав). В 1955 году он стал заместителем начальника полиции Нового Орлеана, но два года спустя в возрасте 58 лет был вынужден подать в отставку из-за скандала в ресторане (напившись, он угрожал официанту пистолетом).

Как и Феррье, Банистер был ярым антикоммунистом и членом практически всех праворадикальных организаций Нового Орлеана — «минитменов», Общества Джона Берча (как мы помним, лидером этой организации в 1963 году был генерал Эдвин Уокер), комитета штата Луизиана по расследованию антиамериканской деятельности и так далее. Детективное агентство Банистера имело плотные контакты с ЦРУ и ФБР и после прихода Кастро к власти в Гаване выполняло задания этих федеральных служб. В 1961 году Банистер занимался поставкой оружия для кубинских эмигрантов, и его офис, по свидетельству очевидцев, был забит вооружением и амуницией. Офис Банистера на Кэмп-стрит находился рядом с региональными отделениями ЦРУ и ФБР, а также рядом со зданием компании, где работал Освальд.

Банистер одно время предоставлял свой офис новоорлеанскому отделению так называемого Кубинского революционного совета, образованного ЦРУ правительства Кубы в изгнании. В рассекреченных документах ЦРУ четко обозначено, что Банистер был контактером ФБР для кубинских эмигрантов Нового Орлеана (Новый Орлеан был второй по значению оперативной базой антикастровской эмиграции в США после Флориды). Хорошим знакомым Банистера был упомянутый выше Родригес, который якобы учил Освальда испанскому языку летом 1963 года.

После убийства Кеннеди Банистер открещивался от любого знакомства с Освальдом. Это было нелегко, так как на одной части своих листовок в поддержку Кубы, которые он раздавал на улицах Нового Орлеана (об этом чуть позже), Освальд почему-то указал в качестве адреса регионального отделения FPCC в Новом Орлеане именно 544 Кэмп-стрит. Сначала Банистера попытался прикрыть владелец здания Ньюмэн,

заявивший, что летом 1963 года он сдал помещение на короткое время какому-то человеку, но тот якобы вскоре сам отказался от аренды. Но расследование установило, что этим человеком был отнюдь не Освальд, а уже знакомый нам Родригес, которого к хозяину здания направил его друг Банистер.

После смерти Банистера разговорилась его секретарша и любовница Дельфина Робертс, которую объединяла с Банистером не только постель, но и общие антикоммунистические идеалы. Робертс, во-первых, четко подтвердила связи Банистера с ЦРУ и ФБР, отметив, что благодаря им детективное агентство Банистера не нуждалось в средствах. Робертс, молчавшая вплоть до конца 70-х годов (она считала, что американские спецслужбы и так целенаправленно разрушаются путем излишнего интереса общественности к их деятельности), заявила, что Освальд пришел в офис Банистера в 1963 году и попросил ее дать ему анкету для работы служащим детективного агентства. Освальд представился, и по разговору у Робертс сложилось впечатление, что он уже знаком с Банистером. После того как молодой человек заполнил анкету, он зашел в кабинет Банистера, где состоялась продолжительная беседа.

У Робертс, которая имела неплохое представление о деятельности собственного агентства, сразу сложилось впечатление, что Освальд работает «под прикрытием» и его деятельность каким-то образом связана с Кубой. Потом он приходил в офис Банистера несколько раз, и его общение с шефом было неформальным. В агентстве находились материалы FPCC (Банистер считал эту организацию своим основным врагом), и Банистеру постоянно приходилось оправдываться, когда его друзья-антикоммунисты этим возмущались. Потом, когда Банистеру сообщили, что его знакомый раздает на улице листовки в поддержку Кастро, тот лишь ответил: не надо волноваться, этот человек связан с агентством.

Показания Дельфины подтверждает ее дочь, которая использовала часть помещений агентства для своих занятий фотографией. Она часто видела Освальда, возившегося в офисе со своей прокастровской литературой, и ни у кого это не вызывало никаких вопросов.

Один из наемных сотрудников Банистера, некто Дэниэл Кэмпбелл, в 1963 году выполнял для Банистера те же услуги, для которых предназначался Освальд: он искал сторонников Кубы в студенческой среде Нового Орлеана, особенно в университете Тюлэйн. Он тоже видел, как Освальд пользовался телефоном в офисе Банистера.

Показательно, что комиссия Уоррена не придала никакого значения связи Освальда с адресом по 544 Кэмп-стрит. Мало того, в одном из

отчетов ФБР Нового Орлеана после покушения на Кеннеди была вычеркнута фраза о том, что на некоторых материалах, которые раздавал Освальд на улицах города, стоял адрес 544 Кэмп-стрит. Вопиющим даже для богатой подлогами и ложью истории «раскрытия» убийства Кеннеди является и тот факт, что когда материалы комиссии Уоррена уже готовились к печати, кто-то просто замазал на фотокопии листовки Освальда злосчастный адрес и она была опубликована вообще без всякого адреса! То есть представьте себе, что человек раздает листовки с призывом вступить в новоорлеанское отделение Комитета за справедливую политику в отношении Кубы, но на листовке отсутствует адрес, куда можно было бы обратиться!

Итак, в начале лета 1963 года Освальд установил контакт с Банистером и принялся за выявление сторонников Кубы в Новом Орлеане. О том, чем конкретно занимался Банистер, свидетельствуют названия дел, которые вело агентство (сами эти дела были «по неосторожности» уничтожены новоорлеанской полицией после смерти Банистера): «Центральное разведывательное управление», «Боеприпасы и оружие», «Антисоветское подполье», «Программа Дж. Ф. Кеннеди по гражданским правам», «Комитет за справедливую политику в отношении Кубы» и так далее.

Первым делом Освальд должен был заняться университетом Тюлэйна, который был костью в горле у правых из-за либеральных настроений части студенчества и профессуры. 4 июня 1963 года Освальд забрал из печати 1000 листовок (стоивших ему 9,89 доллара), на которых было написано: «РУКИ ПРОЧЬ ОТ КУБЫ! Вступайте в новоорлеанское региональное отделение Комитета за справедливую политику в отношении Кубы! Бесплатная литература и лекции. Место нахождения (дальше было оставлено свободное место, и Освальд, как мы увидим, с помощью наборного резинового штампа печатал там совершенно разные адреса). Добро пожаловать!»

То есть Ли Харви Освальд напрочь проигнорировал письмо национального директора комитета Винсента Ли, запрещавшего ему организовывать региональное отделение комитета в Новом Орлеане. Причем Освальд написал Винсенту Ли на другой день, 5 июня (есть и иные мнения относительно даты этого письма, но в любом случае оно было написано до 14 июня) и сообщил, что «вопреки вашему совету» снял офис и зарегистрировал региональное отделение комитета (проблему необходимого количества членов он решил просто, заставив свою жену расписаться на собственном членском билете за мифического главу

регионального отделения, знакомого нам А. Хиделла). Винсент Ли был возмущен действиями самозванца Освальда и больше уже ему не писал. Кстати, в этот же день, 5 июня, газеты впервые сообщили, что в ближайшем будущем президент Кеннеди намерен посетить Даллас.

Между тем есть все основания полагать, что, формально работая как агент правого экстремиста Банистера, Освальд, как и раньше, вел свою собственную игру, причем и против своего новоявленного шефа. Об этом свидетельствует один весьма странный факт.

Скрупулезный в деталях Освальд указал на первой серии своих листовок (предназначавшихся для профессуры и студентов университета Тюлэйна) следующий адрес: «FPCC — А. Дж. Хиделл, почтовый ящик № 30016». На самом деле у Освальда был другой почтовый ящик — № 30061. Что это — простая опечатка? Вряд ли, ведь Освальд мог легко передвинуть цифры на штампе. Да и зачем раздавать листовки, зная, что все равно никто тебе не напишет? По логике он должен был просто выбросить испорченную партию и сделать новую. Но вот если предположить, что Освальд не хотел «засвечивать» сторонников Кастро и передавать их координаты Банистеру (а значит, и тесно связанным с последним кубинским эмигрантам), то все становится на свои места. Банистеру всегда можно было объяснить, что вкралась досадная опечатка.

В это же время Освальд сообщил письмами свой почтовый ящик в газету компартии «Уоркер» (в письме содержалась просьба прислать ему пропагандистский материал), газету троцкистов «Милитэнт», FPCC и министерство ВМС США (Освальд по-прежнему требовал от него заменить формулировку о «недостойном» увольнении его из Корпуса морской пехоты). Во всех этих письмах содержались абсолютно точные данные насчет почтового ящика.

Вторая партия листовок содержала знакомый нам адрес: 544 Кэмп-стрит. Есть свидетельства, что это вызвало недовольство Банистера. Еще бы! Ведь если бы кто-то из сторонников Кастро пришел по этому адресу, то он не обнаружил бы там искомый Комитет за справедливую политику в отношении Кубы, а, напротив, известного своими антикастровскими взглядами Банистера. Сразу становилось ясно, что листовка комитета — это провокация.

Кстати, оба адреса на первой партии прокастровских листовок Освальда начисто опровергают версию, что Ли хотел создать себе имидж сторонника кубинской революции, чтобы получить въездную визу на остров. Ведь на этих листовках не было ни фамилии, ни адреса Освальда! Как бы он смог доказать в любом кубинском посольстве, что именно он

был главой регионального офиса комитета в Новом Орлеане? А вот позднее, как мы убедимся, Освальд «вышел из подполья» и стал указывать на листовках свое имя и точный домашний адрес (а не почтовый ящик).

В начале июня 1963 года пачку листовок новоорлеанского регионального отделения FPCC обнаружили в студенческом городке университета Тюлэйна. Причем листовки нашлись неподалеку от дома, где жил известный своими либеральными взглядами профессор Леонард Райссман. Райссмана давно ненавидели правые вроде Банистера за то, что тот активно выступал за права негритянского населения. К тому же Райссман тесно сотрудничал с новоорлеанским Советом за миролюбивые альтернативы. Эта пацифистская группа была тесно связана с квакерами и выступала за разрядку в отношениях с СССР. Освальд, кстати, говорил своей тете Лилиан, что бывал дома у Райссмана и вообще проводил заседания своего регионального отделения FPCC в университете Тюлэйна. Некоторые студенты университета впоследствии вспоминали, что действительно участвовали в неких собраниях, где бывал и Освальд.

Есть версия, и весьма правдоподобная, что Освальда вывела на Райссмана Рут Пэйн, также участвовавшая в квакерском движении. Дочь Райссмана в то время училась в Москве, что делало профессора естественной мишенью новоорлеанских правых. Деятельность «коммуниста» Райссмана официально расследовал луизианский комитет по антиамериканской деятельности. Естественно, что Банистер и его хозяева из ФБР хотели использовать Освальда для компрометации Райссмана. Вот только что-то у них не вышло. То ли Освальду не удалось создать мощный компромат (вроде совместной фотографии с Райссманом или путем принятия его в региональное отделение прокастровского комитета), то ли (и автор склоняется именно к этой точке зрения) Освальд просто не хотел подставлять Райссмана под удар.

Но, чтобы доказать свою полезность Банистеру, Освальд продолжал переписку с далеким Винсентом Ли (правда, теперь одностороннюю) и попытался скомпрометировать компартию США. Ли послал лидерам компартии Гэсу Холлу и Бенджамину Дэвису удостоверения почетных членов новоорлеанского отделения FPCC. Однако никакого ответного письма Освальд не получил, и поэтому этот ход тоже ничего не давал Банистеру и его хозяевам из ФБР. Но, с другой стороны, Освальд показывал, что дела у него идут.

16 июня 1963 года Ли Харви Освальд прибегает к своей первой политической публичной акции в Новом Орлеане. За два дня до этого ведущая локальная газета Нового Орлеана «Таймс пикэйн» сообщила о

предстоящем прибытии в порт города авианосца «Уосп», самолеты которого выполняли патрульную службу вокруг Кубы во время Карибского кризиса. Освальд решил распространять листовки среди сходивших на берег матросов «Уоспа» и прохожих, осматривавших корабль. Помимо своих листовок Ли раздавал полученную из штаб-квартиры комитета брошюру «Правда о Кубе находится на самой Кубе». Вскоре один из офицеров авианосца послал матроса к патрульному охраннику порта, чтобы тот пресек деятельность прокастровского активиста. Патрульный в своем докладе позже описал внешность пикетчика, полностью совпадавшую с Освальдом. Охранник сообщил Освальду, что ему нужно специальное разрешение администрации порта для распространения политической литературы. Освальд протестовал, ссылаясь на то, что любой гражданин США имеет право на свободное выражение своего мнения. Однако когда патрульный пригрозил арестом, Освальд ретировался. «Руководитель» новоорлеанской организации комитета не преминул сообщить о своей акции Винсенту Ли, отметив, что был поражен позитивным отношением к себе многих военнослужащих.

Интересно, что в тот день за Освальдом следили многие ведомства. Уже после покушения на Кеннеди офицер армейской разведки из Нового Орлеана майор Эрдрич сдал в ФБР пару экземпляров листовок, которые Освальд раздавал в порту 16 июня (армейская разведка уничтожила все файлы на Освальда в начале 70-х годов, так как якобы не видела оснований хранить их сверх установленного законом срока). Листовки попали и в отдел безопасности хьюстонского офиса НАСА, один из сотрудников которого в тот день вроде бы случайно оказался как раз там, где Освальд раздавал листовки.

По странному стечению обстоятельств именно в этот день 16 июня агент ФБР в Нью-Йорке сообщил о письме Освальда в газету компартии «Уоркер». Нью-йоркское отделение ФБР сообщило своим коллегам в Новый Орлеан, те отправили информацию коллегам в Даллас. Тем не менее столь явно подрывная деятельность Ли Харви Освальда не помешала ему без всяких проблем получить 25 июня 1963 года заграничный паспорт. Это почти невероятно, если учесть, что по практике ФБР любой «возвращенец» из Советского Союза вносился в специальную картотеку именно для того, чтобы исключить автоматическую выдачу ему загранпаспорта без предварительного согласия контрразведки. Тем более это должно было относиться к Освальду, против которого с марта 1963 года далласским ФБР было открыто дело. ФБР так и не объяснило вразумительно причину этой своей «оплошности» (впрочем, далеко не

единственной по отношению к Освальду, как было показано выше).

А Освальд в своем ходатайстве о выдаче паспорта открыто написал, что намерен посетить СССР, Польшу, Финляндию, Голландию, Германию, Францию, Италию и Великобританию. Это были вероятные маршруты въезда в СССР. Скорее всего, втянувшись в двойную опасную игру со спецслужбами и их внештатными осведомителями, Освальд готовил себе отступной вариант. В СССР его не могли достать ни Банистер, ни его хозяева. Интересно, что Освальд указал в анкете на паспорт тетю Лилиан в качестве лица, которое надо было уведомить в случае его смерти. Почему не жену? Видимо, Освальд не исключал, что и Марина к тому времени будет за границами США. В качестве цели поездки за рубеж Освальд указал «туризм», а свою профессию обозначил как «фотограф».

Между тем, уйдя с головой в политику, Освальд опять забросил супругу. Марина писала Рут Пэйн, что «вся любовь закончилась», и она чувствует, что связывает мужа по рукам и ногам. Ли заставляет ее вернуться в СССР, а она этого вовсе не желает. Рут сразу же ответила, что Марина может вместе с ребенком вернуться к ней и жить у нее сколько захочет. Рут даже изъявляла готовность платить ей 10 долларов в неделю на карманные расходы.

Но Освальд прекрасно понимал, что если, раскрыв его двойную игру, за него возьмутся всерьез, то и Марине никак не удастся скрыться из поля зрения спецслужб у Рут. Поэтому он разыграл целый спектакль. Как-то раз, зайдя на кухню, Марина увидела, что Ли сидит в полной темноте, опустив голову, и рыдает. «Я пропал, я пропал», — повторял он. Эта сцена очень удивила Марину, так как Ли, наоборот, всегда стремился предстать перед ней человеком, уверенным в своих идеалах и своем будущем. Ведь еще недавно Ли говорил, что лет через двадцать станет премьер-министром США (хотя такого поста в Америке просто не существует). Неожиданно, прервав рыдания, Ли спросил, хочет ли Марина, чтобы он вернулся в СССР вместе с ней. Марина (на пятом месяце беременности) была рада, что муж раздумал отправлять ее на родину одну. Она расчувствовалась, и Ли мигом уговорил ее написать ответное письмо в советское посольство с разъяснением мотивов, побудивших ее ходатайствовать о возвращении домой. Ли инструктировал жену: поменьше фактов и побольше слез. Марина сообщала в посольство, что скучает по родине, а муж не имеет постоянной работы. Прибыть лично в Вашингтон она не может, так как у семьи нет денег даже на оплату медицинских расходов.

Освальд внимательно прочитал письмо и попросил добавить просьбу, чтобы посольство оплатило все расходы по переезду в СССР. Марина от

себя ходатайствовала

о разрешении ей поселиться в Ленинграде, где она быстрее смогла бы найти работу. Ли забрал письмо, но перед отправкой добавил к нему свое, написанное на отдельном листе и по-английски (чтобы Марина не смогла, обнаружив его, что-либо понять).

«Уважаемые господа!

Пожалуйста, выдайте быстрее (слово «быстрее» в письме выделено) въездную визу советской гражданке Марине Н. Освальд.

Она родит ребенка в октябре, соответственно вы должны выдать въездную визу и урегулировать все вопросы ее переезда до этого.

Что касается моей въездной визы, пожалуйста, рассматривайте ее отдельно (слово «отдельно» в письме было выделено).

С благодарностью Ли Х. Освальд (муж Марины Николаевны)».

Получается, что Освальд в СССР особо не рвался, а просто хотел как можно быстрее отправить туда беременную жену. Тем самым он лишал спецслужбы США возможности оказывать на него какое-либо давление.

1 июля 1963 года Ли навестил новоорлеанскую библиотеку, где взял только одну книгу — «Портрет президента» Уильяма Манчестера, одну из лучших биографий Джона Кеннеди того времени.

19 июля 1963 года Освальда уволили из кофейной компании за неэффективность и отсутствие интереса к работе. Еще бы! Почти все рабочее время Освальд проводил в соседнем гараже, владелец которого Адриан Альба после убийства Кеннеди был не особенно разговорчив. Он сказал лишь, что Освальд, как и он сам, интересовался оружием, читал у него в гараже журналы на эту тему и уговаривал его заказать для него винтовку по дешевке (Альба был членом по сей день влиятельной в США организации Национальной ассоциации стрелков; члены ассоциации имели скидки при покупке огнестрельного оружия).

Позднее Альба, однако, сказал такое, что серьезно подрывало версию об «одиночке» Освальде.

У гаража Альбы был контракт с правоохранительными органами, согласно которому он должен был давать напрокат машины приезжавшим в Новый Орлеан сотрудникам. Как-то раз Альба дал «человеку из Вашингтона» (тот предъявил удостоверение ФБР) зеленый «студебекер», а впоследствии видел, как его хозяин подъехал к зданию кофейной компании. Оттуда вышел Освальд, и «человек из Вашингтона» передал ему

какой-то пакет. Скорее всего, там были деньги. Ведь после увольнения Освальд впервые в жизни даже не пытался найти работу. На пособие по безработице штата Луизиана у него не было права (надо было прожить в штате более длительный срок). Получалось, что Освальд существовал после 19 июля только на мизерное пособие по безработице из Техаса (33 доллара в неделю).

На кого же в Вашингтоне работал Освальд? Здесь может быть несколько версий. Если согласиться с тем, что, еще заказывая винтовку и пистолет по почте в Далласе, Освальд действовал по поручению Службы министерства финансов США по борьбе с незаконным оборотом алкоголя, табака и оружия (английская аббревиатура ATF), то возможно, что эта же служба поручила ему присмотреть за Банистером и его контактами среди кубинской эмиграции. Как уже упоминалось, Банистер активно снабжал эмигрантов оружием и боеприпасами. Кстати, Секретная служба США, охранявшая президента, в силу исторических традиций также подчинялась министерству финансов.

Возможно, Освальд работал на ЦРУ или даже на вашингтонскую штаб-квартиру ФБР. В столице уже всерьез опасались созданного антикубинского монстра из мафии, антикастровских эмигрантов и правых экстремистов. Из Чикаго, Калифорнии и Флориды поступали сведения об угрозах убить Кеннеди за сотрудничество с советскими и кубинскими коммунистами. Местные офисы Секретной службы во Флориде (центр кубинской эмиграции) и Чикаго (центр американской мафии) не рекомендовали президенту там появляться.

Тревога за жизнь Кеннеди усилилась после 10 июня 1963 года, когда президент произнес программную речь в Американском университете. В ней он призвал к преодолению конфронтации с СССР и признал фактически право народов самим выбирать себе политический строй.

На фоне всех этих событий ЦРУ по указанию из Белого дома прекратило финансирование Кубинского революционного совета, а ФБР приказали активнее пресекать незаконную торговлю оружием среди кубинской эмиграции.

А по некоторым данным, ФБР и вовсе не «теряло» Освальда в Новом Орлеане. Хозяйка квартиры Освальдов Нина Гарнер потом рассказывала, что ФБР в лице агента Милтона Каака интересовалось Освальдом недели через три после появления того на Мэгэзин-стрит (то есть в начале июня 1963 года). Она же помнит, как агенты ФБР часто «пасли» Освальда из припаркованной неподалеку от его квартиры машины. Кстати, бывший агент Каак упорно отказывался от всех интервью на эту тему, подчас в

истеричной форме.

Владелец одного из новоорлеанских баров Орест Пенья говорил, что несколько раз видел Освальда в компании агента ФБР Уоррена Дебрюйса, которому он сам поставлял информацию. Кстати, Пенья припомнил, что в его баре Освальд бывал в компании какого-то загадочного мексиканца.

У автора, так же как и у генерального прокурора Техаса в 1963 году, нет никаких сомнений, что Освальд был платным сотрудником или осведомителем ФБР. После покушения на Кеннеди это признал и один из сотрудников ФБР Уильям Уолтер, но комиссия Уоррена оставила это обстоятельство без комментариев.

Похоже, что в конце июля 1963 года Освальд перешел к активным действиям. Как раз в то время Феррье показал старому другу Освальду тренировочный лагерь кубинских эмигрантов под Новым Орлеаном, который финансировался никарагуанским диктатором Сомосой. Одним из главных военных инструкторов там был Патрик Хемминг, бывший морской пехотинец, который, как мы помним, в отличие от Освальда смог попасть на Кубу еще в 1959 году. Вскоре после этого на лагерь неожиданно произвели облаву агенты ФБР и он был закрыт.

Это был явный успех Освальда, причем он как нельзя лучше соответствовал его политическим убеждениям. Ли готовился к проникновению непосредственно в ряды противников Кастро и рассчитывал здесь на помощь Банистера, который, по всей видимости, не догадывался о двойной игре своего «агента».

Еще 6 июля сын тети Лилиан и двоюродный брат Освальда Юджин пригласил Ли выступить в иезуитском колледже, где он учился. Преодолев свое предубеждение против религии, Ли согласился, и 27 июля дядя «Датц» отвез его вместе с Лилиан и Мариной в Спринг Хиллколледж в городе Мобайл. Лилиан переживала за племянника, но тот спокойно сказал, что выступает чуть не каждый день.

И действительно, очевидцы этого события вспоминали, что Освальд держался спокойно и уверенно, и у всех сложилось впечатление, что он как минимум окончил университет. Один из священников-преподавателей (а все они как истые католики придерживались очень консервативных взглядов) вспоминал, что Освальд не производил впечатления революционера или человека, склонного к политическому насилию. Позволим себе воспроизвести часть дискуссий того дня (в изложении ФБР после убийства Кеннеди), так как это поможет нам лучше понять внутренний мир нашего героя на пороге его вступления в публичную политику Нового Орлеана.

Вопрос. Что вас больше всего поразило в России? Что вам особенно там понравилось?

Ответ. Забота, которую государство проявляет о каждом. Если кто-то заболеет, то независимо от его статуса и от того, насколько он беден, государство позаботится о нем.

Вопрос. Что вас больше всего впечатляет в Соединенных Штатах?

Ответ. Материальное благосостояние. В России очень тяжело купить даже костюм или пару туфель, и даже если вы их достанете, они очень дорогие.

Вопрос. Что русский народ думает о Хрущеве? Он нравится больше, чем Сталин?

Ответ. Хрущев им нравится намного больше. Он трудящийся человек, крестьянин. Вот, например, что он делает: однажды во время трансляции партийного мероприятия по радио он выпил лишнего и стал ругаться. Вот что он делает.

Вопрос. Почему вы вернулись в Соединенные Штаты? (вопрос был задан несколько по-иному, но смысл именно такой).

Ответ. Когда я увидел дефицит в России, я захотел вернуться назад в США, где жизнь в материальном смысле лучше. Я по-прежнему верю в советские идеалы и являюсь марксистом, но мне не понравилось отсутствие товаров в России. В то же время русские смогли восстановить народное хозяйство после войны и создать тяжелую промышленность. Если бы негры в США знали, как хорошо в России, они бы туда уехали.

Освальд как опытный политический оратор весьма осторожно говорил в этой аудитории о религии и заметил, что сексуальная мораль в России лучше, чем в США. А в это время Марину (которой как женщине нельзя было присутствовать на дискуссии) водили по студенческому городку. Она призналась, что очень скучает, так как супруг целыми днями не бывает дома. Чем же занимался безработный Освальд?

Между делом он все еще пытался добиться правды от министерства ВМС. Один из новоорлеанских адвокатов Дин Эндрюс вспомнил, что Освальд приходил к нему в офис два раза в сопровождении некого коренастого мексиканца (этого «мексиканца» в июле видели с Освальдом в разных местах; до сих пор неизвестно, кто это был). Он хотел судиться с Корпусом морской пехоты, но, узнав, что это стоит денег, раздумал. Кстати, Освальда порекомендовал Эндрюсу молодой гомосексуалист Клэй Бертран, так что наверняка это был контакт Ферье.

1 августа 1963 года Освальд написал национальному директору FPCC Винсенту Ли более чем странное письмо.

«Уважаемый господин Ли!

По поводу моих усилий открыть региональное отделение FPCC в Новом Орлеане.

Я снял офис, как и планировал, но меня быстренько закрыли три дня спустя по непонятным причинам со стороны владельца, они говорили что-то о перепланировке и так далее; уверен, что вы понимаете. После этого я работал на основе почтового ящика и, используя уличные демонстрации и распространительскую деятельность, смог достичь большого интереса, но не смог привлечь никаких новых членов.

Усилиями некоторых кубинских эмигрантов “гусанос” уличная демонстрация была атакована, и нас официально оштрафовала полиция. Этот инцидент лишил меня всяческой поддержки, оставив меня одного.

Тем не менее тысячи листовок были распространены. А также много, много памфлетов, которые вы предоставили.

Нам также удалось провести пикетирование флота, и я был поражен количеством офицеров, которые заинтересовались нашей литературой.

Я продолжаю получать через свой почтовый ящик запросы и вопросы, на которые я намерен продолжать отвечать по мере своих возможностей.

С благодарностью Ли Х. Освальд».

Самое интересное в этом отправленном 4 августа письме то, что инцидента с кубинскими эмигрантами у Освальда вовсе не было, но, как мы убедимся, он произойдет ровно через 5 дней после отправки письма.

24 августа 1962 года экстремистская организация кубинских эмигрантов Кубинский студенческий директорат произвела обстрел Гаваны. Через несколько дней представителя директората в Новом Орлеане Карлоса Брингуэра посетил уже знакомый нам сотрудник новоорлеанского ФБР Уоррен Дебрюйс. Его интересовали сведения о директорате в Новом Орлеане. Брингуэр отпирался, говоря, что только он один в городе представляет директорат. Тогда Дебрюйс пригрозил, что ФБР внедрится в эту организацию и выяснит, чем она занимается.

Тот же Дебрюйс активно прессовал владельца бара «Хабана» Ореста Пенью. Тот даже пришел в ФБР и попросил, чтобы его курировал другой сотрудник. После этого Дебрюйс пригрозил Пенье, что ФБР создаст ему большие проблемы. Кстати, после покушения на Кеннеди, по утверждениям Пеньи, Дебрюйс угрожал ему физической расправой, если тот расскажет о контактах ФБР с Освальдом.

Учитывая все эти факты, неудивительно, что 5 августа 1963 года в

лавку одежды, которую помимо своей основной антикастровской деятельности содержал Карлос Брингуэр, зашел молодой человек с короткой военной стрижкой. Это был Ли Харви Освальд, которого к Брингуэру, видимо, подослал Дебрюйс. Брингуэр как раз беседовал с двумя молодыми американцами, которые стремились участвовать в вооруженной борьбе против Кастро. Брингуэр был настороже, так как друзья предупредили его о возможных попытках ФБР скомпрометировать его организацию. Поэтому он сказал молодым людям, что студенческий директорат занимается только легальной политической деятельностью. Но тут в разговор вмешался Освальд, сказав, что служил в морской пехоте и готов тренировать кубинских эмигрантов. Брингуэр сразу заподозрил неладное, так как буквально несколько дней назад ФБР, как мы упоминали, накрыло тренировочный лагерь кубинской эмиграции под Новым Орлеаном, а Брингуэр как раз переправлял людей оттуда во Флориду.

А Освальд между тем рассказывал молодым американцам, как самому сделать порох в домашних условиях и как произвести крушение поезда с помощью замкнутой вокруг рельса обычной железной цепи. Брингуэр, уже заподозривший в Освальде агента ФБР, повторял, что директорат занимается только политической деятельностью. Тогда Освальд предложил сделать денежное пожертвование. Это был хитрый ход, так как директорат еще не получил разрешения властей Нового Орлеана на сбор пожертвований, и если бы Брингуэр принял от Освальда деньги, организацию могли бы закрыть за нарушение закона. Но Брингуэр и здесь не подставился и предложил странному посетителю направить деньги на почтовый ящик штаб-квартиры директората в Майами (там разрешение на принятие пожертвований уже было получено).

Тем не менее на следующий день Освальд опять пришел в магазин и оставил для отсутствовавшего Брингуэра свой справочник морского пехотинца, на котором была написана его фамилия.

Вскоре после этой неудачной для Освальда попытки внедрения в среду кубинских эмигрантов Орест Пенья видел Ли вдвоем с Дебрюйсом. И дальше как раз события стали развиваться по сценарию, который Ли Харви Освальд изобразил в своем письме Винсенту Ли еще за неделю до этого.

9 августа 1963 года в магазин Брингуэра ворвался его знакомый и сообщил, что какой-то парень стоит в центре города на Канал-стрит с плакатом «Вива Фидель!» и раздает листовки. Для Нового Орлеана это было событием невероятным, и Брингуэр немедленно поспешил взглянуть на кастровского сторонника собственными глазами. Но на Канал-стрит

никого не оказалось. Брингуэр вернулся в магазин, и вскоре ему сообщили, что таинственный противник появился вновь. И опять Брингуэр побежал на Канал-стрит. Каково же было его удивление, когда он узнал в раздающем листовки человеке своего недавнего посетителя! Была пятница, около трех часов дня, и вокруг Освальда толпились прохожие.

Брингуэр стал взволнованно кричать, что этот человек двойной агент, пытавшийся внедриться в кубинскую эмиграцию. Настроение собравшихся изменилось явно не в пользу Освальда. Раздались крики: «Предатель!», «Катись на Кубу!», «Убейте его!» Появился полицейский, предложивший Брингуэру идти своей дорогой и не мешать Освальду распространять листовки. Но Брингуэр рассказал блюстителю порядка историю появления Освальда у него в магазине и тот ушел, видимо, чтобы проконсультироваться с начальством. В это время один из кубинских эмигрантов выхватил у Освальда пачку листовок и бросил ее в воздух. Брингуэр снял очки, готовясь к драке. Освальд же был абсолютно спокоен: он только скрестил перед собой руки и с улыбкой произнес: «О’кэй, Карлос, если ты хочешь ударить меня, то бей», то есть Освальд опять хотел спровоцировать Брингуэра на противоправные действия. Последний вовремя удержался, и тут как раз появились две полицейские машины, которые отвезли всех участников инцидента в участок. Освальд блестяще осуществил на практике сценарий, о котором как о свершившимся факте написал Винсенту Ли за неделю до этого.

В полиции кубинских эмигрантов быстро отпустили, так как до суда залог внес за них уже известный нам Орест Пенья. Освальд позвонил тете Лилиан, чтобы залог внесли и за него, но когда его двоюродная сестра Джойс появилась в полиции, там ей отсоветовали вступаться за сторонника Кастро.

Между тем Освальда допросил лейтенант полиции Фрэнсис Мартелло из подразделения разведки (это подразделение занималось изучением преступной среды, включая внедрение в нее своих агентов). Освальд с удовольствием рассказывал о своих политических взглядах. В частности, он, представившись социалистом (но никак не коммунистом), резко критиковал СССР, где такие же «жирные, вонючие политиканы», как и в США. Когда Мартелло прямо спросил Освальда, кому бы он принес присягу на верность — СССР или США, тот уклончиво ответил, что «положил бы ее к ногам демократии». Освальд рассказал, что стал марксистом, прочитав «Капитал» (как рассказывал потом Мартелло комиссии Уоррена, он, Мартелло, знал, что «эта книга полностью осуждает американский способ правления»), что Маркс социалист, а не коммунист.

При этом Мартелло все-таки вынес из беседы впечатление, что для Освальда Россия была меньшим злом, чем США.

Удивительно, но сотрудник полиции в общем-то провинциального Нового Орлеана спросил арестованного, как тот относится к президенту Кеннеди и Никите Хрущеву! Освальд ответил, что они очень хорошо ладят друг с другом. Странное заявление для будущего убийцы президента.

По итогам допросов Освальда у полицейских сложилось твердое убеждение, что того кто-то использовал, и весь скандал был тщательно спланирован.

Еще более странным было то, что произошло дальше. Освальд попросил о встрече с кем-либо из ФБР, чтобы «предоставить информацию о деятельности Комитета за справедливую политику в отношении Кубы в Новом Орлеане». Несмотря на субботний день 10 августа (Освальду в отличие от Брингуэра пришлось заночевать в тюрьме; из-за отсутствия матраса он снял с себя всю одежду, на которой и почивал), в участке с ним встретился сотрудник новоорлеанского офиса ФБР Квигли. После покушения на Кеннеди Квигли показал комиссии Уоррена, что ничего не знал об Освальде до встречи с последним. Это было явной ложью, так как еще в 1961 году по заданию руководства Квигли знакомился с делом «перебежчика» Ли Харви Освальда в новоорлеанском отделении военно-морской разведки.

Беседа Квигли не удовлетворила, так как Освальд не рассказал ничего существенного. Например, Квигли спросил Освальда, где живет президент новоорлеанской организации комитета Хиделл. Освальд ответил, что связывался с тем по телефону. Когда же Квигли поинтересовался номером, Освальд ответил, что он больше не существует. «Как вы связывались с другими членами организации?» — «Я не хочу обсуждать это». И так далее.

Трудно отделаться от впечатления, что Освальд просто давал понять своим контактам в ФБР, что он в тюрьме и его надо оттуда вытаскивать (Квигли, вероятно, не был в курсе контактов Дебрюйса с Освальдом). Ли боялся, что новоорлеанская полиция может подсадить «политического» к уголовниками и те изнасилуют или покалечат сторонника Кастро. Кстати, примерно так же он будет вести себя после ареста 22 ноября 1963 года.

В любом случае за судьбой Освальда в городе следили. Тетя Лилиан позвонила другу мужа Эмилю Бруно, который тоже подвизался на ниве профессионального бокса и был связан с мафией. Тот, оказывается, уже был в курсе событий и внес за Освальда залог. В субботу

10 августа грязный и небритый, но счастливый Освальд героем

пришел домой. Марина отнюдь не удивилась, что муж попал в полицию. Она была относительно спокойна, так как в пятницу ночью (Ли без всяких объяснений не пришел домой) она первым делом проверила, на месте ли винтовка. Оружие спокойно пылилось в шкафу. А значит, Ли не мог совершить никакого серьезного преступления.

12 августа 1963 года во втором муниципальном суде Нового Орлеана проходило слушание дела о нарушении общественного порядка. Брингуэр был взбешен, когда совершенно спокойный Освальд уселся в зале суда на скамью, предназначенную для «цветных» (в городе вовсю процветала расовая сегрегация). Это была очень тонкая пропагандистская акция, завоевавшая Освальду признание негритянской публики. Тем не менее неожиданности не произошло. Белый судья приговорил Освальда за нарушение общественного порядка (хотя скандал на улице затеяли Брингуэр и его друзья) к штрафу в 10 долларов, который можно было заменить кратким пребыванием в тюрьме. Освальд сразу же заплатил штраф и был отпущен на все четыре стороны.

Последующие события показали, что ФБР разочаровалось в Освальде. Тот был фигурой самостоятельной, и подчас было непонятно, кто кого «ведет». Вместо тихой агентурной работы по внедрению в интересовавшие спецслужбы организации он стал заниматься публичной политикой. Причем в августе Освальд раздавал листовки со своей фамилией и адресом.

А Освальд в свою очередь делал все это для того, чтобы попасть на Кубу. Причем в кратчайшие сроки. Видимо, он понял, что хозяева в покое его не оставят. Поэтому Ли стал вести досье своей деятельности в защиту кубинской революции, чтобы с его помощью легко получить визу на Кубу. Ведь он еще очень хорошо помнил, как русские не хотели оставлять его в стране, так как ничего о нем не знали.

Освальд внимательно читал новоорлеанские газеты и журнал «Тайм». А там часто появлялись статьи о том, как американцы могут спокойно попасть на Кубу, получив туристическую визу в кубинском посольстве в Мексике. Однако с каждым днем процедуры все усложнялись. Если раньше мексиканские власти не делали в паспортах американцев никаких отметок о поездке на Кубу, то летом 1963 года под давлением северного соседа они стали ставить в паспорта штамп «отбыл на Кубу». В случае возвращения в США эта отметка грозила американским гражданам тюремным заключением.

ФБР между тем вернулось к первоначальному плану использования Ли Харви Освальда. Опять «втемную» его готовили для окончательной компрометации FPCC. И новая «публичная» тактика Освальда была здесь

ФБР явно на руку.

16 августа Ли попросил Марину погладить его любимую белую рубашку. До этого он обзвонил несколько местных теле-и радиокомпаний, заявив, что Комитет за справедливую политику в отношении Кубы будет проводить публичную акцию. Переодевшись, Освальд зашел на биржу труда и за два доллара нанял двух молодых людей раздавать вместе с ним листовки (личность одного из этих помощников до сих пор не установлена). Освальд предупредил, что вся акция будет продолжаться не более двадцати минут (на самом деле она заняла еще меньше времени).

На этот раз Освальд раздавал листовки в поддержку Кубы в деловом центре Нового Орлеана у здания «Трэйд март». Возможный скандал, который, правда, на этот раз не состоялся, привлек местную телекомпанию, и впервые в жизни Освальд попал на телевидение — сюжет о его акции был показан в новостях.

На следующий день в 8 часов утра к Освальду домой зашел корреспондент местной радиостанции WDSU Уильям Стаки, который вел на радио специальную программу, посвященную Латинской Америке. Столь ранний визит объяснялся тем, что Стаки боялся не застать позднее Освальда дома (он предполагал, что сторонник кубинской революции где-то работает). Репортер был потрясен внешним видом и манерами общения революционера. Он ожидал увидеть нечесаного и немытого, небрежно одетого субъекта, типичного левого маргинала. Но дверь открыл аккуратный молодой человек, который с сожалением сказал, что не может пригласить Стаки в квартиру на кофе, так как его жена и дочь еще спят.

Стаки, как и Квигли, пытался выяснить, кто еще входит в новоорлеанскую организацию комитета. Но Освальд только сказал, что у него 12 или 13 соратников. Стаки не переставал удивляться спокойной и интеллигентной манере Освальда. Парень явно не подходил на роль радикала. Как потом вспоминал Стаки, комитет был не той организацией, членом которой он мог бы представить Освальда.

Стаки пригласил Освальда в этот же день записать интервью для радио, и Освальд с удовольствием согласился. Получилась 37-минутная пленка, которая просто поражает глубиной и четкостью политических взглядов 23-летнего человека, не имевшего даже законченного среднего образования. Судите сами (далее следует перевод части интервью).

«Стаки. Мистер Освальд, среди журналистов в этой стране много тех, кто не отделяет Комитет за справедливую политику в отношении Кубы от американской коммунистической партии. Что вы думаете на сей счет и не являетесь ли вы членом американской коммунистической партии?

Освальд. Ну, знаете, в отношении Комитета за справедливую политику в отношении Кубы с его штаб-квартирой на 799 Бродвей, Нью-Йорк (Освальд дал аудитории точный адрес организации, чтобы туда могли обращаться, — умный пропагандистский ход. — *Авт.)* было проведено расследование подкомитета сената, который занимается подобными делами. Они изучили нашу организацию под углом зрения налогов, подрывной деятельности, и вообще, где, как и почему мы существуем. Они не нашли ничего, что могло бы связать нас с коммунистической партией США. Что касается вашего вопроса, коммунист ли я, я сказал, что не являюсь членом какой-либо иной организации.

Стаки. Верит ли ваша группа в то, что режим Кастро не является всего лишь прикрытием советской колонии в Западном полушарии?

Освальд. Кастро — независимый лидер независимой страны. У него есть связи с Советским Союзом. Но это не означает, что он зависит от России. Он ведет торговлю со многими государствами, включая Великобританию, в определенной степени Францию и рядом стран Западного полушария. Он даже торгует со многими независимыми государствами Африки. Поэтому вы не можете сказать, что он русская марионетка… Я думаю, что это очень наглядно проявилось во время октябрьского кризиса (имеется в виду Карибский кризис 1962 года. — *Авт.),* когда Кастро очень твердо сказал, что, несмотря на то, что премьер Хрущев настаивал на односторонних инспекциях ракетных баз на Кубе (имеются в виду американские инспекции. — *Авт.),* он, Кастро, отказался (такие подробности мог знать только человек, очень внимательно следивший за политическими событиями. — *Авт.)…*

Стаки. Вы считаете режим Кастро коммунистическим?

Освальд. Они сказали… что являются марксистской страной. С другой стороны, так же себя называет Гана и многие другие страны в Африке. Каждая страна, которая вырывается из феодализма, как Куба, обычно экспериментирует с социализмом, марксизмом. Поэтому, например, Великобритания национализировала медицину. Вы не можете утверждать, что Кастро в настоящее время является коммунистом, так как он пока не развил свою страну, свою систему до этой стадии. У него пока и не было шанса стать коммунистом. Он экспериментатор, человек, который пытается найти лучший путь для своей страны. Если он выберет социалистический, марксистский или коммунистический порядок, то только народ Кубы может судить об этом. У нас нет права судить об этом…

Стаки. Мистер Освальд, будете ли вы думать по-другому, если деятельность местного отделения Комитета за справедливую политику в отношении Кубы будет приносить пользу коммунистической партии или целям мирового коммунизма?

Освальд. Вы, наверное, считаете этот вопрос каверзным. Но я все же попытаюсь на него ответить. Моим личным идеалам не отвечает поддержка коммунизма. Поддержка идей международного коммунизма не отвечает идеалам Комитета за справедливую политику в отношении Кубы. Нас эта проблема не занимает. Мы занимаемся Кубой. Мы ни при каких обстоятельствах не верим в то, что отстаивая наши идеи в отношении Кубы, наши прокастровские идеалы, мы не являемся приверженцами демократии. Как раз наоборот…»

Стаки в присутствии Освальда сократил пленку до четырех с половиной минут и пообещал, что ее прокрутят сегодня же. Довольный Освальд ушел домой, а Стаки показал интервью главному редактору. Оба сошлись во мнении, что Освальд талантливый пропагандист, и именно поэтому главный редактор отказался давать материал в эфир. Он предложил Стаки устроить в прямом эфире дискуссию Освальда с местными антикоммунистами и кубинскими эмигрантами.

На Освальда началась настоящая охота. Стаки предоставил пленку с полным интервью Освальда в распоряжение ФБР. Там ее скопировали, а потом соединили Стаки по телефону то ли с главой новоорлеанского офиса ФБР, то ли с его заместителем (Стаки не запомнил фамилию, что странно для журналиста). Тот прямо по телефону зачитал Стаки выдержки из досье Освальда, включая пребывание последнего в СССР и его попытки отказаться от американского гражданства. Факт сам по себе просто беспрецедентный, тем более что ФБР якобы только что обнаружило Освальда в Новом Орлеане.

ФБР же порекомендовало Стаки привлечь в качестве участника дискуссии ведущего местного антикоммуниста Эдварда Батлера, возглавлявшего Информационный совет Америки. Эта организация, тесно связанная и финансируемая спецслужбами, поставляла антикоммунистические передачи для средств массовой информации Латинской Америки. Батлер связался с кем-то в Вашингтоне (комиссию Уоррена не заинтересовало, с кем) и получил подробные материалы на Освальда, включая вырезки из газет 1959 года о «побеге» бывшего морского пехотинца в СССР.

Третьим участником дискуссии был, естественно, Карлос Брингуэр, который тоже принял живейшее участие в облаве на своего противника. Он

подослал к Освальду домой молодого кубинца, который представился сторонником Кастро и проговорил с Освальдом целый час. Интересно, Освальд потом сказал Марине, что человек был подослан либо кубинскими эмигрантами, либо ФБР. Тем не менее Освальд рассказал ему массу подробностей из своей жизни.

Итак, капкан был поставлен и захлопнулся он 21 августа 1963 года. Освальд появился на радио, несмотря на жуткую новоорлеанскую жару, в теплом сером фланелевом костюме советского производства (другого у него просто не было, в Америке он на собственный костюм заработать не смог). Затем появились Батлер и Брингуэр. В руках у них были толстые папки с документами (Освальд пришел с одним блокнотом). Брингуэр попытался принудить противника к капитуляции, сказав, что не имеет ничего против него лично, а лишь не согласен с его политическими взглядами. Но Освальд держался крайне уверенно. Его не смутил даже его собственный справочник морского пехотинца, который Брингуэр принес с собой. Он усмехнулся и произнес: «Послушай, Карлос, не пытайся использовать в наступательном плане этот справочник. Он уже устарел, и ты потерпишь фиаско». Однако фиаско потерпел сам Освальд. Как только гости были представлены радиослушателям, слово взял Стаки, который мастерски разыгрывал обманутого «перебежчиком» Освальдом доверчивого журналиста.

«Стаки… Мистер Батлер обратил мое внимание на некоторые вырезки из газет, где говорится, что мистер Освальд хотел отказаться от своего американского гражданства в 1959 году и стать советским гражданином. Есть и другая вырезка, датированная 1962 годом, говорящая, что мистер Освальд вернулся из Советского Союза со своей женой и дочерью, прожив там три года. Мистер Освальд, это правда?

«Вашингтон ивнинг стар» от 31 октября 1959 года на первой странице сообщила, что бывший морской пехотинец Ли Харви Освальд, проживавший по 4936 Коннэли-стрит, Форт-Уорт, Техас, сдал свой паспорт в американское посольство в Москве и подал ходатайство о принятии советского гражданства. Мне кажется, что если вы сдали паспорт в посольство, то тем самым вы отказались от своего гражданства.

Освальд был уничтожен. Разоблачен в прямом эфире как предатель. Его региональная организация FPCC была разгромлена. Стаки пригласил Освальда после прямого эфира на пиво в ближайший бар. Освальд рассказывал своему недавнему оппоненту, как он пришел к марксизму. А именно через «Капитал» Маркса, а не под влиянием своих родственников, как думал Стаки («они типичные новоорлеанцы»). Репортер еще раз

убедился, что Освальд считает себя интеллектуалом и думает, что живет в мире существ, гораздо ниже его по интеллектуальному уровню. В целом у журналиста сложилось впечатление, что Освальд даже испытывает некоторое облегчение после провальной для него дискуссии. На него тяжелым грузом давила необходимость скрывать свое пребывание в СССР. Его мучил страх разоблачения. Теперь скрывать было уже нечего.

Домой в тот день Освальд вернулся подавленным. Он никак не ожидал от своих противников столь кропотливой работы по выявлению подробностей его биографии. На комитете можно было ставить крест. Но что же делать дальше?

28 августа 1963 года Освальд, которого муж Рут Пэйн уверенно называл троцкистом, пишет письмо руководителям компартии США.

«Уважаемые товарищи!

Пожалуйста, дайте мне совет по проблемам персональной тактики.

В 1959 году в Москве я легально пытался выйти из гражданства Соединенных Штатов в пользу советского гражданства. Однако я не довел соответствующие формальности до конца.

Вернувшись в США в 1962 году и бросившись в борьбу за прогресс и свободу в Соединенных Штатах, я хотел бы знать, стоит ли мне, по вашему мнению, продолжать борьбу, отягощенную моей прошлой биографией. Могу ли я по-прежнему в этих условиях бороться с реакционными силами в открытую или мне надо постоянно находиться в тени и в подполье?

Наши оппоненты могут использовать тот факт, что я жил в СССР, против любого дела, к которому я присоединюсь, они могут сказать, что организация, членом которой я являюсь, контролируется русскими и так далее. Я уверен, вы меня понимаете.

Конечно, я могу открыто заявить (если подвергнусь давлению по этому вопросу), что я хотел выйти из американского гражданства в качестве личного протеста против политики правительства США по поддержке диктаторских режимов. Что, по-вашему, мне надо делать? Какая тактика в целом является лучшей?

Надо ли мне полностью отказаться от любой прогрессивной деятельности?

Здесь в Новом Орлеане я являюсь секретарем местного отделения Комитета за справедливую политику в отношении Кубы. То есть занимаю позицию, которую я, честно говоря, использовал для продвижения коммунистических идеалов. Во время шоу на местном радио я был атакован представителями кубинских эмигрантских организаций за то, что я жил в Советском Союзе.

Я чувствую, что скомпрометировал FPCC, поэтому, как вы видите, мне нужен совет известных и опытных борцов за прогресс.

Пожалуйста, посоветуйте.

С братским приветом ваш Ли Х. Освальд».

Трудно отделаться от впечатления, что Освальд, который постоянно негативно отзывался о компартии США, пытался этим письмом скомпрометировать коммунистов, так же как он, по своим же собственным словам, скомпрометировал FPCC. Отсюда подозрительное упоминание о готовности действовать в подполье. А также утверждение о том, что Освальд рекламировал коммунистические идеалы (именно от этого, как мы помним, он публично открещивался и именно это пытались доказать его политические противники). К тому же Освальд был явно не тем человеком, которому нужны были чьи-то советы (вспомним, как он отнесся к советам Винсента Ли). К чести руководства компартии США, оно не попалось на удочку.

19 сентября Освальд получил ответ от Арнольда Джонсона, который курировал в руководстве компартии вопросы политической агитации и пропаганды.

«Уважаемый господин Освальд (Джонсон избегал употребления партийного приветствия «товарищ» в переписке с незнакомым человеком. — *Авт.).*

…В то время как факт вашего проживания в Советском Союзе может быть использован некоторыми людьми, я думаю, что вы должны признать, что как американский гражданин, который сейчас находится в стране, вы имеете право участвовать в тех организациях, в которых хотите, включая, возможно, и FPCC, который носит очень широкий характер. Часто для некоторых людей лучше оставаться на заднем плане, но не в подполье. Я думаю, что сейчас этот вопрос носит довольно академический характер, и мы можем обсудить его позже.

Искренне ваш (слово «братский», принятое в компартии, Джонсон употреблять не стал. — *Авт.).*

Арнольд Джонсон».

Как мы видим, Джонсон тонко обезвредил оба потенциально опасных для коммунистической партии пассажа из письма Освальда. Во-первых, он не рекомендовал Освальду уходить в подполье (ФБР и так сбилось с ног,

разыскивая доказательства нелегальной деятельности коммунистов в США). Во-вторых, Джонсон отметил, что FPCC является «широкой», а не коммунистической организацией.

Освальд очень гордился ответом Джонсона и даже показал его Марине как доказательство собственной важности в политической жизни страны.

Но на самом деле выстрел был явно вхолостую. Как и другой, который Освальд произвел примерно в это же время. Точнее говоря, это был дуплет. Ли написал в редакции «Милитэнт» и «Уоркер», что в ближайшем будущем собирается переехать с семьей на северо-восток США (там располагались обе газеты и вообще штаб-квартиры всех левых партий Америки) и просит указать ему партийные ячейки, с которыми он мог бы вступить в контакт. Ответа на эти письма Ли Харви Освальд не получил.

Здесь возможны две версии. Весьма вероятно, что Освальд, готовясь к переезду на Кубу, просто дурил голову ФБР, догадываясь, что все письма в «Уоркер» и «Милитэнт» становятся известными ФБР (в этом предположении он был абсолютно прав). Либо, если его готовила к заброске на Кубу другая организация (по всей видимости, ЦРУ, в пользу чего есть некоторые данные), он создавал себе запас времени: ведь после его исчезновения ФБР бросится искать его в районе Нью-Йорка, Бостона или Филадельфии.

В любом случае после провала на радио все мысли Освальда заняты предстоящей поездкой на Кубу. Он окончательно сформировывает досье своей политической деятельности, способной произвести впечатление на представителей Кастро. В нем есть рубрики «Уличный агитатор», «Политический оратор», «Русский» (в этой части Освальд прилагает документы, подтверждающие его жительство в СССР и письмо Питера Грегори о владении русским языком), «Марксист» (там Освальд отмечает, что в СССР посещал политические лекции, причем как обязательные, так и добровольные; при этом в своих воспоминаниях о жизни в Советском Союзе Освальд как раз возмущался тем, что рабочих его завода мучили политинформациями).

Нашлось место в досье и контактам с Брингуэром. Их Освальд описывал как успешное внедрение в среду кубинской эмиграции и использование полученной таким образом информации для создания эмигрантам трудностей в США. Причем это было не хвастовством, а правдой. После того как Брингуэр отказался принять от него денежное пожертвование, Освальд тем не менее позвонил в прокуратуру Нового Орлеана и сообщил, что Брингуэр нелегально собирает средства. Последнему потом пришлось доказывать властям обратное.

В досье содержался и очень подробный раздел о военной службе. Видимо, Освальд рассчитывал на как минимум офицерский пост в кубинской армии. Марина вспоминала, что в конце августа она впервые после Далласа увидела мужа с винтовкой. Сидя на террасе, он целился на улицу. На вопрос жены, что опять стряслось, он только ответил, что Фиделю Кастро нужны защитники. В то время Марина часто слышала, как супруг тренируется с винтовкой «всухую» (то есть передергивая затвор).

Казалось бы, здесь все ясно. «Марксист» Освальд, разочаровавшись в советской модели социализма, собрался на Кубу. Однако в целом его досье было подготовлено довольно небрежно. Обычно важные письма и бумаги Освальд, страдавший дисграфией, переписывал по нескольку раз. Например, его письма руководству компартии и Винсенту Ли (а также более ранние письма из Минска в американское посольство) написаны хорошим языком и без ошибок. А вот «досье» просто пестрит орфографическими ошибками. А ведь времени у Освальда на его подготовку было достаточно (досье состояло из 10 страниц).

Но самым интересным является то, как Освальд рассчитывал попасть на остров Свободы. Как-то раз, к ужасу Марины, муж сообщил ей, что собирается угнать на Кубу американский пассажирский самолет. Причем Освальд активно работал над деталями этой акции. Чтобы не вызывать подозрений, он планировал захватить самолет не международных линий, а местных, где меры безопасности были гораздо менее строгими. В то же время рейс должен быть достаточно дальним, чтобы до Кубы хватило топлива без промежуточной посадки. Освальд принес домой расписание авиарейсов и карту, на которой он скрупулезно прорабатывал различные авиационные маршруты.

Марину он посвятил в свои планы по одной причине: она должна была принять непосредственное участие в захвате самолета. По разработанному плану операции сам Освальд с пистолетом располагался в передней части пассажирской кабины и контролировал пилотов. Марина с пистолетом, выкрикивая угрозы на английском языке (Освальд долго, но безуспешно разучивал с женой эти фразы, а потом решил, что, если Марина закричит по-русски, люди испугаются еще больше), должна была контролировать заднюю часть салона. Освальд даже пообещал беременной жене купить ей легкий пистолет. Освальд настолько уверовал в успех, что даже стал активно заниматься гимнастикой, чтобы «подкачаться». В конце концов Марина решительно отказалась во всем этом участвовать, и супруг быстро охладел к авиапиратству.

Непонятным во всей этой истории является только сам замысел. Если

можно было спокойно попасть на Кубу через Мексику (а мексиканцы выдавали въездные визы гражданам США без всяких проблем при предъявлении паспорта в день обращения), и Освальд был об этом прекрасно информирован, то зачем надо было идти на такой риск? Но если предположить, что его хотели на Кубу забросить и при этом скомпрометировать кубинское руководство, то все становится на свои места. Стоит только представить себе реакцию общественного мнения США, когда «вышколенный» в СССР американский коммунист (к тому же замеченный в активной прокастровской политической пропаганде) вместе с русской женой захватывает самолет с мирными американскими гражданами и сажает его на Кубе. Все это можно было подать как разработанный в Гаване дьявольский план, а заодно и использовать благородную цель спасения ни в чем не повинных американцев для полномасштабного вторжения на остров.

Как представляется, отказались от этой затеи по причине ненадежности и самостоятельности Освальда. Тот, как кошка, гулявшая сама по себе, делал лишь то, что сам считал правильным. Освальда можно было незаметно вести или тонко подталкивать, но прямых приказов он ни от кого принимать не любил (именно так сформулировала это Марина). К тому же вся акция могла закончиться морем крови, и, если бы из этого моря показались уши ЦРУ, США ждал бы грандиозный скандал. Вот тогда-то президент Кеннеди уж точно мог бы ликвидировать Центральное разведывательное управление как таковое.

Но в ЦРУ, похоже, был разработан еще более дьявольский спектакль с участием Освальда, с помощью которого можно было бы в принципе добиться тех же самых целей, но без риска подставиться.

В сентябре 1963 года американо-кубинские отношения обострились как никогда со времен Карибского кризиса. Причем по вине ЦРУ и вопреки желанию президента США. 18 августа кубинские эмигранты опять обстреляли Гавану. Американские газеты довели до читателей реакцию кубинского руководства: рейды организованы и спланированы ЦРУ. Влиятельная и хорошо информированная «Вашингтон пост» сообщала, что администрация Кеннеди будет занимать в отношения военных акций кубинских эмигрантов с территории США нейтральную позицию. На самом деле все было гораздо сложнее, так как в США в то время единой политики в отношении Кубы просто не существовало.

В сентябре 1963 года с санкции Белого дома советник американской делегации в ООН Уильям Эттвуд вел секретные консультации с кубинским представителем при ООН с целью нормализации отношений между двумя

странами. Эттвуд проинформировал о ходе переговоров Роберта Кеннеди (возглавившего, как мы помним, после фиаско в заливе Свиней специальную группу администрации по Кубе), а также помощника президента по национальной безопасности Банди. Оба рекомендовали Этгвуду продолжать контакты. И в то же самое время, а именно 12 сентября, на заседании упомянутой группы по Кубе Роберт Кеннеди опять говорил об устранении Кастро. Участвовавший в заседании директор ЦРУ, однако, не сказал брату президента, что разведка подошла к убийству Кастро как никогда близко.

Еще в 1961 году на ЦРУ вышел один из лидеров кубинской революции министр без портфеля в правительстве Кастро, бывший команданте революционной армии Рудольфе Кубела (в ЦРУ ему присвоили кличку «Эмлэш»), Он сказал, что разочаровался в Фиделе и хотел бы бежать в США. Но ЦРУ уговорило ценного агента остаться.

И вот на конспиративной встрече в сентябре 1963 года в Бразилии Кубела вдруг предложил убить Кастро (сам Кубела, позже арестованный, правда, говорил, что это была идея ЦРУ). Он просил винтовку с оптическим прицелом (чтобы не рисковать) и письменную поддержку своего плана со стороны высокопоставленных представителей американского руководства, например Роберта Кеннеди. В ЦРУ сначала заволновались, так как подобное предложение очень уж смахивало на провокацию. Но стремление убить Кастро перевесило, и Кубеле обещали все то, что он просил.

По странному стечению обстоятельств (а может, и специально), в тот же день на приеме в бразильском посольстве в Гаване кубинский премьер сделал неожиданно резкое заявление. Поводом послужила очередная бомбежка кубинского города Санта-Клара самолетами без опознавательных знаков 5 сентября. 9 сентября новоорлеанская «Таймс пикэйн» дала материал под заголовком «Кастро осуждает рейды против Кубы и говорит, что американские лидеры подвергают себя опасности, помогая мятежникам». Смысл заявления Кастро газета приводила следующим образом: «Мы готовы бороться с ними (то есть с американцами) и ответить им тем же самым. Лидеры Соединенных Штатов должны сознавать, что если они содействуют террористическим планам ликвидации кубинских лидеров, то и сами они не будут в безопасности».

Заявление Кастро было настолько жестким, что некоторые американские газеты даже побоялись его публиковать, чтобы не спровоцировать открытый военный конфликт. Кубинский лидер открыто предупреждал, что ему известно о планах ЦРУ (Кубела, кстати, мог быть и

двойным агентом). Один из сотрудников ЦРУ впоследствии под присягой показал, что еще с 1962 года у сотрудников Штаба специальных операций (Special Affairs Staff), которому была поручена операция «Эмлэш», имелись основания подозревать Кубелу в двойной игре.

Но для ЦРУ в целом интервью Кастро было более чем желанным. Его можно было подать американской общественности как угрозу кубинского лидера в отношении президента Кеннеди. А это в свою очередь оправдывало покушение на самого Кастро. В ЦРУ созрел план подставить «марксиста» Освальда кубинцам через посольство Кубы в Мексике. Если бы кубинцы пустили Освальда в страну, то тот должен был недели через две вернуться и сыграть роль подставной утки в кубинском покушении на Кеннеди. Если же кубинцы оказались бы умнее и разгадали операцию ЦРУ, то можно было бы организовать доказательства вербовки Освальда непосредственно в кубинском посольстве в Мексике (так и было сделано). В любом случае риск, как думали в ЦРУ, был минимальным: Освальд не числился в штатах ЦРУ, и от него всегда можно было откреститься. К тому же покушение на Кеннеди должно было быть неудачным или вообще раскрытым еще до его осуществления.

Почему же и кем конкретно в качестве места вербовки Освальда агентами Кастро было избрано именно посольство Кубы в Мехико? Во-первых, специальный пост ЦРУ фотографировал всех, кто входил или выходил из здания посольства. Во-вторых, все телефонные разговоры посольства прослушивались и записывались. В-третьих, в кресле кабинета посла и почти во всех розетках посольства ЦРУ были установлены микрофоны. В-четвертых, в среду мексиканских коммунистов, связанных с посольством Кубы, был внедрен агент ЦРУ и никарагуанской службы безопасности Альварадо. Он относительно свободно мог посещать посольство. Был у американцев в посольстве Кубы в Мексике и прямой агент — атташе по культуре Луис Альберу.

Было и еще одно важное для ЦРУ обстоятельство. Женой главы кубинского торгпредства в Мехико (оно располагалось в том же здании, что и консульский отдел, на втором этаже) была сестра лидера самой воинствующей группировки кубинских эмигрантов в США «Альфа-66» Антонио Вечианы. Сам Вечиана еще до эмиграции с Кубы встретился в 1960 году в Гаване с неким американцем «Морисом Бишопом», с которым впоследствии встречался более 100 раз, в том числе и в США. Сам «Бишоп» служил в ЦРУ и уже после покушения на Кеннеди согласно словесному описанию Вечианы в нем опознали главу управления Западного полушария ЦРУ Дэвида Эттли Филипса (кстати, показания

Вечианы дорого ему обошлись: на него было совершено покушение, и он чудом выжил, но после этого уже от интервью неизменно отказывался). В сентябре 1963 года Филипс курировал антикубинские операции ЦРУ на территории Мексики.

«Бишоп» вел «Альфу-66». Именно ему, по данным Вечианы, принадлежала идея атаковать советские корабли в кубинских портах в марте 1963 года. «Бишоп» при этом говорил, что президент Кеннеди слишком неопытен для управления страной и настроен на компромисс с русскими. Его «надо припереть» к стенке такими действиями, после которых у него не останется иного выбора, чем прямая военная конфронтация с Кастро. Президент США расценил действия «Альфы-66» против советских судов как провокационные и отдал приказ об аресте лидеров этой организации.

И вот в августе — сентябре (точную дату Вечиана не помнит) «Бишоп» срочно вызвал его в Даллас. Там в нарушение всех правил конспирации он застал своего куратора с молодым американцем, которым, в этом Вечиана не сомневается, и был Ли Харви Освальд. Речь шла о том, что Освальд должен был через посольство Кубы в Мексике скомпрометировать Кастро и добыть «доказательства» заговора кубинского руководства с целью убийства президента США. Сестра Вечианы должна была в случае чего свидетельствовать, что Освальд был завербован кубинцами с целью покушения на президента. К тому же для Освальда надо было разработать запасную легенду на тот случай, если его политическое досье не убедило бы кубинцев. И такая легенда была разработана.

Марина Освальд после покушения утверждала, что ее муж в Новом Орлеане все время ночевал дома, за исключением одного дня, который он провел в полицейском участке. Если принять это на веру (вообще, во многих случаях свидетельства Марины крайне противоречивы), то Освальд не мог быть в Далласе до 24 сентября 1963 года (в этот день Марина уехала с Рут Пэйн в Техас). С другой стороны, Вечиана на встречу с «Бишопом» летал, и точно так же мог поступить и Освальд. В этом случае он мог бы спокойно обернуться за один день (на автомашине от Нового Орлеана до Далласа было 8 — 9 часов езды, и Освальду пришлось бы захватить часть ночи).

В любом случае 17 сентября 1963 года Освальд получил в консульстве Мексики в Новом Орлеане туристскую визу № 24085, действительную для пребывания в Мексике не более чем на 15 суток. Воспользоваться визой Освальд мог в течение 90 дней. Судя по номеру визы, одновременно или

перед Освальдом мексиканскую туристическую визу № 24084 получил информатор ЦРУ Уильям Годет.

Годет издавал частично финансируемый ЦРУ еженедельник «Лэтин америкэн рипорт» и делился с разведкой информацией. После покушения на Кеннеди ЦРУ утверждало, что прекратило контакт с этим человеком в 1961 году. Однако сам Годет заявлял, что сотрудничал с ЦРУ по крайней мере до 1969 года. Причем он называл себя даже не агентом, а сотрудником управления. После покушения мексиканское правительство обнародовало данные о визах, выданных одновременно с Освальдом, но данные о визе № 24084 отсутствовали. Сам Годет говорил, что летал в Мексику самолетом, но почему-то не смог вспомнить зачем. Зато он вспомнил, что еще до этого видел Освальда на улице неподалеку от своего офиса, когда тот беседовал с Банистером (офисы Годета и Банистера находились практически рядом). Он же подтвердил, что Освальд был в контакте с Феррье. Странная наблюдательность для человека, который утверждал, что ничего не знал об Освальде до 22 ноября 1963 года. По всей видимости, Годет все же присматривал за Освальдом в Мехико.

В мексиканском консульстве Освальд вел себя более чем странно. В присутствии других посетителей он спросил, можно ли провозить в Мексику оружие. Вопрос не мог не удивить сотрудницу консульства. При этом, как выяснилось после убийства Кеннеди, ФБР сфотографировало Освальда в мексиканском консульстве.

Да, по странному стечению обстоятельств, именно в то время ФБР вновь «нашло» Освальда. 23 августа штаб-квартира бюро в Вашингтоне просит новоорлеанский офис сообщить о деятельности Освальда в городе. 10 сентября знакомый нам специальный агент далласского отделения ФБР Хости посылает доклад по делу Освальда в штаб-квартиру ФБР и коллегам в Новый Орлеан. Данные в этом документе были не очень свежие. В частности, Хости сообщал, что по состоянию на 5 августа Освальд работал в компании «Уильям Рейли» (как мы помним, на самом деле его уволили оттуда 19 июля).

Но этот вроде бы рутинный документ оказался первым материалом ФБР об Освальде после 30 августа 1962 года (тогда это был отчет о допросе Освальда предшественником Хости Файном), который попал в досье Освальда в ЦРУ. Причем ЦРУ поместило его 23 сентября 1963 года не в уже существующее дело рубрики 201, в новое досье 100 — 300 — 11. Теперь у ЦРУ было два досье на Освальда. Почему? Новое досье называлось «Комитет за справедливую политику в отношении Кубы». Туда же потом попали и отчеты новоорлеанского отделения ФБР о

прокастровской деятельности Освальда в городе летом 1963 года. Доклад Хости оказался в новом досье потому, что содержал информацию о первом, апрельском письме Освальда в FPCC, отосланном еще из Далласа.

Дело в том, что 16 сентября 1963 года ЦРУ отправило в ФБР меморандум с предложением попытаться скомпрометировать FPCC не только в США, но и в третьих странах, где деятельность комитета может быть расценена как успешная. В то время комитет был очень активен как раз в Мексике. Как мы увидим, Освальда в мексиканской столице, похоже, использовали и в этом направлении.

Итак, к визиту Освальда в кубинское посольство почти все было готово. Вот только в отличие от точки зрения своих хозяев из ЦРУ сам Освальд с Кубы возвращаться не собирался. Напротив, он, скорее всего, хотел разоблачить перед кубинским руководством планы ЦРУ по компрометации Кастро и тем самым заслужить блестящую репутацию в Гаване.

Но перед отъездом из Нового Орлеана Освальд провел еще одну странную операцию, которая впоследствии стала предметом живейших споров между различными исследователями. В то время группы либеральных активистов проводили на Юге США акции по регистрации негритянского населения в качестве избирателей. По законам США право голоса на выборах предоставляется гражданину отнюдь не автоматически: он обязан зарегистрироваться как избиратель. Негритянское население Юга (в то время еще малограмотное), запуганное расистами, побаивалось регистрироваться, и тем самым консервативные белые южане сохраняли свое политическое господство. Но летом 1963 года президент Кеннеди внес в конгресс беспрецедентный пакет законопроектов, фактически ликвидировавший сегрегацию. Страна забурлила. Сторонники президента стремились привлечь на предстоящие президентские выборы 1964 года как можно больше чернокожих избирателей, чтобы обеспечить переизбрание хозяина Белого дома. А противники Кеннеди, естественно, стремились по-прежнему не допустить массовой регистрации негров.

И вот в один из сентябрьских дней 1963 года (судя по некоторым косвенным данным, например по метеосводкам, это было в двадцатых числах месяца) в небольшом городке Клинтон в 90 милях севернее Нового Орлеана либеральная группа Конгресса за расовое равенство проводила регистрацию чернокожих избирателей. Неожиданно рядом с очередью остановился большой черный лимузин, в котором находились трое белых. Двое, судя по описаниям свидетелей, почти наверняка были Банистром и Ферре. Они из простоявшей без движения несколько часов машины

практически не выходили. Зато из нее вышел молодой человек и спокойно встал в очередь на регистрацию, в которой белых кроме него не было. Избиратели-негры заволновались. Большая черная машина ассоциировалась у большинства из них с ФБР (так же, кстати, считали и представители Конгресса за расовое равенство).

Освальд (а как показали потом многие свидетели, именно он встал в очередь на регистрацию) спокойно прождал три часа и, подойдя к регистратору, протянул ему удостоверение ВМС на имя Ли Харви Освальда. Он объяснил, что хочет получить работу в местном госпитале, и в этом ему помогла бы регистрация в качестве избирателя в штате Луизиана. Регистратор Генри Палмер счел такую просьбу весьма странной и отказал Освальду на том основании, что тот прожил в Луизиане мало времени. Освальд спокойно попрощался и уехал со своими попутчиками.

Сторонники теории убийцы-одиночки вообще отрицают пребывание Освальда в Клинтоне, так как оно практически напрямую связывает того с Феррье и Банистером. Агентство Банистера внимательно отслеживало деятельность противников расовой дискриминации, и в этом смысле инцидент в Клинтоне выглядит весьма убедительно. Для Освальда же, похоже, это было косвенным алиби, позволяющим его кураторам из ЦРУ впоследствии доказать, что он был вовсе не там, где он должен был бы быть. Наконец, «марксист» Освальд, будучи разоблаченным как кубинский агент, должен был еще и предстать как поборник прав негров. И после трехчасового стояния в очереди в Клинтоне это могли бы подтвердить сотни свидетелей.

Теперь перед поездкой в Мексику Освальду надо было каким-то образом избавиться от жены. В этом, как и при переезде из Далласа в Новый Орлеан, помогла уже знакомая нам Рут Пэйн. В конце августа 1963 года Ли вдруг засел за испанский язык. Хозяйка вспоминала, что Ли никогда вовремя не платил за квартиру, а чтобы избежать оплаты вывоза мусора, тайком подсовывал отходы в мусорные бачки соседей. Он много читал, сидя на террасе. Но если в мае — июле это были в основном политические книги, то в августе — сентябре научная фантастика и шпионские романы. В сентябре Ли, который знал, что Марина переписывается с Рут, постоянно спрашивал жену: «Ну когда же приедет Рут?»

Марина с середины июля писала Рут, что ее совместная жизнь с Ли вроде налаживается, но она все же хотела оставить в силе приглашение Рут переехать к ней, если Ли опять начнет обращаться с ней плохо. Наконец, Рут сообщила своей русской подруге, что после посещения родственников

она заедет к ней в Новый Орлеан примерно 18 сентября. 27 или 28 августа Освальд уже точно знал, что Рут будет в Новом Орлеане 20 сентября (именно поэтому Освальд и взял визу в консульстве Мексики

17 сентября: он твердо рассчитывал оставить беременную жену на попечении Рут).

В начале сентября американцы празднуют аналог нашего Первомая — День труда. Именно в этот день Ли неожиданно позвонил тете Лилиан и попросил разрешения приехать к ней вместе с женой (он не был у новоорлеанских родственников около двух месяцев). Двоюродная сестра Мэрилин только что вернулась из поездки в Центральную Америку, и Ли расспрашивал ее о впечатлениях. При этом он ни словом не обмолвился о своих собственных планах в отношении Кубы.

Рут приехала, как и обещала, в пятницу 20 сентября вместе со своими детьми. Она была слегка удивлена той радости, с которой ее встретил Ли. Он очень волновался по поводу предстоящих родов Марины и даже дал Рут документ, подтверждавший, что он жил и работал в Техасе. Рут надлежало предъявить его в Парклендском госпитале Далласа, что давало право Марине заплатить за роды столько, сколько она могла, в силу своего тяжелого материального положения. Тогда ни Ли, ни Марина еще не знали, что через два месяца в Парклендском госпитале скончается президент США, а через день после него и сам Ли Харви Освальд.

Рут была также приятно поражена, что Освальд сам тщательно упаковывал вещи жены. Еще бы! Ведь среди них находилась разобранная и завернутая в одеяло винтовка (Ли сказал Рут, что это снаряжение для кемпинга). Прощание супругов Освальд 23 сентября 1963 года было очень трогательным. Ведь Ли уже не рассчитывал вернуться в США и расставался с женой и маленькой дочерью на длительное время, а возможно, и навсегда. Он едва сдерживал слезы. Сама Марина вспоминала, что муж смотрел на нее печально и преданно, как «собака на хозяина». Но судьба, казалось, не хотела разлучать их. Едва Рут отъехала от дома, у машины спустило колесо и пришлось завернуть на ближайшую заправку. Ли побежал за ними. Теперь уже Марина с трудом сдерживала слезы и просила мужа следить за собой и хорошо питаться. Ли взял на руки дочь и поднес ее к автомату с прохладительными напитками: «Ну-ка, Джуни, покажи мне пальчиком, чего ты хочешь?»

Потом, взяв себя в руки, Освальд еще раз предостерег жену, чтобы она никому не говорила, куда он собрался. Версия для Рут гласила, что Ли хочет подыскать себе работу в Хьюстоне. Наконец, машина Рут Пэйн тронулась в дальний путь. Ли проводил ее взглядом. Ему оставалось жить

на свете ровно два месяца.

Глава шестая.
Облава на президента

До сих пор не нашлось свидетелей, которые могли бы точно сказать, как и когда Освальд покинул Новый Орлеан. Это странно, если учесть, что и предыдущие и последующие его передвижения неплохо задокументированы.

Есть основания полагать, что во вторник 24 сентября Освальд обналичил в магазине пришедший из Техаса чек с очередным пособием по безработице, хотя эксперты ФБР позднее не смогли с точностью определить подпись того, кто это сделал. В любом случае обычно Освальд обналичивал подобные чеки именно во вторник. Когда квартирная хозяйка пришла к Освальду утром 25 сентября, чтобы напомнить о задолженности по квартплате, того уже не было. Исчезнув, Освальд так и не заплатил за прошедшие две недели. Это неудивительно, ведь он уже не собирался возвращаться в США.

В тот же день, 25 сентября, примерно в 9 часов вечера раздался звонок в дверь далласской квартиры молодой и весьма привлекательной кубинки Сильвии Одио. Отец Сильвии, плантатор, который до революции поддерживал Кастро, после 1959 разошелся с ним в политических взглядах и в 1963 году сидел в кубинской тюрьме за участие в попытке убить кубинского премьера (в той же самой попытке был задействован Вечиана и, возможно, его шеф «Бишоп»), Сильвия была членом номинально возглавляемой ее отцом кубинской эмигрантской организации «Революционная хунта» (испанская аббревиатура JURE). Среди антикастровских эмигрантов хунта занимала левые позиции, и экстремисты из «Альфы-66» не питали к ней особых симпатий.

Когда Одио открыла дверь, на пороге стояли три странных человека, представившиеся соратниками ее отца. Один из них (низкий, темнокожий и волосатый) показался Одио мексиканцем «низкого происхождения». По описанию он очень был похож на того мексиканца, которого постоянно видели с Освальдом в Новом Орлеане. Второй латиноамериканец был повыше и вел весь разговор. Оба отрекомендовались членами JURE и соратниками отца Сильвии. Представились они принятыми среди эмигрантов боевыми псевдонимами: мексиканец назвал себя «Анхело», а его спутник — «Леопольдо». Третьим незнакомцем был молодой

американец со следами легкой небритости, которого представили как «Леона Освальда» (имя повторили два раза). Все три посетителя выглядели весьма уставшими. Они извинились за поздний визит и сообщили, что им еще предстоит дальняя дорога.

Сильвия не хотела разговаривать с подозрительными и незнакомыми людьми, но они сообщили ей детали о якобы совместной деятельности с ее отцом, которые могли знать лишь действительно близкие ему люди (деталями посетителей, видимо, снабдил «Бишоп»). Леопольдо спросил, работает ли Сильвия в подполье, и, несмотря на отрицательный ответ, предложил Сильвии познакомиться с их американским спутником. Разговор шел на испанском, которого американец явно не знал. Он сказал только пару вежливых фраз вроде «Привет!». Потом лишь улыбался. Сильвия тоже из вежливости спросила, бывал ли он раньше на Кубе. Нет, не бывал, но он очень заинтересован в эмигрантском движении, ответил «Леон». Между тем Леопольдо попросил Сильвию перевести на английский язык и разослать американским бизнесменам письмо с просьбой дать средства на покупку оружия для борьбы против Кастро. Та отказалась и спросила, кто их к ней прислал. Леопольдо сказал, что они приехали из Нового Орлеана, где пытаются создать филиал хунты. Сильвия поспешила закончить подозрительную беседу, сказав, что ей, к сожалению, надо покинуть квартиру. Свидетелем странной встречи, продолжавшейся около 15 минут, была сестра Сильвии Энни. Прощаясь, Леопольдо спросил: «А ваш отец все еще на острове Исла-де-Пинос»? (там находилась тюрьма, где в то время действительно сидел старший Одио). После этого все трое сели в красную машину и уехали. За рулем был Леопольдо.

На следующий день Леопольдо позвонил Сильвии (при этом телефон ему она не давала) и спросил, что она думает о вчерашнем американце. «Ничего я особенного не думаю». — «А знаете, он бывший морской пехотинец и прекрасный снайпер. Он был бы очень полезным. Надо только найти к нему подход. Мы хотели бы представить его кубинскому подполью. Он все может. Например, работать в подполье на Кубе или убить Кастро». Одио никак не реагировала, и Леопольдо продолжил: «Американец говорит, что мы, кубинцы, слабаки. Он говорит, что мы должны были бы застрелить президента Кеннеди после залива Свиней. Потому что именно он сдерживает сейчас дело свободы на Кубе. Он говорит, что нам надо сделать что-либо подобное. Леон утверждает, что это не так сложно».

Одио лишний раз подумала, что стала жертвой провокации и

поспешила прервать разговор. Тем не менее она написала отцу письмо и получила от него ожидаемый ответ: среди его знакомых описанных дочерью людей нет.

После покушения на Кеннеди и Сильвия, и Энни опознали арестованного полицией Ли Харви Освальда как человека, который был у нее 25 или 26 сентября 1963 года. Свидетельство Одио поставило комиссию Уоррена в тупик, так как однозначно опровергало версию об убийце-одиночке. На помощь пришел директор ФБР Эдгар Гувер, который нашел трех американцев, связанных с кубинской эмиграцией, которые якобы и заходили к Одио в конце сентября. Причем один из этих людей внешне был действительно похож на Освальда. Комиссию вполне устроила версия ФБР. Однако вскоре после публикации ее доклада все трое заявили, что никогда у Одио не были. Да и сама Сильвия никого из них не опознала.

Между тем показания Одио весьма правдоподобны. Способ проникновения в среду кубинских эмигрантов, который Освальд отработал в Новом Орлеане, просматривается весьма четко. Он опять представился, пусть и через посредника, как человек с военным опытом и попытался скомпрометировать хунту участием в нелегальном сборе средств на покупку оружия. Несомненно, что в случае успеха Освальд предполагал, что это зачтется ему при получении кубинской визы. Новым элементом в тактике Освальда было упоминание о возможном убийстве кубинскими эмигрантами Кеннеди. Но тогда, как уже было показано выше, тема взаимных угроз была на повестке дня американо-кубинских отношений. И никого не удивляла. Обращает на себя внимание тот факт, что о покушении на Кеннеди Леопольдо от имени Освальда говорил уже без него. Скорее всего, «Бишоп» предполагал, что хунта находится под колпаком кубинских спецслужб. А переписка Сильвии с отцом уж точно контролируется кубинскими властями. Таким образом, хунту подставили Кастро как канал передачи сведений о готовности Освальда разобраться с Кеннеди (хотя, повторимся, сам Освальд этого не говорил). Возможно, рассуждали в ЦРУ, Кастро клюнет на эту удочку и кубинцы заинтересуются Освальдом (в досье последнего, которое он и предъявил в посольстве, очень подробно упоминалась служба в морской пехоте, да и фамилию «Освальд» для Сильвии повторили специально два раза), когда тот появится в кубинском дипломатическом представительстве в Мексике.

Возникает вопрос, каким образом Освальд вышел на Сильвию Одио. Она сама предположила, что ее телефон и адрес можно было узнать в любом далласском справочнике. Но все не так просто. А вот уже известный нам Карлос Брингуэр был другом Сильвии. Дядя Одио, некий

Гитарт (тоже кубинский эмигрант), присутствовал на суде, где слушалось дело о нарушении Освальдом и Брингуэром общественного порядка. ЦРУ впоследствии пришлось официально подтвердить, что оно по крайней мере поддерживало контакт с Брингуэром. Так что не исключено, что от имени Освальда в квартиру Одио пришел совсем другой человек, который просто владел необходимой информацией о попытке Освальда внедриться в среду кубинской эмиграции в Новом Орлеане. Мы еще вернемся позднее к этой версии.

Первый раз после 25 сентября Освальда увидели уже примерно в 6 часов утра 26 сентября в автобусе, который следовал из Хьюстона к мексиканской границе. По времени он мог бы доехать на автомашине из Далласа в Хьюстон, чтобы успеть на автобус № 5133, который отходил из города в 2.35 ночи. Мог Освальд нагнать его и где-то по дороге. Когда ехавшие в этом же автобусе пожилые супруги-англичане проснулись примерно в 6 часов утра, Освальд уже был их попутчиком. В отличие от своей поездки в СССР, когда он ничего не говорил пассажирам на корабле о цели своего вояжа, на этот раз Ли был весьма разговорчив. Он сообщил абсолютно незнакомым ему британцам, что едет на Кубу через Мексику, так как правительство США запрещает американским гражданам посещать остров (то есть фактически Освальд охотно сознавался в нарушении законов США). Не преминул Освальд и похвалиться, что является секретарем Комитета за справедливую политику в отношении Кубы в Новом Орлеане, и на Кубе хотел бы увидеть Кастро.

Примерно в два часа дня 26 сентября Освальд пересек мексиканскую границу и пересел на мексиканский автобус № 516. За билет на маршрут в 750 миль от границы до Мехико он заплатил 5,71 доллара. Ли продолжал откровенничать с незнакомыми людьми. Двум девушкам из Австралии он сообщил, что служил в морской пехоте в Японии и жил в России. В качестве доказательства Освальд даже показал свой старый паспорт 1959 года со штампом на русском языке. Имени своего Освальд, правда, не назвал. Зато сказал, что был в Мехико ранее и даже порекомендовал австралийкам остановиться в отеле «Куба», где он якобы останавливался раньше. ФБР после 22 ноября 1963 года не смогла найти никаких следов пребывания Освальда в Мехико (хотя уже упоминавшаяся на страницах этой книги секретарша Банистера Дельфина Робертс утверждала, что летом 1963 года Освальд ездил в Мехико; опознала Освальда и одна из горничных гостиницы «Куба»). Австралийки вспоминали, что Освальд не владел испанским языком, так как во время остановок даже не мог толком заказать себе еду в закусочных и просто тыкал пальцем в меню.

Рядом с Освальдом в автобусе ехал и еще один весьма странный пассажир. Путешествовал он под именем Джона Боуэна, но называл себя Альбертом Осборном (как мы помним, Освальд также пользовался подобным псевдонимом). После покушения, когда на него вышло ФБР, он сначала вообще отказывался от знакомства с Освальдом (с которым в автобусе сидел рядом и разговаривал). Этот человек много путешествовал как религиозный миссионер, хотя непонятно, кто финансировал его поездки. Да и сами эти поездки более чем спорны. В частности, он рассказал, что незадолго до убийства Кеннеди уехал надолго в Европу, а именно в Испанию и Францию. Однако пограничные власти обеих стран не смогли обнаружить следов пересечения им границ соответствующих государств. Об Осборне-Боуэне также было известно, что в годы Второй мировой войны он симпатизировал нацистской Германии. Многие исследователи предполагают, что попутчик Освальда так или иначе был связан с американскими спецслужбами.

Ли Харви Освальд прибыл в мексиканскую столицу утром в пятницу 27 сентября 1963 года. Порекомендовав австралийкам «Кубу», сам он, однако, после внимательного изучения прилегавших к автостанции гостиниц остановился в дешевом отеле «Комерсио», где снял комнату с ванной за 1,28 доллара в сутки. Передохнув с дороги, Освальд сразу же направился в кубинское посольство, располагавшееся примерно в двух милях от отеля.

Примерно в 11 часов утра сотруднице консульского отдела посольства Кубы Сильвии Дуран сообщили, что пришел американец, желающий получить въездную визу на Кубу. Сильвия Дуран, симпатичная молодая мексиканка, придерживалась левых взглядов. Она работала помощником кубинского консула Эусебио Азкуэ, который находился в процессе передачи дел своему преемнику перед отъездом на родину. За Дуран внимательно следило ЦРУ, которое считало, что, будучи замужем, она по заданию кубинского правительства вступила в любовную связь с послом Кубы при ООН Лечугой, чтобы удержать его от перехода на сторону американцев. Знали американцы, что и в самом посольстве Кубы в Мехико у Дуран есть любовник. Потом ЦРУ использует все эти факты для компрометации Освальда.

С облегчением выяснив, что Дуран говорит по-английски, Освальд в течение пятнадцати минут рассказывал о своих левых убеждениях, жизни в СССР и заслугах перед кубинской революцией, сопровождая рассказ демонстрацией своего досье. Он хотел получить туристическую двухнедельную визу на Кубу немедленно, чтобы попасть на остров уже 30

сентября. Его русская жена ждет его в Нью-Йорке (!).

При этом среди документов Освальд продемонстрировал членский билет компартии США, который сразу насторожил кубинцев. Во-первых, он был слишком уж новый. Во-вторых, обычно компартия США предварительно рекомендовала кубинцам своих людей, желавших посетить остров, и в этих случаях виза действительно выдавалась без проволочек. Но про Освальда американские коммунисты кубинских товарищей не предупреждали. Освальд, как мы знаем, никогда не был членом компартии США. Предъявил он кубинцам и еще одну фальшивку: фотографию своего ареста в Новом Орлеане, на которой он был изображен между двумя полисменами.

Тем не менее на Сильвию Дуран посетитель произвел самое благоприятное впечатление, и она попросила консула Азкуэ рассмотреть возможность немедленной выдачи Освальду кубинской визы. Но консул решил не отступать от существующих правил. А они гласили, что выдать визу без приглашения можно только после согласования с Гаваной. А на это требовалось две недели. Но Освальду это никак не подходило, так как истекала его мексиканская виза. Тогда Азкуэ и Дуран, узнав, что после Кубы Освальд намерен переселиться со своей русской женой в СССР, порекомендовали ему сходить в советское посольство (благо оно находилось совсем рядом) и получить советскую визу. В этом случае кубинцы готовы были выдать Освальду транзитную визу на Кубу. Пока же Дуран в качестве жеста доброй воли заполнила за Освальда визовую анкету (она указала там, что заявитель придерживается левых взглядов и выступал в поддержку Кубы в США) и отправила его сделать фотографии. Принеся их, Освальд расписался на анкете и отправился попытать счастья в посольство СССР. Дуран написала ему свой телефон, на случай, если понадобится ее помощь.

Все три работника консульского отдела Посольства СССР в Мексике в то время были сотрудниками разведки КГБ, работавшими под дипломатическим прикрытием. Примерно в 12.30 молодой американец по-русски сообщил охраннику советского посольства, что хотел бы поговорить с кем-нибудь из консульского отдела. К Освальду вышел вице-консул Валерий Владимирович Костиков, который по-английски спросил, что ему угодно. Освальд стушевался и сказал, что хотел бы поговорить именно с советским консулом. Улыбнувшись, Костиков показал посетителю свое удостоверение. Тогда Освальд сказал, что хочет получить для себя визу с целью переселения в СССР, где он раньше жил несколько лет. В качестве причины своей просьбы он назвал постоянное наблюдение

со стороны ФБР, из-за чего он никак не может устроиться на работу. Потом он добавил, что «местные власти» также преследуют его и его русскую жену, создав для них в Америке невыносимые условия. Освальд также показал Костикову документы, подтверждающие, что он жил в СССР. У Костикова была встреча в городе, и он передал посетителя другому вице-консулу, Олегу Нечипоренко.

Освальд повторил свою историю и показал письмо в советское посольство в Вашингтоне. Правда, он ушел от ответа на логичный вопрос Нечипоренко, почему он вообще вернулся из СССР в США. Тогда Нечипоренко предложил ему поехать в Вашингтон и решить вопрос в тамошнем советском посольстве. Освальд ответил, что там ФБР его наверняка арестует. К тому же перед СССР он хочет заехать на Кубу, а в Вашингтоне кубинского посольства нет, поэтому он и решил получить сразу две визы в Мехико. Но советский консул был непреклонен: Освальд должен решать вопрос о въездной визе в СССР в советском посольстве по месту своего постоянного жительства, то есть в США. К тому же просьба о переселении в СССР рассматривается обычно в течение четырех месяцев.

Посетитель впал в истерику: «Мне это не подходит! Это не мой случай! Для меня все это закончится трагедией!». Еще бы, ведь рушились планы Освальда наконец-то уйти из-под колпака американских спецслужб. Проведя в советском посольстве примерно час, Освальд ушел не солоно хлебавши. Но сдаваться он отнюдь не собирался. Примерно в четыре часа он снова пришел к Дуран, хотя кубинское консульство принимало посетителей только до двух. Русские, соврал он Дуран, положительно рассмотрели его просьбу и поэтому он хочет получить кубинскую визу. Но Дуран решила все же подстраховаться и позвонила советским коллегам. Вскоре ей перезвонил Костиков. И тут выяснилось, что Освальд стал жертвой собственной лжи. Он наврал советским дипломатам, что его жена в Вашингтоне вот-вот получит разрешение на возвращение домой и он, Освальд, хочет дождаться этого на Кубе. Поэтому и Костиков сказал Дуран, что советское посольство в Мексике будет ждать решения своих вашингтонских коллег, а это судя по всему вопрос не одного дня. Соответственно и Дуран решила, что пока русские не определятся, кубинцы тоже не будут выдавать транзитную визу.

Освальд, который был свидетелем разговора Дуран с Костиковым, пришел в бешенство. Он обозвал вышедшего на шум Азкуэ бюрократом, на что тот ответил, что такие люди, как Освальд, не помогают, а вредят кубинской революции, и почти выпроводил молодого американца на улицу. Дуран до этого успела сказать, что, возможно, положение Освальда

будет полегче, если он достанет рекомендательное письмо от прокубински настроенных мексиканцев. Она порекомендовала обратиться к профессору философии автономного университета Мехико, который иногда читал в доме Сильвии лекции о марксизме.

Есть некоторые данные, что Освальд именно так и поступил. Один из тогдашних студентов университета Мехико Контрерас вспоминал, что пил со своими друзьями кофе после просмотра фильма на философском факультете. Неожиданно к ним обратился молодой американец, сказавший, что он художник из Техаса, мечтающий переселиться на Кубу из-за притеснения американских властей. Он просил замолвить за него словечко в кубинском посольстве. Контрерас придерживался левых взглядов и знал Азкуэ. Он действительно попросил консула и другого сотрудника посольства помочь новому знакомому, но те в один голос заявили, что он провокатор, подосланный американскими спецслужбами. Контрерас сообщил грустные новости Освальду и тот якобы даже ночевал у него в общежитии.

История Контрераса в целом логична. Однако позднее он описывал художника как человека лет 35, да и сама встреча, дескать, произошла не в 1963, а в 1960 году (что невозможно, так как Освальд тогда жил в Минске). Возможно, однако, что сделавший в Мексике неплохую журналистскую карьеру Контрерас просто не хотел, чтобы его ассоциировали с убийцей американского президента.

В субботу 28 сентября, несмотря на нерабочий день, примерно в 10 часов утра Освальд снова пришел в советское посольство. Охранник сообщил о посетителе заведующему консульским отделом Павлу Яцкову, который как раз готовился принять участие в волейбольном матче между посольством и объединенной командой военного атташата и торгпредства. Яцков проводил Освальда в свой кабинет. Разговор не клеился, так как Яцков плохо знал английский, но, судя по всему, Освальд опять рассказывал ему историю о своих левых убеждениях. Когда Яцков предложил перейти на испанский, Освальд только мотнул головой. Тут в кабинет Яцкова зашел Костиков, он сразу узнал вчерашнего посетителя. Освальд опять стал повторять Костикову историю своей жизни, при этом намекая на то, что, приехав в СССР и вернувшись в Америку, он выполнял некую секретную миссию. Яцков предложил Освальду перейти на русский язык, на котором и проходила заключительная часть беседы.

Освальд опять делал упор на преследования со стороны ФБР и выражал желание вести в СССР счастливую и спокойную жизнь. Постепенно Освальд все больше и больше возбуждался. А когда он

упоминал ФБР, в его речи звучали истерические нотки. Со слезами на глазах он кричал: «Я боюсь, они убьют меня! Пустите меня (в СССР)!» Неожиданно он вытащил из левого кармана куртки револьвер: «Видите? Вот это мне приходится носить с собой, чтобы защищать свою жизнь». С этими словами он положил пистолет на стол. Освальд рыдал, в то время как Яцков взял пистолет, вытащил из него патроны и ссыпал их в ящик стола. После чего револьвер опять занял свое место на столе. Освальд на все эти манипуляции, казалось, не обращал никакого внимания.

В это время в кабинет зашел Нечипоренко, и все вместе они объяснили Освальду, что могут принять от него заполненные визовые анкеты и отослать их в Москву (Освальд, кстати, анкет заполнять не стал). Но здесь визу ему никто не выдаст. Освальд просил тогда хотя бы замолвить за него словечко в кубинском посольстве, на что получил ответ, что Куба является суверенной страной и сама решает, кому выдавать разрешение на въезд. Освальд, уже заметно успокаиваясь, критиковал советское посольство в Вашингтоне, которое относится к нему и его жене бездушно и бюрократически. Он опять повторял, что за ним следят: «Если они не оставят меня в покое, то я буду защищаться». Но советские дипломаты встали, давая понять, что добавить им к сказанному нечего. Они вручили Освальду револьвер и патроны. Посетитель ушел, а дипломаты отправили телеграмму в Москву с просьбой ориентировать их относительно рассмотрения просьбы Ли Харви Освальда.

Между тем в советской столице уже полгода изучали ходатайство Марины о возвращении в СССР. 9 апреля 1963 года КГБ направил запрос в КГБ Белоруссии с просьбой высказать свою точку зрения. Оттуда ответили 16 апреля. На основе перлюстрации писем Освальда и Марины к друзьям и родственникам в Минске упоминалось, что Освальд, по его словам, вернувшись из СССР, не находился в Америке под постоянным наблюдением, однако два агента ФБР заходили к нему домой и задавали «глупые вопросы». Из писем Марины было видно, что ей в Америке нравилось, но энтузиазма от американского образа жизни она не испытывала. Супружескую жизнь Освальдов в Минске белорусский КГБ характеризовал как напряженную из-за вспыльчивости обоих супругов. В целом КГБ Белоруссии не видел причин, препятствующих возвращению Марины в СССР, хотя отмечал, что информацией о поведении Освальда в Америке белорусские чекисты не располагают.

Летом 1963 года КГБ запросил коллег в Ленинграде (Марина указывала, что хотела бы жить именно там). Пришел ответ, что отчим возражает, считая падчерицу женщиной легкого поведения, которая только

и мечтала выйти замуж за иностранца и уехать за границу. Ни разведка, ни контрразведка КГБ никакого интереса в возвращении Освальда не видели. Таким образом, негативное мнение в Москве уже сформировалось, когда пришла телеграмма из Мехико о визите Освальда в тамошнее советское посольство. Опять на всякий случай был послан запрос в белорусский КГБ и оттуда опять пришел положительный ответ (указывалось, в частности, что возвращение Освальдов можно было бы обыграть в пропагандистских целях). Но к тому времени, когда ответил Минск (21 октября 1963 года), КГБ уже передал в МИД СССР свое негативное отношение к возвращению семьи Освальдов в Советский Союз, базируясь на мнении ленинградских коллег.

Ли Харви Освальд ничего не знал об этом, но ему и так было достаточно того сокрушительного поражения, которое он потерпел от бюрократической машины. Ведь до сих пор он добивался того, чего хотел. В понедельник 30 сентября он опять позвонил в советское посольство, спросив, есть ли какие-либо новости о рассмотрении его дела в Вашингтоне. Новостей не было, и Освальду не оставалось ничего другого, как собираться в обратный путь.

В Мехико не сохранилось свидетелей, которые смогли бы рассказать, что Освальд делал в свободное от борьбы с бюрократами время. Ел он в дешевых закусочных (40 — 48 центов за обед). Официантов удивляло, что он отказывался от десерта и кофе, видимо, не понимая, что их стоимость включена в комплексный обед. Судя по сохранившемуся плану Мехико с отметками Освальда, он ходил по паркам, музеям и кинотеатрам (где показывали фильмы с английскими субтитрами). Он рассказывал Марине, что даже был на корриде.

Но Освальд, видимо, и не подозревал, каким странным выглядел его визит в Мехико в изложении тамошней резидентуры ЦРУ. Причем сфабрикованные американской разведкой легенды на сей счет всплывали даже и после смерти их главного героя.

Начнем с того, что техники ЦРУ записали странный телефонный разговор, который якобы состоялся между Сильвией Дуран (точнее, женщиной, говорившей по-английски и «опознанной» сотрудниками резидентуры ЦРУ в Мехико позднее как Сильвия Дуран), сидевшим у нее в офисе Освальдом и советским посольством в субботу в 11 часов 51 минуту. Разговор был более чем странный.

Дуран. У меня тут американец, который говорит, что был в русском консульстве.

Русское посольство. Подождите минуту.

Слышно, как Дуран говорит с кем-то в своем офисе по-английски.

Дуран. Он говорит, ждите. Вы говорите по-русски?

Освальд. Да.

Дуран. А почему бы вам не поговорить с ним самому?

Освальд. Я не знаю.

Далее Освальд говорит с русскими на плохом, едва понятном русском языке.

Освальд. Я был в вашем посольстве и говорил с вашим консулом.

Русское посольство. Чего же еще вы хотите?

Освальд. Я только что был в вашем посольстве, и они взяли мой адрес.

Русское посольство. Я это знаю.

Освальд. Но я тогда его не знал. Я пошел в кубинское посольство узнать у них мой адрес, потому что у них он есть.

Русское посольство. Почему бы вам не прийти и не оставить его у нас? Мы ведь недалеко.

Освальд. Хорошо, я иду к вам немедленно.

После убийства Кеннеди Дуран арестовала мексиканская полиция и с санкции американцев подвергла ее пыткам. Но Дуран утверждала, что Освальда не было в кубинском посольстве в субботу. Сам разговор смахивает на бред: Освальд якобы не знает собственного адреса, а кубинцы знают. Похоже, что вся телефонная беседа была сфабрикована ЦРУ с одной целью: создать иллюзию более тесного контакта Освальда с русскими и кубинцами, которым он оставил свой адрес в США.

В пользу этой версии косвенно свидетельствует и то, что ЦРУ провело подобную операцию не далее как в июле того же 1963 года. Тогда в кубинское посольство в Мехико позвонил техасец Элдон Хенсен, который за деньги предлагал свои услуги в помощи Кубе на территории США. Разговор его был записан ЦРУ и потом этому техасцу позвонил сотрудник резидентуры. Он представился кубинским дипломатом и предложил обсудить все вопросы в ресторане. Американец клюнул на эту удочку. Беседу наблюдал еще один сотрудник ЦРУ. Хенсену обещали, что с ним свяжутся позднее и просили ни в коем случае не звонить больше в кубинское посольство, так как «это слишком опасно».

Самое смешное при этом, что после убийства Кеннеди ЦРУ на полном серьезе утверждало, что знало только о контактах Освальда с советским посольством, но ничего не знало о том, что он был в кубинском консульстве! Эта откровенная ложь была не единственной. Куда-то пропала сделанная резидентурой ЦРУ в Мехико (там в качестве переводчиков работала супружеская пара русских эмигрантов)

двухстраничная запись еще одного телефонного разговора Освальда с советским посольством. Причем позднее операторы резидентуры под присягой утверждали, что их начальство придавало этой записи повышенное значение.

После того как в апреле 1971 года скончался многолетний руководитель резидентуры ЦРУ в Мехико Вин Скотг (он возглавлял резидентуру и в 1963 году), начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон (до 1963 года личное досье Освальда в ЦРУ находилось в ведении именно управления Энглтона) лично летал в мексиканскую столицу и уничтожал бумаги из частного сейфа Скотта.

Что же могла содержать запись телефонного разговора, который наверняка, так же как и разговор Освальд — Дуран — советское посольство, был от начала до конца сфабрикован ЦРУ? Ответ на этот вопрос предложил не кто иной, как уволившийся в 70-х годах из ЦРУ Дэвид Эттли Филипс («Морис Бишоп»), Сначала он публично заявил, что Освальд предлагал русским за деньги важную информацию. Однако под присягой в комитете Конгресса по покушениям Филипс уже твердил о том, что Освальд просил у советского посольства финансовой помощи для возвращения в СССР. Согласитесь, что это уже совсем другой коленкор. Но намек понятен. Скорее всего, ЦРУ сфабриковало телефонный разговор между Освальдом и советским посольством, в котором Освальд предлагал свои услуги как шпион или даже террорист. После покушения на Кеннеди эту запись (заметим, что это была бы не пленка, а транскрипция, так как ЦРУ автоматически стирало магнитофонные записи после их дешифровки и перенесения на бумагу для экономии пленок) можно было бы использовать для демонстрации советского следа в покушении на президента. О том, почему этого не произошло или, вернее, почти не произошло, будет рассказано ниже.

При этом утверждения ЦРУ о том, что все пленки с голосом Освальда были уничтожены еще до убийства Кеннеди, также не соответствуют действительности. Сохранился официальный документ ФБР, из которого следует, что после убийства президента ЦРУ предоставило ФБР пленку с записью Освальда в Мехико. Вердикт экспертов ФБР прямо подтверждает версию о подлоге: они констатируют, что голос на пленке принадлежит другому человеку.

Компрометацию Освальда заготовил и упоминавшийся выше агент никарагуанских спецслужб Альварадо (известный так же как агент Д). Он якобы видел, как Освальду выплачивали в кубинском посольстве в Мехико 6500 долларов, и он, Освальд, хвалился, что убьет Кеннеди. Кубинец,

«вербовавший» Освальда, был прямо-таки колоритным персонажем: рыжеволосым негром. В ноябре 1963 года Альварадо эту версию и озвучил. Остается угадать кому. Правильно, Дэвиду Филипсу, заместителю руководителя резидентуры ЦРУ в Мехико. В своих мемуарах Филипс утверждал, что, мол, сразу не поверил Альварадо. Это неправда. В докладной в центр Филипс и его начальник Скотт оценивали Альварадо как надежного и честного свидетеля. Тем не менее версия с рыжеволосым негром была настолько притянутой за уши (к тому же Альварадо не прошел тест на детекторе лжи), что ей никто не поверил. К тому же Альварадо запутался в датах. Представитель ФБР в Мехико попросил мексиканскую полицию допросить Альварадо, и тот признался, что выдумал эту историю, чтобы получить разрешение на въезд в США. Альварадо снова допросило ЦРУ, и тот уже утверждал, что мексиканская полиция заставила его признать свои сведения ложными. ФБР не успокоилось, под его нажимом Альварадо прошел тест на детекторе лжи. Машина показала: он лжет. На что Альварадо отреагировал следующим образом: если полиграф утверждает, что я лгу, значит, это так и есть.

Готовило ЦРУ и компрометацию кубинских дипломатов. В октябре 1963 года упоминавшаяся выше сестра Вечианы (супруга руководителя кубинского торгпредства в Мехико) шла по улице и неожиданно наткнулась на лежащую прямо перед ней толстую пачку долларов. Она остановилась, и к ней сразу же подошел человек, который уговаривал ее эту пачку поднять. Кубинка немедленно пошла домой и рассказала обо всем мужу.

Сразу же после покушения на Кеннеди «Бишоп» (тогда Филипс, напомним, был заместителем руководителя мексиканской резидентуры ЦРУ) немедленно вызвал Вечиану и предложил ему срочно подкупить мужа своей сестры. Кубинский дипломат должен был публично подтвердить, что Освальд был завербован кубинской разведкой в сентябре 1963 года в Мехико. Пока Вечиана пытался установить контакт с родственником, «Бишоп» дал отбой: версия о кубинском следе в убийстве Кеннеди уже уступила место версии убийцы-одиночки (сам одиночка уже был к тому времени в морге).

В эту историю попытались впутать и самого Кастро. Сначала за дело взялся директор ФБР Эдгар Гувер. В июне 1964 года он сообщил в секретном меморандуме комиссии Уоррена, что, по данным из достоверных источников, Кастро сказал, что в Мехико Освальд предлагал кубинцам убить Кеннеди. Это было-де воспринято как провокация, а сама попытка Освальда попасть на Кубу была расценена как заговор

правоэкстремистских сил США. Комиссия Уоррена не придала этой информации никакого значения, так как отсекала все, что противоречило версии об одиночке Освальде.

Новые «разоблачения» Кастро появились тогда, когда доклад комиссии Уоррена начал разваливаться в результате активной деятельности новоорлеанского прокурора Джима Гаррисона в конце 60-х годов. Британский журналист Комер Кларк утверждал, что в 1967 году взял экспромтом интервью у Кастро, и тот сказал, что во время визита в кубинское посольство в сентябре 1963 года Освальд предлагал убить Кеннеди, но кубинцы не сочли угрозу серьезной и поэтому не предупредили США. Получалось, что кубинцы еще до 22 ноября 1963 года знали о намерениях Освальда совершить покушение на американского президента и не спасли Кеннеди. Кастро, правда, опроверг и эти сведения, и сам факт того, что он давал интервью Кларку (Кларк был известен как весьма вольно относящийся к фактам репортер и автор многих «сенсационных» материалов). В конце концов жена Кларка призналась, что сфабриковала всю историю от начала до конца, основываясь на слухах, которые ей передал министр иностранных дел одной из латиноамериканских стран.

А в Мехико опять появился рыжеволосый негр. Родственница мужа Сильвии Дуран мексиканская писательница-антикоммунистка Елена Гарро де Пас в 1965 году сообщила сотрудникам американского посольства (сотрудники эти, естественно, были из резидентуры ЦРУ в Мехико), что она встречалась с Освальдом в сентябре 1963 года на танцевальной вечеринке у Сильвии Дуран. На этой же вечеринке был и консул Азкуэ и, естественно, рыжеволосый негр, с которым общался Освальд. И вообще, Освальд был любовником Дуран, которая и завербовала его с помощью женской ласки.

Из этой истории также торчат ослиные уши ЦРУ. Зачем Дуран приглашать Азкуэ и Освальда вместе, если те едва не подрались в консульстве? К тому же ни один из участников вечеринки, которых назвала Гарро де Пас, не вспомнил Освальда. Дуран отвергала все попытки связать ее с Освальдом в личном плане. С другой стороны, ЦРУ, как мы помним, полагало, что с помощью любовной связи Дуран с послом Кубы при ООН Лечугой кубинская госбезопасность удержала последнего от перехода на сторону Запада. На этом фоне история о вербовке Дуран Освальда должна была, видимо, тоже выглядеть достаточно правдоподобно. Правда, ни тогда, ни после никто так и не поверил в рыжеволосого негра и любвеобильного Освальда.

Но чудачества ЦРУ на тему «Освальд в Мехико» на этом не кончаются. 9 октября 1963 года (то есть более чем через неделю после отъезда Освальда из мексиканской столицы) резидентура ЦРУ посылает шифровку в центр: «1. В соответствии с информацией (источник не рассекречен) 1 октября 63 мужчина-американец, который говорил на ломаном русском, сказал, что его зовут Ли Освальд. Об этом он сообщил в советском посольстве 28 сентября, когда он разговаривал с консулом, который, как он считает, был Валерий Владимирович Костиков. Субъект спросил советского охранника Ивана Объедкова, есть ли что-нибудь новое по телеграмме в Вашингтон. Объедков, проверив, сказал, что пока ничего не получено, но запрос послан. 2. У нас есть фотографии мужчины, похожего на американца, входившего в советское посольство в 12.16 и выходившего в 12.22 1 октября. Примерно 35 лет, атлетического телосложения, ростом примерно 6 футов, лысеющий, с проплешиной на макушке. Он был одет в брюки хаки и спортивную рубашку. Источник (не рассекречено). 3. На месте информация не рассылалась».

Заметим, что в шифровке сообщалось два отдельных факта: некто, представившись как Ли Освальд, контактировал с советским посольством, и у резидентуры есть фотография мужчины-американца 35 лет. Но в штаб-квартире ЦРУ почему-то решили соединить эти два факта в единое целое, и 10 октября оттуда ушли депеши в ФБР, годепартамент и министерство ВМС идентичного содержания: «1 октября 1963 надежный и конфиденциальный источник в Мехико сообщил, что мужчина-американец, представившийся как Ли Харви Освальд, контактировал с советским посольством в Мехико-Сити, интересуясь, не получило ли посольство какие-нибудь новости относительно телеграммы, которая была направлена в Вашингтон. Американец был описан как примерно 35 лет, атлетического телосложения, ростом примерно в 6 футов, лысеющий…» Причем дальше сообщалось, что Ли Освальд, скорее всего, идентичен Ли Генри Освальду (ошибка Ли Генри, а не Ли Харви свидетельствует о том, что составители шифровки изучили файл 201, заведенный в ЦРУ на Освальда в декабре 1960 года: именно там имя Освальда было указано ошибочно). Почему же, изучив собственное досье на перебежчика в СССР, ЦРУ разослало коллегам заведомо ложное описание Освальда? Тому было не 35 лет, а 23 года. Телосложения он был отнюдь не атлетического. Наконец, рост Освальда был 5 футов 9 дюймов, то есть гораздо меньше, чем 6 футов. Обманув коллег, штаб-квартира ЦРУ в тот же день двумя часами позже послала в резидентуру Мехико абсолютно достоверное описание Освальда: «Рост Освальда 5 футов 10 дюймов. Вес — 165

фунтов. Темно-русые волнистые волосы. Голубые глаза».

Итак, ЦРУ прекрасно знало внешние данные настоящего Освальда, но ввело своих коллег из ФБР в заблуждение. Объяснение здесь может быть только одно: в ЦРУ не хотели, чтобы ФБР после возвращения Освальда из Мексики в США сразу «село ему на хвост». Освальд должен был сохранять полную свободу действий. Только этим можно объяснить и прямое должностное преступление, на которое решилось ЦРУ: оно не указало в шифровке в ФБР тот факт, что Освальд контактировал с Костиковым. Между тем и ФБР (которое отвечало за контрразведку на территории США) и ЦРУ знали, что Костиков является сотрудником КГБ. ФБР было просто обязано немедленно установить за Освальдом постоянное наружное наблюдение: человек, живший три года в СССР, контактирует в Мехико с представителем советской разведки!

Но на этом операция по запутыванию следов не завершилась. ЦРУ официально попросило военно-морскую разведку прислать фотографию Освальда, хотя в досье на Освальда в самом ЦРУ было несколько газетных вырезок о переходе Освальда на сторону СССР, в которых были фотографии. Да и описание внешности Освальда у ЦРУ, как мы убедились, имелось. Кстати заметим, что и военно-морская разведка без объяснения причин так и не прислала в ЦРУ фотографию Освальда.

Почему же побывавшего два раза в советском посольстве Освальда не сфотографировала сама резидентура ЦРУ, которая снимала каждого, кто приходил к русским? «Бишоп»-Филипс потом объяснял, что именно в тот день фотокамера сломалась! Но представить себе, чтобы оборудование выходило из строя два дня подряд, невозможно. Потом была запущена версия, что по выходным фотосъемка не производилась. Но первый раз Освальд был в советском посольстве в пятницу, то есть в рабочий день! Но ведь ЦРУ прослушало и записало телефонный разговор Освальда и Дуран с советским посольством, который якобы состоялся в субботу 28 сентября. То есть аппаратура работала и по выходным.

Понимая беспомощность подобных разъяснений, ЦРУ предъявило фотографию атлетичного высокого американца 35 лет, которого резидентура приняла за Освальда. Это был отставной американский военный, который в то время действительно несколько раз ходил в советское посольство, где его считали не совсем нормальным, так как было не очень понятно, что ему, собственно, нужно. Скорее всего, учитывая то обстоятельство, что американцы посещали советское посольство в Мехико далеко не каждый день, отставной военный играл роль подсадной утки. Резидентуре ЦРУ была нужна фотография любого американца, которого

можно было бы «спутать» с Освальдом. Пока путаница вскроется, Освальд был бы уже в США, и на поиски его там ФБР потратило бы пару месяцев (тем более что ведь в глазах ФБР случай этот не был бы приоритетным: контрразведка не знала о контактах Освальда с сотрудником КГБ Костиковым).

10 октября штаб-квартира ЦРУ послала шифровку коллегам в Мехико с данными на Освальда. Причем все сведения заканчивались 1962 годом, то есть возвращением Освальда из СССР! Ни слова не было о прокастровской деятельности Освальда в Новом Орлеане. С точки зрения бюрократии ЦРУ себя обезопасило: направленные в Мехико сведения были из досье 201, а вся информация об Освальде в Новом Орлеане содержалась, как мы помним, с другом досье, которое, естественно, «забыли» просмотреть. При этом резидентуре в Мехико предписывалось постоянно держать центр в курсе дальнейшего развития событий вокруг Освальда.

Вот и получалась картина всеобщего незнания. Резидентура ЦРУ в Мехико ничего не знала о том, что Освальд был в кубинском посольстве. А штаб-квартира ЦРУ в Вашингтоне ничего не знала о прокубинской деятельности Освальда в Новом Орлеане. Контрразведка ФБР ничего не знала о контактах Освальда в Мехико с офицером советской разведки (сотрудники штаб-квартиры ЦРУ между тем вспоминали, что сведения о контакте Освальда с Костиковым вызвали там большое беспокойство). И наконец, никто не имел фотографии Освальда.

Все это повальное незнание объясняется только одним: готовя операцию по убийству Кастро и фиктивное покушение кубинцев на Кеннеди, которое должно было оправдать ликвидацию кубинского лидера, штаб специальных операций ЦРУ в сентябре — октябре 1963 года де лал все возможное, чтобы Освальда не арестовали или не поставили под наблюдение ФБР раньше времени. Ведь именно Освальд и рассматривался на роль кубинского агента, призванного совершить покушение на американского президента и оправдать, таким образом, убийство Кастро в глазах мировой общественности.

Между тем сам Ли Харви Освальд выехал из Мехико в обратный путь в среду 2 октября 1963 года в 8.30 утра на автобусе № 332, заплатив за билет 20 долларов 30 центов. Пассажиры вспоминали потом, что на границе у Освальда возникли проблемы с мексиканскими властями, которые посчитали, что его виза уже истекла. Освальда вытащили из автобуса, но вскоре он вернулся, бормоча что-то по поводу бюрократов на границе. Американские таможенники заставили Освальда быстро съесть банан, который нельзя было ввозить в США. Примерно в полвторого ночи

3 октября Освальд пересек границу США. Впереди его ждала полная неизвестность. Он не знал, что еще 26 сентября Белый дом уже официально объявил о предстоящей поездке президента США Джона Кеннеди в Техас.

А сам Джон Кеннеди находился осенью 1963 года в сложнейшем положении, о котором, правда, знали только посвященные в тонкости американской политической кухни. Против 35-го и самого молодого президента США сложилась мощная коалиция противников, полная решимости не допустить его переизбрания на пост президента в 1964 году. Но чтобы лучше понять, кто и за что ненавидел Кеннеди, надо кратко остановиться на политической биографии последнего.

Джон Фицджералд Кеннеди родился 29 мая 1917 года в семье бизнесмена ирландского происхождения Джозефа Кеннеди. Тот делал деньги на всем, но разбогател на контрабанде спиртного в годы сухого закона и на выгодном помещении средств в киноиндустрию Голливуда. Честолюбивого Джозефа манила политика: он, католик-ирландец, хотел сравняться с привилегированным классом Америки — протестантами-англосаксами. В 1932 году Джозеф оказал поддержку кандидату на пост президента демократу Франклину Рузвельту, но ожидаемого министерского поста от того не получил (репутация Джо была уж очень сильно подмоченной даже по американским масштабам). Зато после переизбрания в 1936 году Рузвельт отправил опасного союзника подальше: послом в Лондон, где тот прославился прогерманскими симпатиями и был в конце концов отозван по просьбе британского правительства.

Джон Кеннеди рос болезненным мальчиком. Он очень много читал, хотя учился плохо и в школе, и в Гарварде в основном из-за своей безалаберности. В 1940 году написал и с помощью связей отца издал книгу «Почему Англия спала?», в которой попытался оправдать британскую политику умиротворения Гитлера. Молодой Кеннеди перед войной посетил многие европейские страны, побывал и в СССР. С началом войны отец пристроил его в теплое местечко: военно-морскую разведку.

Но уже тогда выявилось слабое место будущего президента, которое его враги будут использовать для шантажа всю жизнь, в том числе и в 1963 году. Этим слабым местом была страсть Джона Кеннеди к слабому полу. Джон был циником и никогда не влюблялся, избегая тесных и длительных отношений с прекрасным полом. Он предпочитал быстрый секс, в основном с проститутками. Но в 1942 году Джон, похоже, влюбился, причем в женщину, которую ФБР подозревало в работе на германскую разведку, — датчанку Ингу Арвад. Чтобы замять назревавший скандал,

Джозеф отправил сына на тихоокеанский театр боевых действий, где его назначили командиром патрульного катера. Джон стал героем, когда его катер расколол тараном японский эсминец. Кеннеди сделался знаменитым, так как отец позаботился о растиражировании героической истории во всех газетах. Между тем сначала Джона Кеннеди хотели судить за халатность: надо ведь было умудриться, чтобы не заметить приближавшийся вражеский эсминец.

В 1944 году погиб старший сын Джозефа Кеннеди, Джозеф-младший, которому отец прочил блестящее политическое будущее. Вместо старшего брата политикой пришлось заняться Джону (он выбрал эту стезю под давлением отца и без большого энтузиазма). В 1948 году Джон избирается в палату представителей от демократической партии (вся партийная машина демократов в округе была обильно смазана деньгами отца). В 1952 году Джон уже становится сенатором от штата Нью-Йорк, а в 1956 году едва не был выдвинут на пост вице-президента от демократов.

В сенате Джон активностью явно не блистал, но серьезно интересовался внешней политикой. Он побывал во Вьетнаме и Алжире. В обеих этих странах французские колонизаторы вели кровавые войны против местных национально-освободительных движений, причем с американской помощью. Вернувшись, Кеннеди поразил американских правых новизной своего отношения к распаду колониальной империи. Он считал, что Америке стоит поддерживать не колонизаторов, а перспективных местных лидеров-националистов, иначе те перейдут в советский лагерь.

Популярность Джона росла, заботливо пестуемая отцом. Выходили фильмы и книги о подвиге патрульного катера ПТ-109 и его командира лейтенанта Кеннеди. Молодой симпатичный политик сводил с ума избирательниц. Но он был католиком, а в Америке считалось невероятным избрание президента непротестантского вероисповедания. Но в предвыборной гонке 1960 года Кеннеди сделал ставку не на партийных лидеров штатов, а на только входившие тогда в моду в Америке первичные выборы. На этих выборах сами избиратели, а не партийные боссы определяли, за кого должна голосовать делегация штата на съезде демократов, утверждавшем кандидатуры на пост президента и вице-президента. Джон уверенно побеждал на первичных выборах, используя отлаженный механизм обработки избирателей, созданный его братом Робертом. Ключевые штаты были разбиты на квадраты, каждый из которых курировал конкретный сотрудник избирательного штаба. Регулярно поступали сводки о политических настроениях с мест.

На съезде демократической партии сотрудники Роберта с рациями были прикреплены к каждой делегации штата, и в случае необходимости и Джон, и Роберт немедленно проводили закулисные переговоры с ними. Против такой машины, помноженной на деньги Джозефа Кеннеди, соперники Джона устоять не смогли. Молодой сенатор стал кандидатом на пост президента. Но ему пришлось уступить давлению мощных сил истеблишмента демократической партии и согласиться на техасца Линдона Джонсона как кандидата на пост вице-президента (Джон, делая ему это предложение, искренне надеялся, что получит отказ).

Трудно представить себе больших антиподов и в человеческом, и в политическом отношении, чем Джонсон и Кеннеди. Либерал Кеннеди был с северо-востока США, а консерватор Джонсон представлял расистский юг. Кеннеди был публичным политиком нового типа, а Джонсон типичным для первой половины XX века мастером закулисных сделок. В 1952 году сенатор от Техаса Джонсон стал лидером демократического большинства в сенате, то есть по влиянию фактически вторым человеком в США (пост лидера сенатского большинства с учетом громадных полномочий сената гораздо важнее, чем, скажем, должность вице-президента). Кеннеди он считал неопытным и слишком либерально настроенным «сопляком».

Но Джону пришлось согласиться на Джонсона (Роберт Кеннеди был в шоке от этого решения брата), потому что в начале 60-х годов демократическая партия состояла фактически из двух самостоятельных частей. Партийные организации северо-восточных штатов стояли за улучшение отношений с СССР и ликвидацию расовой сегрегации в США. А вот организации южных штатов (а там демократы были традиционно сильны со времен гражданской войны) были оплотом белых консерваторов, решительно настроенных против чернокожих и их популярного лидера Мартина Лютера Кинга. Кеннеди пришлось взять в команду Джонсона, чтобы победить на юге, и этот расчет оправдался (Кеннеди выиграл в самом влиятельном южном штате — Техасе).

В ноябре 1960 года Кеннеди с очень небольшим разрывом (примерно в 100 тысяч голосов) победил кандидата от республиканцев, бывшего вице-президента Ричарда Никсона. Главную роль в победе сыграли первые в истории США теледебаты, где симпатичный Кеннеди смотрелся более выигрышно (хотя по аргументации Никсон явно превосходил своего оппонента).

Вплоть до Карибского кризиса Джон Кеннеди не вызывал отторжения американской политической и экономической элиты. Однако уже тогда эту элиту беспокоило то, что Кеннеди был человеком абсолютно

неподконтрольным. Он избрался на деньги отца, и ни одна из экономических группировок США не могла сказать, что может влиять на президента. А группировок этих было, в общем, две. Монополистические группы северо-восточных штатов (в советской печати их называли в принципе правильно — Уолл-стрит, по имени улицы, на которой располагалась крупнейшая в мире нью-йоркская биржа), состоявшие из семейных кланов Рокфеллеров, Морганов и Дюпонов, видели в Кеннеди нового Рузвельта. Они поддерживали курс президента на экспансию американского капитала новыми методами — не путем войн и свержения неугодных правительств, а через прямые инвестиции за рубежом. В начале 60-х годов свободного капитала у этих групп было много, и они искали прибыльные сферы его вложения за границей. Именно по рекомендациям этой группы формировался кабинет Кеннеди.

А вот вторая группировка американского капитала только что сформировалась на юго-западе и ее лидерами были техасские нувориши — кланы Хантов, Ричардсонов и Мерчисонов. Эти люди сделали деньги на нефти и вложили их в ракетную и авиационную промышленность. Им не нужна была никакая разрядка, так как они работали на ВПК. Эта группа была настроена изоляционистски, капиталы она размещала в основном в Мексике и странах Карибского бассейна, прежде всего на дореволюционной Кубе. Юго-западная группа была решительно против любой десегрегации, так как это подрывало ее политическое господство в южных штатах.

Нувориши завидовали либеральной северо-восточной группировке, узурпировавшей, по их мнению, власть в Вашингтоне. У техасского бизнеса (который был своего рода политическим авангардом юго-западного бизнеса) среди администрации Кеннеди было только два союзника — Джонсон и директор ФБР Эдгар Гувер. Эта группа стояла за старые и проверенные методы «общения» с непокорными режимами в Латинской Америке — убийства и перевороты. Кубинская революция лишила этих людей сотен миллионов долларов прибыли от игорного бизнеса, и Кастро стал их смертельным врагом. В случае улучшения отношений с русскими их вложения в ВПК также оказывались под угрозой.

Техасцы старались держать Кеннеди на коротком поводке с помощью компромата на президента, который добывал Гувер. Последнего просто бесило, что его формальным начальником в качестве министра юстиции был мальчишка Роберт Кеннеди, который вместо того, чтобы самому приходить в кабинет всесильного шефа ФБР (такой порядок сложился в течение десятилетий), осмеливался вызывать его к себе. Сам президент

Гувера не любил (он почти не встречался с ним лично), и в Вашингтоне поговаривали, что после выборов 1964 года Гуверу придется покинуть занимаемый им с 1923 года пост директора ФБР.

Еще во время президентской кампании 1960 года Гувер поставлял в предвыборный штаб Линдона Джонсона компромат на Кеннеди, описывая многочисленные супружеские измены последнего. Кеннеди опасался также, что ФБР вбросит в прессу историю о его любовной связи с «германской шпионкой» в 1942 году. Скорее всего, именно Гувер подбросил Джонсону сведения о том, что Кеннеди болен неизлечимой болезнью надпочечников (так называемая эдисонова болезнь). Джонсон сделал эти данные достоянием гласности, и Кеннеди пришлось отрицать это (хотя сами сведения были правдивыми), иначе избиратели могли отказать в доверии смертельно больному кандидату. Разве мог забыть и простить Джон Кеннеди Гуверу и Джонсону подобные вещи?

Гувер через техасского миллионера Клинта Мерчисона был лично знаком с главарями преступного мира: Джанканой, Розелли и Трафиканте (Мерчисон имел с ними совместный игорный бизнес на Кубе, а после 1959 года на среднем западе, прежде всего в Лас-Вегасе; есть данные, что и Гувер получал свою долю с казино). Характерно, что эти лидеры мафии были единственными в США, за кем ФБР почему-то не вело постоянного наблюдения (их, видимо, так же как и Освальда, «потеряли» спецслужбы). Они же сыграют главную роль и в убийстве Джона Кеннеди.

Начиная с 1962 года Гувер постоянно давит на Кеннеди с помощью добытых ФБР данных. В марте 1962 года директор ФБР узнал, что любовница Сэма Джанканы и подруга Розелли (по-видимому, информация поступила от самого же Джанканы) Джудит Кэмпбелл одновременно делит постель и с президентом. «Озабоченный» возможной утечкой этой информации в прессу (все знали, что сам Гувер был мастером подобных утечек), директор ФБР доложил об этом своему начальнику Роберту Кеннеди. Президент позвонил любовнице и сказал, что ее телефон прослушивается ФБР и Гувер пытается его шантажировать. По воспоминаниям Кэмпбелл (ставшей потом в замужестве Экснер), Джон Кеннеди был в ярости. Кэмпбелл утверждала, что Кеннеди встречался с Джанканой и обсуждал с ним убийство Кастро руками мафии. Она якобы несколько раз передавала письма от Кеннеди Джанкане и наоборот.

Гувер заставил Роберта Кеннеди написать меморандум с осуждением планов ЦРУ по покушению на Кастро с помощью мафии. При этом, естественно, Гувер отнюдь не симпатизировал кубинской революции. Просто в 1947 году, когда Трумэн хотел создать самостоятельный орган

внешней разведки, Гувер всячески этому противился, так как хотел, чтобы эти функции передали ФБР. Он проиграл, но с тех пор не упускал случая представить выскочек из ЦРУ как дилетантов и авантюристов на фоне солидного и опытного ФБР.

Только братьям Кеннеди удалось замять скандал с Кэмпбелл, начал развиваться потенциально еще более грандиозный кризис вокруг любовной связи Джона и Роберта с Мэрилин Монро. Та рассказывала направо и налево, что Джон обещал жениться на ней, но обманул. Но теперь она отомстит: соберет пресс-конференцию и поведает обо всем. Если бы это произошло, то, учитывая симпатии избирателей к супруге президента Жаклин, скандал с Монро мог бы стоить Кеннеди президентского кресла. Организовывал свидания Монро с президентом помощник и доверенное лицо Кеннеди Питер Лоуфорд, дом которого прослушивался ФБР по указанию Гувера.

Когда Монро стала угрожать разоблачениями, президент послал в Калифорнию брата, чтобы тот уладил дело. Роберт приехал к актрисе домой на автомашине, которую он взял в местном отделении ФБР. 4 августа 1962 года Мэрилин Монро была найдена мертвой в своей спальне. Официальная версия: актриса покончила с собой, приняв слишком большую дозу снотворного. Но перед этим у нее было скандальное объяснение с Робертом. Тот требовал оставить его и брата в покое, а Монро опять угрожала пресс-конференцией. Некоторые исследователи полагают, что по указанию Роберта Монро ввели снотворное инъекцией. Гувер «помог» свернуть полицейское расследование (в частности, «потерял» найденный при первом обыске листок бумаги с прямым телефоном Джона Кеннеди в Белом доме).

Но теперь он не сомневался, что братья Кеннеди у него в неоплатном долгу. Те, в свою очередь, хотели избавиться от шантажиста Гувера, тем более, что он поставлял весь компромат вице-президенту Джонсону. Кеннеди пришлось фактически отстранить последнего от всех дел.

Летом — осенью 1963 года между дуэтом Джонсон — Гувер и братьями Кеннеди разыгралась очередная война компроматов, ставки в которой были высоки как никогда. Началось все в июне 1963 года в далекой Великобритании. Там в отставку пришлось подать министру обороны консервативного правительства премьера Макмиллана Джону Профьюмо. Тот спал с проституткой, другим партнером которой, как выяснилось, был помощник военно-морского атташе советского посольства в Лондоне.

Она по заданию советской разведки расспрашивала Профьюмо о

ядерном потенциале Великобритании.

Джон Кеннеди уделял английскому скандалу повышенное внимание, а во время своего визита в Великобританию летом 1963 года подробно обсуждал дело Профьюмо с Макмилланом. Почему? Да потому, что Гувер подготовил Джону Кеннеди нечто подобное.

Весной 1963 года в светских и околосветских кругах Вашингтона было много разговоров о симпатичной немке Эллен Ромеч, муж которой служил охранником в посольстве ФРГ в США. Эллен приглашали на многочисленные вечеринки, после которых она за деньги ублажала представителей столичной элиты. Естественно, что очень скоро ее стали приглашать на скандальные вечеринки в президентском бассейне, где мужчины и женщины резвились обнаженными в компании лидера свободного мира. Ромеч стала любовницей президента. А 23 июня 1963 года нью-йоркская газета «Джорнэл америкэн» поместила статью, начинавшуюся следующим образом: «Одно из самых больших имен в американской политике — человек, занимающий выборную должность, — замешан в скандале с проститутками, нанесшем ущерб безопасности Британии…».

Роберт Кеннеди немедленно вызвал авторов статьи к себе и те признались, что имели в виду президента и его любовную связь с Ромеч. Ведь та до 1955 года жила в ГДР и, возможно, работала на восточногерманскую госбезопасность. К тому же Джон Кеннеди встречался с очаровательной китаянкой Сюзи Чанг, которая жила в Лондоне и время от времени посещала Америку. Она вращалась в тех кругах Великобритании, которые имели прямое отношение к делу Профьюмо. Но ФБР знало еще больше. Оказывается, кандидат в президенты США Джон Кеннеди пользовался услугами британской проститутки чешского происхождения Марии Новотны. Если бы все эти факты стали достоянием гласности, отставка президента Кеннеди была бы неминуемой.

Роберту опять пришлось прибегнуть к помощи Гувера. Ромеч в августе 1963 года депортировали в ФРГ, и потом посланцы президента выплачивали ей там деньги за молчание.

Однако теперь братья Кеннеди решили, наконец, разобраться с покровителем Гувера Джонсоном и прибегли к тому же оружию, что их политические противники. Не успела Эллен Ромеч покинуть США, как в Вашингтоне всплыл компромат на ближайшего помощника Джонсона в бытность того лидером сенатского большинства Бобби Бейкера. Выяснилось, что Бейкер обеспечивал выгодные заказы фирме своего друга,

за что брал «откатные». Расследованием занялся комитет сената по этике, и даже Гувер был бессилен замять его. Бейкер был самым влиятельным вашингтонским лоббистом юго-западной экономической элиты, прежде всего техасских нефтяных мультимиллионеров Ханта и Мерчисона.

В октябре 1963 года министр юстиции Роберт Кеннеди выяснил, что все женщины-иностранки, которыми теперь Гувер компрометировал его брата, были введены в вашингтонское общество через клуб «Кворум», которым заправлял Бобби Бейкер. Роберт нисколько не сомневался, что Бейкер и стоявший за его спиной Джонсон решили нанести клану Кеннеди решающий удар.

Скандал вокруг Бейкера давал Кеннеди реальную возможность избавиться от Джонсона. Президент открыто сказал своему доверенному лицу, секретарше Эвелин Линкольн, что рассматривает кандидатуру губернатора Северной Каролины Терри Сэнфорда на пост вице-президента на предстоящих осенью 1964-го президентских выборах.

Причем Кеннеди хотел подорвать и позиции Джонсона среди демократов его родного Техаса. Там Белый дом все более открыто поддерживал фракцию либерального сенатора Ярборо, который был непримиримым врагом вице-президента. Еще на съезде демократов 1960 года Ярборо голосовал за Кеннеди, в то время как техасская делегация поддерживала земляка Джонсона. Теперь же Кеннеди вел дело к краху Джонсона на грядущем съезде демократов: на нем техасцы во главе с Ярборо должны были провалить кандидатуру Джонсона на пост вице-президента и тем самым развязать Кеннеди руки.

В октябре 1963 года в Вашингтоне только и разговоров было, что о деле Бейкера, которое все справедливо считали «делом Джонсона». А Роберт Кеннеди открыто говорил своим помощникам в министерстве юстиции, что сразу же после переизбрания брата Гувер будет с позором отправлен в отставку.

Скандал вокруг Бейкера был отнюдь не единственной головной болью Джонсона осенью 1963 года. Вице-президент сумел выбить для завода корпорации «Дженерал дайнемикс» в техасском Форт-Уорте контракт на постройку нового истребителя для ВВС. Сумма контракта была по тем временам астрономической — 7 миллиардов долларов. Услуги Джонсона были отнюдь не бескорыстными: ему собрали наличными 100 тысяч долларов. Теперь всеми этими делами занялись пресса и конгрессмены. Джонсон не сомневался, что за «наездами» на него стоят братья Кеннеди.

Джон Кеннеди замахнулся и на «святое»: специальные налоговые льготы американского нефтяного бизнеса, интересы которого в

Вашингтоне лоббировал Джонсон. В октябре 1962 года был принят так называемый закон Кеннеди, по которому исчезала разница в налогообложении репатриированной прибыли и той прибыли, которая инвестировалась за границей. Формально закон касался всех отраслей экономики, однако бил в основном по нефтяным компаниям, которые имели большие активы за рубежами США.

Кеннеди изъял вопросы регулирования нефтедобычи из ведения министерства внутренних дел, которое было на корню закуплено нефтяным лобби. Была создана специальная независимая межведомственная комиссия под руководством помощника президента Майера Фельдмана. В июле 1963 года она разработала законопроект, по которому ликвидировалась налоговая льгота под названием «скидка на истощение ресурсов». Она существовала с 1920 года, когда добычей нефти занимались в основном мелкие компании и частники-кустари. Те не могли определить, насколько богатым окажется месторождение и не пропадут ли вложенные в его освоение средства.

Поэтому они могли удерживать 27 процентов прибыли в качестве страховки возможных рисков. В 1963 году эта скидка была анахронизмом, но позволяла крупным техасским нефтяным компаниям того же Мерчисона или Ханта не отдавать в бюджет до трех миллиардов долларов. Стоявшая за Кеннеди северо-восточная финансовая группа не была заинтересована в сохранении льгот для своих конкурентов и политических противников, и Кеннеди решили поставить нефтяных королей на место. 8 ноября 1963 года президенты трех крупнейших нефтяных ассоциаций США беседовали с президентом, но не смогли его разубедить. После 22 ноября 1963 года новый президент Джонсон расформировал комиссию Фельдмана.

Летом 1963 года, как уже упоминалось, Кеннеди внес в конгресс пакет законопроектов, направленных на фактический запрет расовой сегрегации в южных штатах. Пока Джонсону удавалось, используя свой громадный опыт закулисных сделок и наработанные связи, блокировать эти законопроекты в конгрессе. Но после выборов 1964 года, когда Кеннеди уже не надо было учитывать голоса южных штатов, все исходили из того, что президент продавит законы через парламент.

Джонсону, как всегда, попытался помочь Гувер. Он сфабриковал документы, из которых следовало, что самый популярный негритянский лидер Мартин Лютер Кинг находится под влиянием коммунистов. Роберту Кеннеди скрепя сердце пришлось дать согласие на прослушивание ФБР телефонных разговоров Кинга. 22 июня 1963 года Кеннеди встретился с Кингом и прямо сказал ему, что тот находится под пристальным

наблюдением. Разговор на эту тему проходил не в кабинете, а в саду. Кеннеди не исключал, что Гувер прослушивает и его самого.

Итак, к осени 1963 года президентом были крайне недовольны многие силы, а именно:

— юго-западная финансово-промышленная группа и ее политическое лобби Джонсон — Гувер — Мерчисон;

— организованная преступность, измученная ретивым министром юстиции Робертом Кеннеди;

— кубинская эмиграция и стоящие за ней многие сотрудники ЦРУ вместе с огромной инфраструктурой подпольных организаций, фирм и тренировочных лагерей;

— крайне правые политические группы типа Общества Джона Берча и его лидера отставного генерала Уокера, а также расисты всех мастей, недовольные «пронегритянской» политикой Кеннеди.

Лидеры всех этих групп хорошо знали друг друга и были связаны узами прочной финансовой и политической взаимной поддержки. Проследим цепочки этих многолетних связей, о которых тогда ничего не знало подавляющее большинство не только простых американцев, но и часть политической элиты страны.

Джонсон — Гувер. Когда техасский политик Линдон Джонсон перебрался в Вашингтон, он поселился на той же самой улице, где жил Гувер. В сенат Джонсон был избран с перевесом всего в 87 голосов в одном из избирательных округов Техаса, и его обвиняли в подтасовке голосования. Гувер послал своих агентов в Техас «разобраться». Доклад ФБР был в пользу Джонсона, и с тех пор техасский сенатор был в неоплатном долгу перед шефом ФБР. И долг этот с годами только возрастал. В 1956 году были выявлены вопиющие нарушения во время техасских первичных выборов в округе Ларедо на границе с Мексикой (этот район и по сей день остается одним из самых коррумпированных в США). Голоса избирателей покупались, причем за счет «налога» на местных госслужащих, которым в противном случае грозило увольнение. Агенты ФБР подтвердили факты коррупции, но отметили, что Ларедо является «личной политической вотчиной» Линдона Джонсона. Гувер после этого замял дело.

Благодарный Джонсон согласовывал с Гувером кандидатуры всех претендентов на работу в штабе лидера сенатского большинства.

В октябре 1962 года стало известно, что вице-президент посещал клуб «Карусель» в Мэриленде, где политики развлекались с проститутками и в компании лидеров организованной преступности. Соответствующий

доклад агентов ФБР Гувер решил поберечь до лучших времен.

А Джонсона уже преследовал скандал покруче. Таинственной смертью умер сотрудник министерства сельского хозяйства США Генри Маршал, который расследовал расхищение федеральных дотаций техасским предпринимателем Билли Солом Эстесом. Маршала нашли с пятью пулевыми ранениями в нижнюю область живота. Одна из техасских местных газет опубликовала материал о связях Джонсона и техасского губернатора Коннэли с Эстесом. Утверждалось, что вице-президент занял Эстесу 5 миллионов долларов. Историю подхватил один из ведущих национальных телеканалов CBS. А на основе материала CBS конгрессмен-республиканец из Флориды Билл Крэмер готовил официальную резолюцию палаты представителей с требованием импичмента Джонсона. Вице-президент позвонил Гуверу и попросил, чтобы ФБР «потолковало» с редактором техасской газеты и с Крэмером. Гувер опять помог замять скандал (полиция решила, что Маршал покончил жизнь самоубийством), но на всякий случай проинформировал о деле Эстеса своего непосредственного начальника Роберта Кеннеди. Гувер всерьез полагал, что Джонсон может не удержаться, и поэтому перестраховывался. Когда президента Кеннеди не стало, новый президент Джонсон продлил срок пребывания Гувера на посту директора ФБР, хотя в 1964 году тот должен был уходить на пенсию в связи с достижением предельного срока пребывания на госслужбе. Добавим, что в 1985 году Эстес, выторговав себе иммунитет от уголовного преследования, сообщил, что убийство Маршала заказал лично Джонсон.

Гувер — техасские нефтяные миллионеры. Начиная с 1953 года Гувер проводил свой летний отпуск в калифорнийском отеле «Дель Чарро» («Ковбой» — в переводе с испанского), который принадлежал техасскому нефтяному королю Клинту Мерчисону. Простых посетителей в этом отеле не было, только друзья клана Мерчисонов. В отеле было два заповедных правила: туда не пускали евреев, и никто из гостей не оплачивал свои счета. Отпуск Гувера обходился в 3 — 4 тысячи долларов (Ли Харви Освальд не смог бы заработать такую сумму за целый год). Но директор ФБР не просто отдыхал в Калифорнии: его страстью были скачки. Мерчисон советовал ему, на какую лошадь ставить, и Гувер никогда не проигрывал. В долгу он не оставался. Как-то раз Мерчисон задумал приобрести ипподром, но его хозяин на продажу не соглашался. Тогда по просьбе Мерчисона Гувер послал агентов ФБР потолковать со строптивцем, после чего сделка состоялась без проволочек.

В отеле «Дель Чарро» отдыхали (причем одновременно с Гувером) и

представители организованной преступности. Бывал там и некто Джек Рубинштейн из Далласа, который просил, чтобы его называли Джек Руби.

Гувер участвовал и в нефтяном бизнесе Мерчисона, причем на особых условиях. Директор ФБР вкладывал средства в освоение нефтяной скважины, и если она оказывалась убыточной, то деньги ему возвращали. Делать такие беспроигрышные инвестиции как раз и позволяла налоговая скидка на истощение ресурсов, на которую замахнулся либерал Кеннеди.

Политическая тактика кланов Мерчисонов и Хантов довольно серьезно отличалась друг от друга. Хант был даже по меркам Юга США оголтелым расистом и считал федеральное правительство прислужниками коммунистов. Он щедро финансировал всякие крайне правые полувоенные формирования и имел собственную службу безопасности. Не будет преувеличением сказать, что Хант находился в состоянии открытой войны с администрацией Кеннеди, причем даже не столько по экономическим, сколько по идейным соображениям.

Мерчисон старался избегать открытой конфронтации и влиять на политику в Вашингтоне путем лоббирования своих интересов. Именно он был инициатором выдвижения Эйзенхауэра на пост президента США в 1952 году (предварительно Клинт Мерчисон обсудил свою идею с Гувером). Избрав Эйзенхауэра, техасские нефтяные магнаты не пожалели: еще никогда федеральные власти так щедро не раздавали лицензии на добычу нефти на принадлежащих правительству США землях.

Во время предвыборной кампании 1960 года симпатии Мерчисона были, естественно, на стороне Никсона, но Джонсон убедил своего давнего друга дать денег и демократам. Иначе в случае победы Кеннеди техасскому бизнесу придется распрощаться со скидкой на истощение ресурсов. Клинт Мерчисон так и сделал и к 1963 году чувствовал себя обманутым: Кеннеди, несмотря на заверения Джонсона, готовился закрыть любимую налоговую лазейку. Говард Хант неоднократно говорил в своем кругу, что Америке без Кеннеди будет гораздо лучше.

Гувер — Джонсон — организованная преступность. Наиболее влиятельной фигурой американской организованной преступности и ее финансовым гением был в 50-е годы Мейер Лански. Он еще в 30-е годы установил доверительные отношения с Гувером, сдав ему своего конкурента Лепке по кличке «Бухгалтер». Позднее у Лански появился компромат на Гувера: фотографии, на которых директор ФБР занимался сексом со своим многолетним помощником Клайдом Толсоном. ФБР не трогало Лански и его даже считали агентом федеральных правоохранительных органов среди руководства организованной

преступности. Итальянская мафия упрекала Гувера в расизме: он, мол, преследует только выходцев с Апеннинского полуострова, но не трогает евреев-мафиози.

Но на самом деле не трогали и тех итальянцев, кто входил в «семью» Лански. Например, босса мафии в Новом Орлеане Карлоса Марчелло. ФБР считало этого человека, империя которого превосходила бюджет штата, торговцем помидорами с доходом в 1600 долларов в месяц. Как мы помним, министр юстиции Роберт Кеннеди весной 1961 года депортировал «гватемальца» Марчелло на «родину» и тот поклялся отомстить. Причем «зуб» на Марчелло у братьев Кеннеди был по политическим мотивам. Во время предвыборной кампании 1960 года Роберт просил Марчелло побудить делегацию луизианских демократов голосовать на национальном съезде за кандидатуру Джона Кеннеди. Однако Марчелло, имевший в штате определяющее влияние, встал на сторону Джонсона. Теперь братья Кеннеди мстили ему.

Марчелло и Джонсон приносили друг другу пользу еще и до судьбоносного съезда демократов в 1960 году. В 1954 году на скамью подсудимых попал организатор нелегального игорного бизнеса в Хьюстоне Джек Хэлфен. Он «раскололся» и сообщил, что 40 процентов прибыли забирал Марчелло, 35 процентов — он сам, а еще 25 процентов уходило на подкуп техасских политиков. В том числе Линдон Джонсон получил за время своего пребывания в сенате 500 тысяч долларов. Хэлфен подтвердил свои слова фотографиями, на которых он был изображен вместе с Джонсоном, а также посланием последнего в Техасский совет по помилованиям с просьбой помиловать Хэлфена.

В Далласе делами «семьи» Лански заправлял Фрэнсис Чивелло, пользовавшийся у местного ФБР прекрасной репутацией. Говорили, что в городе нельзя осуществить ни одну операцию без предварительного одобрения Джека Руби, отвечавшего в далласской мафии за связи с правоохранительными органами. В 50-е годы Руби был курьером Лански, перевозившим крупные суммы наличных денег с Кубы: выручку процветавших казино Лански в Гаване.

На Марчелло работал Дэвид Феррье, а дядя Освальда «Датц» был близко знаком с водителем Марчелло и некоторыми другими помощниками босса новоорлеанской мафии.

Техасский нефтяной бизнес — организованная преступность. На уровне США примерно 20% производства нефтяной компании Мерчисона «Ойл Лиз компани» принадлежало некоему Жерардо Катене, который входил в «семью» одного из лидеров американской мафии Вито

Дженовезе. В Техасе банковский бизнес Мерчисона был тесно связан с делами некоего Хермана Биба, а тот обслуживал и интересы Карлоса Марчелло. В Далласе друг Джека Руби Джо Кампизи, занимавшийся запрещенными в Техасе азартными играми, был близок с наследником империи Мерчисонов Клинтом Мерчисоном-младшим. Кампизи организовывал туры из Далласа в Лас-Вегас, в казино Мейера Лански. После убийства Кеннеди Кампизи примеривался на пост главы далласской семьи вместо Фрэнсиса Чивелло.

Мерчисон получал при посредничестве мафии крайне выгодные кредиты из пенсионного фонда профсоюза водителей грузовиков, лидер которого Джимми Хоффа был непримиримым врагом Роберта Кеннеди. В мае 1962 года Хоффа был осужден.

Кубинская эмиграция — организованная преступность — техасский бизнес — правые экстремисты.

О попытке ЦРУ привлечь лидеров мафии к убийству Кастро было уже упомянуто выше. Но те ненавидели Кастро ничуть не меньше, чем братьев Кеннеди. В сентябре 1962 года босс мафии в Майами (центр кубинской эмиграции в США) Сантос Трафиканте беседовал с одним из представителей кубинской эмиграции Хосе Алеманом (не зная, что тот является осведомителем ФБР). Трафиканте предложил Алеману выгодный кредит из пенсионного фонда профсоюза водителей грузовиков, который якобы уже был одобрен лично лидером профсоюза Хоффой. Разговор зашел о том, как братья Кеннеди несправедливо преследуют «пролетария» Хоффу. Трафиканте с нескрываемой злобой пообещал, что президент Кеннеди получит то, что заслужил. Алеман, прикинувшись, что не понял угрозы, возразил, что президент хорошо делает свое дело и его наверняка переизберут. Трафиканте ответил: «Ты не понимаешь меня. Кеннеди не доживет до выборов. Его прикончат». Алеман сообщил о разговоре в ФБР, но там ему не придали никакого значения.

Основными связными между мафией, ЦРУ и кубинскими эмигрантами в 1963 году были боссы флоридской мафии Джон («Джонни») Розелли и живший вместе с ним Джон Мартино. Оба активно участвовали в игорном бизнесе на Кубе до 1959 года и оба понесли большие финансовые потери после прихода к власти Кастро. В 1963 году Мартино освободили из гаванской тюрьмы и, прибыв во Флориду, он немедленно стал вынашивать планы мести Кастро. В 1963 году Розелли и Мартино получали основную помощь от Уильяма Паули, близкого друга Ричарда Никсона.

На биографии Паули стоит остановиться чуть подробнее. Он был дипломатом, дослужившимся до посольской должности, и личным другом

директора ЦРУ Аллена Даллеса. В 1954 году Паули участвовал в свержении правительства Арбенса в Гватемале. До 1959 года он владел на Кубе автобусной компанией Гаваны и авиакомпанией. Лишившись всего этого после прихода Кастро к власти, Паули был лично заинтересован в свержении кубинского революционного режима.

Все эти люди (Розелли, Мартино и Паули) поддерживали тренировочный лагерь кубинской эмиграции под Новым Орлеаном, закрытый ФБР в конце июля 1963 года с помощью Ли Харви Освальда.

В июне 1963 года Розелли встретился с офицером ЦРУ Уильямом Харви, который курировал кубинскую эмиграцию во Флориде и ненавидел Кеннеди за предательство экспедиции в заливе Свиней в апреле 1961 года. В этом же месяце на судне, предоставленном Паули, к берегам Кубы отправилась группа, намеревавшаяся убить Кастро. В ее состав входили Джон Мартино и Лоран Холл (именно он, по утверждению ФБР, приходил к Сильвии Одио в конце сентября 1963 года). Третьим террористом являлся ветеран известной нам группы «Альфа-66» Эдди Байо (он же Перес). На лодке находился также агент ЦРУ Роландо Мартинес (в 1972 году он, как и некоторые другие люди, связанные с покушением на Кеннеди, будет замешан в уотергейтской афере). Пятым участником экспедиции был Уильям Робертсон, участвовавший по линии ЦРУ в свержении националистического правительства гватемальского президента Хакобо Арбенса в 1954 году. Впоследствии он работал на разведку никарагуанского диктатора Сомосы (который, как мы помним, финансировал лагерь кубинских эмигрантов под Новым Орлеаном). В 1961 году он встречался с Робертом Кеннеди и обсуждал с ним подрывные акции против Кубы. К 1963 году Робертсон близко сошелся с Розелли. В лодке был и корреспондент журнала «Лайф» Ричард Биллингс (именно этот журнал после убийства Кеннеди приобретет и тем самым на время изымет из поля зрения общественности знаменитую пленку кинооператора-любителя Абрахама Запрудера, снятую в Далласе 22 ноября 1963 года).

Миссия Мартино в июне 1963 года была простой: он хотел организовать очередную провокацию против Кубы, чтобы поссорить Кеннеди с Хрущевым (для этих же целей «Альфа-66» нападала весной 1963 года на советские суда на Кубе). Формально команда Мартино должна была доставить с Кубы двух советских полковников-перебежчиков, которые на пресс-конференции в США должны были заявить, что СССР и не думал выводить с Кубы ракеты после Карибского кризиса. Но история с полковниками, скорее всего, была выдумана от начала и до конца, чтобы

привлечь ЦРУ к участию в этом рейде. Ведь ранее ЦРУ уже получало от «Альфы-66» захваченное на советских судах в кубинских портах оборудование. На самом же деле основной и неофициальной целью рейда было убийство Кастро, за которое участникам высадки лично Сантосом Трафиканте была обещана большая денежная награда. В случае успеха ЦРУ пришлось бы прикрывать террористов, так как американская разведка стояла за ними. Точно такая же схема по вовлечению ЦРУ в качестве прикрытия и была использована при покушении на Кеннеди. Мартино высадил Байо и его подручных на Кубе, и они больше не вернулись.

Зато после убийства Кеннеди Розелли и Мартино в один голос говорили, что американского президента убил Кастро в отместку за попытки ЦРУ и мафии убить его самого. В 1975 году Мартино вдруг разговорился. Вот что он сообщил своему другу техасскому бизнесмену Фреду Клаасену: «Настроенные против Кастро люди использовали Освальда. Освальд не знал, на кого он работал, он просто не подозревал, кто его использует. Освальд должен был встретиться со своим контактером в кинотеатре. Они должны были встретить его в кинотеатре и вывезти его из страны, а затем убрать его. Освальд сделал ошибку… Мы не смогли до него добраться. Поэтому Руби заставили убить его».

В 1976 году Джонни Розелли сообщил правоохранительным органам США, что Кеннеди убили люди, причастные к попыткам покушения на Кастро. Именно эта информация и послужила предлогом для образования Специального комитета конгресса по покушениям, то есть убийство президента было решено фактически расследовать заново. В июле 1976 года Розелли исчез, и спустя

10 дней его обезображенное тело нашли в одном из флоридских водоемов. Полиция установила, что бывшего гангстера жестоко пытали.

Сэм Джанкана, глава чикагской «семьи», участвовавший еще в первых попытках убийства Кастро, готовившихся ЦРУ и мафией, был найден мертвым в луже крови в июне 1975 года. По данным полиции, оружие, убившее Джанкану, было куплено во Флориде. Перед самой смертью Джанкана как раз собирался давать показания комитету конгресса, расследовавшему участие ЦРУ в покушениях на Кастро.

После убийства Джанканы служба наблюдения ФБР записала на пленку следующие слова Сантоса Трафиканте: «Теперь в живых остались только два человека, которые знают, кто убил Кеннеди. Но они не заговорят». Не вызывает сомнений, что одним из этих людей был Трафиканте. Когда его вызвали в упомянутый выше комитет конгресса по покушениям, то задали три главных вопроса: «Обсуждали ли вы с кем-

нибудь планы покушения на президента Кеннеди? Знали ли вы Джека Руби до 22 ноября 1963 года? Когда вы были в тюрьме на Кубе, посещал ли вас там Джек Руби?» Трафиканте отказался отвечать, сославшись на свои конституционные права. Поэтому он умер лишь в 1987 году после операции на сердце.

Дожил до старости и Карлос Марчелло, также отрицавший в комитете конгресса свою причастность к убийству Кеннеди. Он и 70-е годы утверждал, что ничем кроме продажи помидоров никогда не занимался. Впрочем, это не уберегло его от тюремного заключения по обвинению в подкупе федерального судьи. По всей видимости, это и был второй оставшийся в живых человек, о котором упоминал Трафиканте.

А вот Джимми Хоффе, которого Роберт Кеннеди все-таки успел посадить в тюрьму, повезло гораздо меньше.

Президент Никсон помиловал его, но на свободе Хоффа неожиданно исчез в июле 1975 года. Его следы не обнаружены и по сей день.

Друг Никсона Уильям Паули застрелился в 1977 году, когда конгресс как раз повторно расследовал убийство президента Кеннеди

Лидер правых экстремистов южных штатов генерал Эдвин Уокер хорошо знал Карлоса Брингуэра. Часто видели с генералом и члена «Альфы-66» Филиппе Сантьяго, который водил легковую автомашину марки «шевроле»

1957 года выпуска. Мы еще вернемся к этому автомобилю. Наконец, среди друзей генерала был Джон Мартин, которого мы знаем как Джона Мартино. Мартин снимал фотоаппаратом Ли Харви Освальда, раздававшего листовки в защиту Кубы в Новом Орлеане. На этой же пленке нашлась фотография самого Уокера, сделанная в доме генерала в Далласе. Уокер часто ездил в Новый Орлеан, где среди его контактеров были Дэвид Ферье и Гай Банистер. По данным местной полиции, генерал проводил в городе череду секретных встреч в течение двух дней, предшествовавших покушению на Кеннеди. В день покушения Уокер обеспечил себе алиби: он как раз летел на самолете из Нового Орлеана в Даллас. Когда по громкоговорителю передали известие о смерти президента, Уокер неожиданно забегал по салону, громко крича, чтобы пассажиры запомнили, что он, Уокер, был в самолете во время убийства Кеннеди.

Итак, к октябрю 1963 года на президента Кеннеди шла настоящая облава. Гувер, Джонсон и их покровители среди техасских миллионеров стояли на пороге утраты последнего политического влияния в Вашингтоне, то есть на пороге политического небытия с перспективой судебных

разбирательств в отношении их разносторонней незаконной деятельности. Эти люди хотели отстранить братьев Кеннеди от власти и открыто говорили об этом своим друзьям из мафии, правым экстремистам и кубинской эмиграции.

В свою очередь, лидеры этой группы Розелли, Трафиканте, Марчелло, Хоффа, Уокер, Банистер и «Альфа-66» хотели не только отстранить Кеннеди, но и были готовы к его физическому устранению. Они мстили за преследования мафии со стороны Роберта Кеннеди и за недостаточно жесткую политику либерала президента в отношении Кубы. Через свои контакты в ЦРУ («Бишоп») они знали о готовящемся покушении на Кастро и использовании «коммуниста» Освальда в целях прикрытия этого шага. Тем самым само ЦРУ в случае использования Освальда для убийства Кеннеди было бы вынуждено прикрывать убийц, так как иначе вскрылись бы связи самой американской разведки с Освальдом. Точно так же пришлось бы вести себя и ФБР, которое использовало Освальда для работы против кубинской эмиграции и крайне правых организаций. Если бы связи Освальда, убийцы Кеннеди и осведомителя ФБР, стали достоянием гласности, Гувера ожидала бы как минимум неминуемая отставка.

Представляется, что руководство, как ФБР, так и ЦРУ, не знало о планах убийства Кеннеди мафией, кубинскими эмигрантами и крайне правыми. Однако на уровне штатов Техас и Луизиана местные структуры обоих ведомств или их отдельные представители были в курсе, но не мешали заговорщикам, так как не испытывали к Кеннеди никаких симпатий.

Ничего пока не знал об этих планах и Ли Харви Освальд, которого мы оставили на американо-мексиканской границе 3 октября 1963 года. Он приехал в Даллас в 14.30 3 октября, но жене звонить не стал. Ему нелегко было рассказывать Марине о провале столь долго лелеемых им планов поездки на Кубу. Поэтому первым делом Освальд направился в комиссию по занятости и подал ходатайство о предоставлении ему последней части пособия по безработице. Переночевав в гостинице для малоимущих, он сразу стал искать работу и вскоре убедился, что с крючка его отнюдь не сняли.

4 октября, прочитав объявление в газете, он пошел устраиваться на работу наборщиком в «Пэджет принтинг корпорейшн». Он произвел на собеседовании очень благоприятное впечатление, так как был опрятно одет. Но менеджер компании решил все же позвонить коллегам в «Джаггарс Чайльз Стоуэлл», где Освальд, по его словам, работал ранее. А там Освальда брать не рекомендовали, так как у него были

«коммунистические тенденции». Только после отказа Освальд позвонил жене и попросил Рут Пэйн приехать за ним на машине. Но та только что сдала кровь на случай осложнений с Марининими родами и за руль садиться не могла. Ли пришлось добираться на попутных машинах.

Марине показалось, что ее муж вернулся из Мехико с каким-то облегчением, несмотря на отказ в кубинской визе. Он поругал бюрократов в кубинском посольстве, но никакого отчаяния в его голосе не чувствовалось. Он больше никогда не хвалил кубинскую революцию или Фиделя. Ли не отходил от жены, следуя за ней повсюду как собачонка и постоянно целуя ее («Я так скучал по тебе!»). Уик-энд, который Ли провел с семьей дома у Рут, был одним из самых счастливых для обоих супругов. Освальд всячески выказывал свою признательность Рут (к ее немалому удивлению) и попросил оставить Марину у себя до тех пор, пока он не найдет работу (по сведениям комиссии Уоррена, к тому моменту у Освальда оставалось не более 129 долларов). Рут ответила, что Марина может жить у нее, сколько пожелает. 14 октября она написала письмо матери, в котором, в частности, писала и об Освальде «… Он провел последний уик-энд и уик-энд перед этим у нас здесь и был счастливым дополнением к большой семье. Он играл с Крисом (сын Рут), смотрел футбол по телевизору, подогнал двери, которые не закрывались, и в целом добавил необходимый мужской дух. После первоначального плохого впечатления он стал мне нравиться…

Если бы Ли нашел работу, это очень бы помогло. Между тем я стала учить его водить автомобиль в прошлое воскресенье (вчера). Если он научится водить, это откроет для него больше возможности найти работу…»

Ли оказался способным учеником и уже вскоре мог даже парковаться задом. А вот с работой дела у него обстояли неважно. Он ходил на несколько собеседований, но безуспешно. С жильем тоже не ладилось. Ли снял комнату у квартирной хозяйки Мэри Бледсоу за 7 долларов в неделю. Но той новый жилец сразу не понравился. Во-первых, он без разрешения хранил в ее холодильнике молоко, а также ел в комнате сардины, ореховое масло и бананы (она боялась, что он насажает везде пятен). Но главным безобразием было то, что жилец постоянно говорил с кем-то по телефону на иностранном языке. А этого патриотка Бледсоу вынести не могла. В субботу перед отъездом к Рут Ли попросил хозяйку сменить постельное белье, но та сообщила, что не хочет его больше видеть в своей комнате. Ли потребовал вернуть ему 2 доллара из 7 (ведь он не прожил полную неделю). Но хозяйка без всяких объяснений удержала за собой

неиспользованную квартплату.

Освальд решил, что потерял жилье из-за преследований ФБР: он ведь использовал свое реальное имя. В следующий раз он уже воспользовался псевдонимом.

И в эти выходные семья Освальдов являла собой образец супружеской идиллии. Ли постоянно интересовался, ест ли Марина достаточно фруктов и пьет ли молоко, чтобы подготовить себя к родам. Ли даже возненавидел Майкла Пэйна, когда Марина рассказала мужу, что Майкл приходит к Рут как муж, ест, пьет, но не хочет жить с ней и детьми. Освальд считал, что настоящий мужчина несет ответственность за благополучие своей семьи. Он повторял Марине, что был в прошлом несправедлив к ней и что это больше никогда не повторится. Ли играл с сыном Рут Крисом, так как считал, что мальчику обязательно нужен отец. Марина даже стала ревновать мужа, выговаривая, что он стал уделять меньше внимания собственной дочери.

А Ли ждал собственного сына и надеялся, что Марина родит его 18 октября, в тот самый день, когда сам Ли Харви Освальд появился на свет двадцать четыре года тому назад.

Вскоре Ли устроился на работу. Одна из соседок Рут упомянула, что ее брат Уэсли Фрейзер работает на техасском складе школьных учебников и там, возможно, еще остались вакансии. Рут позвонила начальнику склада Рою Трули и тот предложил Ли прийти на собеседование. Освальд произвел благоприятное впечатление, почтительно называя Трули «сэр». Он соврал, сказав, что только что демобилизовался. У Трули это был далеко не первый случай, когда бывшие военнослужащие устраивались на склад, пока не подыскивали себе более достойного места. Вот и сейчас он готов был взять Освальда на временную работу из расчета 1,25 доллара в час. Прямо скажем, это было очень немного, но Трули и не рассчитывал, что симпатичный и вежливый молодой человек задержится на столь непрестижном месте надолго.

16 октября, на следующий день после удачного собеседования, Ли вышел на работу. Она оказалась несложной и чистой, да к тому же была связана с любимыми Ли книгами. Состояли обязанности нового сотрудника в следующем. Он должен был принимать на первом этаже поступавшие из различных школ заказы, затем поднимался на шестой этаж, отбирал нужные книги и привозил их на лифте обратно на первый этаж, где их отправляли по назначению. Хотя Освальд иногда ошибался, Трули считал его прилежным работником «немного выше среднего уровня». Освальд приходил на работу пораньше и успевал просматривать в

комнате отдыха на втором этаже оставленные сослуживцами вчерашние газеты. Причем работники склада удивлялись, что молодой человек читает не спортивный раздел, как все остальные, а политические новости. Иногда за чтением он язвительно усмехался, как бы показывая, что знает больше, чем написано в газете. Но в целом отношения у него с коллегами были нормальные, и проблем руководству он не доставлял.

18 октября в пятницу Ли, как всегда, приехал навестить свою семью в доме Рут. Он был тронут до слез, когда его сердечно поздравили с днем рождения. Рут купила вина и испекла пирог. Правда, свечей на нем было меньше, чем 24, и Ли не смог с первого раза их потушить. Но в тот вечер этим плохим приметам не придавали значения. Ли сказал, что лучшим подарком для него было бы рождение ребенка. Этого Марина пока не обещала, но зато супруги в ту ночь занялись любовью. Это был их последний полноценный секс.

Перед этим они посмотрели по телевизору два художественных фильма, которые, казалось, тоже предупреждали о грядущем несчастье. Комиссия Уоррена потом уделила внимание только одному из них. Картина 1954 года называлась «Садценли», и ее главный герой, демобилизовавшийся солдат (роль исполнял Фрэнк Синатра), хотел убить президента США из винтовки. Он захватил домик неподалеку от железнодорожной станции, где должен был остановиться глава государства. Но поезд проследовал без остановок, и солдат погиб, так и не исполнив своего замысла.

Но на самом деле Освальда взволновал второй фильм — «Мы были там чужими». Джон Гарфилд играл американца, который тайно поехал на Кубу, чтобы помочь повстанцам убить тамошнего диктатора. Сюжет базировался на реальных событиях 1933 года, когда на острове был свергнут диктатор Мачадо. В фильме убить диктатора хотели с помощью подкопа, куда была помещена взрывчатка. Ли фильм не понравился. Он сказал, что так убивали президентов в далеком прошлом. Но и сейчас на Кубе происходит нечто подобное, только Кастро пытаются убрать другими способами. То есть Ли явно намекал, что знает, как и кто хочет убить Кастро в современности.

А ситуация вокруг Кубы действительно не становилась проще. 8 октября 1963 года Кеннеди ввел в действие подписанный 5 августа в Москве договор между СССР, Великобританией и США о запрете испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Кастро отреагировал на это событие так: он заявил, что, договариваясь с Москвой, США продолжают террористические вылазки

против Кубы.

А Эттвуд в это время сообщал, что его переговоры с Лечугой показывают: Кастро тяготится зависимостью от Москвы и готов к нормализации отношений с Вашингтоном. Французский журналист Жан Даниэль как раз собирался в Гавану, чтобы взять интервью у Кастро, и Эттвуд уговорил Кеннеди принять его и высказать соображения об улучшении кубинско-американских отношений, которые Даниэль мог бы лично и конфиденциально передать кубинскому лидеру. Кеннеди согласился. Его рассуждения сводились к признанию вины США за поддержку диктаторского режима Батисты и он даже высказал симпатию идеалам кубинской революции. Но Кастро их якобы предал, став агентом советского влияния в Латинской Америке. Если же Кастро отойдет от Москвы, то США готовы нормализовать отношения с Кубой.

А Советский Союз выражал решимость не оставить Кубу в беде. Еще 10 сентября советский посол в США Анатолий Добрынин передал Кеннеди личное послание Хрущева. В нем советский лидер выражал недоумение тем, что на фоне улучшающихся советско-американских отношений с территории США неопознанные самолеты продолжают бомбить кубинские промышленные объекты, а неопознанные суда высаживают на остров диверсионные группы. Хрущев просил Кеннеди положить конец пиратским актам и предупреждал, что если Куба подвергнется полномасштабной агрессии, СССР выполнит союзнические обязательства перед Гаваной в полном объеме.

Отсюда и проброс Кеннеди через французского журналиста в сторону Кастро: если бы кубинский лидер отмежевался от СССР, то американцы получили бы полную свободу рук в отношении непокорного острова.

20 октября 1963 года Марина родила вторую дочку. Она хотела назвать ее Одри (в честь известной голливудской актрисы Одри Хепберн) Рейчел. Ли был против имени Рейчел как слишком еврейского и настаивал на имени Марина Одри. В конце концов супруги пошли на компромисс и девочка получила длинное официальное имя Одри Марина Рейчел Освальд. Но с тех пор и по сей день все называют ее Рейчел.

Роды прошли легко во всех отношениях, и Освальда особенно обрадовало то, что они были бесплатными. Он даже первое время опасался идти в госпиталь проведывать жену, так как, если узнают, что он уже получил работу, его заставят возместить расходы. И только когда Рут сообщила, что в госпитале уже знают правду, Ли отважился навестить Марину. Жена извинялась, что мальчик опять не получился, и Ли с легким сердцем сказал, что они попробуют еще раз. Ведь Марина рожает детей так

легко. Но Марина не была согласна с такой перспективой. Больше иметь детей она не хотела. Против обыкновения Ли не стал спорить и даже сказал, что девочки обходятся дешевле: их можно быстро выдать замуж, а мальчикам надо еще оплатить образование.

Несмотря на успешные роды, Ли не спешил забирать Марину из дома Рут Пэйн. Последняя рассчитывала на то, что Марина проживет у нее как минимум до весны, и они вместе справят Рождество по американским традициям. Ли же должен был копить деньги на будущую полноценную семейную жизнь. Освальд мечтал купить жене стиральную машину, Марина же хотела машину настоящую, пусть и подержанную. Но на это у Ли пока не было денег, хотя вскоре они появятся.

Используя псевдоним О. Х. Ли, Освальд снял комнату в районе Далласа Оук Клифф по адресу: 1026 Норт Бекли-стрит. Свое настоящее имя Ли не сообщил потому, что опасался преследований со стороны ФБР. Квартирная хозяйка Эрлена Робертс потом вспоминала, что новый жилец практически ни с кем и никогда не разговаривал. Он мог сидеть с другими жильцами в общей гостиной целый час перед телевизором и при этом не проронить ни слова. Иногда она наблюдала, как новый постоялец говорит с кем-то по телефону на иностранном языке. Как только Освальд замечал, что за ним следят, он сразу же переходил на английский, что крайне раздражало Марину на другом конце провода. Хозяйка утверждала, что Ли обычно приходил домой около половины шестого вечера и сидел в своей комнате. Посетителей у него не было. В отличие от прежней хозяйки, нынешняя дозволяла Освальду хранить продукты в ее холодильнике. Постоялец явно любил сладкое, особенно сладкое молоко, которое он поглощал литрами. Иногда он ужинал в своей комнате, а на общей кухне появлялся только тогда, когда там никого не было. Изредка Ли завтракал в закусочной напротив дома, а пару раз ужинал там, с гордостью рассказывая Марине, что ему удавалось поесть всего за 1,25 доллара.

Как только у Ли родилась дочь, он немедленно занялся политикой. До этого Освальд частенько вел жаркие споры с мужем Рут Майклом Пэйном, который считал себя либералом, способным понять взгляды марксиста Освальда (тем более что отец Майкла был одним из основателей троцкистской социалистической партии трудящихся, с которой Освальд состоял в оживленной переписке). Освальд доводил спокойного обычно Майкла до белого каления, при этом оставаясь хладнокровным. Пэйн невольно подумал, что у его оппонента большой опыт самоконтроля.

О чем же спорили эти два непохожих друг на друга человека? Больше всего Освальд говорил об эксплуатации простого человека в Америке.

Причем эксплуатацию эту поддерживали такие мощные институты по промывке мозгов, как школы и церковь. Последний момент естественно вызвал возражения квакеров Пэйнов, которые говорили, что их церковь содержится на деньги прихожан и от государства не зависит. Но и Рут, и Майкл неоднократно убеждались, что спорить с Ли было все равно, что оппонировать каменной стене. Если у него не хватало аргументов, он просто повторял свои прежние доводы.

Майкл пришел к выводу, что Ли не верил в человека, считая большинство людей глупыми и злыми, именно из-за влияния окружавшего их капиталистического общества. Задурманенные мозги американцев не позволяли им самим изменить свою жизнь к лучшему. Только революция, осуществленная группой просвещенных лидеров, смогла бы сделать этих людей по-настоящему свободными, даже против их воли. В глазах Майкла Ли был именно революционером, но ни он, ни Рут не видели в Освальде никакой склонности к индивидуальному политическому насилию (при этом Майкл несколько раз натыкался в гараже на «принадлежности для кемпинга», завернутые в зеленое одеяло, не подозревая, что на самом деле это разобранная винтовка с оптическим прицелом). Майкл лишь полагал, что Ли надо подыскать единомышленников, чтобы найти выход для скопившейся в нем горечи от общения с недалекими, не интересовавшимися политикой людьми.

Майкл Пэйн крайне бы удивился, если бы узнал, где Ли ищет своих единомышленников. 23 октября 1963 года Освальд присутствовал на собрании правых экстремистов Далласа, на котором генерал Уокер обратился к 1300 своих сторонников. На следующий день подогретые генералом правые избили на улице Далласа прибывшего в город видного лидера демократической партии и посла США при ООН Эдлая Стивенсона (кандидата от демократов на пост президента США в 1952 и 1956 годах). Его били по голове плакатами и плевали в лицо. «Вы люди или звери?» — вопрошал Стивенсон, утирая плевки с лица. Вернувшись в Вашингтон, он настоятельно рекомендовал Кеннеди воздержаться от поездки в Даллас. Заметим, что Стивенсон был в курсе переговоров с Кубой по тайному каналу Эттвуд — Лечуга.

Инцидент со Стивенсоном, как представляется, дает нам ключ к разгадке посещения Ли Харви Освальдом митинга правых экстремистов. Он просто снова стал выполнять задания ФБР по внедрению в крайне правые организации. Ведь он уже следил за Уокером в феврале — апреле 1963 года. Причем теперь уже было известно, что в Даллас вскоре приедет президент, смертельным врагом которого был генерал Уокер. Освальд

должен был предупредить ФБР и Секретную службу о провокациях против Кеннеди, которые мог бы учинить генерал (как мы увидим, Уокер действительно встретил Кеннеди в Далласе не с пустыми руками).

Был Освальд в Далласе и на собрании Кубинского студенческого директората (можно напомнить, что именно эту организацию кубинских эмигрантов представлял в Новом Орлеане Карлос Брингуэр).

Нет сомнений, что Освальд вышел на обе эти структуры через Ферръе и Банистера. Они по-прежнему, видимо, говорили Освальду, что он работает на правительство, собирая ценную информацию о врагах президента Кеннеди.

А между тем в Далласе развил бурную активность второй «Освальд». Его видели на стрельбище, где он устроил скандал, стреляя по чужим мишеням (причем стрелял этот «Освальд» очень прилично). Направо и налево «Освальд» охотно рассказывал, что стреляет из итальянской винтовки калибра 6,5 мм. Другой «Освальд» в сопровождении двух человек кубинского вида (кстати, судя по показаниям очевидцев, кубинцы сопровождали «Освальда» в Далласе почти постоянно) стрелял из винтовки на частном участке одного из жителей Далласа. Когда владелец участка, школьный учитель Лоуэлл Пенн попросил незнакомцев удалиться, те оставили гильзу от винтовки «Маннлихер-Каркано». После покушения на Кеннеди ФБР провело экспертизу этой гильзы и установило, что она не от винтовки настоящего Освальда.

Еще один «Освальд» сдал свою винтовку в ремонт, чтобы починить оптический прицел. Запомнили «Освальда» и в салоне по продаже легковых автомобилей. Он выбрал дорогую марку и во время пробной поездки, к ужасу сопровождавшего его сотрудника салона, развил скорость до 80 миль в час (около 130 км в час). «Освальд» хвастался, что скоро получит большую сумму денег.

Служащий компании «Вестерн юнион» в Далласе вспомнил, что перед покушением в офис регулярно захаживал «Освальд», предъявлявший удостоверение личности ВМС. Он постоянно получал денежные переводы.

Примерно за две недели до покушения, когда газеты сообщили, что Кеннеди проедет на автомобиле по улицам Далласа, в «Саутлэнд отель» в центре Далласа обратился молодой человек, искавший работу в качестве ассистента по парковке автомобилей. Он назвался Ли Харви Освальдом (заметим, что реальный Освальд всегда представлялся как Ли Освальд, не называя своего полного имени). Причем служащий отеля первоначально ошибся, записав фамилию посетителя как «Осборн», и «Освальд» его поправил. Молодого человека интересовали странные сведения: он

спросил, какая высота здания отеля и хорошо ли из него видно центральную часть Далласа.

Итак, в октябре — ноябре 1963 года в Далласе видели бывшего морского пехотинца Ли Харви Освальда, который стрелял из винтовки «Маннлихер-Каркано» с оптическим прицелом, вел себя вызывающе, получал от неизвестных лиц денежные переводы, хотел устроиться в какое-нибудь высотное здание в центре города и готовился приобрести дорогой автомобиль. Причем очевидцы после 22 ноября либо вспоминали внешность Освальда, сравнивая его с материалами в СМИ о предполагаемом убийце Кеннеди, либо у них в памяти всплывали такие детали, как удостоверение ВМС (Освальд ведь был бывшим морским пехотинцем), либо факт проживания Освальда в СССР («Освальд» как-то раз заметил, что может вскоре вернуться в Россию, где к трудящимся относятся по-другому).

Все эти данные биографии реального Ли Харви Освальда были прекрасно известны Феррье и Банистеру. А Освальда, скорее всего, как и в инциденте с Сильвией Одио, изображал похожий на него внешне деятель кубинской эмиграции Лоран Холл или кто-то еще (в любом случае, просто исключено, чтобы едва научившийся парковаться Ли несся на автомашине со скоростью 130 км в час). Можно без всяких сомнений предположить, что пока Освальд по заданию Банистера и, как он полагал, ФБР внедрялся в правоэкстремистские организации, сам Банистер вместе с Уокером, людьми мафии и кубинскими эмигрантами готовил из Ли козла отпущения на случай убийства Джона Кеннеди.

В пользу этой версии говорят еще два факта. Еще 20 января 1961 года в фирме по продаже грузовиков «Форд» в Новом Орлеане появились два человека, один американец и один кубинец. Они хотели купить 10 грузовиков для антикастровской организации «Друзья демократической Кубы» (они просили дать хорошую цену, так как дело патриотическое; тогда, как мы помним, ЦРУ заканчивало подготовку к высадке на Кубу в заливе Свиней). Американец представился как Джозеф Мур, но просил оформить все документы на имя «Освальд», так как именно его друг Освальд занимается поставками для кубинской эмиграции. После покушения на Кеннеди владелец фирмы даже представил документы о продаже грузовиков на имя Освальда, хотя и заявил, что приходивший к нему американец не имел ничего общего с предполагаемым убийцей президента. Еще бы! Ведь в январе 1961 года настоящий Ли Харви Освальд находился в Минске.

Известно, что и Банистер, и Феррье в 1961 году занимались

поставками оружия и другого снаряжения для кубинских эмигрантов с ведома ЦРУ. Они же, по крайней мере Феррье, прекрасно знали хотя бы из газет (хотя на самом деле, конечно, из досье военно-морской разведки), что «марксист» Ли Харви Освальд давно уже находится в СССР.

Во второй декаде октября 1963 года, примерно 11-го числа, некто пришел на почту в Новом Орлеане и оформил карточку на перевод всей почтовой корреспонденции, поступавшей Ли Харви Освальду с новоорлеанского адреса на адрес Рут Пэйн в Далласе. При этом Освальд перед отъездом в Мексику уже сделал то же самое. Освальд в тот день в Новом Орлеане не был, да и зачем ему второй раз сообщать на почту об изменении адреса. Но вот Феррье или его люди могли и не знать, что Освальд уже оставил на почте адрес Рут Пэйн (11 октября им уже было известно, что Освальд в Далласе). В чем же смысл странной операции? Да в том, что перед убийством Кеннеди очень важно было вновь оживить связи предполагаемого убийцы с компартией США. А для этого он как минимум должен был продолжать получать коммунистические газеты. Но это как минимум.

А как максимум Освальд должен был снова войти в прямой контакт с левыми организациями. Мы убедимся, что он так и поступил. При этом ему, скорее всего, говорили, что внедряться надо не только в среду крайне правых, но и крайне левых, чтобы соблюсти беспристрастность ФБР.

Рут и Майкл Пэйн были членами общественно-политической организации Американский союз за гражданские свободы (английская аббревиатура ACLU). В глазах директора ФБР Гувера это была почти коммунистическая организация, так как ее члены выступали против политической слежки за прогрессивными общественными деятелями со стороны ФБР (они сравнивали Гувера с Гиммлером, а ФБР — с гестапо). Союз выступал и за нормализацию отношений с Советским Союзом. Вот на эту организацию и решили натравить Освальда, тем более что Ли относился к союзу пренебрежительно, как к кружку философствующей интеллигенции без четкой политической платформы.

До поры до времени Ли посмеивался над либеральными прекраснодушными взглядами Майкла и его союза, но 25 октября (через два дня после посещения митинга генерала Уокера) вдруг согласился сопровождать Майкла на очередную встречу далласской организации ACLU.

В отличие от визитов к политическим врагам типа Уокера или кубинских эмигрантов Ли не сидел молча. Когда один из участников дискуссии сказал, что не все члены Общества Джона Берча являются

антисемитами, Освальд поднял руку и возразил. Он всего лишь пару дней тому назад был на выступлении Уокера, и там как раз все члены Общества Джона Берча критиковали евреев и католиков. Ли говорил четко, связно и контролировал каждое свое слово. Многих поразило то, что молодой человек спокойно высказывает взгляды, которые явно противоречат настроениям большинства участников собрания.

Один из друзей Майкла предприниматель Фрэнк Кристиник уже был наслышан об Освальде и после встречи продолжил с ним дискуссию за кофе. «Вот вы считаете, что все предприниматели — эксплуататоры, а я плачу своим сотрудникам 3 доллара в час, зарабатывая 4. При этом я же еще покупаю машины и материалы». Ли ответил, что он все равно эксплуатирует своих сотрудников, но «в вашем обществе это не преступление». Кристиник запомнил, что Освальд положительно отозвался о президенте Кеннеди, который делает много для укрепления гражданских прав негритянского населения.

В разговор вступил какой-то пожилой мужчина, и речь зашла о Кубе. Потом Освальд вдруг сказал Майклу, что все, кто хорошо отзывается о Кубе, — коммунисты (как мы помним, в радиодебатах в Новом Орлеане Ли очень аргументированно доказывал обратную точку зрения). Точно так же, между прочим, считало ФБР, пытаясь представить всех сторонников Кастро в США агентами коммунистической мировой экспансии. Но Майкл, как человек благоразумный и просвещенный, так не считал и поэтому удивился взглядам марксиста Освальда на сей счет.

1 ноября 1963 года Освальд отослал в ACLU заполненную анкету-заявление с просьбой принять его в члены организации (саму анкету он взял во время посещения собрания союза 25 октября). К заявлению прилагались

2 доллара членских взносов. Причем Ли написал письмо не в далласское отделение, а в штаб-квартиру союза в Нью-Йорке, где его и приняли в члены ACLU 4 ноября. При этом Освальд спрашивал в письме, есть ли в Далласе организация союза, куда бы он мог вступить! И это спустя 5 дней после того, как он сам побывал на собрании этой самой далласской организации. Явно, что он хотел вызвать штаб-квартиру союза на ответную переписку.

Теперь оставалось только связать ACLU с коммунистами, то есть использовать ту же самую тактику, которую Освальд и его кураторы из ФБР уже применили в Новом Орлеане для компрометации Комитета за справедливую политику в отношении Кубы. В тот же день 1 ноября 1963 года Освальд отсылает странное письмо в Нью-Йорк одному из лидеров

компартии США Арнольду Джонсону (именно у него из Нового Орлеана он спрашивал совета, не стоит ли переключиться на подпольную деятельность).

«….Пока я обосновался в Далласе, Техас.

Через одного друга меня представили местной организации Американского союза за гражданские свободы, которая проводит встречи в студенческом городке Южного методистского университета.

Первая встреча, на которой я присутствовал, состоялась 25 октября, был показан фильм с последующей очень критической дискуссией относительно ультраправых в Далласе.

23 октября я присутствовал на митинге ультраправых под руководством генерала Уокера, который живет в Далласе.

Этот митинг был днем раньше нападения на Стивенсона во время Дня объединенных наций, на котором он выступал.

Как вы видите, политические трения между «левыми» и «правыми» здесь очень большие.

Могли бы вы сообщить мне наше общее отношение к Американскому союзу за гражданские свободы?

И до какой степени, если, вообще, я должен пытаться усилить его прогрессивные тенденции?

Эта далласская организация ACLU находится крепко в руках «либералов»-профессионалов. Однако некоторые из присутствовавших показали классовую сознательность и глубокие взгляды».

Согласитесь, что письмо более чем странное, как и все письма Освальда в компартию. Во-первых, не являясь членом партии, Освальд во всех письмах пишет о «нас» и «нашем деле», стараясь создать иллюзию своих долговременных связей с коммунистами. Во-вторых, он пытается получить некие инструкции по укреплению прогрессивных тенденций некоммунистической либеральной организации. И наконец, он сообщает об участии во встрече далласской организации союза, хотя вроде и не знает (судя по письму в ACLU), что таковая в городе есть.

Все эти непонятные ухищрения приобретают смысл, только если предположить, что Освальд хотел вызвать и компартию, и союз на ответные письма, которые можно было бы использовать для компрометации обеих организаций.

А тайные американо-кубинские контакты между тем быстро приближались к развязке. 24 октября Кеннеди принял Даниэля и обещал встретиться с ним сразу же после возвращения последнего с Кубы. 29 октября высоко поставленный сотрудник ЦРУ Десмонд Фицджералд

встретился с Кубелой («Эмлэш»), представившись сенатором и личным эмиссаром Роберта Кеннеди. Кубела опять попросил винтовку с оптическим прицелом, яд и взрывчатку, чтобы убить Кастро. К тому же он потребовал заверений на самом высоком уровне (президент США или его брат), что покушение на Кастро будет поддержано Вашингтоном.

Фицжеральд (в отличие от Эттвуда не информировавший президента о вступившей в последнюю стадию операции по устранению Кастро) сначала не дал Кубеле никаких заверений. Но ЦРУ, которое прослушивало представительство Кубы при ООН, уже знало о контактах Эттвуда с Лечугой и личным врачом Кастро Вальехо. Эттвуд был готов вылететь на Кубу в любое время. Кеннеди не возражал, он только хотел, чтобы кубинцы сначала представили повестку дня конфиденциальных переговоров, чтобы он лично мог дать Эттвуду необходимые инструкции. Причем Кеннеди специально не информировал госдепартамент и ЦРУ, так как считал миссию Эттвуда строго секретной. ЦРУ же, получив о ней информацию по каналам прослушивания, поняло, что еще чуть-чуть и президент запретит любую подрывную работу против Гаваны. А это означало, что операция «Эмлэш» будет прервана на финальной стадии. Нет, Кастро не должен был уйти из-под прицела американской разведки. Поэтому в начале ноября 1963 года Кубеле сообщили, что он получит все, что просил, в самое ближайшее время.

Причем есть свидетельства, что на этот раз Фицжеральд заручился поддержкой самого Кеннеди. Один из сотрудников ЦРУ в начале ноября был свидетелем телефонного разговора «Деса» (Десмонд Фицджералд) с президентом. Фицжеральд говорил о заговоре с целью свержения Кастро на Кубе. Судя по реакции «Деса», Джон Кеннеди колебался. Он опасался, что ЦРУ блефует, как и в апреле 1961 года, и что в случае операции на Кубе погибнет много невинных людей. К тому же с помощью США только что был убит южновьетнамский диктатор Дьем, который боролся больше против буддистов, чем против коммунистов. Изменения ситуации во Вьетнаме это не принесло. Но в любом случае Кеннеди не запретил ЦРУ продолжать работать над свержением Кастро, хотя, по всей видимости, не был информирован о деталях. «Дес» дал соответствующее указание, и на Кубе был подготовлен склад с оружием, которым и должен был воспользоваться Кубела.

А что же герой нашей книги? День 1 ноября 1963 года был для него поистине богатым на события. Отправив письма, Ли открыл почтовый ящик, причем заплатил 3 доллара вплоть до 31 декабря. Ящик был открыт на настоящее имя без всяких псевдонимов, и пользоваться им помимо

Марины мог Комитет за справедливую политику в отношении Кубы и Американский союз за гражданские свободы.

А между тем агент ФБР в Далласе Хости решил, что настало время поинтересоваться местонахождением своего бывшего подопечного. 3 октября отделение ФБР в Новом Орлеане сообщило далласским коллегам, что Марина уехала из города на машине с техасским номером в сопровождении женщины, которая говорила по-русски, а Освальд исчез из поля зрения на следующий день. Хости предписывалось поискать Освальда в Далласе. Тот попытался навести справки у Роберта Освальда, но безуспешно.

25 октября опять же нью-орлеанский офис ФБР сообщил в Даллас, что, по данным ЦРУ, в начале октября Освальд контактировал с советским посольством в Мехико (про кубинское посольство, как мы помним, ЦРУ почему-то не сообщило). Хости забеспокоился, что русские могли завербовать бывшего перебежчика для выполнения на территории США шпионских заданий. Еще через 4 дня из Нового Орлеана был получен адрес Рут Пэйн, который Освальд оставил на почте. Хости немедленно навел о ней справки, и отзывы были положительными: Рут характеризовали как религиозную и добрую женщину.

Во второй половине дня в пятницу 1 ноября Хости пришел к Рут домой. Она встретила агента ФБР радушно и пригласила войти. Ли не было дома, и Хости хотел узнать его адрес. Здесь Рут помочь ничем не могла, так как и сама не знала его. Зато она знала телефон Освальда, но сама не предложила эту информацию, а Хости ничего не спросил. Его больше интересовало, где работает Освальд. Рут сначала не хотела говорить, так как ранее Освальд часто жаловался ей на то, что потерял много рабочих мест из-за вмешательства ФБР. Но Хости был сама любезность: он, мол, ни в коем случае не будет расспрашивать работодателя Ли. ФБР всего лишь хочет убедиться, что работа Освальда никак не связана с национальной безопасностью. Успокоившись, Рут назвала техасский склад школьных учебников, и Хости расслабился: вряд ли Освальд сможет там добыть для русских какую-либо секретную информацию.

В это время в комнату вошла Марина. Узнав, что незваный гость из ФБР, она сильно испугалась. Выходит, что Ли был прав, когда говорил, что эти люди никогда не оставят его в покое. Но Хости улыбался и уверял, что ФБР стоит на страже Марининых прав (беседу переводила Рут). Если русские агенты будут пытаться заставить ее работать на Москву, то Марине всего лишь надо дать знать ФБР, и ее защитят.

Хости перевел разговор на Кубу: если верить американским газетам,

то Кастро плохой человек и угрожает интересам США. Но Марина с этим не согласилась, заметив, что американские газеты несправедливы по отношению к маленькой Кубе. Хости упомянул, что Освальд раздавал в Новом Орлеане листовки в поддержку Кастро и спросил, не занимается ли он чем-нибудь подобным здесь в Далласе. Марина поспешила успокоить собеседника: «Не волнуйтесь за него. Он просто еще молод. Он не знает, что делает. Он не будет делать здесь ничего подобного». Марина просила Хости не мешать работе его мужа, и тот торжественно заверил, что ничем подобным ФБР не занимается (это было неправдой).

И Рут, и Марина уговаривали любезного агента остаться, ведь Ли придет примерно в полшестого вечера и они смогли бы поговорить напрямую. Но Хости почему-то не желал видеть Освальда. Потом он объяснял, что с ним не было второго агента, как это положено по инструкции при собеседовании с подозреваемым. Да и к тому же Освальд пока формально находился в юрисдикции ФБР Нового Орлеана.

Это более чем странное поведение, если учесть, что раньше Освальда допрашивали только потому, что он выписывал газету компартии. А тут бывший перебежчик только что вернулся из Мексики, где контактировал с советским посольством. Зато Хости узнал главное: где работал Ли. Сам Хости был постоянным партнером по бриджу помощника генерала Уокера Сюррея. В ФБР Далласа Хости формально занимался наблюдением за правыми экстремистами, а в эту категорию «марксист» Освальд явно не попадал. Легко предположить, что правые экстремисты в лице генерала Уокера и его партнеров из мафии и кубинской эмиграции теперь могли планировать встречу Кеннеди в Далласе более профессионально, чем встречу Эдлая Стивенсона.

Прощаясь, Хости все же попросил Рут выяснить, где живет Освальд. Он оставил свой телефон и адрес по просьбе Рут: та предполагала, что раз Освальду нечего скрывать, то он сам придет в ФБР и ответит на все вопросы.

Вечером того же дня Марина сообщила мужу о визите агента ФБР, и Ли был крайне расстроен. Он заставлял Марину подробно и по нескольку раз повторять все то, что ей сказал Хости. Особенно возмутило Освальда, что Хости набивался в защитники прав ее жены, и Марина поверила в эту сказку. «Дура! Разве ты сама не понимаешь? Им наплевать на твои права. Он пришел, потому что это его работа. Ты не знаешь, как надо разговаривать с ФБР. Ты, как обычно, была чересчур вежливой. Ты не можешь позволить, чтобы они нащупали твои слабые места». Ведь если советское посольство в Вашингтоне узнает, что они согласились на некую

«защиту» со стороны ФБР, их никто не пустит назад в СССР (Марина, впрочем, туда и не рвалась).

Если Хости или его коллега придет еще раз, то необходимо скрытно записать номер его автомашины. Причем Освальд сказал с видом знатока, что ФБР, как правило, не ставит машину рядом с домом того, с кем планируется поговорить. Обычно машину паркуют напротив или рядом с домом соседей на этой же стороне улицы.

4 ноября далласские газеты сообщали, что президент Кеннеди примет участие в торжественном обеде в городе

21 или 22 ноября. А на следующий день Хости, ехавший вместе с напарником в Форт-Уорт, опять завернул к дому Рут Пэйн. Причем он знал, что в тот день он Освальда там не встретит (и Рут, и Марина сообщили, что Ли навещает их только по выходным). Потом Хости говорил, что забежал буквально на пару минут, а вот в памяти Марины отложилось, что его второй визит был даже продолжительнее первого.

Гости не прошли в дом, и Рут объяснила на пороге, что Ли был у них на выходных, но его адреса она не узнала. Но вскоре Освальды, по-видимому, снимут собственное жилье и тогда она наверняка сможет быть ФБР более полезной: покидая ее, Марина наверняка оставит свой адрес. Зато Рут сообщила Хости, что по его собственным словам Ли — троцкист, что довольно нелогично. Хости уцепился за это замечание и поинтересовался, не является ли Освальд, по мнению Рут, психически нестабильной личностью. На это миссис Пэйн сама довольно нелогично ответила, что не в силах понять мыслительный процесс «марксиста». Хости после покушения утверждал, что вообще не видел Марину 5 ноября. У Рут и Марины на сей счет была прямо противоположная точка зрения. Марина просила Хости больше не приходить, так как его визиты сильно расстраивают ее мужа.

Пока Рут беседовала о политических воззрениях Освальда, Марина тайком выскользнула из дома и запомнила номер автомобиля агентов ФБР. Марку машины она не знала, так как в этом не разбиралась. Когда Хости ушел, она написала номер на листе бумаги. Рут и Марина решили ничего не говорить Ли о повторном визите Хости до тех пор, пока Освальд не приедет на выходные. В эту неделю Ли звонил несколько раз (обычно он звонил в обеденный перерыв и после работы) и каждый раз интересовался, не приходило ли к нему ФБР.

Несмотря на свой почти не существующий английский, Марина подслушала и поняла часть беседы Рут с Хости. На следующий день, когда они мыли посуду, она вдруг сказала Руг, что адрес Ли — их личное дело и

другим его знать не обязательно. Рут была поражена — до этого Марина с ней никогда в таком тоне не разговаривала.

Как только Ли пришел в пятницу 8 ноября, Марина сказала, что Хости был у них снова. Освальд страшно разволновался и немедленно принялся расспрашивать Рут о содержании беседы. Когда та упомянула, что Хости интересовался его психическим здоровьем, Ли презрительно и нервно усмехнулся. Он считал, что ФБР хочет помешать его политической деятельности. Рут была с ним солидарна: она полагала, что Ли имеет право на собственное мнение, даже если оно непопулярно в стране. Освальд очень боялся, что из-за ФБР может опять потерять работу.

На следующий день Ли попросил у Рут пишущую машинку и что-то печатал до 11 утра. Затем взрослые и дети поехали в ведомство по выдаче водительских прав, где Освальд хотел получить разрешение на вождение в качестве ученика. Но ведомство уже было закрыто, так как день был предпраздничный — назавтра Америка отмечала День ветерана. Ли зашел в супермаркет и купил своим детям разные нужные младенцам вещи. Всю обратную дорогу он был очень весел, пытался шутить и петь русские песни со своим ужасным произношением. Марина чувствовала, что после того, как Ли утром что-то напечатал, у него явно отлегло от сердца. Он попросил Марину приготовить его любимое русское блюдо (жареная картошка с луком), с аппетитом поел и с интересом принялся смотреть по телевизору футбольный матч.

Ночью Марина уговаривала мужа выкинуть из головы идею о возвращении в Россию. Ли поначалу картинно упирался: они снова встретятся с друзьями и он наконец-то получит достойную работу. Ну, тогда уж ехать не в Минск, а в Ленинград, не отставала Марина. А Ли хотел только в Москву. Тогда Марина предложила вообще остаться в Америке, и Ли с легкостью согласился. Он даже дал честное слово, что это его окончательное решение. Разговор плавно перешел на другие темы, и Ли неожиданно стал рассказывать жене о всех его предыдущих женщинах. Особенно много побед (восемь) Ли Харви Освальд одержал в Японии. Но по-настоящему он любил только одну женщину — свою жену.

В воскресенье Рут проснулась раньше всех и увидела, что на столе в гостиной лежит черновик того письма, которое Ли, по-видимому, так старательно печатал на ее машинке. Она взглянула на сложенный лист и увидела только фразу «ФБР сейчас заинтересовалось моей деятельностью». Заинтересовавшись, Рут решила прочитать все письмо и, как она потом вспоминала, оно ее просто шокировало.

«Уважаемые господа!

Этим письмом я хотел бы проинформировать вас о событиях, произошедших после моей беседы с товарищем Костиным в Посольстве Советского Союза, Мехико-сити, Мексика.

Я не мог оставаться в Мехико-сити на неопределенный срок из-за ограничений моей мексиканской визы, которая была выдана только на 15 дней. Я не мог рисковать и продлевать эту визу, так как мне пришлось бы использовать свое настоящее имя, и поэтому я вернулся в США.

Я и Марина Николаевна в настоящее время проживаем в Далласе, Техас.

ФБР заинтересовалось моей деятельностью в прогрессивной организации Комитет за справедливую политику в отношении Кубы, секретарем которой я был в Новом Орлеане (штат Луизиана). Теперь я уже в этом штате не живу.

ФБР посетило нас здесь, в Техасе. 1 ноября агент ФБР Джеймс П. Хасти (Освальд неправильно написал фамилию Хости) предупредил меня, что если я попытаюсь заняться деятельностью в рамках FPCC здесь в Техасе, то ФБР снова мной “заинтересуется”. Этот агент также предложил, чтобы моя жена “осталась в США под защитой ФБР”, то есть она может отречься от Советского Союза.

Естественно, я и моя жена решительно отвергли эту тактику со стороны пресловутого ФБР.

Я вообще не планировал контактировать с советским посольством в Мехико-сити и конечно они меня не ждали. Если бы я смог достичь Гаваны как планировалось, то советское посольство там имело бы достаточно времени, чтобы оказать мне содействие. Но здесь виноват глупый кубинский консул, и я счастлив, что после его заменили».

Рут не знала, что потом Освальд добавил в письмо еще одну фразу: «Пожалуйста, сообщите нам о выдаче советских въездных виз, как только вы их получите».

Зачем же помешанный на секретности Освальд отправил письмо такого содержания в посольство СССР в Вашингтоне? По всей видимости, визит Хости заставил его задуматься. Ведь он считал, что действует по заданиям ЦРУ и ФБР при посредничестве Банистера и Феррье. А тут выяснялось, что агент ФБР спрашивает о его адресе и работе. Зачем? Ведь они и так должны все это знать. Заметим здесь, что Феррье скорее всего говорил Освальду, что тот работает по засекреченной программе ФБР «Cointelpro». Начало ФБР эту программу в августе 1956 года и ее задачей первоначально было «дискредитировать» компартию США, в том числе и преследуя прогрессивные некоммунистические организации.

То есть, и это важно подчеркнуть, это была деятельность не только по наблюдению, но и подрыву вредных с точки зрения правительства США политических и общественных организаций. Методы здесь были следующие. Неугодных общественных деятелей компрометировали в глазах родственников, друзей или работодателей с помощью сфабрикованного компромата. Вскрывалась почта подозрительных лиц и организаций в том числе и путем банального взлома офисов. И наконец, агенты ФБР внедрялись в организации и компрометировали их своей деятельностью. Дело доходило до того, что во время протестов против войны во Вьетнаме агенты ФБР подстрекали студентов нападать на полицейские участки.

«Cointelpro» была строго засекречена, потому что она противоречила американскому законодательству. Соответственно сотрудники региональных отделений ФБР, работавшие по этой программе, часто докладывали не своему непосредственному начальству, а напрямую Гуверу или его помощникам. Одной из главных мишеней «Cointelpro» в 1963 году был FPCC, и деятельность Освальда в Новом Орлеане просто блестяще укладывалась в методы «Cointelpro».

Против Американского союза за гражданские свободы Гувер лично работал еще с 20-х годов. Например, когда он в 1924 году узнал, что федеральный судья Бенджамин Бледсоу собирается выступить на мероприятии ACLU в Калифорнии, он заставил судью отказаться от приглашения.

Таким образом, Освальд не понимал, почему Хости мешает его строго засекреченной деятельности по внедрению в правые и левые организации Далласа. Именно поэтому он и оставил свое письмо в посольстве на виду. Расчет был на то, что испуганная Рут сообщит в ФБР, те свяжутся со штаб-квартирой в Вашингтоне (которая курировала как «Cointelpro», так и советское посольство), и офису в Далласе дадут команду оставить Освальда в покое. Чтобы Рут не колебалась, Освальд напичкал письмо выдуманными, но ужасными с точки зрения обывателя подробностями о том, что он якобы использовал псевдоним для поездки в Мексику и хотел в Гаване ждать советской визы.

Расчет Освальда почти полностью оправдался, но только почти. Рут, естественно, скопировала письмо и, по ее собственным показаниям, сделанным после покушения на Кеннеди, немедленно собиралась отнести письмо в ФБР. Но дальше произошли вещи, в которые трудно поверить. Якобы она показала письмо Майклу, а тот по рассеянности принял обращение «Уважаемые господа» (Dear Sirs) за «Дорогая Лиза» (Dear Lisa)

и решил, что Рут дошла до того, что читает личные письма Освальда. Но она все же заставила его прочитать письмо до конца, и Майкл только сказал, что Освальд лжец и хвастун. Как бы то ни было, Рут письмо в ФБР не отнесла и ее оправдания на этот счет выглядят абсолютно несерьезно.

Но вот если предположить, что она, как и Мореншильд, наблюдала за Освальдом по заданию ЦРУ, то все становится на свои места. ЦРУ пока не хотело поднимать шум вокруг Освальда. Ведь он еще не выполнил своей главной роли: дать желанный предлог для убийства Кастро, которое Кубела обещал осуществить буквально в ближайшие недели. Если бы ФБР узнало, что Освальд встречался в советском посольстве в Мехико с «Костиным» (было легко установить, что это известный американской контрразведке офицер КГБ Костиков) и к тому же был в кубинском посольстве с целью поездки на Кубу, то Освальда немедленно бы поставили под постоянное наблюдение. Как мы помним, ЦРУ скрыло от коллег из ФБР именно эти два ключевых момента в своих сообщениях о поездке Освальда в Мехико.

Кстати, после убийства Кеннеди агент Хости именно так и объяснял то обстоятельство, что он не уделял делу Освальда особого внимания (у него, мол, помимо Освальда было еще около 40 других объектов, которые он вел). Но данные о контактах Освальда с Костиковым, конечно, всё бы изменили, утверждал Хости. Но и сам Хости сотворил такое, что нельзя себе представить в славящемся своей строгой дисциплиной ФБР.

Перед покушением, скорее всего 12 ноября (в тот же самый день, когда Освальд отправил письмо в советское посольство), Ли зашел в далласское отделение ФБР, находившееся неподалеку от его места работы. Он хотел видеть агента Хости. Секретарша в приемной ответила, что тот на обеде. Тогда посетитель, состояние которого позднее она описывала как крайне возбужденное, оставил для Хости белый конверт с запиской. Что было в этой записке, точно неизвестно до сих пор. ФБР скрыло от комиссии Уоррена сам факт ее существования и о записке стало известно только в 1975 году.

Упомянутая выше секретарша утверждала, что в записке Освальд угрожал взорвать ФБР и штаб-квартиру далласской полиции, если его не оставят в покое. Хости, наоборот, говорил, что Освальд требовал оставить его жену в покое и все сведения о нем получать у него самого. В противном случае он грозил доложить о незаконных действиях Хости. Хости, которому секретарша передала записку, якобы даже сначала не понял, от кого она, так как подписи не было (а вот секретарша утверждала, что письмо было подписано). Он просто положил записку в стол и забыл о

ней. А 24 ноября, когда Джек Руби застрелил Освальда, Хости вызвал к себе начальник регионального отделения ФБР в Далласе Шанклин и потребовал уничтожить записку. Мол, Освальд мертв, и суда над ним не будет. Причем Хости пришлось разорвать записку прямо на глазах у Шанклина (потом он смыл клочки бумаги в унитаз). Ни у кого из исследователей нет ни малейших сомнений, что Шанклин не мог пойти на уничтожение улик по делу об убийстве президента США без санкции директора ФБР Гувера.

Сам Шанклин, когда история с запиской всплыла, сначала вообще утверждал, что ничего о ней не знал. Однако когда факт существования этого документа подтвердили около десятка сотрудников далласского офиса ФБР, он признался, что приказал Хости уничтожить записку. Причина банальная: далласский офис ФБР не хотел подставляться под критику, что не придавал Освальду достаточно серьезного внимания и тем самым дал ему возможность осуществить покушение.

Но если содержание записки было настолько невинным, то в интересах ФБР было бы напротив предъявить ее комиссии Уоррена. Ведь из нее следовало, что ФБР как раз следило за Освальдом, наводя о нем справки. Странно выглядит утверждение Хости, что записка была без подписи (именно поэтому он, дескать, даже не понял, от кого она). У Освальда не было никакой необходимости скрывать свою фамилию. Тем более если он сам предлагал ФБР задать ему (а не жене) все интересующие вопросы.

Скорее всего, Хости просто ввел общественность в заблуждение. В записке Освальд, видимо, сообщал, что он работает по внедрению в правоэкстремистские и кубинские эмигрантские круги и что об этом можно навести справки. Не исключено, что почуявший неладное Освальд даже информировал о заговоре правых (которых он как агент ФБР вел) с целью покушения на Кеннеди. В любом случае и этот сигнал Освальда остался без внимания.

Хости, как и всех агентов ФБР, так или иначе связанных с Освальдом, после покушения на Кеннеди наказали, отправив в заштатный Канзас, и оштрафовали вычетом из жалованья 1000 долларов. Однако после его показаний по записке 1000 долларов ему вернули.

Не надеясь на свои косвенные и прямые обращения в ФБР, Освальд написал полную тревоги записку своим кураторам из ЦРУ. Записка всплыла только в 1975 году, когда ее получил из Мексики исследователь покушения на Кеннеди Пенн Джонс. Таинственный автор сопроводительного письма, напечатанного на машинке и подписанного

P.S., сообщал, что уже отсылал эту записку Освальда директору ФБР, но реакции не было. Эксперты-графологи признали, что почерк на записке принадлежит Освальду. В записке, датированной 8 ноября 1963 года, говорилось:

«Уважаемый господин Хант!

Я хотел бы получить информацию относительно моего положения.

Я прошу только об информации. Я предлагаю, чтобы мы обсудили этот вопрос полностью, прежде чем я или кто-то другой предпримет любые шаги

С благодарностью Ли Харви Освальд».

Так как записку прислали из Мексики, можно предположить, что ее адресатом был сотрудник ЦРУ Говард Хант, курировавший тогда в разведке связи с кубинской эмиграцией. Во время визита Освальда в Мехико Хант также находился в мексиканской столице. Записка была написана Освальдом именно в тот день, когда он узнал о повторном визите Хости. Освальд не понимал, почему ФБР следит за ним, в то время как он выполняет ответственное секретное задание.

В любом случае попытки Освальда освободиться от опеки Феррье и Банистера и выйти на руководство ФБР или ЦРУ оказались безрезультатными.

14 ноября 1963 года Белый дом окончательно определился с местом в Далласе, где должен был состояться обед с участием президента. Выбор пал на здание «Трейд март» (торгово-промышленный центр). Сразу же после этого командированные в Даллас агенты Секретной службы вместе с далласской полицией приступили к разработке маршрута движения кортежа президента из аэропорта к «Трейд марту». 16 ноября далласские газеты сообщили о «Трейд марте» как месте обеда и о том, что кортеж президента проследует к торгово-промышленному центру по Мэйн-стрит. Те, кто ориентировался в Далласе, могли понять, что автомобиль с президентом проследует рядом с техасским складом школьных учебников. 18 ноября сотрудники Секретной службы вместе с далласской полицией проехали предполагаемым маршрутом и окончательно его утвердили.

Перед Далласом президент Кеннеди еще должен был посетить Майами, где к тому времени сконцентрировалось уже более сотни тысяч кубинских эмигрантов. В этой поездке были одинаково заинтересованы те представители администрации, которые поддерживали миссию Эттвуда, и те, кто хотел убить Кастро. Эттвуд рассчитывал, что речь президента в Майами, которую написал советник Кеннеди по национальной безопасности Банди (он был в курсе контактов Эттвуда и одобрял их), даст

понять Кастро, что Белый дом готов к нормализации американо-кубинских отношений. А Десмонд Фицжеральд, написавший всего один абзац из выступления Кеннеди, полагал, что этот абзац и будет заверением Кубеле о том, что Америка поддержит смещение Кастро путем переворота.

9 ноября начальнику разведки полиции Майами капитану Чарльзу Сэппу доставили пленку разговора, который осведомитель полиции провел с известным в Майами правым экстремистом Джозефом Милтиром. Милтир был активистом многих крайне правых организаций, в том числе так называемой Национальной партии прав штатов. В Новом Орлеане активистами этой партии были Ферре и Банистер. Партия активно поддерживала кубинских эмигрантов и была крайне враждебно настроена по отношению к Кеннеди. Разговор, который прослушал Сэпп, был крайне важным.

Осведомитель. Думаю, что Кеннеди приедет сюда 18-го примерно в это время, чтобы произнести речь…

Милтир. Вы можете поставить свой последний доллар, что он скажет много о кубинцах. Их здесь столько много.

Осведомитель. Ну да. Вокруг него будут тысячи телохранителей. Так что не волнуйтесь за него.

Милтир. Чем больше телохранителей, тем проще будет убить его.

Осведомитель. Но, черт, каким же, по-вашему, способом можно было бы легче всего достать его?

Милтир. Из офисного здания с мощной винтовкой… Он знает, что обречен…

Осведомитель. Они что, действительно попытаются его убить?

Милтир. Да. Это уже в процессе подготовки…

Осведомитель. Парень, если Кеннеди подстрелят, то мы должны представлять, что это будет для нас. Потому что будет настоящая встряска, если они это сделают.

Милтир. Да, они ни одного камня не оставят неперевернутым, уж будьте уверены. Они сразу же найдут кого-нибудь в течение нескольких часов после этого, если нечто подобное произойдет. Просто для того, чтобы успокоить общественность.

Сэпп немедленно сообщил о разговоре в ФБР и Секретную службу, особо отметив о покушении на Кеннеди «в процессе подготовки». Секретная служба проверила адрес Милтира, но допрашивать его почему-то не стала. Тем не мене в последнюю минуту вся программа пребывания Кеннеди в Майами была изменена. Вместо планировавшегося автомобильного кортежа президент передвигался по городу на вертолете.

Сотрудникам Секретной службы в Далласе сигнал Сэппа по непонятным причинам передан не был. 22 ноября Милтир звонил осведомителю по телефону. Он находился в Далласе.

О чем же Кеннеди говорил в Майами? Ключевой для нашей книги пассаж в его выступлении был следующим.

«…Подлинная кубинская революция, так как она была против тирании и коррупции прошлого, пользовалась поддержкой многих, чьи цели и концепции были демократическими. Но эта надежда на свободу и прогресс была разрушена. Цели, провозглашенные в горах Сьерра-Маэстра, были преданы в Гаване. Важно еще раз подчеркнуть, что сейчас отделяет Кубу от моей страны и других стран полушария. Это тот факт, что небольшая группа заговорщиков лишила кубинский народ свободы и отдала независимость и суверенитет кубинской нации в руки сил за пределами (Западного) полушария. Они сделали Кубу жертвой иностранного империализма, инструментом политики других, оружием в усилиях, диктуемых внешними силами, по подрыву американских республик. Это, и только это разделяет нас. Без этого все возможно… Как только кубинский суверенитет будет восстановлен, мы протянем руку дружбы и помощи…»

Кастро мог почерпнуть из речи Кеннеди то же самое послание, которое ему готовился передать французский журналист Даниэль: порвите с Москвой и мы нормализуем отношения с вами. А вот далласские газеты увидели в речи президента именно тот момент, который внес туда Фицжеральд как сигнал Кубеле. 19 ноября далласская «Таймс геральд» писала, что президент практически посоветовал кубинскому народу свергнуть коммунистический режим Кастро и обещал американскую помощь, если это произойдет. Заголовок в газете гласил: «Кеннеди практически призывает к перевороту на Кубе». Именно такой сигнал и должен был получить Кубела от президента и его брата.

А ЦРУ лихорадочно пыталось добыть доказательства подрывной деятельности Кубы против стран Латинской Америки. 19 ноября высокопоставленный сотрудник ЦРУ Ричард Хелмс (позднее он возглавит разведку) принес министру юстиции Роберту Кеннеди винтовку, якобы изъятую из обнаруженного ЦРУ на побережье Венесуэлы склада кубинского оружия. «Вы говорили мне, что причиной, по которой президент не давит на Кастро более агрессивно, являлось отсутствие четких доказательств. Вот они», — сказал Хелмс. Роберт сразу направил Хелмса к брату. Президент внимательно осмотрел винтовку: «Прекрасная работа. Приготовьте для меня всю информацию, когда я вернусь из поездки (в Техас). Думаю, что теперь ему (то есть Кастро) не

вывернуться».

15 ноября в пятницу Ли как обычно позвонил Марине и попросил разрешения приехать на выходные. Но Марина чувствовала ухудшение отношения Рут к ее мужу (она связывала это с тем обстоятельством, что на прошлых выходных Ли провел в доме Рут не два, а три дня) и поэтому предложила, чтобы эти выходные Ли не досаждал Пэйнам своим присутствием. К тому же Рут и Майкл собирались отпраздновать день рождения дочери. Ли особенно не возражал. В эти выходные он попытался еще раз получить разрешение на вождение автомобиля в качестве ученика, но была большая очередь, и он снова не смог этого сделать. Несмотря на неудачу, Ли похоже был в очень хорошем настроении и рассказывал, что сидел на скамейке в парке, где они с Мариной гуляли еще весной. Жена тоже старалась быть заботливой. Она поинтересовалась, хорошо ли питается супруг. Ли похвалился, что всего за 1,25 доллара смог съесть в закусочной стейк, картошку фри, салат и десерт.

Квартирная хозяйка потом вспоминала, что все выходные Ли провел в своей комнате, только выходил сдать белье в прачечную. Однако хозяйка подчеркнула, что не знает, уходил ли Освальд из дома после того, как она ложилась спать. Комната Ли находилась на первом этаже и он в принципе спокойно мог покидать ее и через окно.

А в те выходные далласские газеты сообщали не только о предстоящем визите Кеннеди в город. Они уделяли много внимания аресту в СССР по обвинениям в шпионаже американского профессора Фредерика Баргхорна. Кеннеди решительно встал на его защиту, и профессор был освобожден. Ли рассказал Марине об этой истории по телефону. Он расценивал все, что произошло с Баргхорном, как провокацию русских.

17 ноября в воскресенье Ли почему-то не позвонил, и Рут предложила, чтобы они сами набрали его номер. Однако на другом конце провода сказали, что никакого Ли Харви Освальда там нет. Это было действительно так: ни Рут, ни Марина не знали, что Ли снял комнату под псевдонимом. На следующий день Ли сам позвонил Марине и та спросила, где он был вчера. Ли был рассержен, что Рут ему звонила, и объяснил, что из-за преследований ФБР вынужден пользоваться псевдонимом. Это в свою очередь разозлило Марину, которая считала все эти игры с псевдонимом никому не нужным ребячеством. Вечером Ли позвонил снова, и супруги окончательно рассорились. Ведь Освальд просил Марину ни больше ни меньше, как вычеркнуть из записной книжки Рут его телефон. Марина отказалась, Ли стал с ней ругаться, и она повесила трубку.

Ни 19, ни 20 ноября Освальд жене не звонил. Марину это не слишком

удивило: она считала, что Ли наказывает ее своим невниманием. А именно 19 ноября в ведущих далласских газетах был опубликован маршрут движения кортежа президента Кеннеди по городу. Он проходил мимо здания техасского склада школьных учебников.

20 ноября один из сотрудников компании по производству школьных учебников Уоррен Кастер (офис компании был в здании склада) с гордостью продемонстрировал коллегам (среди них был и Освальд) две винтовки, которые он хотел подарить на рождество своему сыну. Одна из них была марки «маузер». Запомним это обстоятельство.

21 ноября, в четверг, Ли, изменив привычке, завтракал не дома, а в ресторане Доббса напротив дома, где жил. Причем вел он себя очень шумно, жалуясь, что яйца ему сварили не так, как он заказывал. В этом же ресторане иногда завтракал и один из далласских полицейских Типпит. Потом одна из официанток вспоминала, что видела их в ресторане в одно и то же время, но не помнит, чтобы они общались. Скорее всего, именно 21 ноября (по другим данным, 20 ноября) Типпиту показали Освальда, а тот сделал все, чтобы полицейский его хорошо запомнил. Ведь им предстояло встретиться уже на другой день.

В тот же день, придя на работу, Ли попросил соседа Пэйнов Фрейзера отвезти его вечером к Рут. Ему, мол, надо забрать карнизы для штор, которые он хотел повесить в своей комнате. Фрейзер с удовольствием согласился. Странно, что Ли против обыкновения не позвонил Марине, чтобы спросить разрешения Рут приехать. Тем более что по будним дням он жену не навещал.

Марина была поражена, когда Ли неожиданно пришел в четверг вечером. Он объяснил, что ему одиноко и он хочет повидать «своих девочек». Ли отчаянно пытался помириться с женой. Хватит жить врозь. Он немедленно снимет квартиру (тем более что средства на это уже есть) и они наконец заживут счастливо. Он купит жене стиральную машину, чтобы она не утруждала стиркой свои руки. Но Марина была не намерена так просто прощать своего мужа. Она уходила от его поцелуев и твердила, что пока она поживет у Рут.

Когда Рут приехала домой, она, как и Марина, подумала, что Ли приехал мириться. Зная, что Освальд интересуется политикой, Рут сказала: «Наш президент приезжает в город». «Ах да», — без всякого интереса отреагировал Ли. Кеннеди, а особенно Жаклин были кумирами Марины. Она вместе со всей Америкой переживала, когда в августе сразу после родов умер сын президентской четы Патрик. Вот и сейчас она хотела пойти посмотреть на президентский кортеж. Но Ли, которого Марина спросила,

где можно увидеть президента, ответил, что не знает.

В целом же этот вечер был обычным. Марина не заметила, что муж пребывает в каком-то нервном напряжении. После ужина он посмотрел по телевизору фильм о Второй мировой войне и осведомился, надо ли помочь на кухне. Но Марина продолжала дуться на мужа: наконец-то она могла показать, что не зависит от него.

А Рут с неудовольствием заметила, что в гараже горит свет и переставлены некоторые вещи. Наверное, Ли приходил, чтобы забрать теплую одежду. В тот день Освальд рано лег спать. Но когда Марина присоединилась к нему, она заметила, что Ли не спит, он был явно не в духе.

Обычно Освальд просыпался еще до того, как звенел будильник. Но в пятницу 22 ноября 1963 года будильник его не разбудил. Пришлось это сделать Марине. Ли спросил, купила ли себе Марина туфли, которые ей понравились. Узнав, что нет, он сказал, что оставит ей деньги на это. Вставать не надо, завтрак он приготовит сам (эти слова Марину удивили, так как она любила поспать и Ли почти всегда и так готовил себе и ей завтрак).

Когда Ли ушел на работу, Марина обнаружила, что он оставил ей поистине царскую сумму — 170 долларов! Но не только это. Ли Харви Освальд впервые снял и оставил у Рут для жены свое обручальное кольцо.

Глава седьмая.
Кошмар на улице Вязов

Яков Рубенштейн родился в Чикаго в 1911 году в набожной еврейской семье, скорее всего, 25 марта. До 1915 года в Чикаго не вели официального реестра рождений, поэтому есть шесть различных дат появления на свет этого человека. Яков был пятым из восьми детей. В основном он воспитывался на улице, где быстро научился отстаивать свои интересы кулаками. Примером для подражания здесь был его отец Иосиф, который пил и поколачивал свою жену. Она жаловалась на мужа в полицию и того несколько раз арестовывали.

В школе Яков с трудом заводил друзей и частенько предпочитал занятиям улицу. В результате дальше шестого класса мальчик так и не продвинулся. Мать пыталась образумить своего уличного ребенка рукоприкладством, а в 11 лет показала Якова психиатру. Тот обнаружил вспыльчивый характер и коэффициент умственного развития 94 (чуть ниже среднего уровня и гораздо ниже, чем у Освальда). В 1923 году специальный суд по делам несовершеннолетних постановил, что Яков и его два младших брата лишены надлежащего родительского воспитания и их на 18 месяцев поместили в детский дом. Но пребывание там не изменило образ жизни Якова, которого за вспыльчивый нрав и постоянную готовность к драке прозвали «Спарки» («кипучий»). Как и его сверстники, Яков подворовывал на улицах, его арестовывали, но ему всякий раз удавалось избежать тюрьмы.

Толком он нигде не работал, перебиваясь случайными заработками типа продажи билетов на ипподроме или работы вышибалой в танцзале. В 1937 году Рубенштейн стал в Чикаго профсоюзным организатором. Будучи секретарем местного отделения профсоюза мусорщиков, Яков был тесно связан с организованной преступностью, которая и держала в руках все профсоюзы Чикаго. Новых членов в профсоюз Яков иногда вербовал с помощью пистолета. Его босс был не лучше: он просто убил своего предшественника. (Рубенштейна тоже допрашивали по этому делу.) Профсоюзом Якова в Чикаго руководил некий Пол Дорфман, которого Роберт Кеннеди считал одним из самых опасных представителей организованной преступности.

Во время войны Джек Руби (так Яков Рубенштейн стал называть себя

со временем, а в 1947 году официально принял это имя) служил в ВВС. Он отсиживался в тылу и прославился игрой в карты и торговлей всякой мелочью. Руби очень трепетно относился к своей национальности и при малейшей попытке окружающих сказать что-то против евреев сразу пускал в ход кулаки. Когда сержант как-то назвал его «еврейским ублюдком», Руби избил его до полусмерти. Как и Освальд, Руби дослужился только до рядового первого класса.

После войны он опять пытался торговать всякой всячиной — от штопоров до соли. Но не преуспел и в 1947 году переехал вслед за сестрой Евой в Даллас, где вскоре на одолженные ему братьями деньги открыл ночной клуб. Джек считал Даллас «дырой» и частенько повторял друзьям: «Зачем они меня сюда сослали? Не могли послать во Флориду?» Комиссия сенатора Кефовера по изучению организованной преступности еще в 50-е годы пришла к выводу, что Руби был членом мафии, которого чикагская «семья» направила в Даллас, чтобы представлять там ее интересы.

Действительно, вскоре Руби уже имел репутацию человека, у которого все «схвачено» в далласских правоохранительных органах. Судьи, полицейские и прокуроры, как правило, пользовались услугами его ночного клуба бесплатно. ФБР уже после покушения на Кеннеди признало, что хотело завербовать Руби в качестве осведомителя. Но после 9 бесед с ним якобы отказалось от этого, так как предоставленная Джеком информация не была полезной. Все эксперты сходятся во мнении, что ФБР никогда не стало бы встречаться с бесполезным человеком девять раз. По всей видимости, Руби все же информировал ФБР, особенно по вопросам борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Например, глава далласской наркомафии Пол Джонс (тоже приехавший из Чикаго) регулярно общался с Руби вплоть до 22 ноября 1963 года. Он вспоминал потом, что Джека ему рекомендовали еще в Чикаго представители тамошней «семьи». Кстати, группа самого Джонса по контрабанде наркотиков из Мексики была ликвидирована ФБР, скорее всего, с помощью Руби.

В 50-е годы Руби участвует в нелегальных поставках оружия для партизан Фиделя Кастро. Тогда мафия надеялась, что Кастро ничем не отличается от продажных латиноамериканских диктаторов и после прихода к власти сохранит игорный бизнес и наркотрафик в руках «Коза ностры». Но Кастро прикрыл все злачные места и посадил в лагерь под Гаваной босса американской мафии в Гаване, известного нам Сантоса Трафиканте. В августе 1959 года Руби несколько раз летает на Кубу из Нового Орлеана (кстати, там его приметил не кто иной, как Уильям Годет, получавший вместе с Освальдом визу в Мексику). Руби навещает Сантоса

Трафиканте в лагере и вскоре того освобождают. Скорее всего, Руби служил курьером по перевозке «выкупа»», в обмен на который Кастро разрешил Трафиканте покинуть Кубу.

Уже сидя в тюрьме после убийства Освальда, Руби как-то, будучи сильно взволнованным, пробормотал: «…Теперь они все разузнают про Кубу, разузнают про оружие, разузнают про Новый Орлеан, разузнают про все».

К 1963 году дела у Руби, который владел в Далласе двумя ночными клубами, шли неважно. Американская налоговая служба насчитала ему 21 тысячу долларов долгов, и Руби подумывал о продаже бизнеса. Только перед самым приездом в город Джона Кеннеди у него неожиданно появилось 7000 долларов и Руби явно воспрянул духом.

Скорее всего, еще занимаясь контрабандой оружия на Кубу, Руби познакомился в Новом Орлеане с Феррье, который занимался тем же самым. Во всяком случае, одна из служащих соседнего с ночным клубом Руби увеселительного заведения вспоминала, что Феррье настолько часто бывал у Руби, что она даже приняла его за менеджера. К тому же Руби, как и Феррье, был гомосексуалистом (он жил в квартире вместе с мужчиной). Есть свидетели, которые утверждают, что Освальд (которого, скорее всего, свел с Руби Феррье) состоял с Джеком в интимной связи. Так как Руби, как и Банистер, и Феррье, работал на ФБР, именно он, скорее всего, и был неофициальным контактером Освальда в Далласе. Руби знал Типпита, а один из помощников Джека походил внешне на Освальда, и именно его опознал как «Освальда» один из свидетелей на стрельбище.

Комиссия Уоррена не смогла обнаружить фактов знакомства Освальда с Руби. Она же не смогла выявить никаких связей Джека Руби с организованной преступностью (Комитет конгресса по покушениям сделал это с легкостью десятью годами позже). Однако не кто иной, как генерал Уокер еще в 1964 году с военной прямотой утверждал: «Рубенштейн знал Освальда, Освальд знал Рубенштейна». Мадлен Браун (как утверждают, любовница вице-президента США Джонсона) в 1963 году работала в одной из рекламных компаний Далласа. Служащие этой фирмы частенько заглядывали в ночной клуб «Карусель», принадлежавший Руби. Весной 1963 года они обсуждали в клубе покушение на генерала Уокера, гадая, кто же мог стрелять в лидера ультраправых. Неожиданно Джек Руби уверенно сказал, что это сделал Ли Освальд. Браун записала эту фамилию, которую никогда раньше не слышала. Кстати, с декабря 1962 по март 1963 года Руби регулярно бывал в доме Уокера. Он боготворил генерала, говоря, что тот «на 100 процентов прав».

После покушения на Кеннеди один из таксистов Далласа вспомнил, что отвозил Феррье и Освальда в ночной клуб Руби (Феррье утверждал, что никогда в Далласе не был) в начале 1963 года. Кстати, и сам Руби говорил, что в 1963 году не был в Новом Орлеане, а между тем он там появлялся примерно в июне.

В ночном клубе Руби «Карусель» работал «маг и чародей» Уильям Кроу. Увидев после 22 ноября 1963 года в газетах фотографию Освальда, он вспомнил, что тот участвовал в его трюке за неделю до покушения.

Певица в баре «Колони клаб» Биверли Оливер рассказывала, что как-то в «Карусели» Руби представил ей своего друга Ли Освальда из ЦРУ (Оливер видела в «Карусели» и Феррье, о чем уже упоминалось выше). Видела Освальда в «Карусели» и тамошняя танцовщица Джада.

Таким образом, весьма вероятно, что Ли знал Руби через Феррье еще весной 1963 года, когда совершил покушение на Уокера. Теперь Уокер, Феррье, кубинские эмигранты и мафия готовили из Освальда убийцу президента.

Заметим, что в отличие от Освальда Руби как раз был склонен к насилию. Он постоянно носил с собой пистолет и часто угрожал им не понравившимся ему посетителям прямо в ночном клубе. Один раз он гнался за человеком, который ему чем-то не угодил, по улице, стреляя в него из пистолета. Как и раньше, Джек охотно и по малейшему поводу пускал в ход кулаки.

Руби и Типпит, видимо, должны были вывезти Освальда из Далласа и убрать его. Сам же Освальд был горд тем, что разоблачает заговор правых против президента. Ведь, как он думал, ФБР полностью в курсе дела.

Джон Кеннеди в Техас ехать не хотел. Он в шутку предлагал министру финансов Диллону, собиравшемуся в Японию, поменяться местами. Вообще, почти весь кабинет Кеннеди 22 ноября был за пределами США. Многие министры вместе с Диллоном отправились в Японию, где готовили визит туда президента, намеченный на 1964 год. В Вашингтоне «на хозяйстве» оставался верный Роберт. После визита в Майами у президента разболелась спина, и он умолял своих помощников найти какой-нибудь предлог, чтобы отложить поездку в Техас, тем более что поездка эта должна была завершиться отдыхом на ранчо Джонсона, а с ним у президента были связаны неприятные воспоминания. Сразу после президентских выборов 1960 года Джонсон пригласил Кеннеди к себе на ранчо поохотиться. Избранный президент получил мощную винтовку, и Джонсон почти заставил его убить красивого оленя. Кеннеди на дух не переносил такой кровавый спорт. Он говорил: «Это имело бы смысл, если

бы у оленя тоже была винтовка». Джонсон требовал, чтобы Кеннеди поставил голову убитого оленя в своем кабинете, от чего президент отказался. Через три года он и сам окажется в таком же положении, что и олень, которого он очень хотел пожалеть, но убил, чтобы не обижать своего вице-президента.

На поездке в Техас особенно настаивал Джонсон. Он хотел показать местным демократам, что во внутрипартийной борьбе между ним и Ярборо Кеннеди стоит именно на его, Джонсона, стороне. Склоки в стане демократов умело использовали республиканцы. В 1962 году член республиканской партии впервые за почти сто лет был избран в сенат от Техаса. Необходимо было срочно восстановить дисциплину среди демократов. Кеннеди возмущало, что техасец Джонсон ему в этом нисколько не помогает. 20 ноября он жаловался Роберту (который только что побывал на премьере фильма «Этот безумный, безумный мир»), что «сукин сын» Джонсон ничего не делает, чтобы сгладить противоречия в стане техасских демократов.

Для Кеннеди поездка в Техас была началом кампании по его переизбранию. Хотя президентские выборы ожидались только через год, было самое время «окучивать» ключевые штаты, где позиции президента не казались очень уж прочными. В 1960 году Кеннеди выиграл в Техасе с небольшим отрывом. Но тогда это произошло благодаря «фактору Джонсона». Теперь же Кеннеди подумывал о том, чтобы избавиться от своего вице, и хотел завоевать симпатии техасцев самостоятельно. Впервые после смерти сына Патрика в августе в поездке президента сопровождала первая леди. Джон уговаривал Жаклин поехать вместе с ним, понимая, что она способна добавить ему избирательских симпатий.

Впервые Кеннеди заговорил о поездке в Техас летом 1962 года. Через год он вновь вспомнил об этом.

20 ноября президент просмотрел подготовленный помощниками проект его речи в Далласе. В тексте содержалась полемика с теми, кто не понял духа шестидесятых и для кого стремление к миру является только знаком слабости. А ведь тех, кто так думал, в Далласе было подавляющее большинство.

В самолете по пути в Техас 21 ноября Кеннеди по-прежнему брюзжал на своих помощников, которые оставляют его и Джеки на техасском ранчо Джонсона, портя все выходные. В этот же день в Хьюстоне (там Кеннеди естественно говорил об американской космической программе) президент не выдержал и в гостинице прямо обвинил Джонсона в том, что тот развалил партийную организацию демократов в Техасе. Вице-президент

вылетел из номера своего босса, напряженный «как пистолет». Джон сказал взволнованной стычкой супруге, что у Джонсона проблемы, и он просто неспособен говорить правду.

Первые встречи 21 ноября в Сан-Антонио и Хьюстоне очень обрадовали Кеннеди: он не ожидал от консервативно настроенных техасцев столь теплого приема.

Утром 22 ноября 1963 года, когда президент вышел из своего отеля в Форт-Уорте, его восторженно приветствовали около четырех тысяч человек, собравшихся перед гостиницей несмотря на моросивший дождь. «Где Джеки? (так звали в народе Жаклин Кеннеди)», — кричали техасцы. «Миссис Кеннеди приводит себя в порядок, — пошутил президент в ответ, — это занимает время. Но когда она закончит, то будет выглядеть лучше, чем все мы».

В выступлении за завтраком президент ответил на обвинения своих правых критиков в «слабости» тем, что заявил о намерении укреплять национальную оборону. В то время основной задачей США было догнать СССР в области освоения космического пространства. Президент с гордостью заявил: «В декабре, в следующем месяце Соединенные Штаты запустят самую большую ракету-носитель, что позволит нам впервые в истории обогнать в этой области Советский Союз… В 1962 и в первые шесть месяцев 1963 года экономика Соединенных Штатов росла не только быстрее, чем экономика практически любой западной страны, но даже быстрее, чем экономика Советского Союза». Да, 40 лет назад для Америки это было большим достижением.

После завтрака ему принесли далласскую газету «Даллас морнинг ньюс». На целой странице в черной рамке там содержались обвинения в адрес Кеннеди, сформулированные в виде двенадцати риторических вопросов. Один из них естественно касался Кубы: «Почему вы говорите, что мы построили “стену свободы”, хотя на самом деле на Кубе сегодня нет никакой свободы? Из-за вашей политики тысячи кубинцев сидят в тюрьмах, страдают от голода и подвергаются преследованиям — включая тысячи уже казненных и тысячи ожидающих подобной участи, и к тому же все население Кубы, почти 7 000 000 живет в рабстве?» О Кубе был и еще один вопрос: «Почему вы отказались от доктрины Монро в пользу “духа Москвы”?» Подразумевалось, что вместо использования доктрины Монро 1822 года, согласно которой США рассматривали всю Латинскую Америку как зону своих исключительных интересов, Кеннеди терпит «вмешательство» СССР в кубинские дела.

Один из вопросов выглядел так, как будто его написало само ЦРУ:

«Почему вы с помощью ЦРУ убиваете верных друзей Америки за рубежом, в то время как Кастро живет и здравствует?» Имелось в виду недавнее убийство с помощью американцев южновьетнамского диктатора Дьема.

Объявление в газете проплатил техасский миллионер Хант (после покушения на Кеннеди он несколько месяцев скрывался в Мексике), а сами вопросы сформулировали генерал Уокер и его помощники. Формально вопросы были подписаны вымышленным Американским комитетом за объективные факты. Уокер и его подручные не представляли, что именно в этот день, 22 ноября, представитель ЦРУ Десмонд Фицджералд еще раз встретился в Париже на конспиративной квартире ЦРУ с Кубелой и окончательно дал тому «зеленый свет» на убийство Кастро. А сам Кастро 22 ноября готовился принять в Гаване эмиссара Кеннеди французского журналиста Даниэля.

Объявление в газете натолкнуло Кеннеди на грустные мысли. «Ты знаешь, мы сегодня посетим страну ненормальных», — сказал он Жаклин. Своему помощнику О'Доннелу президент заметил: «Любой над толпой с винтовкой может сделать это», — и красноречиво «выстрелил» указательным пальцем.

Наверное, Кеннеди расстроился еще больше, если бы узнал, что в Далласе расклеены листовки, на которых президент «разыскивался» за измену родине.

А Джонсон уже заготовил шутку для своего выступления в столице Техаса — Остине, куда из Далласа должен был отправиться президент. Намекая на инцидент с Эдлаем Стивенсоном месяцем раньше, вице-президент хотел открыть свой спич словами: «Господин президент, слава богу, что вы смогли вырваться из Далласа живым!».

В этот же день, 22 ноября, далласские газеты освещали визит в город бывшего вице-президента США и соперника Кеннеди на президентских выборах 1960 года Ричарда Никсона. Никсон был в Далласе по делам компании «Пепси-кола», интересы которой лоббировал (именно Никсон, уже будучи президентом, добьется для «Пепси» монопольного положения на рынке Советского Союза). Никсон сообщил репортерам, что, по его мнению, Кеннеди пойдет на следующие выборы уже с другим вице-президентом. Заметим, что, по данным ФБР, Джек Руби работал на предвыборный штаб конгрессмена Никсона в 1947 году. Никсон, по его словам, был уже в самолете, летевшем из Далласа в Вашингтон, когда узнал об убийстве президента.

В этот же день в ФБР позвонил лидер республиканцев в Хьюстоне

Джордж Буш. Он сообщил, что один из праворадикальных членов республиканской партии в Хьюстоне, студент, угрожал убить Кеннеди. Потом уже выяснилось, что студент этот высказывал угрозу в запале спора и несколько месяцев тому назад. Да и Кеннеди к тому времени уже покинул Хьюстон. Похоже, что Буш просто создавал себе зачем-то косвенное алиби. К тому же будущий директор ЦРУ и 41-й президент США был, пожалуй, единственным американским политиком, кто долго не мог вспомнить, где он был 22 ноября 1963 года. Как мы помним, телефон и адрес Буша-старшего нашли в записной книжке самого близкого друга Освальда барона Мореншильда.

В 11.40 утра 22 ноября президентский самолет приземлился в аэропорту Далласа Лав Филд (полет из Форт-Уорта занял не более 15 минут), где Кеннеди тоже встречали приветливо. Президент сел в приготовленный для него голубой «линкольн» (символическая марка, если вспомнить, что президента США Авраама Линкольна убил в театре агент только что потерпевших поражение в гражданской войне южан). Верх у машины решили снять, так как в Далласе была солнечная и теплая погода. Президент вместе с Жаклин сели на заднее сиденье, перед ними на откидных местах расположились губернатор Техаса Коннэли с супругой. Шофер и его сосед на переднем месте были сотрудниками Секретной службы. Вслед за машиной Кеннеди следовал автомобиль с личной охраной. Всего в кортеже было 15 машин и его сопровождали полицейские на мотоциклах.

В этот же день примерно в 7.15 утра сестра Фрейзера увидела, что к их дому идет Освальд с продолговатым пакетом из коричневой бумаги. Она кликнула брата. Обычно Фрейзер сам подъезжал к дому Рут Пэйн, чтобы забрать Освальда после проведенных с семьей выходных. Фрейзер поинтересовался, что в пакете, и Ли опять сказал ему про карнизы. Да, да, вспомнил Фрейзер, ты же говорил мне о них вчера. Потом ФБР обнаружила в пакете, найденном на шестом этаже склада школьных учебников, микроскопические частицы одеяла, в которое, как предполагают, была завернута винтовка Освальда. Размер пакета позволял поместить туда винтовку «Маннлихер-Каркано» в разобранном виде.

Правда, сестра Фрейзера утверждала, что Освальд нес пакет под мышкой, поддерживая его снизу рукой. Если там была его разобранная винтовка, то это было физически невозможно. Никто не видел, как Освальд входил в задание склада с пакетом.

В этот день Освальд, как показывают очевидцы, изменил своей привычке и не стал читать в комнате отдыха вчерашние газеты. Примерно

в 10 утра Освальд спросил у одного из сослуживцев, почему на площади Дили-плаза, на углу которой располагался склад (адрес самого склада был 411 Элм-стрит, то есть в переводе на русский улица Вязов), собираются люди. Тот ответил, что кортеж президента, как ожидается, проследует через площадь прямо под окнами склада. «Понятно», — ответил Освальд. Почти никто не помнит, что конкретно делал Освальд в то утро. Но в его обязанности, как всегда, входила подготовка заказов, и он возился с книгами в основном на шестом этаже.

На шестом этаже в этот день рабочие настилали новый деревянный пол, и один из них видел Освальда там примерно в 11.40. Следует отметить, что на шестом этаже не было каких-то перегородок. Это было открытое пространство, где стояли коробки с книгами. Через пять минут рабочие спустились на лифте на первый этаж: у них наступал обед. Но один из них, Чарльз Гивенс, забыл сигареты, и ему пришлось вернуться. Освальд, по его словам, все еще был на шестом этаже и находился поблизости от углового окна, из которого, по официальной версии, стреляли в президента.

Больше никто Ли Харви Освальда на шестом этаже не видел. Один из служащих ел свой ланч на шестом этаже сразу после двенадцати. Он тоже никого не заметил. Этому свидетелю вполне можно верить: остатки его ланча (куриные косточки) были обнаружены полицией на шестом этаже (следователи сначала пытались приписать этот ланч самому Освальду).

Зато Освальда видели в то роковое утро в другом месте, и он был не один. Примерно в 11.00 23-летняя Джулия Мерсер ехала на работу в Форт-Уорт мимо склада школьных учебников. Сразу за туннелем под железнодорожными путями (туннель примыкал к «травяному холму», о котором речь пойдет ниже) она увидела стоявший на ее полосе движения зеленый «пикап». За рулем его сидел коренастый круглолицый мужчина. Другой, помоложе и потоньше, выносил из машины пакет, в котором без труда угадывались очертания винтовки. Мерсер решила, что это сотрудники Секретной службы.

По пути на работу она остановилась в закусочной и сказала одному из полицейских: «А эта Секретная служба не такая уж и секретная!» Потом в дороге полицейские догнали ее, сообщили, что президент ранен, и допросили. Позднее Мерсер без труда опознала в водителе грузовика Руби, а в его попутчике — Освальда. Однако ФБР почему-то исказило ее показания: мол, Освальда Мерсер якобы не упоминала вовсе.

Другой свидетель видел примерно в 9.30 — 10 часов утра трех людей прямо над туннелем. Двое из них держали в руках винтовки. Свидетель дал

показания ФБР после покушения, но ФБР почему-то их не зафиксировало.

Железнодорожный служащий Ли Бауэрс в тот день, как обычно на протяжении последних десяти лет, нес службу в небольшой башенке, из которой неплохо просматривались окрестности, в том числе и примыкавшая в «травяному холму» парковка. Ли хорошо знал в лицо всех железнодорожных служащих и помнил машины, которые обычно стояли на парковке. Примерно в 12.15 на парковку заехал черный «форд» 1957 года выпуска, водитель которого, похоже, говорил с кем-то по рации. За забором внимательно смотрели на Элм-стрит какие-то два человека.

Один из военнослужащих, находившихся в отпуске, Гордон Арнольд хотел в тот день сделать фотографии кортежа прямо с железнодорожных путей над туннелем. Но когда он туда направился, его остановил вооруженный человек в костюме и сказал, что туда нельзя. Арнольд оказался не робкого десятка и попросил незнакомца представиться. Человек показал ему жетон сотрудника Секретной службы, и дисциплинированный военный беспрекословно повиновался. Двое полицейских тоже видели в районе «травяного холма» сотрудников Секретной службы.

Во всех этих свидетельствах странно одно обстоятельство: ни один из 28 сотрудников Секретной службы, обеспечивавших в Далласе визит президента, не находился до покушения на Дили-плаза.

В 12.15 прямо перед зданием склада учебников упал и забился в припадке какой-то человек. Полиция вызвала «скорую помощь», и его отвезли в Парклендский госпиталь. В суматохе после покушения этот человек спокойно ушел оттуда домой, и его личность была установлена ФБР только в мае 1964 года. Джерри Белкнеп действительно страдал эпилепсией и он знал Джека Руби. Возможно, весь инцидент был искусственно создан для отвлечения внимания полиции. Незадолго до прибытия президентского кортежа одна из женщин на площади увидела человека с длинным пакетом в районе уже упоминавшегося «травяного холма» (небольшая возвышенность с деревянным забором рядом со складом школьных учебников в направлении движения президентского кортежа). Потом она не сомневалась, что этим человеком был Джек Руби.

Кортеж президента должен был проследовать мимо склада школьных учебников примерно в 12.25, но выбился из графика на пять минут. Прямо перед складом машинам пришлось делать резкий левый поворот и их скорость была гораздо меньше, чем положенная по стандартам безопасности Секретной службы (правила Секретной службы запрещали поворот круче чем 90 градусов, а перед складом кортеж повернул на целых

120 градусов). Почему так произошло, до сих пор Секретная служба внятно не разъяснила.

В 12.15 одна из сотрудниц склада Кэролайн Арнольд видела Освальда на втором этаже в комнате отдыха. Освальд, как обычно, сидел один и ел свой обед. Арнольд уверена, что это было именно за 15 минут до выстрелов и что она видела именно Освальда (правда, сразу же после покушения во время допроса ФБР Арнольд не казалась столь уверенной). Хотя Освальд работал на складе недавно, Арнольд он примелькался, так как периодически просил у нее разменять мелочь для автомата с напитками.

Примерно в это же время как минимум три свидетеля видели в угловом окне шестого этажа склада двух мужчин с винтовкой (одного из них описывали как мексиканца). Это не вызвало особого подозрения, так как все подумали, что это сотрудники Секретной службы. Из соседнего здания тюрьмы многие заключенные также видели двух мужчин с винтовкой с оптическим прицелом. ФБР сочло их показаниями ложными. В это же время на пятом этаже склада почти точно под угловым окном стояли трое рабочих-негров, которые примерно в 12.30 услышали прямо над головой выстрел, а чуть позже еще два. Они утверждали, что им на голову посыпалась известка с потолка, и они даже слышали звук падавших гильз.

Почти все свидетели вспоминали, что звук первого выстрела был резче, чем двух последующих.

Примерно в 12.30 кортеж президента свернул на улицу Вязов. Жаклин было жарко в розовом шерстяном костюме, и она не без удовольствия увидела впереди небольшой туннель под железной дорогой («там будет прохладнее»). На Дили-плаза было уже немного народа в сравнении с центральными улицами города, по которым кортеж проследовал ранее. Жена губернатора Техаса повернулась к президентской чете и с гордостью за земляков сказала: «Господин президент, вы не можете сказать, что Даллас не любит вас». Кеннеди ответил: «Нет, конечно, не могу». Это были последние слова 35-го президента Соединенных Штатов.

Сразу же раздался первый выстрел, который многие приняли за звук мотоциклетного двигателя. Пуля прошла мимо. Зато вторая (впоследствии названная «волшебной») пробила сзади спину президента, вышла через горло, вошла в спину сидевшего перед ним Коннэли и, прошив того насквозь (причем было разрушено одно из ребер), пробила руку и ногу. Именно поэтому многие полагают, что одна пуля таких ран сделать не могла. Кстати, так считал и сам Коннэли, опытный охотник.

Увидев на своей рубашке кровь, Коннэли закричал: «Бог мой, они убьют нас всех!» Жаклин непонимающим взглядом смотрела на раненого мужа. Водитель, поняв, что за его спиной творится что-то неладное, притормозил, и машина практически остановилась (в момент выстрелов она следовала со скоростью около 11 миль в час, то есть примерно 16 — 17 километров в час).

И в этот момент почти сразу за вторым выстрелом раздался третий, который снес президенту часть черепа. Эта рана уже была несовместимой с жизнью. Все три выстрела прозвучали примерно за пять с половиной секунд. Уже это обстоятельство говорит о том, что стрелял профессионал или профессионалы.

Жаклин, костюм которой был забрызган кровью и мозгом мужа, полезла назад, на багажник машины, чтобы подобрать часть черепа президента. Из следовавшей за «линкольном» машины охраны выскочил сотрудник Секретной службы Клинт Хилл и силой затолкал ее обратно на сиденье.

На площади воцарился хаос. Никто толком не понял, откуда прозвучали выстрелы. Но большинство свидетелей считали, что с «травяного холма», из-за примыкавшего к нему забора. Уже упоминавшийся выше Арнольд стоял как раз на этом холме. Пуля, летевшая сзади (из-за забора на вершине холма), просвистела рядом с его левым ухом. Он, как и учили в армии, сгруппировался и приник к земле. Этот момент ясно видел находившийся в кортеже сенатор Ярборо, который еще подумал, что у человека хорошая военная выучка. Семь свидетелей видели пороховой дым, поднимавшийся из-за забора на вершине «травяного холма».

Меньшая часть полагала, что стреляли из здания склада школьных учебников. Не было единства и относительно количества выстрелов. Многие слышали их больше чем три. Некоторые свидетели ощущали запах пороховой гари, что довольно проблематично, если предположить, что стреляли с шестого этажа склада школьных учебников.

Всего из 266 допрошенных свидетелей покушения 32 были убеждены, что стреляли из склада школьных учебников (сзади и слева от «линкольна» Кеннеди), а 51 (включая двух сотрудников Секретной службы и нескольких полицейских) столь же твердо был уверен, что выстрелы раздались с «травяного холма», то есть спереди и с чуть слева от машины президента.

Сразу после покушения полиция арестовала на Дили-плаза как минимум 12 человек. Но их всех отпустили, даже не установив личность

(или скрыв полученные данные). Например, в железнодорожном вагоне за складом учебников были обнаружены трое «бродяг». Судя по фотографиям, «бродяги» неплохо одеты, коротко пострижены, а их обувь начищена. Кем были эти люди, неизвестно до сих пор.

Один из полицейских мотоциклетного конвоя Мэррион Бейкер, услышав выстрелы, подумал, что стреляли откуда-то сверху. Увидев сорвавшихся с крыши здания склада школьных учебников птиц, он немедленно подлетел на мотоцикле к складу и ворвался внутрь. Оба лифта не работали, кто-то заблокировал их на одном из верхних этажей. Бейкер заорал на подбежавшего начальника склада Трули: «Спустите лифт!». Но лифт не повиновался, и Трули с Бейкером побежали наверх по лестнице. На втором этаже они увидели Освальда, спокойно покупавшего в автомате кока-колу (из последующих показаний Бейкера напиток исчез). Бейкер наставил на Освальда пистолет. Но Освальд был абсолютно спокоен и не выглядел запыхавшимся. А ведь Бейкер видел его всего спустя полторы минуты после последнего выстрела (комиссия Уоррена утверждала, что с шестого этажа на второй можно было спуститься за минуту и шестнадцать секунд). Получалось, что террорист с рекордной скоростью спрятал винтовку, сбежал с шестого этажа на второй, купил в автомате кока-колу и ничуть не сбил дыхание. Если бы Освальд был без кока-колы в руках, то это еще было возможно теоретически. А вот на покупку напитка времени не хватало в любом случае. Поэтому злосчастная кока-кола и исчезла из последующих показаний. В промежуток не более трех минут после выстрелов Освальда видели на втором этаже еще три свидетеля.

Именно поэтому, как представляется, Бейкер и не задержал его. Ведь он спешил наверх, где еще мог находиться убийца. Полицейский лишь спросил у Трули, является ли этот человек сотрудником склада, и, услышав утвердительный ответ, побежал на верхние этажи. Кстати, сразу же после выстрелов одна из сотрудниц склада спускалась с четвертого этажа на первый. Освальда она не видела.

Освальд тем временем спокойно покинул здание склада через основной передний выход (он выходил прямо на Дили-плаза). Задним выходом, где было гораздо меньше прохожих, он не воспользовался. При этом из комнаты отдыха на втором этаже было быстрее добраться именно до заднего выхода. Надо подчеркнуть, что не только Освальд вышел на улицу из здания склада. Также поступили и многие другие сотрудники, движимые естественным любопытством: они хотели узнать, что же случилось с президентом.

Свидетелей того, как и когда Освальд покидал здание склада, нет. Но

комиссия Уоррена решила, что это произошло примерно в 12.33. Сам Освальд на допросе говорил, что сразу после того, как он вышел из здания, он показал одному из сотрудников Секретной службы, где поблизости находится телефон. Это сочли чистой воды обманом, но потом один журналист вспомнил, что действительно справлялся у Освальда относительно ближайшего телефона. Видимо, Освальд ошибочно принял его за агента Секретной службы.

А кортеж тем временем набрал скорость, и президента повезли прямо в Парклендский госпиталь.

Примерно через десять минут после покушения здание склада школьных учебников было оцеплено полицией и там стали проводить перекличку сотрудников.

Освальд тем временем якобы безуспешно искал на Дили-плаза автобус, на котором он мог бы попасть домой. Но на площади все еще царил хаос, и он прошел несколько кварталов, пока не сел на автобус, который следовал в обратном направлении, мимо склада школьных учебников. Эта версия комиссии Уоррена. Никаких свидетелей, видевших, как Освальд искал автобус, не нашлось.

Зато заместитель шерифа Роджер Крэйг видел нечто другое. В тот день его и многих его сослуживцев в гражданском направили на улицу, по которой должен был следовать кортеж, но сказали не принимать участия в обеспечении его безопасности. Многие сотрудники были недовольны, так как считали, что их заставляют приветствовать Кеннеди. А полицейские, судя по разговорам, которые слышал Крэйг, президента очень не любили. Они упрекали его в предательстве высадки в заливе Свиней, а также возмущались тем, что он католик. После выстрелов примерно в 12.40 Крэйг увидел белого мужчину, бегущего от склада школьных учебников по направлению к «пикапу» светло-зеленого цвета марки «Рэмблер». Мужчина сел в эту машину, за рулем которой находился коренастый белый. Крэйг из-за сильной пробки на площади не смог поймать машину и догнать «пикап».

Узнав позднее, что в полицейском управлении находится задержанный подозреваемый, Крэйг немедленно прибыл туда и опознал в лице Ли Харви Освальда того человека, который садился в «пикап». Правда, допрашивавший Освальда капитан Фритц отрицает, что Крэйг видел задержанного. Но потом всплыла фотография, на которой Крэйг находится в офисе Фритца. Так как два человека в «пикапе» были единственными, кто явно пытался скрыться с Дили-плаза, Крэйг изложил все увиденное им в рапорте. В показаниях комиссии Уоррена Крэйг

сообщил, что на допросе он прямо спросил Освальда насчет «пикапа». Тот ответил, что машина принадлежит миссис Пэйн. «Не пытайтесь втянуть ее в это. Она не имеет к этому никакого отношения». В 1967 году Крэйга уволили из полиции. А 15 мая 1975 года 39-летний Крэйг был найден мертвым: его жизнь оборвала выпущенная из винтовки пуля. Официальный вердикт гласил, что бывший полицейский покончил жизнь самоубийством.

Скорее всего, в «пикап» Рут Пэйн садился не Освальд, а его двойник, с которым мы еще встретимся в этот роковой день 22 ноября. Пока же двойник создал иллюзию поспешного бегства Освальда с места преступления.

Настоящий же Освальд действительно ехал на автобусе, о чем говорит найденный у него при задержании билет. Поведение для убийцы более чем странное. Ведь в автобусе его могли увидеть и задержать. И действительно, его попутчицей оказалась не кто иная, как бывшая квартирная хозяйка Освальда патриотка миссис Бледсоу (та, которая выгнала его из комнаты за то, что он говорил по телефону на иностранном языке, и не вернула ему два доллара). Конечно, в ее показаниях Освальд «выглядел как маньяк».

Когда автобус снова попал на Дили-плаза, движение остановилось. Водитель сообщил пассажирам, что стреляли в президента. Прокурор Далласа Уэйд на пресс-конференции уверял, что, услышав это, Освальд засмеялся. Потом выяснилось, что эти сведения абсолютно ложные: улыбался другой пассажир, молодой парень и не в этой связи.

Бледсоу рассказывала, что Освальд был грязный, с незаправленной рубашкой и «ужасным» выражением лица. Ничего такого пятью минутами раньше не заметил полицейский Бейкер. Запомним, что рубашка у Освальда была коричневая (Бледсоу утверждала, что на ней были оторваны все пуговицы и разорван рукав).

Пробив билет, с тем чтобы использовать его на другом маршруте, Освальд вышел из автобуса (сразу после этого в автобус ворвались двое полицейских, запретивших пассажирам выходить до проверки их личности) и на автобусной станции первый раз в жизни решил взять такси. Причем когда к водителю подошла пожилая женщина, Освальд был готов уступить ей машину, но в последний момент та решила, что поищет свободное такси. В 12.48 Ли сел в машину (водитель потом с уверенностью вспомнил его) и сказал шоферу отвезти его по адресу: 500 Норт Бекли, что было в нескольких сотнях метров от его квартиры. По дороге водитель непонимающе вопрошал, что же творится с движением. Пассажир отмалчивался. Освальд покинул такси в 12.54 в районе 700 Норт Бекли, что

было в пяти минутах ходьбы от квартиры, где он жил.

Примерно около часа дня квартирная хозяйка увидела, как Освальд быстро вошел в дом. «О, вы торопитесь», — сказала она. Ответа не последовало. Примерно в это же время прямо перед домом остановилась патрульная полицейская машина, которая просигналила два раза и уехала. Квартирная хозяйка успела запомнить номер — 107. Эти цифры были на патрульной машине полицейского Типпита (ее номер был 10, машин с похожими номерами в полиции Далласа не было), которого его друг диспетчер патрульной службы почему-то направил в район Оук Клифф, где жили Освальд и Руби. Сразу же после сигнала Освальд, одетый, несмотря на теплую погоду, в серую куртку на «молнии», выбежал из дома. Под курткой у него был револьвер 38-го калибра, купленный еще в начале 1963 года на псевдоним «Хиделл».

В 12.45 полиция передала по радио пока еще слишком общие приметы возможного убийцы президента: «неизвестный белый мужчина, примерно тридцати лет, неплотного телосложения, рост 5 футов 10 дюймов, вес 165 фунтов, который, как сообщается, вооружен, по всей видимости, винтовкой 30-го калибра». Это было явно описание Освальда, но до сих пор непонятно, каким образом полиция решила, что именно человек такой внешности стрелял в президента. Возможно, описание было составлено по показаниям свидетелей, видевших на шестом этаже мужчину с винтовкой. Мужчина этот был одет в белую (или светлую) рубашку.

В час дня 22 ноября президент Кеннеди скончался в Парклендском госпитале. Его тело готовили к срочной транспортировке в Вашингтон, где должно было состояться официальное вскрытие. Примерно в это же время начальник службы безопасности госпиталя передал сотруднику Секретной службы, стоящему на посту перед комнатой, где находилось тело президента, пулю. Он предполагал, что эта пуля находилась на носилках, на которых в госпиталь принесли тяжело раненного губернатора Техаса Коннэли. Но точно так и никто не смог сказать, на каких именно носилках эту пулю обнаружили. А ведь это и была та самая «волшебная» пуля, которая стала основным столпом версии убийцы-одиночки. Ведь если предположить, что Коннэли и президента поразили разные пули, то следует признать, что стрелял не один человек. Пуля эта почти не была деформирована, несмотря на то, что прошила двух человек, у одного из которых раскрошила ребро. Заметим также, что в коридорах Парклендского госпиталя в то время толклись совершенно посторонние люди, и одним из них был Джек Руби (он заговорил со знакомым репортером).

Примерно в то самое время, когда католический священник провожал президента в иной, лучший мир, Освальда видели на автобусной остановке, а уже через 6 — 10 минут он был почти в миле от своей квартиры. Как он смог покрыть такое расстояние пешком, остается загадкой. Свидетели видели, как около Освальда остановилась патрульная машина, и он через окно о чем-то говорил с полицейским. Тот вышел, и Освальд хладнокровно всадил в него четыре пули из пистолета, убив патрульного Типпита на месте. Правда, свидетели расходятся в описании внешности убийцы. Некоторые видели коренастого человека, похожего на мексиканца лет 35. Другие видели этого «мексиканца» и Освальда вместе. Третьи утверждали, что убийца был в длинном черном пальто (некоторые свидетели показывали, что человек с винтовкой на шестом этаже склада школьных учебников также был одет в темно-коричневое или черное пальто).

Один свидетель видел, как убийца сделал контрольный выстрел в голову уже лежавшего на мостовой Типпита.

Убийство полицейского Типпита является ключом к разгадке покушения на президента США. Сторонники версии убийцы-одиночки утверждают, что Освальд убил ничего не подозревавшего Типпита, чтобы избежать ареста по обвинению в покушении на президента. Зачем, мол, Освальду убивать патрульного, если он ни в чем не был виноват? На первый взгляд придраться к подобной логике практически невозможно. Но именно на первый взгляд.

Сразу же после убийства полиция объявила в розыск «шевроле» 1957 года выпуска (такая же машина была припаркована возле дома Уокера на сделанной Освальдом фотографии и у этой же машины потом кто-то вырезал на фотографии номер).

Первоначально полиция сделала вывод, что Типпита убили из автоматического пистолета. Но револьвер Освальда не был автоматическим. Найденные потом неподалеку четыре гильзы были почему-то от разных производителей. Один из полицейских по фамилии По, который обнаружил гильзы, согласно сложившейся практике пометил их своими инициалами. Но когда те фигурировали в качестве вещественного доказательства, инициалов По на них не было. Зато было много других пометок, сделанных другими полицейскими.

Но дальше с доказательствами вины Освальда было еще сложнее. Две найденные рядом с местом убийства гильзы были произведены компанией «Ремингтон-Питерс», а еще две — фирмой «Винчестер-Вестерн». Однако из тела Типпита было извлечено три пули «Винчестер-Вестерн» и только одна марки «Ремингтон-Питерс». Причем одну пулю полиция

предоставила ФБР сразу после убийства, а остальные — только через несколько месяцев.

Это несоответствие поставило комиссию Уоррена в тупик, из которого она так и не выбралась. То возникала версия, что Освальд сам мастерил патроны из различных пуль и гильз. Но сделать это без специального оборудования и навыков просто невозможно. Да и зачем, если патроны к револьверу в Техасе можно было купить практически на каждом углу и за бесценок? Говорили, что выстрелов было больше, просто, дескать, Освальд промахнулся и не все пули нашли. Как можно промахнуться, стреляя в упор, это большая загадка. Но даже если нашли не все пули, то получается, что, убегая с места преступления, Освальд куда-то спрятал и лишние гильзы. А вот четыре почему-то бросил на видном месте.

Наконец, револьвер Освальда был особенным. Помимо укороченного ствола он был переделан под патроны специального 38-го калибра (чуть большие по диаметру, чем стандартные). Если стрелять такими патронами, то гильзы чуть деформируются в середине. Найденные на месте убийства гильзы никаких следов деформации не имеют. Они явно от нормального револьвера 38-го калибра, а не от того, что нашли у Освальда при аресте.

Основным свидетелем убийства полицейского для комиссии Уоррена была некая Хелен Маркман, которая как раз спешила на свой обычный автобус в 13.15, чтобы попасть на работу. Достаточно просто почитать показания этой женщины, чтобы оценить ее надежность как свидетеля. Она несколько раз сказала, что не смогла в полиции опознать Освальда, но потом утверждала, что ее неправильно поняли. Она же, по собственным словам, несколько раз падала в обморок в момент убийства. Наконец, она же двадцать минут беседовала с раненым Типпитом, пока не приехала машина «скорой помощи». А Типпит, между прочим, умер мгновенно. Но комиссия Уоррена просто не обращала внимания на показания, которые не укладывались в уже сформировавшуюся версию. В частности, та же Маркман говорила, что полицейского застрелили примерно в 13.05 — 13.07. Но в это комиссия уже не поверила: Освальд даже бегом не смог бы к этому времени добраться до места своего преступления из дома, где его видела квартирная хозяйка.

С теми свидетелями, которые утверждали, что убийцей полицейского был не Освальд, происходили неприятные вещи. Один из них, некто Рейнольдс, «вспомнил» Освальда после того, как кто-то выстрелил ему в голову и он чудом выжил.

Наконец в первых сводках полиции после убийства Типпита говорилось, что убийца двигался в западном направлении, то есть

навстречу патрульной машине и по направлению к своей собственной квартире, которую он якобы только что покинул. Комиссия Уоррена, понимая некоторую абсурдность такого сценария, поменяла западное направление на восточное. Теперь Типпит на машине «догнал» убегавшего из своей квартиры Освальда и все встало на свои места.

Что же представлял собой сотрудник далласской полиции Типпит и что он делал 22 ноября и чуть раньше? Родился Типпит 18 сентября 1924 года. В годы Второй мировой войны служил в 17-й воздушно-десантной дивизии, потом пробовал свои силы как фермер, но с июля 1952 года был сотрудником далласской полиции. Его не повышали, но и не наказывали. В 1956 году Типпиту была объявлена благодарность за обезоруживание опасного преступника.

Полицейский Типпит подрабатывал охранником в одной закусочной, владелец которой был активным членом Общества Джона Берча (он, правда, клялся, что о политике с Типпитом никогда не говорил). В ноябре 1963 года Типпит был на грани развода с женой (у него было трое детей), так как его любовница, замужняя официантка упоминавшейся выше закусочной, якобы ждала от него ребенка (впоследствии она говорила, что ребенок был от мужа). Ребенок у нее действительно родился через семь месяцев после смерти Типпита. Летом 1963 года официантка вновь сошлась с мужем, но тот продолжал следить за женой, так как подозревал, что она по-прежнему встречается с Типпитом.

Скорее всего, в ноябре официантка сообщила любовнику, что уже два месяца как беременна. Типпит стал задумываться о разводе (в противном случае его немедленно бы выгнали из полиции, если бы женщина пожаловалась начальству), но для этого ему потребовались бы деньги, и немалые: надо было ведь платить алименты на трех детей. Наверное, их и предложили ему заговорщики. Задачей Типпита было доставить агента ЦРУ (или ФБР) Освальда на встречу с Руби.

20 ноября Типпит завтракал в ресторане Доббса, где как раз скандалил Освальд по поводу неправильно сваренных для него яиц. 21 ноября Типпит и Руби вечером встречались с неким техасским нефтяным магнатом (скорее всего, это был Нельсон Банкер Хант, сын упоминавшегося на страницах этой книги миллионера, который ненавидел Кеннеди даже больше, чем отец). Когда следователь комиссии Уоррена задал вопрос Руби, правда ли, что накануне убийства он встречался с Типпитом и неким техасским нефтяным богачом, Руби только спросил: «С каким богачом?» Следователь почему-то сразу перешел на другую тему.

22 ноября Типпит должен был, как обычно, патрулировать свой

участок, в который район Оук Клифф никак не входил. Утром того дня он сказал своему старшему сыну Аллену перед уходом на работу: «Что бы сегодня ни случилось, я хочу, чтобы ты знал, что я тебя люблю». Далласская полиция потом долго не могла объяснить, почему после покушения, когда все патрульные машины были стянуты к Дили-плаза, Типпит оказался в тихом районе Оук Клифф — в нескольких милях от места преступления, зато рядом с квартирами Освальда и Руби. Первоначально полиция предоставила комиссии Уоррена запись только тех радиопереговоров 22 ноября, которые касались Кеннеди и Типпита. Но там ничего насчет заданий Типпиту в районе Оук Клифф не было. И только спустя несколько месяцев полиция нашла пленку с приказом диспетчера (близкого друга Типпита) ему и другому полицейскому, Нельсону, выдвинуться в Оук Клифф. Причины такого распоряжения диспетчер так и не смог объяснить. Причем Нельсон почему-то ослушался и был на Дили-плаза (комиссия Уоррена, естественно, забыла его допросить). Ни Типпит, ни Нельсон, судя по пленке, не подтвердили получения этого приказа. Скорее всего, такого приказа просто не было.

На самом деле примерно в 12.45 Типпита видели в течение 10 минут сидящим в машине рядом с мостом, по которому шло автомобильное движение из центра города. Именно через этот виадук и двигался в это самое время на такси Ли Харви Освальд. Потом возбужденного Типпита видели в магазине неподалеку, где он безуспешно пытался до кого-то дозвониться из автомата (явно не до своих коллег из полиции, с которыми у него была радиосвязь). Последним местом, где видели машину Типпита, были окрестности дома Освальда. Где Типпит был 8 — 10 минут, предшествовавших его смерти, до сих пор неизвестно.

Скорее всего, услышав по рации о том, что покушение на Кеннеди было вовсе не инсценировкой (как ему, видимо, сказали заговорщики), Типпит заподозрил неладное. Тем более что через пару минут уже передали и сообщение о том, что Кеннеди скончался. Типпит пытался выяснить у кого-то, в чем же дело, и после этого проследовал к дому Освальда. Тот, похоже, и сам был в шоке и попросил Типпита отвезти его на условленное с Руби место встречи в кинотеатр. Когда же Типпит ехал оттуда, чтобы, видимо, найти Руби, двойник Освальда хладнокровно убил ненужного свидетеля, а заодно и создал против самого Освальда новые улики. На место преступления были подброшены заранее заготовленные гильзы 38-го калибра. Заметим, что баллистики ФБР так и не смогли подтвердить, что пули, якобы найденные в теле Типпита, были выпущены из револьвера Освальда.

Перед тем как двинуться дальше, заметим, что убивший Типпита «Освальд» был одет в белую футболку или рубашку с короткими рукавами. Но ведь, по данным квартирной хозяйки, он вышел из дома в серой куртке на «молнии». Тогда полиция немедленно предъявила серую куртку, которую убийца якобы бросил, убегая с места преступления. На куртке была этикетка «произведено в Калифорнии». Освальд последний раз был в Калифорнии в 1959 году, а компания утверждала, что продавала такие куртки только на Тихоокеанском побережье в США и через один магазин в Филадельфии (там Освальд вообще никогда не бывал). Марина показала, что у ее мужа было только две куртки — плотная синяя (ее «нашли» на складе школьных учебников через несколько дней после того, как тело ее владельца уже было предано земле) и легкая серая. Вот только Марина утверждала, что обе куртки Ли купил в Советском Союзе. Весьма правдоподобно, если учесть, что единственный костюм Освальд тоже приобрел там (в США денег на такие покупки у него не было).

На найденной рядом с местом убийства Типпита куртке обнаружили номер химчистки «В-9738». Марина вообще не помнила, чтобы Ли когда-нибудь сдавал свою куртку в чистку. ФБР проверило около 900 прачечных и химчисток не только в Далласе, но и в Новом Орлеане. Нигде такого номера не было.

Чтобы у полиции не было вообще никаких сомнений, убийца обронил возле машины Типпита кошелек, в котором нашли водительские права на имя Ли Харви Освальда (никаких прав реальный Освальд не имел).

Сам Освальд в те роковые минуты после покушения на президента, похоже, понял, что его подставили. Ведь несмотря на то что он предупреждал о заговоре, президента как минимум ранили. Да и Типпит говорил ему, что Кеннеди умер. Теперь же и Типпит, и Освальд не сомневались, что их использовали в качестве козлов отпущения. Только Типпита эти сомнения угнетали недолго.

А Освальд (пока не догадываясь о судьбе Типпита) именно поэтому стал искать людные места, где его не смогли убрать. Он пользовался автобусом и потом предложил свое такси другому пассажиру. Когда он сразу после начала сеанса в 13.00 вошел в кинотеатр (мы увидим, что этому есть подтверждение), один из зрителей обратил внимание, что, несмотря на практически пустой зал, Освальд подсел сначала к нему, а потом устроился рядом с беременной женщиной. Та потом вышла в туалет, и ее личность так и не была установлена.

Заговорщики тем временем понимали, что, раз Освальд смог уйти со склада, прямых улик против него в связи с покушением на президента нет

(так оно и оказалось). Теперь же на нем «висело» убийство полицейского, что гарантировало электрический стул. Заодно замолчал и Типпит, который мог бы рассказать немало интересного о Феррье, Руби, генерале Уокере и их связях.

Убийство полицейского наблюдали несколько человек, и, когда убийца скрылся, один из них в 13.16 по рации Типпита вызвал полицию. Через шесть минут полиция уже передавала во все свои подразделения описание предполагаемого убийцы Типпита: «белый мужчина, примерно тридцати лет, ростом 5 футов 8 дюймов, черноволосый, неплотного телосложения, одет в белую куртку, белую рубашку и черные брюки».

Двадцатью минутами позже примерно в шести домах от места убийства полицейского менеджер обувного магазина Джонни Брюэр услышал по радио, что недалеко от его магазина был убит полицейский. Рядом зазвучали сирены патрульных машин, и Брюэр заметил, как в магазин заскочил мужчина, повернувшийся спиной к улице. Дождавшись, когда машины удалятся, он выбежал на улицу. Брюэр побежал за незнакомцем и увидел, как тот проскользнул без билета в находившийся рядом кинотеатр. Брюэр сообщил об этом кассиру, тот вызвал полицию, и примерно в 13.45 по тревоге к кинотеатру направилось сразу несколько машин.

Полицейские вошли в зал, где был зажжен свет, и Брюэр показал подозрительного мужчину во втором ряду (это официальная версия событий; сам Брюэр утверждал, что никого полиции не показывал). Это был Освальд. Когда к нему приблизился полисмен, Ли сказал: «Теперь все кончено» и поднял руки. Затем неожиданно он ударил полицейского в лицо кулаком и попытался вытащить пистолет, но был сразу же обезоружен. По некоторым данным, Освальд даже успел нажать на спусковой крючок, но пистолет дал осечку. Его стали бить. Но Освальд лишь крикнул, что не оказывает при аресте сопротивления. Видимо, он боялся, что его ликвидируют при попытке к бегству.

Брюэр рассказал комиссии Уоррена, что когда Освальд боролся с полицейскими, один из них крикнул: «Ты убил президента, не так ли?» Но в то время никто не мог официально знать, что Освальда подозревают в покушении на Кеннеди. Формально полицейские арестовывали лишь убийцу своего коллеги Типпита. Скорее всего, наводку полиции дал Джек Руби, на встречу с которым в кинотеатр и шел пораженный убийством Кеннеди Освальд. Именно поэтому он сначала и оказал сопротивление: видимо, думал, что его прикончат так же, как и президента часом ранее. Зато потом он кричал, что не сопротивляется аресту, чтобы полицейские не

могли застрелить его и свалить все дело на случайности рукопашной схватки. Когда Освальда вели по фойе, он громко протестовал против произвола полиции.

В тот день на начинавшийся ровно в час киносеанс пришло 10 — 15 зрителей (в зале было 900 мест). Комиссия Уоррена почему-то допросила только двоих из них. Джордж Эпплин рассказал, что, когда в зал ворвались вооруженные полицейские, он сказал сидящему рядом с ним человеку: «Дружище, тебе бы лучше уйти. Здесь оружие». Но тот продолжал сидеть как ни в чем не бывало. В 1979 году Эпплин сообщил, что этим человеком был Джек Руби. Сразу после покушения он, Эпплин, боялся сказать об этом, памятуя печальную судьбу многих разговорчивых свидетелей.

Служащий кинотеатра Бэрроуз подтвердил, что кто-то проскользнул в зал без билета примерно в 13.35. Но это был не Освальд. Освальд, по данным Берроуза, зашел в кинотеатр сразу после начала сеанса и не скрывался. Примерно в 13.15 человек, позже арестованный полицией, покупал у него попкорн. Еще один зритель подтвердил, что Освальд находился в кинозале практически с момента начала фильма. Весьма вероятно, что в зал без билета действительно проскользнул убийца Типпита. А вот Освальда, который там ждал контакта с Руби, кто-то заранее «заложил» полиции. Весьма вероятно, что это был сам Руби.

Если посмотреть на зач кинотеатра, то для проскользнувшего без билета зрителя было бы логично укрыться не в партере (где сидел Освальд), а на балконе. Там и видели человека, который прошел без билета. В первых сводках полиции об аресте говорилось, что подозреваемого задержали именно на балконе кинотеатра. Вот только подозреваемый (настоящий Освальд) был одет в коричневую, а не в белую рубашку.

Между тем один из свидетелей наблюдал, как полиция выводила какого-то человека не из центрального входа в кинотеатр, а из заднего. Причем тот задержанный был как раз в белой рубашке.

Один из участников ареста Освальда лейтенант Каннингхэм утверждал, что он допрашивал какого-то молодого человека, сидевшего на ступеньках балкона. Но тут «менеджер» кинотеатра показал ему подозреваемого и того задержали. Но ни «менеджера», ни молодого человека впоследствии обнаружить так и не удалось.

Сразу после 14.00 некто Уайт увидел человека в белой рубашке с короткими рукавами, который сидел в красной автомашине «форд фалькон» 1961 года выпуска с заведенным двигателем неподалеку от кинотеатра, откуда к тому времени уже увезли Освальда. Когда Уайт

подошел к машине, водитель повернулся и посмотрел на него, а потом сразу же уехал. Увидев позднее Освальда по телевизору, Уайт узнал в нем водителя «форда». ФБР сказало обратившемуся к ним Уайту, что в то время реальный Освальд был уже под арестом в полицейском управлении Далласа. Но Уайт прошел полицейскую подготовку и записал номер подозрительной автомашины. Номер проверили и выяснили, что он принадлежит совсем другой машине: синему «Плимуту» 1957 года выпуска. «Плимут» же был зарегистрирован на некоего Карла Мэтера, близкого друга Типпита. Мэтера в 70-е годы допросил Специальный комитет конгресса по покушениям, но материал допроса остается засекреченным. Причем Мэтер соглашался говорить только в обмен на иммунитет от уголовного преследования.

В этот же день 22 ноября полиция обнаружила на небольшом аэродроме под Далласом самолет с работающим двигателем, который якобы должен был отвезти трех человек в Мексику.

Между тем в 12.43 машина президента прибыла в Парклендский госпиталь, который в Далласе был единственным специально оборудованным для всякого рода экстренных ситуаций. Там постоянно дежурили квалифицированные врачи. Кеннеди еще дышал, хотя и нерегулярно. Ему сделали массаж сердца и трахеотомию (отверстие в горле), чтобы облегчить дыхательный процесс. Но лучшие врачи были бессильны и, как уже отмечалось выше, в 13.00 Кеннеди скончался. В операционной рядом спасали Коннэли, который на короткое время пришел в сознание. Его ранение было тяжелым, но не смертельным.

Носилки на колесиках, с которых сняли Коннэли, поставили рядом с лифтом. Там же стояли еще одни, с которых недавно сняли маленького ребенка, порезавшегося осколками бутылки. Служащий госпиталя Томлисон нашел «волшебную» пулю именно на этих носилках, хотя во время допроса в комиссии Уоррена его пытались сбить с толку и убедить, что пулю он мог подобрать только с носилок Коннэли. Кто-то, кто подбросил пулю, положил ее именно на носилки ребенка, так как на них лежали окровавленные бинты, и заговорщики решили, что именно эти носилки так или иначе связаны с убийством Кеннеди.

Как уже отмечалось, в госпитале в то время был Джек Руби, спросивший знакомого журналиста Сета Кантора, не стоит ли ему закрыть свой ночной клуб в знак траура по погибшему президенту. Сам Руби утверждал в комиссии Уоррена, что он вообще не был в Парклендском госпитале в тот день. Комиссия поверила ему и не поверила журналисту. Через десять лет (Руби был уже мертв) Комитет конгресса по покушениям

пришел к прямо противоположному выводу.

Джонсон между тем собирался возвращаться в Вашингтон на президентском самолете, но Жаклин не хотела лететь без мужа, а Джонсон якобы не хотел лететь без Жаклин. Поэтому тело президента положили в бронзовый гроб, и самолет ВВС номер один взял курс на американскую столицу. Джонсон первым делом объявил, что убийство президента — часть мирового коммунистического заговора и ему необходимо немедленно принести присягу в качестве президента, чтобы нация не осталась без руководства в критический момент. Быстро подыскали судью, которая привела Джонсона к присяге. Один из помощников Кеннеди сказал другому, глядя в самолете в спину 36-го президента США: «Сейчас он получил все, что хотел. Но в 1968 году мы отыграемся». Прогноз был почти верным. Но этим «почти» оказались пули палестинца Сирхана Сирхана (тоже, естественно, одиночки), оборвавшие жизнь кандидата на пост президента США Роберта Кеннеди.

Директор ЦРУ Маккоун обедал со своими ближайшими сотрудниками, когда ему сообщили об убийстве президента. Первым делом стратеги из ЦРУ кинулись проверять советскую версию. Ведь Хрущев в то время был в Киеве. Может, советский лидер специально покинул Москву, чтобы уцелеть в случае предстоявшего обмена ядерными ударами с США? Но посол США в Москве Томпсон был категорически не согласен с подобными доводами: советские спецслужбы никогда не убивали глав других государств, максимум собственных перебежчиков. Была и еще более смелая версия, что китайцы решили убрать одновременно Хрущева и Кеннеди, чтобы заставить обе сверхдержавы вступить в смертельную схватку друг с другом. Незадолго до своей смерти Кеннеди тайно предложил Хрущеву совместными усилиями нанести удар по ядерным объектам КНР. Никита Сергеевич от такого предложения пришел в бешенство: столь безрассудного авантюризма он от американского президента не ожидал.

В полете Жаклин выбрала госпиталь ВМС США в Бетесде как учреждение, где должны были провести официальное вскрытие тела ее мужа. Но в отличие от Парклендского госпиталя тамошние специалисты, обладая высокими титулами, не имели практического опыта такого рода операций. Руководил вскрытием какой-то генерал.

Квалификация специалистов Бетесды (точнее, ее полное отсутствие) проявилась практически сразу. Не возникло проблем с раной головы. Пуля вошла в череп сзади и распалась на мелкие металлические фрагменты. Правда, в отчете почему-то отмечалось, что президент поступил в Бетесду

со следами хирургического вмешательства на голове. Но в Парклендском госпитале ничего подобного не делали.

А вот со второй раной возникли проблемы. Входное пулевое отверстие обнаружили на спине между лопатками чуть справа от позвоночника. Агенты ФБР, присутствовавшие на вскрытии, позднее писали в своем рапорте, что пуля, по мнению врачей, вошла сверху под углом 45 — 60 градусов (окно, из которого якобы стрелял Освальд, было на высоте примерно 18 метров). Вот только ни самой пули, ни выходного отверстия найти не смогли. Тогда врачи попытались прощупать отверстие пальцем и тонким металлическим стержнем, но далеко продвинуться не смогли. Решили, что пуля застряла в теле, а потом выпала, когда президенту делали в Парклендском госпитале массаж сердца.

После звонка коллегам в Даллас, по выражению одного из хирургов Бетесды, «все прояснилось». Вашингтонские специалисты не обратили внимания на рану в горле президента, считая ее трахеотомией (хотя хирурги в Далласе, по их словам, делали трахеотомию так, чтобы не уничтожить пулевое отверстие). Уже написанный отчет о вскрытии сожгли и написали заново. Теперь вторая пуля вошла в спину и вышла из горла. Но любому человеку, а не только врачу было ясно, что это просто невозможно, если предположить, что стреляли сверху да еще под углом 45 — 60 градусов. Тогда хирурги Бетесды просто «подняли» входное отверстие в спине на несколько дюймов.

Между тем полиция в Далласе также проявляла чудеса изобретательности. Освальд сидел под стражей, но не признавался ни в убийстве полицейского, ни в покушении на Кеннеди. Когда его вели в здание полицейского управления, он кричал: «Я никого не убивал! Меня подставили!» Если учесть, что, по мнению комиссии Уоррена, единственным мотивом Освальда в убийстве президента было желание любым путем войти в историю, то реакция преступника выгладит неправдоподобно. Террористы такого плана, как правило, наоборот, с гордостью признаются в содеянном.

Нужны были улики. Полиция быстро обнаружила отпечатки пальцев Освальда на коробках, из которых было сооружено снайперское гнездо вокруг углового окна на шестом этаже. Но эти отпечатки мало что значили: Освальд постоянно работал на шестом этаже и передвигал там коробки с книгами. Кстати, полиция потом предъявила несколько фотографий, на которых коробки рядом с окном расположены по-разному.

На шестом этаже в 13.22 нашли и винтовку, хотя она была спрятана далеко от снайперского гнезда (то есть Освальд не только сделал три

точных выстрела за менее чем шесть секунд, но еще и спрятал винтовку). Но первые сообщения говорили, что найденная винтовка была марки «маузер» и калибра 7.65 мм. Как мы помним, такая винтовка в здании склада школьных учебников действительно имелась, но хозяином ее был отнюдь не Освальд. Потом, когда нашли уже «нужную» винтовку «Маннлихер-Каркано», говорили, что полицейские просто ошиблись в горячке поиска. Однако один из полицейских, заместитель шерифа Крэйг, утверждал, что даже видел маркировку «Mauser» на стволе найденного оружия. Но дальше произошло (точнее, не произошло) то, во что просто невозможно поверить. Никто не протестировал винтовку Освальда на предмет того, стреляли ли из нее недавно. А ведь такая экспертиза абсолютно никакой сложности не представляла.

Нашли и пакет из плотной коричневой бумаги, в которой Освальд якобы принес винтовку на работу. Но найденная в конце концов винтовка Освальда была хорошо смазана, а никаких следов оружейного масла на пакете не обнаружили. Сам пакет был из бумаги, которая действительно использовалась на складе школьных учебников (спустя несколько лет один из исследователей нашел в архивах отчет ФБР, где содержались прямо противоположные сведении: бумага была не со склада; однако этот отчет сочли за черновик, в который вкралась опечатка — слово «не»).

На пакете зато были микрочастицы одеяла, в котором Освальд хранил винтовку в гараже дома Рут Пэйн. Но потом были опубликованы фотографии, на которых пакет лежал на этом одеяле уже после того, как оба предмета были обнаружены полицией. Наконец, непонятно, каким образом Освальд в четверг 21 ноября принес большой бумажный пакет с работы. Подвозивший его Фрейзер утверждал, что в руках у Освальда ничего не было. К тому же нашелся свидетель, который видел, как Освальд 22 ноября утром входил в склад. В руках у него опять же ничего не было.

В снайперском гнезде на полу возле окна было обнаружено три стреляных гильзы от винтовки Освальда. Лежали две из них как на параде: рядом друг с другом. Такое расположение гильз при стрельбе невероятно. Их расположение опять же изменялось полицией, в том числе для киносъемок. В патроннике была еще одна неиспользованная пуля. Получалось, что преступник шел на дело, имея только четыре патрона. Дома у Рут Пэйн при обыске не было обнаружено никаких боеприпасов к винтовке и материалов для ее обслуживания (например, не нашлось ружейного масла, а винтовка, как мы помним, была хорошо смазанной). Несмотря на множество свидетелей, предлагавших свои услуги после покушения, так и не нашелся тот, кто продал Освальду боеприпасы.

Было понятно, что все эти улики явно недостаточны для любого суда. Тем более что винтовка была заказана на имя Хиделла и не было никаких доказательств, что Освальд (даже если под псевдонимом Хиделл скрывался именно он) ее действительно получил.

ФБР провело специальный тест кожи на ладонях и щеке Освальда, чтобы проверить, стрелял он в тот день или нет. На кожу наносился мягкий парафин, который проникал в поры и при застывании образовывал корку. Ее удаляли и проверяли специальным реактивом на нитраты, содержащиеся в порохе. Реакция с ладоней была позитивной (то есть Освальд 22 ноября держал оружие в руках), а вот со щеки — негативной, то есть из винтовки Освальд не стрелял. Комиссия Уоррена потом просто объявила подобный тест недостоверным.

В любом деле об убийстве во все времена железной уликой считаются отпечатки пальцев убийцы на орудии преступления. И вот здесь мы сталкиваемся, пожалуй, с самым вопиющим фактом подтасовки вещественных доказательств. По данным офицера далласской полиции Джона Карла Дэя, он якобы сразу обнаружил на винтовке отпечатки пальцев, но (представьте себе!) не сфотографировал их и никому о них ничего не сказал. Сам Дэй в показаниях комиссии Уоррена признал, что фотографирование отпечатков было обычной процедурой далласской полиции.

В районе полуночи 22 ноября Дэй передал винтовку сотруднику ФБР Дрейну, который на самолете доставил ее в Вашингтон для всесторонней экспертизы. 23 ноября в отчете об экспертизе, подписанном лично директором ФБР Эдгаром Гувером, четко говорилось, что никаких отпечатков не было обнаружено не только на винтовке, но и на неиспользованном патроне, а также на револьвере Освальда.

24 ноября в воскресенье Освальд был застрелен Джеком Руби и его тело было доставлено в морг. Затем туда неожиданно прибыла группа экспертов ФБР с винтовкой и дактилоскопировала Освальда (директор морга говорил, что еле отмыл пальцы Освальда от специальной краски). А ведь живого Освальда дактилоскопировали в полиции несколько раз.

В понедельник прокурор Далласа Уэйд как бы между прочим заявил на пресс-конференции: «Так посмотрим… его отпечатки пальцев были обнаружены на винтовке. Я ведь уже упоминал это?» Конечно, и сам Уэйд и пресса знали, что ничего подобного прокурор до сих пор не говорил. Дэй утверждал, что, когда он передавал винтовку сотруднику ФБР Дрейну, он якобы обратил внимание последнего на отпечатки. Дрейн это категорически отрицает.

После смерти Освальда было опрошено около 50 его сослуживцев по Корпусу морской пехоты. Почти все из них в один голос утверждали, что Освальд был никудышним стрелком. Один даже сказал: «Если бы мне предоставили возможность выбрать своего собственного убийцу, я бы выбрал Освальда». Это выглядит правдоподобно, так как есть подтверждение, что Ли страдал природным отсутствием способности к концентрации при механической деятельности. Именно поэтому он писал с ошибками (хотя был очень начитанным человеком) и был уволен с любимой фотографической фирмы в Далласе (менеджер был недоволен, что Ли делает много ошибок, хотя и старается). В этом же была причина того, что Ли так и не научился водить машину.

Комиссия Уоррена и Комитет конгресса по покушениям провели специальные испытания и установили, что «теоретически возможно» сделать из винтовки «Маннлхер-Каркано» три выстрела за менее чем шесть секунд и поразить движущуюся цель. В испытаниях участвовали лучшие снайперы, но на практике им так и не удалось повторить результат Освальда. Ведь после каждого выстрела из своей старой винтовки Освальд должен был передергивать затвор и снова целиться. К тому же оптический прицел на винтовке был сбит.

Нет сомнений, что и Типпит, и Кеннеди были убиты из автоматического оружия. А в качестве главной улики против Освальда фигурировали гильзы и появившаяся откуда ни возьмись в Парклендском госпитале «волшебная» пуля. В теле Кеннеди нашли только мельчайшие металлические фрагменты, которые сложно идентифицировать. Стальной контейнер с мозгом президента потом просто исчез. Но если предположить, что убийцы президента сделали на пулях надрезы, то пули и должны были разрушиться при малейшем соприкосновении с костной тканью.

Когда Освальда везли в полицейской машине от кинотеатра, один из полицейских спросил, убил ли он Типпита из-за боязни ареста. Освальд ответил, что ничего не боится: «Я что, выгляжу испуганным?» Действительно, в то недолгое уже время, которое было отведено ему на этой земле, Ли Харви Освальд был исключительно хладнокровен. На вопросы отвечал несбивчиво и, похоже, отдавал себе отчет за каждое произнесенное слово. Когда машина въехала в подвал полицейского управления, Освальда спросили, желает ли он закрыть свое лицо от репортеров. «Зачем мне закрывать свое лицо? Я не сделал ничего такого, за что мне было бы стыдно».

Пока Освальд дожидался допроса, полицейских хотели послать на его

квартиру, так как он отсутствовал при перекличке в здании склада школьных учебников. Но тут выяснилось, что этот шаг лишний. У Освальда нашли два удостоверения личности: на имя Ли Харви Освальда и Алека Хиделла. Полицейский спросил, кем же является задержанный на самом деле. «Вы коп, вы и устанавливайте». Потом появились сведения, что у Освальда обнаружили библиотечный пропуск на имя Дэвида Ферье. Но официально этот документ в деле не фигурирует, хотя сам Ферье в возбужденном состоянии заходил к квартирной хозяйке Освальда в Новом Орлеане и спрашивал об этом пропуске. Ферье на момент покушения имел «железное», хотя и во многом показательное алиби. Он был в суде Нового Орлеана как представитель босса мафии Карлоса Марчелло. Последний все еще боролся против попыток депортировать его в Гватемалу.

Сразу после ареста допросом Освальда занялся начальник отдела убийств далласской полиции капитан Уилл Фритц, один из самых опытных сотрудников. Но этот опытный сотрудник почему-то не записал допрос убийцы президента на магнитофон и не пригласил стенографиста. Поэтому мы знаем о том, что говорил Освальд, только со слов капитана. Глава далласской полиции Джесс Кэрри потом открыто признал, что допрос Освальда проводился с вопиющими нарушениями процедуры.

По данным Фритца, Освальд с готовностью рассуждал о своих политических убеждениях, но уходил в сторону от вопросов, связанных с убийством Типпита и Кеннеди.

Освальд сказал, что во время покушения на президента был в комнате отдыха на втором этаже и ел свой ланч. После покушения он понял, что в этот день работы уже не будет, и пошел домой, а оттуда в кинотеатр. Зачем он взял с собой пистолет? Да просто так. Освальд перечислил все свои последние адреса жительства за исключением адреса по Нили-стрит в Далласе, где он жил во время покушения на генерала Уокера. Если арестованный не отрицал, что у него есть пистолет, то от винтовки открещивался.

Примерно в 7 часов вечера 22 ноября Освальду было предъявлено официальное обвинение в убийстве полицейского Типпита.

К допросу присоединился агент ФБР Хости. Когда он представился, Освальд закричал: «Так это вы тот самый Хости, который приставал к моей жене!» Следует отметить, что Освальд находился в юрисдикции далласской полиции, и присутствие агента ФБР на допросе было излишним. Видимо, Хости следил за тем, чтобы Освальд не наговорил лишнего. И только во время допроса Хости якобы осознал, что записка,

которую он недавно получил, была именно от Освальда.

А Освальд настойчиво просил разрешить ему позвонить в Северную Каролину, где как раз располагалась база военно-морской разведки, на которой, как предполагают, осуществляли программу заброски легальных перебежчиков в Советский Союз. Полиция потом вообще отрицала сам факт подобного обращения Освальда, но секретарша запомнила город, куда так хотел позвонить Освальд. Тогда полиция и ФБР заявили, что звонок был не туда, а оттуда, а от кого, они не помнят.

Будучи не в состоянии связаться с Северной Каролиной, Освальд потребовал, чтобы его права на суде защищал известный нью-йоркский адвокат Абт, до этого отстаивавший невиновность лидеров коммунистической партии США. Ли попросил Рут Пэйн связаться с Абтом, но того не было дома. В беседе с президентом ассоциации далласских адвокатов в субботу Освальд изъявил готовность работать и с другим защитником, но только с тем, кто в состоянии понять его политические взгляды, лучше всего с членом Американского союза за гражданские свободы.

Хости спросил Освальда, был ли тот недавно в Мехико. Освальд опять потерял самообладание и, стуча кулаком по столу, ответил, что никогда не был в мексиканской столице. А вот факт пребывания в Советском Союзе Освальд с готовностью признал, добавив, что состоит в переписке с советским посольством в Вашингтоне.

Допрос несколько раз прерывался процедурами опознания, на которых свидетели убийства Типпита, как правило, узнавали Освальда. Судя по всему, это было нетрудно. Один свидетель показал, что прямо на очной ставке Освальд со следами побоев на лице громко протестовал против того, что рядом с ним поставили совсем молодых людей. На таком опознании Освальда «узнал» бы даже тот, кто его раньше никогда не видел.

После того как Освальду предъявили обвинение в убийстве Типпита, его привели к представителям прессы.

Один из журналистов спросил, убил ли Освальд президента. «Нет, мне такого обвинения не предъявляли. На самом деле никто мне этого еще не говорил. Впервые я услышал об этом, когда репортеры в коридоре спросили меня об этом». Интересно, что, по данным Фритца, Освальд якобы отказывался от адвоката. А на пресс-конференции арестованный, наоборот, возмущался, что его лишают возможности выбрать себе защитника.

Заметим следующую особенность американского уголовного законодательства. Согласно пятой поправке к конституции США любой

задержанный полицией человек имеет право хранить молчание вплоть до появления адвоката. Освальд был человеком эрудированным и об этом праве, несомненно, был осведомлен. Тем не менее он охотно общался со следователем.

Среди репортеров находился и Джек Руби. Причем этот якобы аполитичный человек проявил феноменальное знание кубинской проблематики. Когда прокурор заявил журналистам, что Освальд является членом Комитета свободной Кубы (это была кубинская эмигрантская организация), Руби его громко поправил: Комитета за справедливую политику по отношению к Кубе. Комиссии Уоррена Руби рассказывал позднее, что узнал об этом по радио. Но кубинских организаций было столько много, что даже прокурор запутался в названиях. А вот владелец ночного клуба разбирался в этих хитросплетениях прекрасно.

22 ноября Кастро беседовал с эмиссаром Кеннеди французским журналистом Даниэлем. Когда ему сообщили об убийстве Кеннеди, кубинский премьер вскочил с места и произнес: «Это плохая новость». Кеннеди хотя и был врагом Кубы, но к нему привыкли, и он уже начинал понимать необходимость поиска взаимопонимания с Гаваной. Теперь же, говорил Кастро, все изменится.

Сразу же после покушения кубинские вооруженные силы были приведены в боевую готовность: Кастро считал, что убийством Кеннеди могут воспользоваться ястребы в Вашингтоне для оправдания вторжения на остров. Американское агентство национальной безопасности (самая засекреченная спецслужба США, занимающаяся прослушиванием телефонных разговоров по всему миру) сразу же после покушения усилила контроль за телефонными и радиопереговорами между США и Кубой. Ничего подозрительного обнаружено не было. Не вызывало сомнений, что кубинцы сами поражены убийством Кеннеди.

А далласская прокуратура вовсю трубила прессе, что президента убил коммунист, связанный с СССР и Кубой. Опытные журналисты в Вашингтоне только усмехались: найти марксиста в Далласе все равно что найти марсианина на Венере.

Спустя примерно час после покушения на Кеннеди в дом Рут Пэйн громко постучали. Затем ворвались шесть полицейских, сообщивших, что Ли Харви Освальд арестован. Ордера на обыск у полиции не было, но Рут разрешила провести осмотр без него. Когда полицейские спросили, была ли у Освальда винтовка, Рут ответила отрицательно, но Марина тихо по-русски поправила ее. Все прошли в гараж, и Марина с облегчением увидела свернутое одеяло, внутри которого что-то рельефно

вырисовывалось. Но когда одеяло развернули, Марина изменилась в лице: там ничего не было. Полицейские после этого вели себя очень грубо, перевернули все в доме вверх дном и повезли Рут и Марину на допрос в полицейское управление вместе с изъятыми вещами Освальда. Кстати, судя по некоторым документам, среди этих вещей был портативный фотоаппарат «Минокс», который в то время нельзя было свободно купить. Но потом этот фотоаппарат куда-то исчез.

На допросе в полицейском управлении Марину пытались заставить опознать винтовку, но она не смогла это сделать, так как не разбиралась в оружии. На последующих допросах Марину переводил эмигрант Илья Мамантов, который просто искажал ее показания. Ей пытались внушить, что Освальд привез ружье из Советского Союза и именно из него и застрелили президента. На жену Освальда оказывалось мощное психологическое давление: ей угрожали принудительной депортацией в СССР.

В субботу ночью в 1 час 36 минут Освальду было предъявлено формальное обвинение в убийстве президента. Он по-прежнему отрицал свою вину.

В 10 утра 23 ноября допрос Освальда возобновился. Ли отрицал, что говорил Фрейзеру о карнизах, которые он якобы собирался забрать из дома Рут Пэйн 21 ноября. Потом он вообще отказался отвечать на любые вопросы относительно винтовки и револьвера без адвоката. Фритц желал знать, как арестованный относился к президенту: ведь у полиции не было убедительного мотива для преступления века. На ненормального Освальд был решительно не похож. Ли ответил: «Моей жене и мне нравилась семья президента. Они интересные люди. У меня собственные взгляды на национальную политику президента. Я имею право выражать свои взгляды, но, учитывая предъявленные мне обвинения, я не думаю, что должен комментировать этот вопрос».

Когда Освальда вели с допроса, один из журналистов поинтересовался, не хотел ли Освальд убить техасского губернатора Коннэли за то, что тот, будучи министром ВМС, отказался пересмотреть решение об увольнении Освальда из морской пехоты с плохой формулировкой. «Я не знаю, какими сообщениями прессы вы пользуетесь, но они неверны», — прокричал Освальд, обернувшись назад.

В час дня в субботу Марине разрешили свидание с мужем. Супруги разговаривали по телефону через стеклянную перегородку. Марина хотела узнать, что же делать с фотографиями, на которых Ли был изображен с винтовкой и пистолетом. Она сложила эти фото и спрятала их в своей

обуви, когда пришла на свидание к мужу. Ли держался бодро, но Марина якобы сразу поняла по его глазам, что он виновен.

Увидев, что вместе с женой пришла и мать (Маргарита даже не знала, что у ее сына родилась вторая дочь), Освальд рассердился: «Зачем ты привела с собой эту дуру? Я не хочу с ней разговаривать». Он сказал, что его в тюрьме не бьют и жаловаться на обращение не приходится. «Алик, можем ли мы говорить здесь о чем хотим? Нас никто не подслушивает? «Ну конечно, мы можем говорить абсолютно обо всем». Освальд произнес слово «абсолютно» с особой интонацией, и Марина поняла, что о фотографиях упоминать не стоит. «Не плачь», — утешал Марину Ли. Он говорил, что не виноват, что произошла ошибка и что он не боится суда. У нее есть друзья. Да и Красный Крест должен помочь. «Алка, помни, что я тебя люблю», — сказала Марина на прощание. Больше своего мужа живым она уже не видела.

На допросах Освальд охотно рассказывал о своей деятельности в рамках Комитета за справедливую политику по отношению к Кубе, упомянув, что был секретарем этой организации в Новом Орлеане. Фритц, естественно, попытался связать убийство президента с симпатиями Освальда в отношении кубинской революции. Но Освальд абсолютно логично ответил, что с приходом к власти Джонсона политика США в кубинском вопросе вряд ли претерпит какие-либо позитивные изменения.

После обеда в субботу Ли навестил его брат Роберт. Как только он взял телефонную трубку, Освальд сразу предупредил, что их разговор записывается. Роберт хотел знать, что же происходит. Ли ответил: «Я не знаю, о чем они говорят. Не верь всем этим так называемым доказательствам». Роберт пристально взглянул в глаза брата, чтобы понять истину. «Брат, ты ничего там не найдешь», — сказал Ли.

А полиция между тем обнаружила фотографии, на которых Освальд был изображен с винтовкой и пистолетом. Арестованный заявил, что эти фото сфабрикованы. Он хорошо разбирается в фотографии и может сказать это наверняка. На дальнейшие вопросы Ли отвечать отказался и был возвращен в камеру в 19.15.

Многие исследователи согласны с Освальдом, что фотографии были продуктом искусного фотомонтажа. Например, некоторые говорили, что тень на них падает странно, что тело явно не «монтируется» с головой, и т. д. В 70-е годы фотографии исследовали эксперты Комитета конгресса по покушениям и пришли к заключению об их подлинности. Даже винтовка на фото по данным экспертов абсолютно идентична той, которая была найдена на складе школьных учебников. Была и другая фотография Ли, на

которой он держал винтовку обеими руками над головой. Эту фотографию по настоянию Маргариты Марина порвала на кусочки и спустила в унитаз.

Пока сын сидел в далласском полицейском управлении, Маргарита вовсю спорила с Рут Пэйн о том, кто имеет право давать журналистам интервью (и естественно, получать за это деньги). К тому же Маргарита считала, что только она вправе делать заявления, так как не верит в виновность Ли.

Утром в воскресенье 24 ноября допрос Освальда возобновился. Его вели Фритц, два сотрудника Секретной службы и далласский почтовый инспектор Гарри Холмс. Освальд говорил, что не знает никого по имени Хиделл, и никогда не использовал этот псевдоним. Зато он снова охотно говорил о политике. Сказал, что является марксистом, но не марксистом-ленинцем. Фритц поинтересовался, в чем разница, но Освальд ответил, что объяснение потребует слишком много времени. Ли требовал восстановления дипломатических отношений между США и Кубой. Когда его спросили, является ли он коммунистом, арестованный ответил, что членского билета компартии не имеет (то есть он коммунист по убеждениям, а не по формальной партийной принадлежности). Инспектор Холмс вспоминал, что Освальд держался очень уверенно, взвешивая каждый свой ответ. По мнению Холмса, он никогда бы не признался в содеянном.

А Ли, видимо, ждал публичного суда, на котором бы вскрылись участники заговора и его связи с американскими спецслужбами. В этом случае Америку ожидало бы мощнейшее политическое потрясение.

Освальда должны были перевезти из полицейского управления в тюрьму примерно в 10 часов утра в воскресенье, но его допрос почему-то затягивался. А минувшей ночью поступило несколько телефонных звонков с угрозой убить подозреваемого, причем одного звонившего удалось опознать. Молодой лейтенант полиции Билли Грэммер дежурил на телефоне в ночь с 23 на 24 ноября. Примерно в полтретьего ночи раздался звонок. Услышав фамилию Грэммера, незнакомец отказался представиться, но сказал, что Грэммер его знает. Звонивший подробно описал меры безопасности при предстоящей перевозке Освальда в тюрьму (назвал даже машину, которая должна была отвлечь внимание) и заявил: «Вам надо придумать другой план, иначе мы убьем Освальда прямо в цокольном этаже» (именно оттуда Освальда и собирались транспортировать в тюрьму).

Грэммер воспринял звонок очень серьезно и написал рапорт на имя шефа далласской полиции Кэрри. Позднее в то утро сменившегося

Грэммера разбудила жена, которая сказала, что только что Джек Руби убил Освальда в цокольном этаже полицейского управления. И тут Грэммер сразу вспомнил голос того, кто ему звонил: это и был Джек Руби. Всего лишь за неделю до этого Грэммер беседовал с Руби в ресторане и был уверен, что не ошибся.

22 ноября 1963 года Джек Руби примерно с 11 часов утра (то есть после того, как Мерсер видела его и Освальда в зеленом «пикапе») находился в здании газеты «Даллас тайме геральд». Он решал вопросы о помещении в газете рекламного объявления своего ночного клуба. Сотрудники рекламного отдела недолюбливали Джека, так как в последнее время он с опозданием оплачивал рекламные объявления. Но на сей раз Руби сразу же внес деньги.

Когда разнеслась весть о покушении на президента, здание газеты практически опустело: сотрудники побежали на Дили-плаза, которая находилась практически рядом. Но вот Руби, не пропускавший в Далласе ни одного мало-мальски значимого события, остался в офисе. Его алиби было обеспечено, хотя один из сотрудников газеты вспоминал, что в полдень Руби куда-то ушел и отсутствовал 20 — 25 минут. В любом случае в суматохе газетного офиса он вполне мог на короткое время отлучиться и побывать на Дили-плаза.

Потом, как мы помним, Руби видели в Парклендском госпитале, а во второй половине дня он уже толкался в полицейском управлении, где у него было много знакомых. Он даже устроил для одного журналиста интервью с прокурором Уэйдом. Во всех беседах Руби демонстрировал глубокое горе и сочувствие первой леди. В 10 часов вечера отнюдь не религиозный Руби посетил синагогу. Но через час он уже опять был в полицейском управлении и пытался зайти в офис Фритца, где как раз допрашивали Освальда. «Джек, туда сейчас нельзя», — сказал ему знакомый полицейский.

На ночной пресс-конференции Освальда в цокольном этаже полицейского управления Руби пытался протиснуться в первый ряд. Один из репортеров еще удивился, зачем это необходимо человеку без фотоаппарата. Уже тогда у Руби был с собой пистолет.

На следующий день Руби хаотично мотался по различным офисам далласских СМИ, заезжал к себе в ночной клуб и много разговаривал по телефону. Он явно был не в своей тарелке, несколько раз его снова видели в полицейском управлении. Вечером того дня Руби звонил кому-то в техасский портовый город Гальвестон, недалеко от Хьюстона. В это время там находился Ферье, который в ту субботу занимался просто

удивительными вещами. Он отправился на машине из Нового Орлеана в Хьюстон (около 500 километров), чтобы… покататься там на коньках. Причем, по данным служащих искусственного катка в Хьюстоне, Феррье там действительно был, но не катался, а постоянно говорил с кем-то по телефону. Потом он поехал в Гальвестон.

Скорее всего, узнав, что среди вещей Освальда нашли пропуск в библиотеку на его имя, Феррье с минуты на минуту ждал ареста и поэтому и находился в Гальвестоне, откуда он на моторной лодке мог легко бежать в Мексику. Он, видимо, требовал от Руби скорее убрать Освальда, как это и было условлено. Руби же понимал, что незаметно убить арестованного уже не удастся. Момент сразу после покушения был упущен из-за Типпита. Именно поэтому Руби почти в открытую сообщил полиции о готовящемся покушении на Освальда и даже назвал место, где оно позже и произошло. Он хотел, чтобы полиция изменила план отправки Освальда в тюрьму, и тогда он бы мог оправдаться перед своими хозяевами, сославшись на непредвиденные обстоятельства.

Но полиция по непонятным причинам не отреагировала на его сигнал. Тогда Руби решил просто опоздать на место своего преступления. Он знал, что Освальда будут транспортировать в тюрьму примерно в 10 утра в воскресенье. О местах, где находился Руби воскресным утром, есть много противоречащих свидетельств. Уборщица, которая обычно убирала его комнату, постучала к Руби после восьми утра. Но ей ответил абсолютно незнакомый мужской голос, порекомендовавший заглянуть попозже. Видимо, Руби уже не мог вернуться в свою квартиру, не выполнив задание. В 9.30 его видели в лифте полицейского управления, но он явно избегал цокольного этажа. Но и Фритц держал Освальда на допросе до тех пор, пока Джек Руби не появился на цокольном этаже.

И все же Руби решил опоздать. В 11.17 он отправил через «Вестерн юнион» 25 долларов одной из своих стриптизерш, которой нечем было платить за квартиру, и сразу же после этого направился в цокольный этаж полицейского управления (кстати, у Руби после задержания обнаружили фантастическую сумму — почти 2000 долларов). Он был абсолютно уверен, что Освальда уже давно отвезли в тюрьму. Но не тут-то было. Освальда привели в цокольный этаж в 11.20. Он был прикован наручником к полицейскому детективу. Репортеры вовсю щелкали затворами фотоаппаратов. Вело съемки телевидение.

Один из журналистов протянул Освальду микрофон и спросил: «Что вы можете сказать в свое оправдание?» Но тот уже не смог ничего ответить. Миллионы телезрителей видели, как из толпы неожиданно

выскочил плотный человек и выстрелил Освальду в живот из короткоствольного револьвера 38-го калибра (может, гильзы именно от этого оружия и были подброшены на место убийства Типпита?). Руби выстрелил «очень удачно», повредив артерии, подающие кровь к сердцу. Ли уже не мог говорить. Один из полицейских детективов Билли Комбест склонился к нему и спросил, признается ли он перед лицом смерти в убийстве президента. Но Освальд несколько раз отрицательно мотнул головой.

Освальда доставили в Парклендский госпиталь, но врачи были бессильны. В 13.07, почти ровно через двое суток после кончины Кеннеди, они констатировали смерть Ли Харви Освальда.

После покушения на Освальда Руби был сильно возбужден. Он обливался потом, и его сердце билось так, что это слышали окружающие. Он попросил закурить. Потом один из полицейских сказал, что Освальд скончался, и по законам Техаса это означает для Руби электрический стул. Услышав эту весть, Руби, как ни странно, успокоился и даже прекратил потеть. Когда ему предложили еще одну сигарету, он с удивлением сказал, что не курит. Похоже, он не сомневался, что от смертной казни его спасут. И действительно, живший с Руби в одной квартире Джордж Сенатор позвонил далласскому адвокату Джиму Мартину и попросил того представлять интересы Руби, который убил Освальда. Правда, Сенатор звонил Мартину еще до того, как Руби нажал на спусковой крючок (видимо, он не знал, что перевозку Освальда в тюрьму задержали почти на час).

25 ноября 1963 года в Вашингтоне и Форт-Уорте проходили очень непохожие друг на друга похороны. В столице с военными почестями предали земле тело 35-го президента США, первого, кто был рожден в двадцатом веке. От Советского Союза в церемонии участвовал Анастас Микоян. Именно он в 1959 году разрешил молодому американцу Ли Харви Освальду остаться в СССР. Теперь в 1963 году Роберт Освальд никак не мог похоронить своего брата, так как все далласские кладбища отказались принять тело убийцы президента. С большим трудом удалось уговорить директора кладбища Роуз Хилл (в буквальном переводе «Розовый холм») в Форт-Уорте.

Но Ли Харви Освальду было не суждено обрести вечный покой. В 1981 году могилу вскрыли, так как появились утверждения, что там захоронено совсем другое тело. Нет, останки в гробу принадлежали именно Ли.

В том же 1981 году покинутая всеми детьми в доме для престарелых в

страшной нищете умерла Маргарита Освальд. Она так и не написала книгу о любимом сыне, в виновность которого никогда не верила.

Марина Освальд оказалась гораздо более оборотистой. Сердобольные американцы прислали вдове с двумя маленькими дочерьми около 70 тысяч долларов. Марина купила дом в предместье Далласа и ударилась в загул. В 1965 году она вышла замуж за Кеннета Портера, родила ему сына (о котором так мечтал Ли), развелась, но продолжала жить с этим человеком. Она и сегодня живет под Далласом и интересна окружающему миру только как вдова Ли Харви Освальда.

В показаниях комиссии Уоррена Марина не скрывала, что верит в виновность Ли. Через десять лет в показаниях перед Специальным комитетом конгресса по покушениям она уже такого мнения не придерживалась. Но комитет счел ее показания в целом противоречивыми.

Роберт Освальд написал о брате книгу и участвует во многих телепередачах, посвященных трагедии в Далласе.

Недолго хранила верность Джону Кеннеди Жаклин. Правда, и муж ее при жизни отнюдь не был образцом супружеской верности. Говорят, что эта в целом холодная и расчетливая женщина страстно любила Роберта Кеннеди и оплакивала его в 1968 году больше, чем мужа. Потом, к ужасу всей Америки, Джеки вышла замуж за престарелого греческого миллиардера Онассиса, не скрывая, что делает это из-за денег. После смерти второго мужа она вернулась в Америку, попробовала себя в рекламном бизнесе и умерла своей смертью в 1994 году.

Роберт Кеннеди официально принял вердикт комиссии Уоррена об убийце-одиночке своего брата, и его не тронули. Но как только он выдвинул свою кандидатуру на пост президента в 1968 году (Джонсон был настолько непопулярен из-за войны во Вьетнаме, что не стал баллотироваться на второй срок), пуля убийцы оборвала и его жизнь. Никто не сомневался, что, если бы Роберт стал президентом, он быстро бы раскопал правду о том, кто на самом деле убил Джона.

Жена и дети полицейского Типпита получили от сочувствующих соотечественников пожертвования на 650 тысяч долларов. Столько офицер Типпит не смог бы, наверное, заработать за всю свою жизнь.

Дэвид Феррье был найден мертвым в своей квартире в 1967 году, сразу же после того, как на него вышел окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон.

Джек Руби несколько раз умолял комиссию Уоррена перевести его из Далласа в Вашингтон, где он обещал рассказать всю правду об убийстве президента. Но глава Верховного суда Эрл Уоррен отвечал, что на это нет

средств! В отчаянии Руби произнес: «Ну хорошо, больше вы меня никогда не увидите. Я вам это говорю… Совершенно новая форма власти захватит нашу страну, и я знаю, что не доживу до того, чтобы увидеть вас еще раз». Так и произошло. Руби приговорили к смертной казни. Но адвокаты оспорили приговор, и его отменили. Руби несколько раз пытался в тюрьме покончить жизнь самоубийством, но безуспешно. Ему удалось передать на волю два письма, в которых он ругал Джонсона и предрекал, что тот развяжет войну с Советским Союзом. В конце 1966 года адвокатам наконец удалось добиться перевода Руби из далласской тюрьмы. И тут после посещений какого-то странного врача у Джека открылся скоротечный рак легких, и 3 января 1967 года он скончался. Анализы показали, что клетки рака сформировались не в дыхательной системе, а в пищеварительном тракте. Таким образом, как и Освальд, Руби так и не смог покинуть Даллас живым.

А в декабре 1963 года без помп и фанфар скончалась единственная, как нам кажется, реальная жертва Ли Харви Освальда: заявил о самороспуске Комитет за справедливую политику по отношению к Кубе. Причем именно из-за связи с Освальдом, 24-летним парнем, читавшим умные книги, мечтавшим стать премьер-министром и имевшим отличные от большинства его соотечественников убеждения.

Иллюстрации

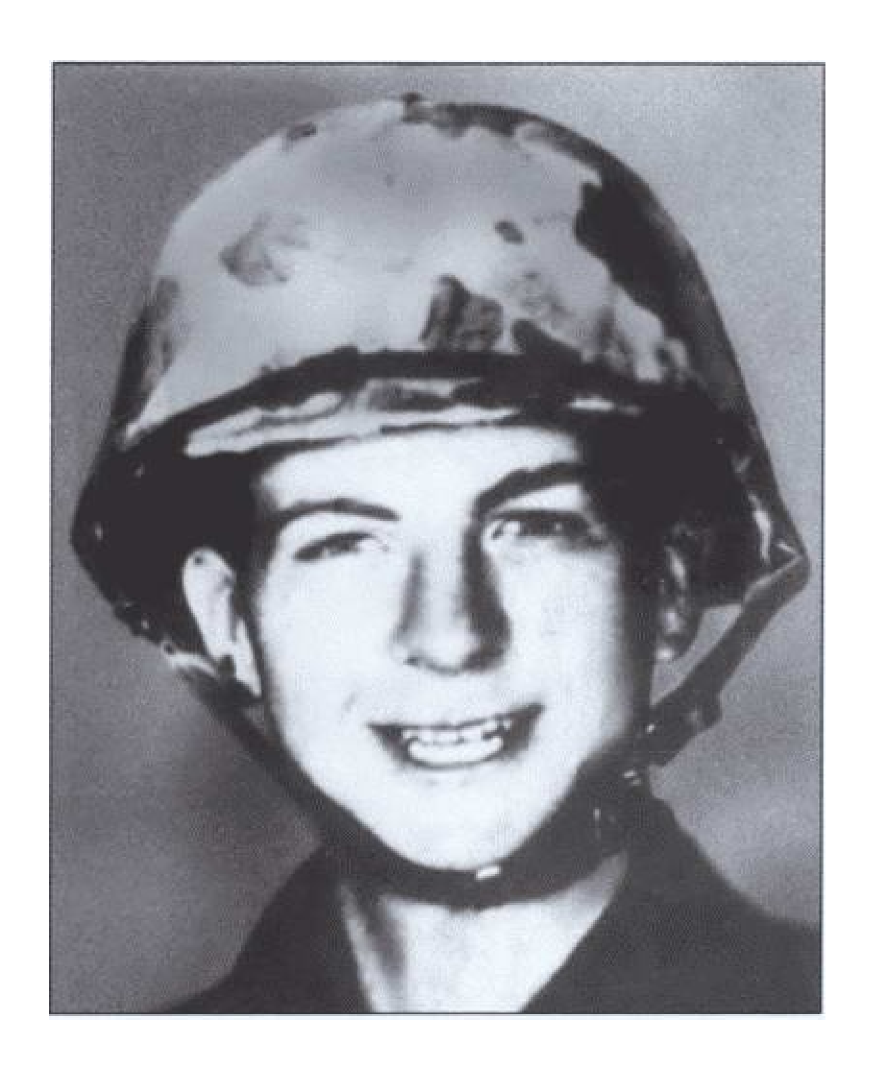
Джон и Жаклин Кеннеди. Аэропорт Далласа, 22 ноября 1963 г.

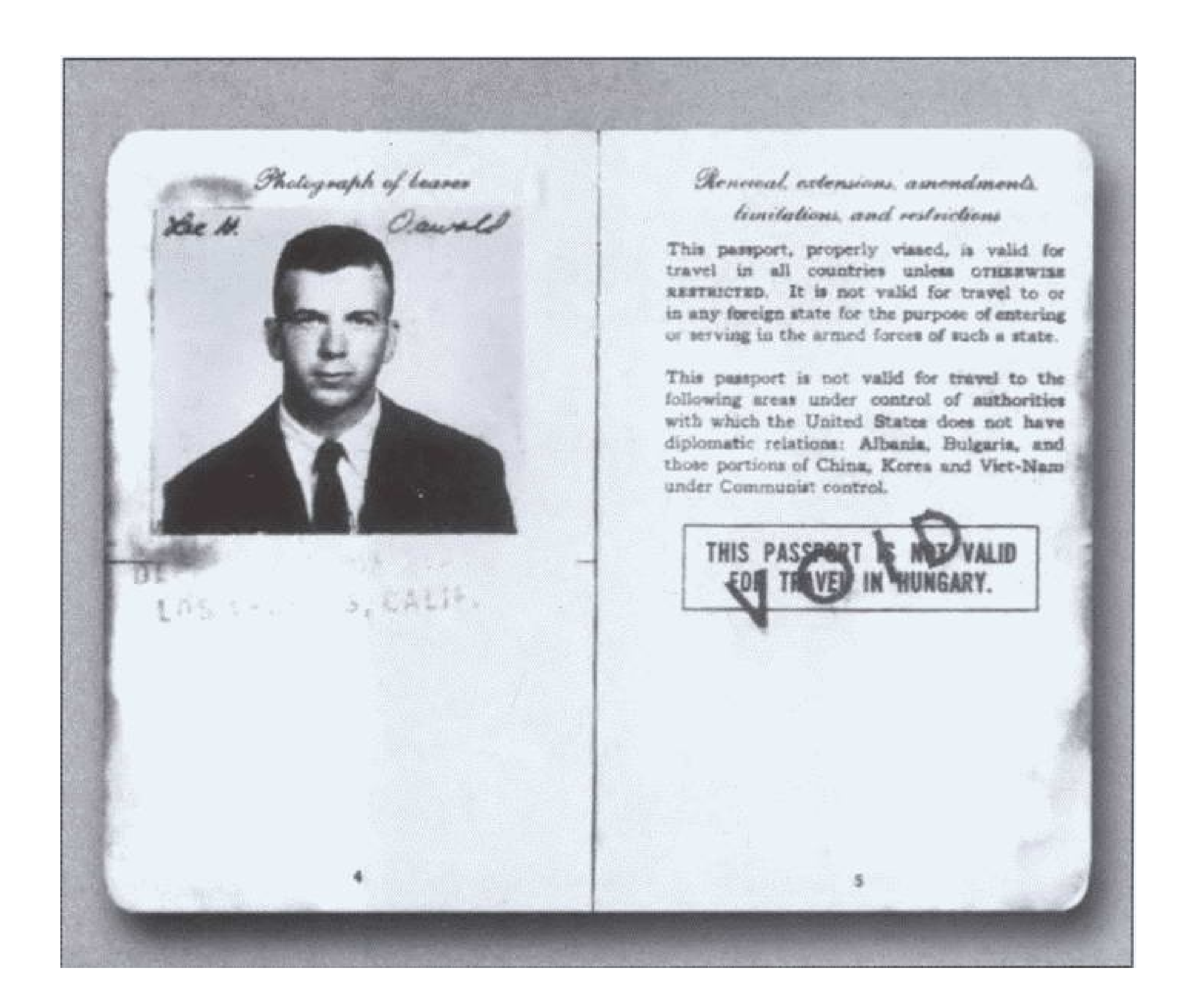
Ли Харви Освальд в возрасте двух лет

Снова на родине. 15-летний Ли после возвращения в Новый Орлеан из Нью-Йорка

Освальд в морской пехоте

По этому паспорту Ли Харви Освальд приехал в СССР

Маргарита Освальд со своим последним мужем Эдвином Экдалем

Строитель коммунизма Алик (в темных очках) с коллегами на фабрике в Минске

Ли и Марина после свадьбы. Апрель 1961 г.

Чета Освальд покидает СССР. 1962 г.

Дом генерала Уокера в Далласе

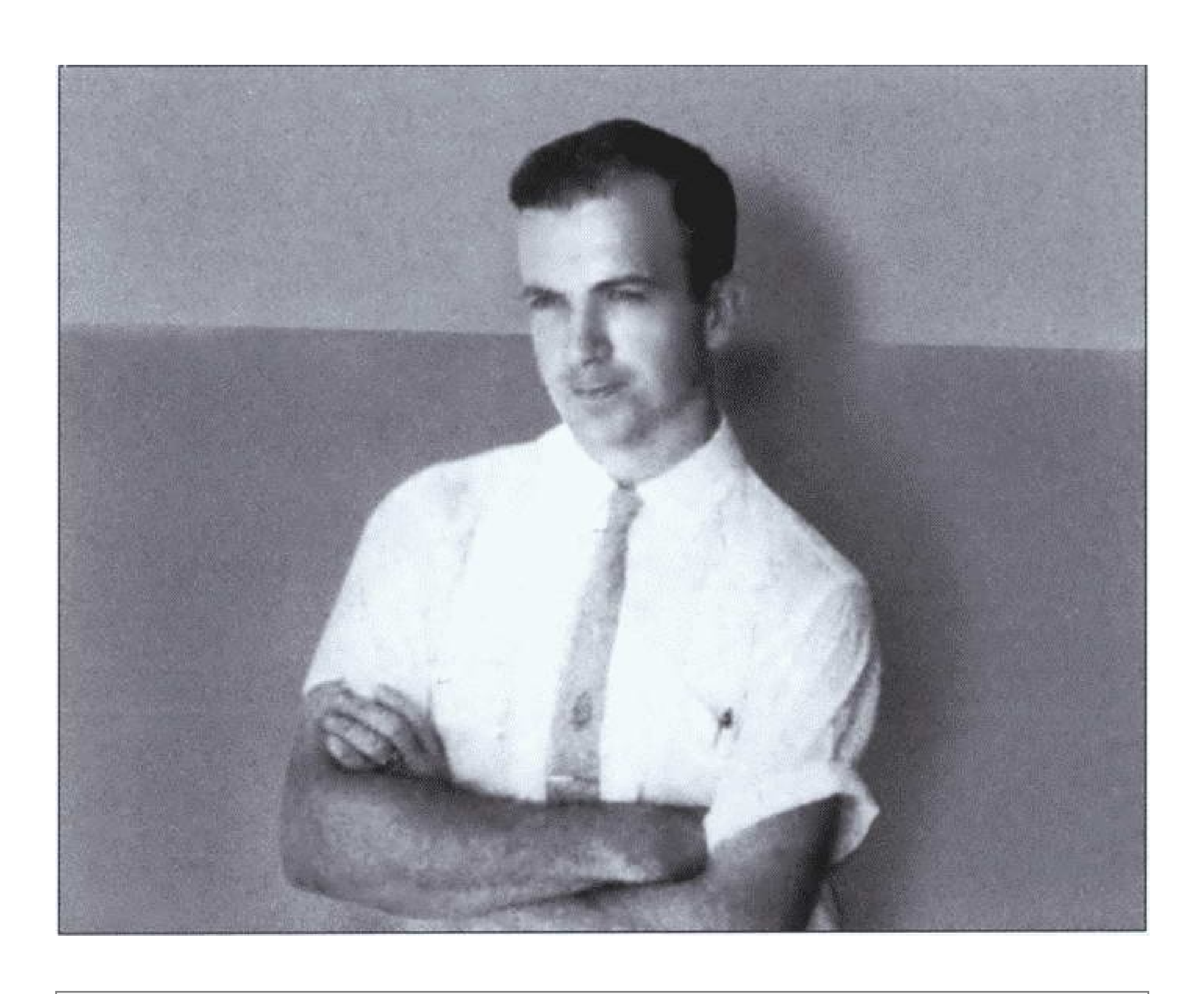
Известная фотография Ли Харви Освальда с винтовкой. Многие считают ее фальшивкой

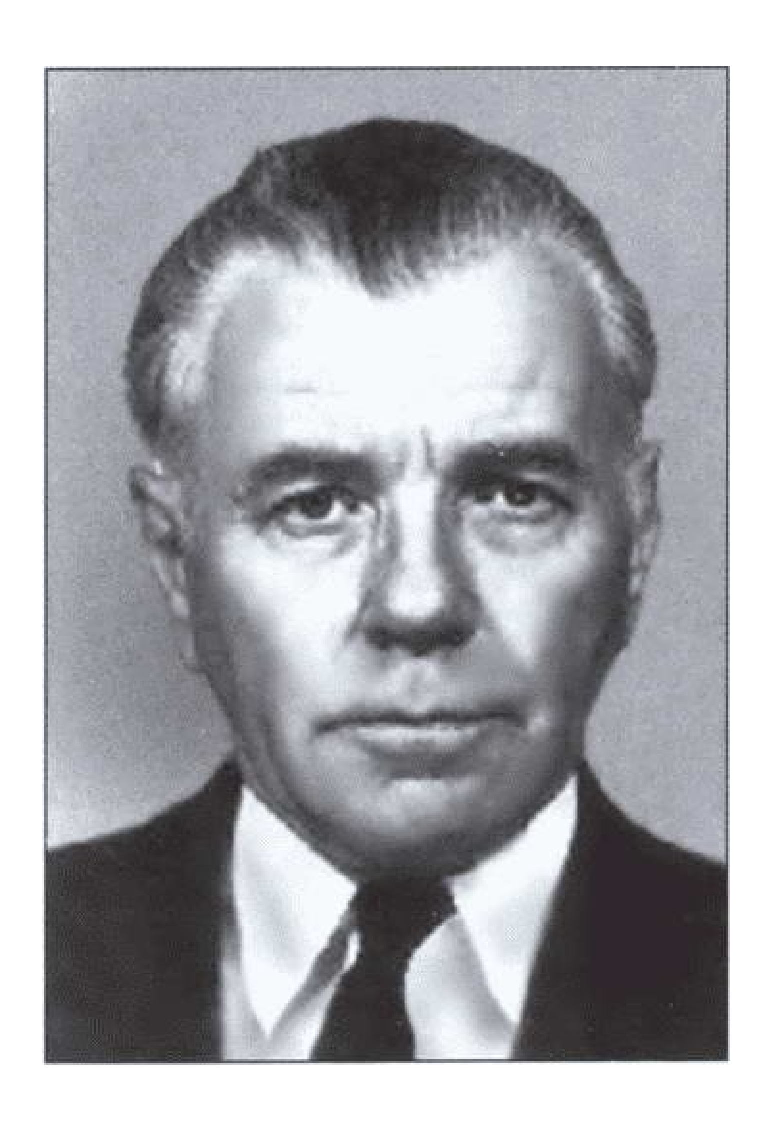
Освальд вместе с до сих пор неизвестным помощником во время пикета в защиту Кастро. Новый Орлеан

Освальд раздает листовки в поддержку Кубы. Август 1963 г.

Ли Освальд после приговора суда за нарушение общественного порядка. Новый Орлеан, август 1963 г.

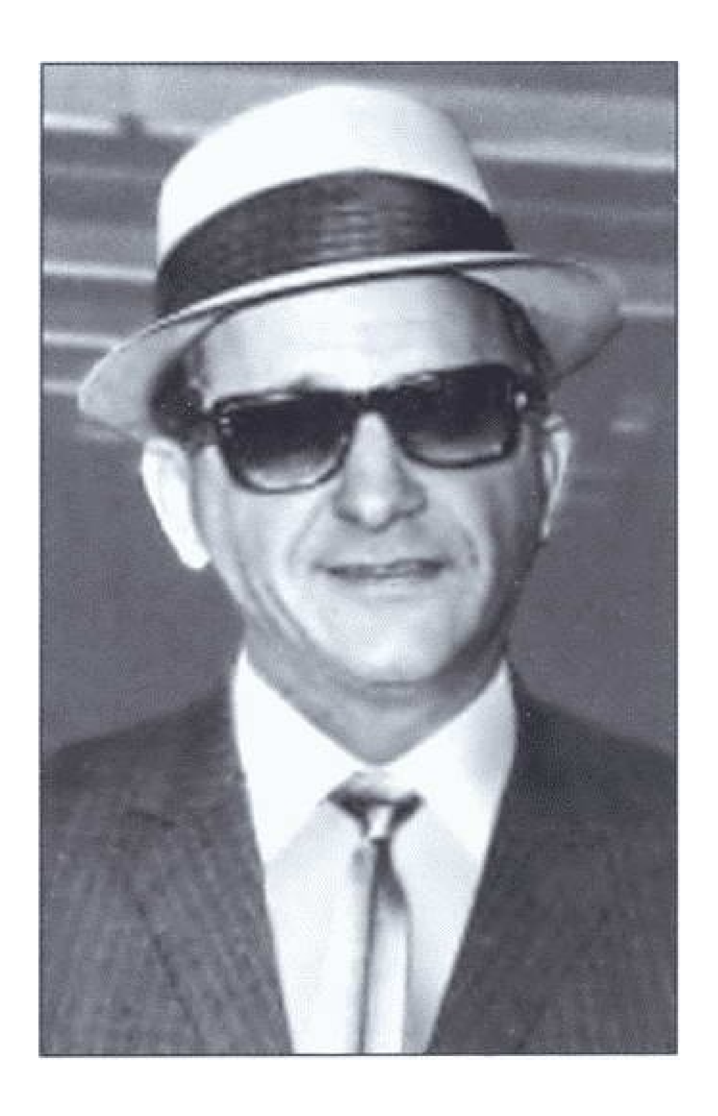
Гай Банистер

Дэвид Ферье

Сотрудник ЦРУ Дэвид Эттли Филипс

Сэм Джанхана

Карлос Марчелло

Сантос Трафиканте

CONSULADO DE CUBA, MEXICO, D.F.

Solicitud de visa No.: 779

Fecha: 27 de septiembre de 1963.

Nombre: Lee Harvey Oswald

Ciudadanía: norteamericana

Fecha y lugar de nacimiento: Octubre 18, 1939 en New Orleans, U.S.A.

Pasaporte No. D-092526

Dirección permanente: 4907 Magazine St. New Orleans, La., U.S.A.

Ocupación (expresando empresa para la que trabaja) Fotografo Comercial

Estancias anteriores en Cuba ---

Motivos de las estancias anteriores ---

Familiares o personas conocidas residentes en Cuba

10 OCT. 1963

Ha sido invitado desde Cuba? (Si:) (No: =)

Con que objeto? ----

Cual es el motivo del viaje propuesto: viaje de tránsito para la Unión Soviética

[illegible] mismo: 2 semanas y si es posible mas tiempo.

Fecha propuesta de llegada a Cuba: septiembre 30 de 1963

Dirección en Cuba:

Lee H. Oswald
(firma del interesado)

PARA USO DE LA MISION

OBSERVACIONES: El solicitante dice ser miembro del P.C. [illegible]

Визовая анкета Освальда, заполненная в кубинском посольстве в Мехико. 27 сентября 1963 г.

WANTED

FOR

TREASON

THIS MAN is wanted for treasonous activities against the United States:

1. Betraying the Constitution (which he swore to uphold):
   He is turning the sovereignty of the U.S. over to the communist controlled United Nations.
   He is betraying our friends (Cuba, Katanga, Portugal) and befriending our enemies (Russia, Yugoslavia, Poland).
2. He has been WRONG on innumerable issues affecting the security of the U.S. (United Nations-Berlin wall-Missle removal-Cuba-Wheat deals-Test Ban Treaty,etc.)
3. He has been lax in enforcing Communist Registration laws.
4. He has given support and encouragement to the Communist inspired racial riots.
5. He has illegally invaded a sovereign State with federal troops.
6. He has consistantly appointed Anti-Christians to Federal office: Upholds the Supreme Court in its Anti-Christian rulings.
   Aliens and known Communists abound in Federal offices.
7. He has been caught in fantastic LIES to the American people (including personal ones like his previous marraige and divorce).

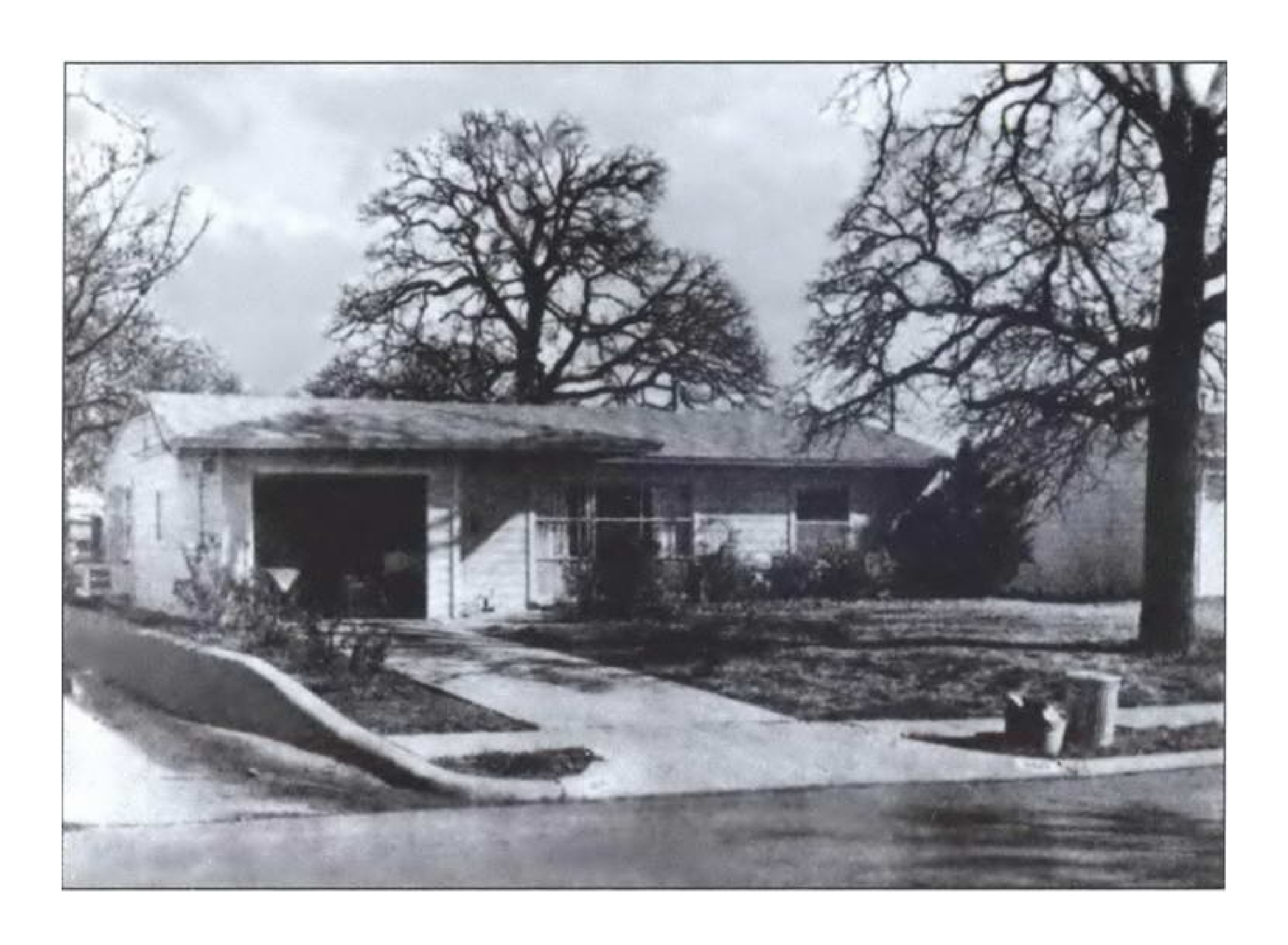
«Разыскивается за предательство». Такой листовкой Даллас встретил Джона Кеннеди. 22 ноября 1963 г.

Здание техасского склада школьных учебников в Далласе

Офицер далласской полиции Типпит

Дом Рут Пейн

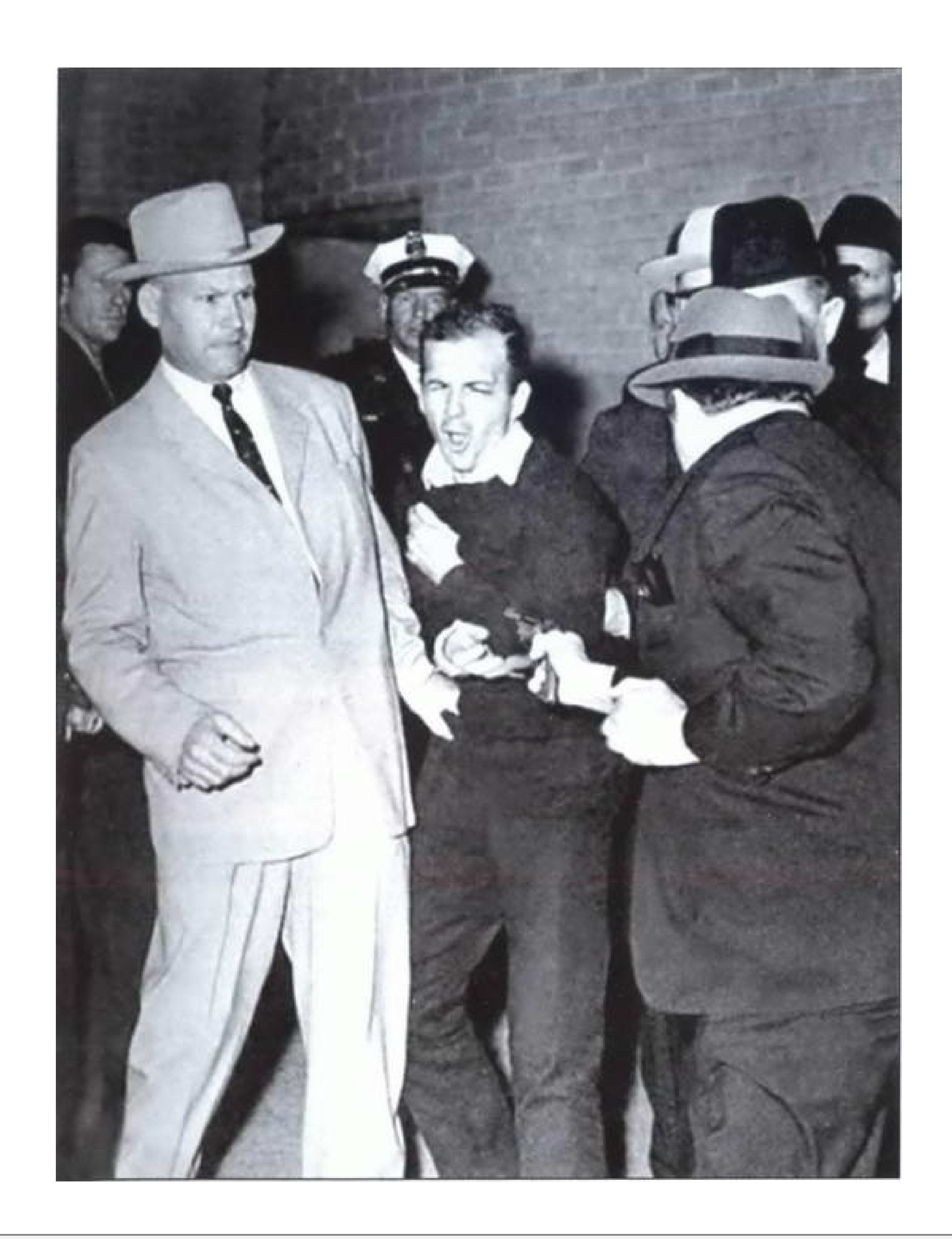
Дом в Далласе, где на момент убийства Кеннеди проживал Освальд

Освальд после ареста в далласской полиции

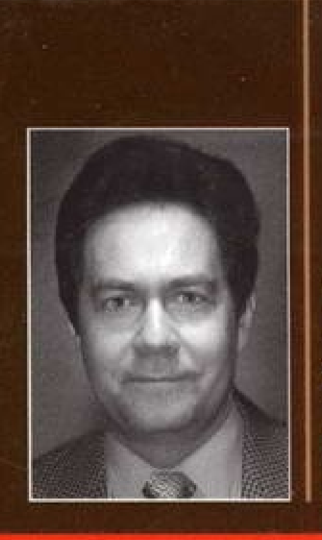

Джон Руби вместе с красотками своего ночного клуба

Руби убивает Освальда на глазах миллионов телезрителей

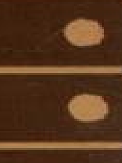
*

Николай
ПЛАТОШКИН

УБИЙСТВО
президента
Кеннеди

РУССКАЯ ВЕРСИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Николай Платошкин родился в 1965 году в Московской области. С отличием окончил МГИМО МИД СССР. Кандидат исторических наук. Владеет несколькими иностранными языками. Автор книг «Жаркое лето 1953 года в Германии» и «Гражданская война в Испании 1936—1939»

ISBN 978-5-235-03001-5
9 785235 030015 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ